ПИТЕР УОТТС

ЛОЖНАЯ СЛЕПОТА

НОМИНАНТ ХЬЮГО-2007
НОМИНАНТ
МЕМОРИАЛЬНОЙ ПРЕМИИ
ИМ. ДЖ. КЕМПБЕЛЛА

98734 65
1964 19 09
1971 12 03

КОНЕЦ СВЕТА
НАСТУПИЛ В 2082 ГОДУ.
ТОЛЬКО НЕ ВСЕ ЭТО ПОНЯЛИ

ЭКСМО
РЕАЛЬНАЯ

Ложная слепота

Питер Уоттс

Аннотация
Питер Уоттс. ЛОЖНАЯ СЛЕПОТА
Пролог
Тезей
Роршах
Харибда
Послесловие

Аннотация

В 2082 году человечество убедилось, что оно не одиноко во Вселенной. Бесчисленные зонды светящейся паутиной окутали Землю. На установление контакта с внеземной цивилизацией направлен корабль «Тезей», несущий на борту наспех собранную команду специалистов. Но, по достижении цели, исследователям предстоит понять, что самые невероятные фантазии об инопланетном разуме меркнут по сравнению с реальностью, и на кон поставлена судьба Земли и всего человечества.

НОМИНАНТ ХЬЮГО-2007

НОМИНАНТ МЕМОРИАЛЬНОЙ ПРЕМИИ ИМ. ДЖ. КЕМПБЕЛЛА

Питер Уоттс
ЛОЖНАЯ СЛЕПОТА

Это сильней всего поражает меня в мире: явственная необходимость воображать то, что в действительности уже существует.

Филип Гуревич[1]

…Ты сдохнешь попусту, как собака.

Эрнест Хемингуэй[2]

Посвящается Лизе
Если нам не больно — значит, мы умерли.

---

[1] Примечания: 1

Американский писатель и журналист (р.1961): получил известность после документальной книги о геноциде в Руанде «Имеем сообщить вам, что завтра нас вместе с нашими семьями убьют». *(Здесь и далее примеч. пер.)*

[2] Примечания: 2

Из фельетона «Заметки о будущей войне», журнал «Эсквайр», 1935

Пролог

Попробуй коснуться прошлого. Попробуй бороться с прошлым. Его нет. Оно — просто фантазия.

***Тед Банди*[3]**

Все началось раньше. Не с болтунов или «Роршаха», не с Большого Бена, «Тезея» или вампиров. Большинство сказало бы, что началось все со светлячков, но и это неправда. Ими все закончилось.

Для меня все началось с Роберта Паглиньо.

В школе он был моим лучшим и единственным другом. Нас, собратьев-изгоев, связывали сходные несчастья. Но если мое состояние оказалось приобретенным, то его — наследственным: естественный генотип наградил Пага близорукостью, прыщами и (как выяснилось позднее) склонностью к наркомании. Родители не стали его оптимизировать. Редкие обломки XX века, сохранившие веру в Бога, они полагали, что не

---

[3] Примечания: 3

Тед (Теодор Рузвельт) Банди — один из известнейших серийных убийц США. Изнасиловал и убил более 30 (точное число неизвестно) женщин.

стоит исправлять плоды трудов Его, и хотя ввести в норму можно было нас обоих, случилось это лишь со мной.

Я вышел на детскую площадку и увидел, что Пага окружило около полудюжины пацанов. Те, кому повезло прорваться в первый ряд, методично били его по голове, остальные в ожидании своей очереди поносили «попкой» и «убогим дебилом». Я наблюдал, как он, почти неуверенно, поднимал руки, стараясь заслониться от самых болезненных ударов. Видел, что творится у него в голове, ощущал его мысли ясней, чем собственные чувства: он боялся, что его мучители могут подумать, будто их жертва пробует отбиваться, усмотрят в этом акт сопротивления и возьмутся за него всерьез. Даже тогда — в нежном возрасте восьми лет — управляясь лишь половиной головного мозга, я проявлял задатки идеального наблюдателя.

Вот только не понимал, что надо делать.

В последнее время я редко виделся с Пагом. Я почти уверен, что он меня избегал. Но все же, если твой лучший друг в беде, ему надо помочь, так? Даже когда все шансы против тебя (кстати, много ли восьмилетних мальчишек ради приятеля по играм сцепятся с шестью здоровыми парнями?),

надо хоть на помощь позвать. На стрёме постоять. Ну что-нибудь.

Я застыл на месте. Мне не очень-то и хотелось его выручать.

Нелепо. Даже если бы Паг не был моим лучшим другом, я мог бы ему посочувствовать. Мои припадки распугивали детей, держали их на расстоянии, даже в минуты моего бессилия от открытого насилия я страдал меньше Роберта, но тоже натерпелся насмешек, оскорблений и подножек, которые ни с того ни с сего прерывают твой путь из точки А в точку Б. Мне были знакомы его чувства…

Прежде.

Но эту часть меня вырезал хирург вместе с глючными цепями. Я все еще прорабатывал алгоритмы, чтобы вернуть ее, все ещё учился на новом опыте. Стадные животные всегда убивают слабаков в своих рядах. Это знает каждый ребенок, инстинктивно. Может, мне следовало позволить этому процессу пойти естественным путем и не мешать природе. Хотя, с другой стороны, родители Пага не стали перечить естеству — и вот что из этого получилось: их сын лежит, свернувшись клубком, на земле, а шестеро правленых суперпацанов бьют его по почкам.

В конце концов, там, где потерпело поражение сочувствие, сработала пропаганда. В те дни я скорее наблюдал, чем думал, не столько делал выводы, сколько вспоминал — а мой мозг сохранил множество вдохновляющих баек, восхвалявших заступников всех униженных.

Поэтому я подобрал булыжник размером со свой кулак и треснул двух Паговых обидчиков по затылкам прежде, чем кто-то из них понял, что я вступил в бой.

Третий обернулся на шум — и нарвался на удар такой силы, что его скуловая кость явственно хрустнула. Помню, меня удивило, насколько равнодушно я отнесся к этому звуку, просто отметил, что у меня стало одним противником меньше.

Остальные при виде крови перепугались. Самый храбрый, правда, пообещал, что мне хана, пятясь, крикнул: «Сраный зомбак!» — и скрылся за углом.

Прошло тридцать лет, прежде чем я разглядел в этих словах иронию судьбы.

Двое парней извивались у меня под ногами. Я пинал одного в лицо, покуда тот не перестал шевелиться, и повернулся к другому. Кто-то схватил меня за плечо, и я замахнулся — не глядя, не думая, — пока Паг с визгом не отскочил в сторону.

— Ой, — выговорил я. — Извини.

Одно тело лежало без движения. Второе стонало, держалось за голову и завязывалось узлом.

— Ой, блин, — пропыхтел Паг. Из носа у него хлестала кровь, заливала рубашку. На скуле наливался лилово-желтый синяк. — Ой, блин-блин-блин…

Я сообразил, что можно сказать.

— Ты в порядке?

— Ой, блин, ты… то есть ты же не… — он утер рот. На запястье тоже осталась кровь. — Ой, ну все, нам конец.

— Они сами начали.

— Да, но ты… блин, да ты посмотри на них!

То, что постанывало, пыталось уползти на карачках. Я попытался прикинуть, много ли времени у него уйдет, чтобы вернуться с подкреплением. И не стоит ли убить его прямо сейчас.

— Ты прежде никогда таким не был, — прошептал Паг.

Он хотел сказать — до операции. Вот тогда я что-то почувствовал внутри — слабо, едва-едва, но почувствовал. Злость.

— Они же сами начали….

Паг шарахнулся от меня, выпучив глаза.

— Ты чего? Перестань!

Я обнаружил, что поднял кулаки. Не помню, когда. Разжал. Не сразу. Пришлось очень долго, очень старательно буравить их взглядом.

Булыжник упал наземь, отблескивая лаковой кровью.

— Я хотел помочь.

И не понимал, почему Пагу это непонятно.

— Ты… ты другой стал, — прошептал он с безопасного расстояния. — Ты больше не Сири.

— Сири — это я. А ты — дурак.

— Тебе мозги вырезали!

— Только половину. Из-за припа…

— Знаю я про твою эпилепсию! Думаешь, я тупой? Только в той самой половине ты и остался — ну, типа, тот кусок тебя, что… — он не мог справиться ни со словами, ни с понятиями, что стояли за ними. — Короче, ты теперь совсем другой стал. Как будто тебя папа с мамой зарезали и….

— Папа с мамой, — неожиданным шепотом просипел я, — спасли мне жизнь. Я бы помер.

— По мне, так ты уже помер, — отрезал мой лучший и единственный друг. — По мне, так Сири уже мертв, его выковыряли ложкой и спустили в унитаз, а ты, ты просто какой-то левый пацан, который нарос на его месте. Ты уже не Сири. Ты другой. С того самого дня стал другим.

До сих пор не могу решить, понимал ли Паг на самом деле, что бормочет. Может, его мамаша просто выдернула сетевой шнур и вытащила сынка из игрушки, которой тот был занят предыдущие восемнадцать часов, прогуляться на свежий воздух. Может, он столько времени отстреливался в игропространстве от мозговых подселенцев, что они ему и в реале начали мерещиться. Может быть.

Но отмести его слова с ходу не получалось. Помню, Хелен постоянно мне втолковывала, как трудно ей было привыкнуть. «Тебе словно новую душу пришили», — говорила она. И правда, похоже. Недаром операция называется «радикальная гемисферэктомия»: половина мозга отправляется вслед за протухшими креветками, оставшаяся начинает пахать за себя и за почившего товарища. Представьте, как должно перекорежить несчастное одинокое полушарие, чтобы оно смогло работать за двоих. Очевидно, мое справилось. Мозг — очень пластичный орган: поднатужился — и приспособился. То есть я приспособился. И все же. Прикиньте, сколько всего выдавилось, поломалось, перегнулось к тому времени, когда перепланировка закончилась. Смело можно утверждать, что я стал другим человеком по

сравнению с тем, кто занимал мое тело прежде.

В конце концов, разумеется, набежали взрослые. Раздали лекарства, вызвали «скорую». Родители бесновались, обмениваясь дипломатическими залпами, но довольно трудно вызвать сочувствие соседей к несчастному раненому ребенку, когда камеры наблюдения под тремя разными углами записывали, как милая кроха с пятью дружками пинает инвалида ногами. Моя мать со своей стороны воспользовалась подержанными аргументами про трудное детство и вечно отсутствующего отца — тот опять улетел на другой конец света. Пыль улеглась довольно быстро. Мы с Пагом даже остались приятелями — после недолгой паузы, напомнившей обоим о том, насколько ограничен круг общения для школьных изгоев, если те не станут держаться друг друга.

Так что я пережил и тот случай, и еще миллион других испытаний детства. Я вырос — и приспособился. Врос. Наблюдал, запоминал, выводил алгоритмы, имитировал приемлемое поведение. Без особой… страсти, пожалуй. У меня, как у всех, были друзья и враги. Я выбирал их, просеивая составленные за годы наблюдений списки моделей и обстоятельств.

Пускай я вырос сухарем, но — объективным сухарем, и за это должен поблагодарить Роберта Паглиньо. Я вырос из его ключевого наблюдения. Оно привело меня к синтезу, обрекло на губительную встречу с болтунами, избавило от судьбы еще худшей, чем та, что обрушилась на Землю. Или лучшей — это уже, полагаю, зависит от точки зрения. Точка зрения определяет восприятие: особенно отчетливо я вижу это теперь — слепой, заключенный в гробу, пролетая мимо рубежей Солнечной системы. Разговариваю сам с собой и вижу, в первый раз с того дня, как мой избитый в кровь приятель по детским войнушкам уговорил меня отказаться от собственной точки зрения.

Может, он ошибался. А может, я. Но вот это… это отчуждение — неразрушимый барьер между тобой, пришельцем и всем твоим племенем — оно не всегда скверно.

Оно пришлось особенно кстати, когда на нас свалились настоящие инопланетяне.

Тезей

Кровь шумит.
***Сюзанна Вега*[4]**

Представь себе, что ты Сири Китон.

Ты приходишь в себя от мук воскрешения, захлебываясь воздухом после побившего все рекорды стосорокадневного апноэ. Чувствуешь, как загустелая от добутамина и лейэнкефалина кровь проталкивается сквозь сморщившиеся от многомесячного простоя артерии. Тело надувается болезненными толчками: расширяются кровеносные сосуды; плоть отделяется от плоти; ребра оглушительно трещат с отвычки, разгибаясь на вдохе. Суставы от неподвижности закостенели. Ты палочник, застывший в противоестественном нетрупном окоченении.

Крикнуть бы, но не хватает дыхания.

Вампирам такое приходилось испытывать постоянно, вспоминаешь ты. Для них это норма — неповторимый подход к проблеме экономии ресурсов. Они могли бы научить твое племя сдер-

---

[4] Примечания: 4

Американская певица и автор песен. Цитата взята из одноименной песни (сингл 1992 г.).

жанности, если бы на заре цивилизации их не сгубило нелепое отвращение к прямым углам. Может, еще не поздно? В конце концов, вампиры вернулись — подняты из могил чудесами палеогенетического вуду, — сшиты из спящих генов и окаменевшего костного мозга, выварены в крови социопатов и гениальных аутистов. Один из них командует твоим кораблем. Щепотка его ДНК вошла в твое тело, чтобы и ты смог восстать из мертвых — здесь, на краю межзвездного пространства. Никому еще не удалось забраться за орбиту Юпитера, не став капельку упырем.

Боль начинает отступать — едва-едва. Ты запускаешь накладки и запрашиваешь собственную биометрию: пройдет еще не одна минута, прежде чем тело начнет в полной мере откликаться на моторные сигналы, и не один час, прежде чем пройдет боль. Мучения — это неизбежный побочный эффект. Так бывает, когда с человеческим генокодом сплеснивают вампирские подпрограммы. Ты как-то спрашивал про болеутоляющие, но любая синаптическая блокада «нарушает восстановление метаболизма». Прикуси пулю, солдат.

Пытаешься представить, не так ли чувствовала себя Челси перед смертью, но эта мысль вызывает боль совсем иного рода, так что ты

подавляешь ее и сосредотачиваешься на том, как жизнь проталкивается в самые дальние уголки тела. Страдаешь молча, только сосредоточенно проверяешь биометрические показатели.

Ты думаешь: какая-то ошибка.

Потому что, если ошибки нет, тебя выбросило на другом краю вселенной. Ты не в поясе Койпера, куда направлялся, тебя занесло высоко над эклиптикой и глубоко в облако Оорта, царство долгопериодических комет, раз в миллион лет осеняющих Солнце своими хвостами. Ты в межзвездном пространстве, а значит, (вызываешь системные часы) твоя несмерть продлилась тысячу восемьсот суток.

Ты проспал лишних пять лет.

Крышка гроба соскальзывает вбок. В зеркальной переборке напротив отражается твое мумифицированное тело — высохший протоптер в ожидании дождей. На руках повисли пузыри с физраствором, словно раздутые антипаразиты, пиявки наоборот. Ты вспоминаешь, как входили в тело иглы, прежде чем ты потерял сознание, в те времена, когда вены еще не превратились в тонко и криво нарезанную бастурму.

Из соседней камеры справа на свое отражение глядит Шпиндель. Лицо его столь же мертвен-

но и бескровно, как и твое. Запавшие глаза перекатываются в глазницах, пока он восстанавливает связь, сенсорный интерфейс настолько обширный, что твои собственные стандартные накладки по сравнению с ними — не сложнее шпаргалок.

На краю поля зрения проскальзывают неясные отражения чужих судорог, слышится чей-то кашель и треск костей.

— Ччт… — твой голос едва сильней сиплого шепота. — Слч?..

Шпиндель шевелит челюстью. Явственно щелкают суставы.

— …Нсс… поиимли, — хрипит он.

Ты еще не встретил инопланетян, а они уже обвели тебя вокруг пальца.

* * *

Вот так мы и выволоклись из гробов: пять трупов на полставки — голых, иссохших, едва способных шевелиться даже в невесомости. Мы поднимались из саркофагов, точно бабочки, вырванные до срока из коконов, оставшиеся наполовину гусеницами, — одинокие, затерявшиеся в пространстве, совершенно беспомощные, и требовалось определенное усилие, чтобы не забыть:

никто не стал бы рисковать нашими шкурами, если бы это не было так важно.

— С добрым утром, комиссар.

Исаак Шпиндель потянулся дрожащей, онемелой рукой к сенсорным перчаткам в основании своей капсулы. Сьюзен Джеймс в следующем гробу разговаривала вполголоса сама с собой, свернувшись в эмбриональный клубок. Хотя бы условная подвижность вернулась только к Аманде Бейтс: та уже оделась и под суставный хруст выполняла раз за разом набор изометрических упражнений. Время от времени она пробовала бросить в переборку резиновый мячик, но даже ей еще не удавалось поймать его на отскоке.

Годы пути свели нас к единому шаблону. Мясистые щеки и бедра Джеймс, высокий лоб и долговязая фигура Шпинделя, даже армированный карбоплатиновый дот, который считала своим телом Бейтс, — все извелось до стандартного набора иссохших жил и костей. Даже волосы наши за время перелета, казалось, странным образом выцвели, хотя я и знал, что это невозможно. Скорее просвечивала бледная кожа. До смерти у Джеймс они были русые, у Шпинделя — темные настолько, что казались черными — но сейчас черепа их покрыты однообразными

бурыми водорослями. Бейтс предпочитала брить голову, но и ее брови лишились памятного мне ржавого окраса.

Скоро мы вновь придем в себя. Просто добавь воды. Но пока что старая злая шутка все еще полнилась новым смыслом: непокойники действительно все похожи друг на друга, если не знать, куда смотреть.

Разумеется, если знать — если забыть о внешности и следить за движениями, закрыть глаза на плоть и осмысливать топологию — перепутать их невозможно. Каждый мимический мускул служит датчиком, каждая пауза в беседе сообщит больше, чем слова обоих спорщиков. Я видел, как личности Джеймс рассыпаются и собираются вновь в мгновение ока. Уголки рта Шпинделя вопили о его невысказанном недоверии к Аманде Бейтс. Каждое изменение фенотипа о многом говорило тому, кто знал язык тела.

— Где?.. — прохрипела Джеймс, раскашлялась, махнула тощей рукой в сторону зияющего распахнутой крышкой гроба Сарасти.

Губы Шпинделя хрустнули в слабой усмешке.

— На фабрику пошел, а? Может, хочет приказать кораблю газончик для нас сделать? Эх, отдохнем…

— Вероятно, совещается с Капитаном.

Бейтс громче хрипела, чем говорила, — сухо шелестела гортань, еще не осмыслившая заново идею дыхания.

Снова Джеймс:

— Можно было и здесь.

— Отлить тоже можно на месте, — скрипнул Шпиндель. — Не все стоит делать на людях, а?

И не все стоит выносить на люди. Немногие люди без трепета способны скрестить взгляды с вампиром — неизменно вежливый Сарасти именно по этой причине избегал смотреть собеседнику в лицо — но в его топологии были и другие грани, общие для всех млекопитающих, а значит, прозрачные для синтета. Если он скрылся с глаз — возможно, что и с моих. Возможно, хотел сохранить тайну.

В конце концов, «Тезей» свою хранил.

* * *

Корабль пролетел добрых пятнадцать а.е.[5] по направлению к цели, прежде чем нечто спугнуло

---

[5] Примечания: 5

А.е. — астрономическая единица, мера измерения расстояний, равная большой полуоси земной орбиты (приблизительно 149,6 миллиона километров).

его. «Тезей» взбесившимся котом метнулся на север и начал долгий подъем. Вначале — бешеный отжиг в три «же» по направлению к эклиптике, когда тринадцать сотен тонн инерциальной массы бунтовали против первого закона Ньютона. Корабль опустошил баки, истек субстратом, в несколько часов промотал стосорокадневный запас горючего. Потом — долгое падение через стылую бездну, годы бухгалтерского жлобства, когда выход от аннигиляции каждого антипротона приходилось сравнивать с затратами на отсев его из вакуума. Телепортация — не волшебство: луч «Икара» не мог переправить нам реальную антиматерию, только квантовые синьки. Сырье «Тезею» приходилось добывать из пространства, ион за ионом. Долгие, бессветные месяцы корабль двигался по инерции, сохраняя в себе каждый заглоченный атом. Потом — кувырок; ионизирующие лазеры полосуют пространство впереди, тормозная воронка Буссарда широко раскинута. Тяжесть триллиона триллионов протонов нависла на нем, наполнила чрево, распластала нас по гробам. Почти до самой минуты нашего воскрешения «Тезей» продолжал сбрасывать скорость.

Восстановить ход событий было легко; курс наш открывался каждому через КонСенсус. Вот поче-

му корабль двигался столь странным маршрутом — дело другое. Без сомнения, в ходе послереанимационного совещания все разъяснится. Мы далеко не первый корабль, который изменил направление, повинуясь секретным приказам, и если бы нам всенепременно требовалось знать, почему — мы бы уже знали. И все же мне было интересно, кто закодировал логи связи с Землей. ЦУП, быть может. Или Сарасти. Или сам «Тезей», если уж на то пошло. Легко забыть, что в сердце корабля прячется квантовый ИскИн, ведь он так благоразумно держался в тени, лелеял нас, и нёс, и пребывал во благовременье, словно ненавязчивый вседержитель, по божескому обыкновению не отвечая на наши молитвы.

Официальным посредником был Сарасти. Когда корабль подавал голос, он разговаривал с упырем — а тот называл его Капитаном.

Мы все — тоже.

Он дал нам четыре часа, чтобы прийти в себя. У меня ушло больше трех только на то, чтобы выбраться из склепа. К этому времени мои мозги уже размяли большую часть синапсов, хотя тело, все еще поглощавшее жидкость, точно изжаждавшаяся губка, болело не переставая. Я сменил опустевшие пакеты с физраствором на свежие и

двинулся на корму.

Пятнадцать минут до раскрутки. Пятьдесят — до первого инструктажа после воскрешения. Тем, кто предпочитал спать в объятиях тяготения, как раз хватило времени, чтобы перетащить личные вещи в вертушку и занять 4,4 квадратных метра площади пола, отведенных на одного члена экипажа.

Меня тяготение — или его центробежный эрзац — не привлекало. Я свое пристанище разбил в нуль же, на самой корме, у передней стенки челночного ангара на штирборте. Палатка вздулась на хребте «Тезея» словно гнойник, — крошечный пузырек кондиционированного воздуха в темной пещере пустоты под панцирем корабля. Личных вещей у меня почти не было; чтобы налепить их на стенку, ушло ровным счетом полминуты и столько же — на программирование климат-блока.

Потом я отправился на прогулку. После пяти лет анабиоза мне требовалось размяться.

Ближе всего находилась корма, и я начал оттуда — с защитной переборки, отделявшей грузовой отсек от двигательного. Кормовую переборку точно по центру взбугрил единственный задраенный люк. За ним мимо устройств, которые

лучше не трогать грубыми людскими руками, вился служебный тоннель. Там лежал жирный сверхпроводящий бублик буссардова кольца; следом тянулись лепестки антенн, развернувшись в неразрушимый мыльный пузырь, способный накрыть целый город. Центр его был направлен к Солнцу, улавливая слабый квантовый блеск потока антиматерии с «Икара». За ним — еще один радиационный щит и реактор теленигиляции, где из сырого водорода и рафинированной информации волшебным образом рождалось пламя в триста раз жарче солнечного. Я, конечно, знал заклинания — крекинг антивещества, деконструкция, телепортация квантовых чисел, — но для меня наш стремительный полет оставался волшебством. Для любого остался бы.

Кроме, может быть, Сарасти.

Вокруг та же магия трудилась при менее высоких температурах и для целей не столь неуловимых. Переборку усеивало множество люков и дозаторов. В некоторые не пролез бы и мой кулак, в один-два меня можно было пропихнуть целиком. Фабрикаторы «Тезея» могли воспроизвести что угодно — от ложки до рубки управления. Дайте им достаточный запас сырой материи, и они построят второй корабль, только

по кусочкам и не сразу. Кое-кто интересовался, а не способны ли они и новый экипаж построить, хотя нас заверяли, что такое пока невозможно. Даже у машин-сборщиков не настолько ловкие пальцы, чтобы воспроизвести несколько триллионов синапсов человеческого мозга. Пока — не настолько.

Я в это верил. Нас никогда не стали бы перевозить в собранном состоянии, если бы существовала менее дорогостоящая альтернатива.

Я обернулся. Прислонившись спиной к запертому люку, я просматривал «Тезей» насквозь, до самого бака. Все равно, что глядеть на огромную текстурированную черно-белую мишень: концентрические круги, люки в последовательно разделяющих внутренности корабля переборках, в точности на одной линии до крошечного «яблочка» в тридцати метрах впереди. Все распахнуты в равнодушном пренебрежении к правилам техники безопасности предыдущих поколений. Мы могли ради собственного спокойствия закрыть их, но эффект был бы сугубо психологическим; наши шансы на выживание это не повысило бы ни на гран. В случае аварии люки захлопнулись бы на долгие миллисекунды раньше, чем человеческий мозг осознал бы

сигнал тревоги. Они управлялись даже не центральным компьютером: у «Тезея» имелись свои безусловные рефлексы.

Я оттолкнулся от кормовой переборки — поморщился от хруста и боли в отвыкших сухожилиях — и поплыл вперед, оставив фаб за спиной. Шлюзовые камеры к челнокам, «Сцилле» и «Харибде», стиснули проход, а за ними хребет корабля расширился в телескопическую рифленую трубу поперечником метра два и длиной — сейчас — около пятнадцати. Вдоль всей длины тянулись лестницы, одна напротив другой; по сторонам выпирали пунктиром крышки люков. Большинство вело в пустой трюм. Один-два служили универсальными шлюзами на случай, если кому-то придет в голову прогуляться под панцирем. Один открывался в мою палатку. Другой, в четырех метрах дальше к носу, — в палатку Бейтс.

Из третьего, у самой носовой переборки, выползал похожий на тощего белого паука Юкка Сарасти.

Будь он человеком, я бы в мгновение ока осознал, кто передо мной. От его топологии несло убийством. Я даже не смог бы оценить число его жертв, ведь раскаяние напрочь отсутствовало в числе реакций этого существа. Убийство сотни

человек оставило бы на его поведении не больше следа, чем раздавленный таракан; вина скатывалась с твари бусинками, как вода по воску.

Только Сарасти не был человеком, а принадлежал к совершенно другой породе, так что исходившие от него смертоубийственные импульсы значили всего-навсего «хищник». Он был прирожденным человекоубийцей: поддавался ли вампир своей слабости, знали только он сам и ЦУП.

Может, тебе дадут поблажку, промолчал я ему. Может, это просто цена сотрудничества. В конце концов, без тебя миссия не состоится. Почем мне знать — может, ты договорился. Ты ведь настолько умен, что понимаешь — мы не подняли бы тебя из мертвых, если бы ты не был нам так нужен. С той самой минуты, когда тебя вытащили из чана, ты знал, сила на твоей стороне.

Какой у тебя с ними договор, Юкка? Ты спасешь мир, а парни, держащие тебя на поводке, дадут слабину?

В детстве я читал, что хищники джунглей замораживают жертву взглядом, но, только повстречав Сарасти, понял, каково это. Правда, сейчас упырь на меня не смотрел. Он был занят установкой собственной палатки, и даже если

бы обернулся ко мне — я увидел бы только темные очки на пол-лица, которые Юкка носил из вежливости, чтобы не пугать гомосапиенсов. Я протиснулся мимо него. Вампир не обратил внимания.

Я готов был поклясться, что изо рта у него несет сырым мясом.

Дальше — вертушка (технически — вертушки, потому что обод медотсека вращался на собственных опорах). Я пролетел сквозь центр цилиндра поперечником шестнадцать метров. Вдоль оси проходил спинной мозг «Тезея», вдоль лестниц по сторонам выпирали ганглии и трубопроводы. Чуть дальше в закутках на противоположных сторонах мира бугрились палатки Шпинделя и Джеймс. Сам Исаак болтался в воздухе за моим плечом, голый, если не считать перчаток. По движениям его пальцев я мог прочитать, что любимый цвет биолога — зеленый. Он принайтовил себя к одной из трех лестниц в никуда, расположенных по окружности вертушки: по крутым узким ступеням можно было подняться на пять метров от палубы — и там застрять.

Следующий люк зиял точно в центре передней стенки барабана; трубы и провода проходили через переборку. Я уцепился за подвернувшуюся

скобу, чтобы сбросить скорость, — снова стиснул зубы от боли — и проплыл через него.

Отводка. Осевой коридор шел дальше, но от него отходил короткий дивертикул к вакуум-капсуле и переднему шлюзу. Я не свернул. Впереди сверкала гробница, зеркально-светлая и мелкая, как лужа. По левую руку зияли опустевшие саркофаги, по правую теснились занятые. Мы были так незаменимы, что каждому из нас полагалась запаска. Дублеры безмятежно спали. С тремя я встречался во время тренировок. Будем надеяться, возобновить знакомство ни с кем из них нам не придется.

Но со штирборта — только четыре капсулы. Сарасти замены нет.

Еще один люк. Совсем маленький. Я протиснулся на мостик. Сумрачно; беззвучно плывут иконки, мозаика индикаторов итерирует отражениями в тёмном стекле. Не столько рубка, сколько кокпит, и притом изрядно тесный. Я выполз между двумя противоперегрузочными ложами; перед каждым — подковообразный пульт. Никто на самом деле не собирался ими пользоваться. «Тезей» превосходно управлял собою сам, в особых условиях мы могли рулить кораблем через свои накладки, а уж коли они не

сработают, тогда мы, скорей всего, уже сыграем в ящик. И все же, если другого способа не останется, в случае такой астрономически малой вероятности неустрашимые исследователи смогут отсюда положить корабль на обратный курс к дому.

Между приступками для ног инженеры втиснули последний люк и последний лаз — в смотровой блистер на носу «Тезея». Ссутулившись (жилы хрустели и ныли), я протолкнулся…

…В темноту. Снаружи блистер накрывали плотно сжатыми веками щитки-раковины… Слева от люка слабо светилась на сенсорной панели единственная иконка; из корабельного хребта тянулись через люк слабые лучики, бессильными пальцами оглаживая вогнутую стену, окрашивая ее несчетными оттенками серого и сизого по мере того, как глаза мои приспосабливались. На задней стенке болтались от слабого ветерка крепежные ремни. От застоявшегося воздуха в глотке стоял привкус смазки и металла. Пряжки еле слышно побрякивали на сквозняке, словно маленькие китайские колокольчики.

Я протянул руку и коснулся хрусталя: внутреннего слоя из двух. Между ними продувался теплый воздух, отсекая стужу. Не до конца: пальцы мои тут же застыли.

Снаружи — космос.

Быть может, на пути к нашей первоначальной цели «Тезей» обнаружил что-то такое, отчего с перепугу ломанулся за пределы Солнечной системы. Но, скорее всего, корабль летел не от чего-то, а к чему-то, к чему-то такому, о чем не было известно на тот момент, когда мы умерли и попали на небеса. А в таком случае…

Я потянулся назад, коснулся панели. Почти ожидал, что ничего не случится; затворить окна «Тезея» было столь же просто, как закрыть логи связи. Но купол передо мной растворился сразу же — вначале трещина, потом полумесяц, потом выпученный глаз, чьи радиозащитные веки втянулись в корпус. Пальцы мои рефлекторно вцепились в комок ремней. Бездна распростерлась вдруг во все стороны, безжалостная и голая, и не на что было опереться, кроме металлического диска меньше четырех метров в поперечнике.

Звезды повсюду. Столько звезд, что я ради всего святого не смог бы понять, как они вмещаются на небе, когда оно остается таким черным. Звезды и…

…Ничего больше.

«А чего ты ожидал? — укорил я себя. — Корабль чужаков справа по курсу?»

Почему бы нет? Мы ведь зачем-то прилетели сюда.

По крайней мере, остальные члены экипажа. Они оставались критически важными для успеха миссии, где бы мы ни оказались. А вот положение синтета, как я теперь понял, было совсем другим. Моя полезность уменьшалась с расстоянием.

А нас занесло за половину светового года от дома.

* * *

Когда стемнеет, станут видны звезды.

Ральф Уолдо Эмерсон[6]

Где я был, когда на землю обрушились огни?

Выходил из райских врат, оплакивая отца, который со своей, по крайней мере, точки зрения, — был еще жив.

С тех пор как Хелен ушла под капюшон, минуло почти два месяца. Это по нашему счету два месяца. Она же могла прожить день, а могла и лет десять; виртуальные боги настраивали помимо всего прочего и часы субъективного времени.

Возвращаться мать не собиралась. С мужем

---

[6] Примечания: 6

Американский поэт и эссеист (1803–1882). Источник цитаты неизвестен (также приписывается Чарльзу Берду).

соизволяла встречаться только на условиях, равнозначных пощечине. Он не жаловался, навещал ее всякий раз как жена позволяла: дважды в неделю, потом раз в неделю. Потом — раз в две недели. Их брак распадался с экспоненциальной обреченностью радиоактивного изотопа, и все же отец тянулся к ней и принимал ее условия.

В день, когда на Землю рухнули огни, я вместе с ним стоял у постели матери. Случай был особый — последний раз, когда мы могли увидеть ее во плоти. Два месяца ее тело, вместе еще с пятью сотнями новопоступивших в приют, лежало в приемной, доступное для обозрения родственникам. Конечно, контакт оставался иллюзией, как и должен был: оно не могло с нами общаться, но оставалось зримым, плоть его была теплой, а простыни — чистыми и глаженными. Из-под капюшона выглядывала нижняя челюсть Хелен, хотя глаза и уши закрывал шлем. Можно было к ней прикоснуться. Отец часто так и делал. Возможно, некая частичка ее сознания ощущала это.

Тем не менее, в конце концов, кому-нибудь придется захлопнуть гроб и сплавить останки. Место потребуется для новоприбывших. Мы пришли, чтобы провести с матерью последний день. Джим еще раз взял жену за руку. С ней по-преж-

нему можно будет общаться — в ее мире и на ее условиях, — но к вечеру остов упакуют в хранилище, слишком эффективно утрамбованном, чтобы принимать посетителей из плоти и крови. Нас уверяли, что тело останется в целости: тренировка мышц электростимуляцией, регулярное питание и обогрев плоти. Оболочка всегда будет готова вернуться к работе, если рай вдруг пострадает в некоей непредставимой катастрофе. Все, объясняли нам, обратимо. И все же — так много стало восходящих, а никакие катакомбы не могут расширяться до бесконечности. Ходили слухи о расчленениях, об усечении несущественных частей с течением времени, согласно некоему алгоритму оптимальной упаковки. Быть может, к следующему году от Хелен останется лишь торс, а еще через год — только отрубленная голова. А может, ее тело срежут до самого мозга прежде, чем мы выйдем из здания, да так и оставят ожидать последнего технологического прорыва, который возвестит начало Великой Цифровой Перезаписи.

Слухи, говорю же. Сам я лично не встречал никого, кто вернулся бы после восхождения. Хотя — а кто захотел бы? Даже Люцифер покинул небеса, лишь когда его с них сбросили.

Папа, возможно, знал точно — он всегда был в курсе того, о чем большинству людей знать не положено, но никогда не болтал лишнего. Если отец и мог что-то рассказать, его откровение, очевидно, не заставило бы Хелен передумать, а для Джима этого было достаточно.

Мы накинули капюшоны, служившие для невключенных разовыми пропусками, и встретили маму в спартански обставленной гостиной, которую она измышляла для наших встреч. Окон в ее мир не предусматривалось — ни намека на ту утопию, что она создала для себя. Хелен даже не воспользовалась препрограммированными гостевыми средами, созданными для уменьшения неудобства гостей. Мы оказались в безликой бежевой сфере пяти метров в поперечнике. И никого, кроме нее. Возможно, подумал я, в ее представлении такая обстановка не слишком отличается от утопии. Отец улыбнулся.

— Хелен.

— Джим.

Она была на двадцать лет моложе, чем оболочка на кровати, и все же у меня от ее вида мурашки по спине поползли.

— Сири! И ты пришел!

Она всегда обращалась ко мне по имени. Не

припомню, чтобы мать когда-нибудь называла меня сыном.

— Ты здесь все так же счастлива? — спросил отец.

— Невероятно. Как бы я хотела, чтобы ты присоединился к нам.

Джим улыбнулся.

— Кому-то надо поддерживать порядок.

— Ну, ты же знаешь, мы не прощаемся, — возразила она. — Вы можете навещать меня, когда захотите.

— Только если ты сменишь обстановку.

Не просто шутка — лживая шутка; Джим пришел бы по её зову, даже если бы идти пришлось босиком по битому стеклу.

— И Челси тоже, — продолжала Хелен. — Так здорово было бы, наконец, после стольких месяцев с ней познакомиться.

— Челси не придет, Хелен, — пробормотал я.

— Ну да, но я же знаю, вы еще общаетесь. Понимаю, у вас были особые отношения, но то, что вы разошлись, не значит, что она не…

— Ты же знаешь, она…

Я замер на полуслове. В голове зародилась неприятная мысль: возможно, я действительно не сказал им?

— Сынок, — вполголоса промолвил Джим, — может, оставишь нас на минутку?

Я бы с радостью оставил их на всю жизнь, поэтому вырубился обратно в палату, глядя на труп матери и на слепого, парализованного отца, как тот забивает информационный поток положенными случаю банальностями. Пусть поиграются. Пусть завершат свою так называемую связь, как посчитают нужным. Может, хоть раз в жизни заставят себя быть честными друг с другом, хоть там, в мире ином, где все прочее — иллюзия. Может быть.

Смотреть на это я так или иначе не желал.

Но мне, конечно, пришлось исполнить собственные формальности. В последний раз я сыграл роль в семейном спектакле, причастился привычной лжи. Мы пришли к согласию, что ничего не изменить, и никто не отклонялся от сценария достаточно далеко, чтобы на этом основании обвинить остальных в обмане. И, в конце концов — напомнив себе сказать «до свиданья» вместо «прощай» — мы распрощались с мамой.

Я даже подавил рвотный рефлекс и обнял ее.

* * *

Когда мы вынырнули из темноты, в руке у Джима был ингалятор. Мы еще не миновали вестибюль, а я вяло понадеялся, что он сейчас швырнет пшикалку в мусорник. Но отец поднес руку ко рту и вкатил себе еще дозу вазопрессина, чтобы избежать искушения.

Верность в баллончике.

— Он тебе больше не нужен, — промолвил я.

— Пожалуй, — согласился он.

— Все равно не сработает. Нельзя запечатлеться на том, кого нет рядом, сколько бы гормонов ты ни вынюхал. Просто…

Джим промолчал. Мы прошли мимо охранников, высматривавших реалистов-инфильтраторов.

— Ее больше нет, — выпалил я. — Ей все равно, даже если ты найдешь кого-то еще. Она даже будет счастлива.

Она сможет сделать вид, что баланс подведен.

— Она моя жена, — ответил он.

— Эти слова потеряли смысл. Да и не имели.

Он чуть улыбнулся.

— Мы говорим о моей жизни, сынок. Меня она устраивает.

— Папа…

— Я не виню ее, — проговорил он. — И ты не вини.

Ему легко говорить. Легко даже принять боль, которую она причиняла ему все эти годы. Жизнерадостная маска не заслоняла бесконечных желчных упреков, которые отец сносил, сколько я себя помню. Ты думаешь, так легко, когда ты исчезаешь на целые месяцы? Думаешь, легко постоянно гадать, с кем ты, и где ты, и жив ли ты вообще? Думаешь, легко растить одной такого ребенка?

Она винила отца во всем, а он безропотно сносил ее выходки, потому что понимал — все ложь. Знал, что служит лишь предлогом. Мать ушла не из-за его измены или постоянных отлучек. Ее решение вообще не было с ним связано. Никак. Всё дело во мне. Хелен покинула мир, так как не могла больше смотреть на существо, заменившее ей сына.

Я бы продолжил спор — попытался еще раз уговорить отца понять, но к этой секунде мы миновали врата рая и вышли на улицы чистилища. А там прохожие пялились, раззявив рты, в небо и изумленно бормотали.

Вслед за ними я поднял взгляд к полоске нагих

сумерек между вершинами небоскребов — и подавился словами…

Звезды падали.

Зодиак перекрыла ровная сетка пламенных точек с сияющими хвостами. Словно всю планету поймала частая верша, чьи узлы сверкали Огнями святого Эльма. Это было прекрасно. Это было жутко.

Я отвел взгляд, чтобы перенастроить зрение, дать обнаглевшей галлюцинации шанс вежливо сгинуть, прежде чем переключу на дальний свет свой шаманский взор.

В ту минуту я заметил вампира — самку. Она шла среди прохожих, словно архетипический волк в овечьей шкуре. На улице редко встретишь вампира. Я еще не сталкивался с ними во плоти.

Упырица только что вышла из здания напротив. Она была выше всех нас на голову; глаза ее светились, как у кошки, желтым в сгущающихся сумерках. Я наблюдал, как она замечает — что-то не так. Оглянулась, посмотрела в небо — и двинулась своей дорогой, безразличная к суете добычи вокруг, к заворожившему скот небесному знамению. Безразличная к тому, что мир в эту самую минуту вывернуло наизнанку.

Было 10.35 по Гринвичу, 13 февраля 2082 года.

* * *

Они стиснули планету, точно пальцы огромной руки, черные, как изнанка горизонта событий, — до последней секунды, когда они вспыхнули разом. Горели — и визжали. Все радиоприемники ниже геостационарной орбиты застонали в унисон, все инфракрасные телескопы скрутила снежная слепота. Пепел на недели замарал небеса; мезосферные облака высоко над конденсационными следами самолетов каждый рассвет сияли ржавью. Судя по всему, объекты состояли в основном из железа. Что это может означать, никто не понимал.

Должно быть, впервые в истории мир знал о случившемся прежде, чем ему сообщили: если ты видел небо, то причастился сенсации. Обычные оценщики важности новостей, лишенные привычной роли фильтров, поневоле удовлетворились тем, что дали сенсации имя. Чтобы сговориться на «светлячках», им потребовалось девяносто минут. Полчаса спустя в ноосфере

появились первые фурье-трансформы;[7] никто даже не удивился, когда светлячки потратили свой последний вздох не на белый шум. В этом смертном хоре был заложен паттерн, загадочный шифр, противостоявший всем попыткам анализа. Неукоснительно прагматичные эксперты гадать отказывались: признавали только, что светлячки что-то сообщали. Но не знали, что.

Зато знали все остальные. Как еще можно объяснить 65536 зондов, равномерно распределенных по долготам и широтам, не оставивших без покрытия ни квадратного метра планетной поверхности? Очевидно, светлячки нас сфотографировали. Мир застукали со спущенными штанами на сложносоставном панорамном стопкадре. Нас изучили — в качестве предисловия к официальному представлению или к военному вторжению, никто сказать не мог. Отец, скорее всего, был знаком с людьми, которые знали. Но он к этому времени давно исчез, как это с ним всегда случалось в смутные времена. Располагал информацией Джим или нет — меня он оставил искать ответы вместе со всем человечеством.

---

[7] Примечания: 7

В данном случае имеется в виду наличие в сигналах, оставленных «светлячками», определенной последовательности (возможности разложить их на частоты и амплитуды), а значит, информации.

Недостатка в точках зрения не было. Ноосфера полнилась сценариями в диапазоне от утопических до апокалиптических. Светлячки засеяли область струйного течения смертоносной чумой. Светлячки вышли полюбоваться природой. «Матрицу Икара» перенастраивают, чтобы показать пришельцам, каково соваться к нам без спроса. «Матрица Икара» уже уничтожена. У нас есть десятки лет, чтобы принять решения; даже пришельцы из другой системы не в силах пробить снеговой барьер. Нам осталось жить несколько дней; боевые биокорабли уже миновали пояс астероидов и через неделю начнут опрыскивать планету.

Как и все, я наблюдал за говорящими головами и выслушивал панические вопли. Шлялся по болтосайтам, пропитывался чужими мнениями. Ничего нового покуда не происходило; я сам всю жизнь провел кем-то наподобие пришельца-этнолога: наблюдал, как ведет себя мир, по крупицам собирал протоколы и обыкновения, изучал правила, которые позволили бы мне просочиться в общество людей. И раньше у меня все получалось. Но присутствие настоящих инопланетян внесло в уравнение некое неизвестное. Простое наблюдение больше не удовлетворя-

ло меня, словно появление новой чужегруппы волей-неволей упихало меня обратно в родной таксон. Отстраненность моя от мира показалась внезапно натужной и капельку нелепой.

Вот только я даже ради спасения своей жизни не смог бы найти способа ее преодолеть.

Челси всегда говорила, что телеприсутствие выхолостило человеческие взаимоотношения. «Говорят, никакой разницы, — как-то поведала мне она. — Все равно что собраться всей семьей на самом деле, в тесном кругу, где все друг друга видят, и толпятся, и пахнут. Ан нет. Они просто тени на стене пещеры. Ну да, само собой, интерактивные тени в трехмерном цвете с силовой обратной связью. Им под силу обмануть цивилизованный рассудок. Но нутром ты чуешь, что это не люди, хотя и не можешь пальцем показать, где у тебя нутро. Не воспринимаются они как настоящие. Понимаешь, что я хочу сказать?»

Я не понимал. В те дни я представления не имел, что она имела в виду. Но теперь мы снова вернулись в каменный век, мы прятались под скалой, а молния раскалывала небеса и огромные бесформенные чудовища, чьи тени едва уловимы в стробоскопическом мелькании зарниц, ревели и метались вокруг. Одиночество перестало прино-

сить утешение. А интерактивность тоже не могла помочь. Нужен был кто-то настоящий, кто-то, в кого можно вцепиться, с кем разделить дыхание, а также страх, надежду и неуверенность.

Я представил рядом товарищей, которые не исчезают, если выйти из сети. Но Челси больше не было, и Пага. Те немногие, кому я мог бы позвонить, — коллеги и бывшие клиенты, с которыми поддерживал маску взаимопонимания особенно убедительно, — не стоили усилий. Плоть и кровь по-своему соотносятся с реальностью: необходимы, но не достаточны.

И пока я отстранённо взирал на мир, меня озарило: я совершенно точно знал, что имела в виду Челси со своим луддитским бредом про разбавленное человечество и бесцветные связи в виртуальном пространстве. Все время знал.

Просто не видел никакой разницы по сравнению с реальностью.

* * *

Представь себе, что ты машина.

Да, я понимаю. Но представь, что ты машина другого рода — построенная из металла и пластика, спроектированная не слепым, случайным естественным отбором, а инженерами и астро-

физиками, ни на миг не упускающими из виду конечной цели. Представь, что твоя задача — не воспроизводиться и даже не выживать, а собирать информацию.

Я с легкостью могу себе это представить. Эта процедура намного проще, чем та имперсоналия, которую от меня требуют производить ежедневно.

Я плыву сквозь бездну за орбитой Нептуна, для любого наблюдателя в видимой области спектра я существую в основном как небытие: асимметричная тень, заслоняющая звезды. Лишь временами в бесконечном вращении сверкаю тускло отраженным светом. Если ты застанешь меня в это мгновение, тебе, быть может, удастся отчасти распознать мою истинную природу: членистое создание в шкуре из фольги, ощетинившееся суставами, плоскостями и остриями антенн. Тут и там сочленений и швов коснулась легкая изморозь — застывшие клочья газа, скопившегося, быть может, в окрестностях Юпитера. Повсюду микроскопические трупы земных бактерий, с беспечной страстью процветавших на броне орбитальных станций или плодоносной лунной поверхности, но обратившихся в лёд на расстоянии от Солнца вполовину меньше моего

нынешнего. Сейчас, в полувздохе от абсолютного нуля, они могут рассыпаться от прикосновения единственного фотона.

Мое сердце, по крайней мере, согрето. В груди пылает крошечный ядерный пожар, даруя неуязвимость для внешнего холода. Если не случится никакого несчастья, огонь не погаснет еще тысячу лет, и я буду прислушиваться к слабым голосам из ЦУПа и следовать их указаниям. До сей поры они приказывали лишь изучать кометы. Все когда-либо полученные мною инструкции содержат лишь четкие и недвусмысленные уточнения этой основополагающей цели моего существования.

Вот почему последние директивы так загадочны. Я не нахожу в них смысла. Неверная частота. Неправильная мощность сигнала. Я не могу распознать даже протокол установления связи. Запрашиваю разъяснения. Ответ приходит тысячу минут спустя и содержит беспримерную смесь приказов и запросов. Я отвечаю как могу: да, вот направление, на котором мощность сигнала была наибольшей. Нет, это не стандартный азимут ЦУПа. Да, могу воспроизвести, вот все как было. Да, перехожу в режим ожидания.

Ожидаю дальнейших инструкций. Они при-

бывают 839 минут спустя и требуют немедленно остановить изучение комет.

Я должен войти в управляемую прецессию с периодом в 94 секунды, меняя направление основных антенн с шагом в 5 минут по всем трем осям. Уловив любые сигналы, сходные с поразившим меня, я обязан сориентироваться по азимуту максимальной мощности сигнала и вычислить набор параметров, а также ретранслировать его в ЦУП.

Повинуюсь. Долгое время не слышу ничего, но я бесконечно терпелив и не подвержен скуке. В конце концов, афферентных решеток касается мимолетный знакомый сигнал. Возвращаюсь, отслеживаю источник, для описания которого у меня есть все возможности: транснептунианская комета в поясе Койпера, поперечником приблизительно двести километров. С периодом 4,57 секунды она обводит небосвод направленным радиолучом на волне 21 сантиметр. С координатами ЦУПа луч не пересекается ни в одной точке и направлен, судя по всему, на совершенно иную цель.

На то, чтобы откликнуться, у ЦУПа уходит намного больше времени, чем обычно. Когда ответ приходит, от меня требуют изменить курс.

Центр сообщает, что отныне моя новая цель будет обозначена как «комета Бернса-Колфилда». Учитывая текущий вектор импульса и запасы топлива, я достигну ее не раньше, чем через тридцать девять лет.

Ни на что другое не отвлекаться.

* * *

Я работал связным в команде Института Курцвейла[8] — сорганизованной группе рубежных волхвов, убежденных, что они находятся на грани разрешения квантово-глиального парадокса. Исследователи в области искусственного интеллекта уже не один десяток лет бились лбами в эту стену; эксперты обещали, что, когда она будет пробита, до первой перегрузки личности нам останется полтора года и не больше двух — до первой надежной эмуляции человеческого сознания в программной среде. Решение этой задачи возвестит конец плотской истории и выведет на сцену Сингулярность, нетерпеливо переминающуюся за кулисами без малого полвека.

---

[8] Примечания: 8

Раймонд Курцвейл (р. 1948) — американский ученый, изобретатель (создал, в частности, первые системы распознавания текста и синтеза речи) и философ, видный деятель движения трансгуманистов.

Через два месяца после Огнепада институт разорвал контракт.

Я, признаться, был удивлен, что они столько тянули. Мгновенный переворот приоритетов, головокружительные перемены в попытках вернуть утраченную инициативу — они нам дорого обошлись. Даже новая, блестящая постдефицитная экономика не могла выдержать такого катастрофического перелома, не скатившись к банкротству. Станции в глубоком космосе, долгое время считавшиеся защищенными благодаря своей удаленности, внезапно стали уязвимы по той же самой причине. Обиталища в лагранжевых точках следовало переоборудовать для обороны от неведомого врага. Грузовые корабли снимали с Марсианской петли, вооружали и отправляли на новые посты; одни прикрывали высокие орбиты Марса, другие спускались к Солнцу для охраны «Матрицы Икара».

Неважно, что светлячки не сделали по этим мишеням ни единого выстрела. Мы просто не могли позволить себе рисковать.

Естественно, все человечество оказалось в одной лодке, безрассудно готовое любыми средствами вернуть гипотетическое превосходство. Короли и гендиректора строчили расписки на

салфетках и обещали расплатиться сполна, когда вопли уймутся. А тем временем перспектива увидеть через два года утопию уступила место тени Армагеддона, протянувшейся из самого ближайшего будущего. У Института Курцвейла, как у всех, внезапно обнаружились другие срочные проблемы.

Так что я вернулся к себе домой, откупорил пузырь «Гленфиддича» и развернул в голове виртуальные окошки, словно лепестки, поглощая протухшие две недели назад огрызки чужих споров на окруживших меня иконках.

Позорный крах
глобальной системы безопасности.

Никакого вреда

Спутники связи уничтожены.
Тысячи погибших.

Случайные
столкновения.
Случайные
жертвы.

(Кто послал их?)

Мы должны были их засечь.

Почему мы...

Дальний космос.
Обратно пропорционально квадрату.
Считай сам.

Они замаскировались!

(Что им нужно?)

Нас изнасиловали!

Господи Иисусе!
Просто сфотографировали.

Почему они молчали?

Луна в порядке.
Марс в порядке.

(Где они?)

Почему они не вошли в контакт? О'Нилы[9] не пострадали.

ТЕХНОЛОГИЯ ПОДРАЗУМЕВАЕТ АГРЕССИЮ!

(Вернутся ли они?)

---

[9] Примечания: 9

Имеются ввиду орбитальные станции по проекту Джерарда О'Нила — типа «полый вращающийся цилиндр».

Нас никто не атаковал.
Пока.
Это не вторжение.
Еще нет.
(Но где они?)
(Они вернутся?)
(Эй, кто-нибудь?)

Джим Мур
голосовой вызов
с шифрованием
Принять?

Текстовое окошко расцвело прямо у меня под носом, заслоняя спор. Я прочел его дважды. Попытался вспомнить, когда он в последний раз звонил с выезда, и не смог.

Остальные окна притушил.

— Папа?

— Сынок, — отозвался он, промедлив. — Ты в порядке?

— Как все. Никак не решим, праздновать или в штаны наложить.

Ответил отец не сразу.

— Да, вопрос серьезный, — промолвил он, наконец.

— Совета ты мне дать, конечно, не сможешь?

Нас, простецов, держат в неведении.

Вопрос был риторический. Чтобы подтвердить это, не требовалось даже отцовского молчания.

— Знаю, — добавил я миг спустя. — Просто ходят уже слухи, что «Матрица Икара» рухнула, и…

— Ты знаешь, что я не… О, — Джим примолк. — Нелепица. «Икар» в порядке.

— Правда?

Отец словно взвешивал каждое слово.

— Светлячки ее даже не заметили, скорей всего. Когда станция не работает, следового излучения нет, а в блеске короны ее не разглядеть, если только не знаешь, где искать.

Пришла моя очередь примолкнуть. Разговор внезапно пошел наперекосяк.

Потому что когда отец уходил на задание, он замолкал. И никогда не звонил домой.

Потому что даже когда отец возвращался с задания, он никогда ни о чем не рассказывал. Неважно, работает еще «Матрица Икара» или ее разнесло в клочья и швырнуло в Солнце тысячей километров рваных оригами; так или иначе он не скажет ни слова, пока не будет обнародовано официальное сообщение. Чего — я на всякий случай обновил справочное окошко — еще не случилось.

Потому что хотя отец был немногословен, частых нерешительных пауз я за ним не замечал — а в нашем нынешнем разговоре он медлил перед каждой репликой.

Я чуть поддернул леску…

— Но корабли туда отправили.

…И начал считать. Тысяча-раз, тысяча-два…

— Простая предосторожность. «Икару» давно требовался осмотр. Ты же не станешь врубать машину на полную, не попинав хотя бы шины для порядка?

Чуть меньше трех секунд на ответ.

— Ты на Луне.

Пауза.

— Почти.

— Что ты… пап, зачем ты мне это все рассказываешь? Это разве не нарушение секретности?

— Тебе позвонят, — сообщил он.

— Кто? Зачем?

— Собирают команду. Из… людей, с которыми ты имеешь дело, — отец слишком прагматичен, чтобы оспаривать достижения реконструкторов и гибридов, но никогда не мог скрыть своего к ним недоверия. — Им нужен синтет.

— Как удачно, что у тебя в родне затесался один.

Радио играет в пинг-понг.

— Это не кумовство, Сири. Я очень хотел, чтобы они выбрали другого.

— Спасибо за дове…

Но он спохватился сам и предугадал мои слова прежде, чем те преодолели разделяющее нас расстояние.

— Это не оскорбление твоих способностей, и ты это знаешь. Ты попросту самый подходящий исполнитель для жизненно важной работы.

— Тогда поче… — начал я и осекся.

От ангажемента в какой-нибудь теорлабе западного полушария отец не стал бы меня отмазывать.

— К делу, пап.

— Светлячки. Мы кое-что нашли.

— Что?

— Радиосигнал. Пояс Койпера. Мы отследили мишень.

— Они заговорили?

— Не с нами, — он прокашлялся. — Мы перехватили их передачу в некотором роде по случайности.

— Тогда с кем?

— Мы не знаем.

— Сообщение дружеское? Или враждебное? А?

— Сынок, мы не знаем. Система шифрования вроде бы та же, но даже в этом мы не можем быть уверены. У нас есть только пеленг.

— И вы посылаете команду.

Посылаете меня. Люди никогда прежде не долетали до пояса Койпера. Последние роботы отправились туда десятки лет назад. Не то чтобы у нас не было технической возможности — пропало желание. Все, в чем нуждалось человечество, можно найти поближе к дому. Эпоха межпланетных перелетов запнулась на поясе астероидов.

Но теперь что-то затаилось в дальнем углу нашего заднего двора и кричало в бездну. Может, оно вызывало другую звездную систему. А может, связалось с кем-то поближе, на подлете.

— Мы не можем спокойно проигнорировать подобную ситуацию, — заключил отец.

— Как насчет зондов?

— Разумеется. Но мы не можем ждать от них ответа. Экспедиция пойдет по их следам, получая обновления по пути.

Он дал мне несколько секунд, чтобы переварить информацию. Когда я смолчал, он продолжил:

— Ты должен понять. По нашим предположениям, Бернс-Колфилд не знает, что мы его засекли. На данный момент это наше единственное пре-

имущество. Мы должны втиснуть как можно больше в открытое окно возможностей.

Но комета Бернса-Колфилда скрывалась от нас. Ей может не понравиться принудительное знакомство.

— Что, если я откажусь?

Задержка с ответом, казалось, утверждала: Марс.

— Я тебя знаю, сынок. Ты не откажешься.

— А если? Если я лучший кандидат, если задача так важна…

Ему не надо было отвечать. А мне не стоило и спрашивать. При таких ставках критически важному персоналу роскоши выбора не предоставляют. У меня не будет даже возможности с детской мелочностью задержать дыхание и выйти из песочницы — воля к сопротивлению столь же механистична, как дыхательный рефлекс. И то, и другое можно подавить, используя подходящие нейрохимические отмычки.

— Вы разорвали мой контракт с институтом, — сообразил я.

— Это самое меньшее из того, что мы сделали. Мы позволили вакууму между нами помолчать.

— Если бы я мог вернуться в прошлое и исправить то… то, что сделало тебя таким… — при-

знался отец некоторое время спустя, — я бы так и сделал. Не раздумывая.

— Ага.

— Мне пора. Просто не хотел держать тебя в неведении.

— Ага. Спасибо.

— Я люблю тебя, сынок. Где ты? Вернешься ли?

— Спасибо, — повторил я. — Очень приятно.

* * *

Вот чего не мог вернуть мой отец. Вот что я такое.

Я мост между рубежом технологии и её сердцем. Я стою между волшебником Изумрудного города и фокусником из Канзаса.

Я занавес.

Такие, как я, появились давно. Наши корни прорастают от истоков цивилизации, но мои предшественники исполняли иную, менее почетную роль. Они всего лишь подмазывали колеса общественной стабильности: подслащали горькие истины, ради политических выгод малевали черным придуманную буку. На свой лад и они были незаменимы. Даже самое жестокое полицейское государство не может постоянно воздействовать грубой силой на каждого из сво-

их подданных. Меметический[10] контроль куда тоньше; подкрашенное розовым отражение данной в ощущениях реальности, заразный страх перед угрожающими альтернативами. Всегда существовали те, кому доверено преобразование информационных графов, но на протяжении большей части истории они не имели дела с их упрощением.

С приходом нового тысячелетия все изменилось. Мы превзошли сами себя, мы вступили на территории за пределами человеческого понимания. Порою ландшафты даже в обычном пространстве оказывались слишком прихотливы, чтобы наш рассудок способен был охватить их; иногда сами координаты их уходили в измерения, непредставимые для мозгов, приспособленных, чтобы драться и спариваться в допотопной саванне. Слишком многое ограничивает нас со всех сторон. Самые устойчивые философские основы бескорыстия рушатся под натиском грубых мозгостволовых императивов эгоизма. Изящные и стройные уравнения предсказывают поведение квантового мира, но не помогают объяснить его. За четыре тысячи лет мы не смогли доказать себе,

[10] Примечания: 10

Мем — самовоспроизводящаяся единица культурной информации, передаваемая от человека к человеку посредством научения.

что реальность существует вовне наблюдателя от первого лица. Мы слишком нуждаемся в интеллекте, превосходящем наш собственный.

Вот только не очень умеем его создавать. Брак по расчету мозга и электричества оказывается удачным и провальным с равно впечатляющими результатами. Наши гибриды становятся умнее гениев и столь же аутистичны. Мы насаживаем плоть на протезы, заставляем перегруженные моторные извилины жонглировать мускулами и механизмами, а потом качаем головой, когда пальцы подергиваются, а языки заплетаются. Компьютеры подтягивают собственное отродье за волосы из болота, обретают мудрость столь непредставимую, что их отчеты несут на себе явную печать маразма: рассеянные и лишенные всякой связи с нуждами едва обретших разум тварей, к которым обращены.

И когда ваши непревзойденные творения находят нужные ответы, вы не в силах понять их выкладки и не можете проверить решений. Вам приходится принимать их слова на веру…

…Или воспользоваться теорией информации, чтобы просветить их насквозь, чтобы развернуть тессеракт в двух измерениях, и бутылку Клейна

— вбить в три,[11] чтобы упростить реальность. А заодно не забыть помолиться богам, пережившим миллениум, надеясь, что когда вам честно будут втирать очки, то не погнут дужки, на которых они держатся. Приходится нанимать таких, как я: ублюдочное отродье профайлеров, технических редакторов и спецов по теории информации.

В официальной обстановке таких, как я, называют синтетами. На улице кличут жаргонавтом или попкой. Мудрецы, чьи кровью политые открытия лоботомируют и холостят ради могущественных невежд, заинтересованных только в долях рынка, могут обозвать меня кротом или дуэньей.

Исаак Шпиндель нарек меня «комиссаром», и в этой дружелюбной подколке содержится не меньше грана истины.

Мне так и не удалось убедить себя, что мы сделали верный выбор. Я во сне готов перечислить стандартный набор оправданий, бесконечно долдонить о ротационной топологии информации и неуместности семантического понимания. Но когда все слова сказаны, я остаюсь со своей

---

[11] Примечания: 11

Тессеракт — четырехмерный аналог куба, правильный выпуклый 4-политоп. *Бутылка Клейна,* с другой стороны — односторонняя поверхность, лишенная краев, объемный аналог ленты Мебиуса.

неуверенностью. И не знаю никого, кто бы от нее избавился. Может, все наши старания — всего лишь всеобщая совместная афера, в которой заодно простачки и шулеры. Мы не готовы признать, что наши творения обошли нас; пускай они говорят языками неведомыми, но наши жрецы умеют толковать знаки. Боги вырубают свои алгоритмы на горных склонах, но это я приношу народам скрижали, я, маленький, жалкий и совсем не страшный.

Может, сингулярность случилась много лет назад. Мы просто боимся признать, что остались позади.

* * *

…Ведь всякие звери приходят сюда,
И демоны изредка тоже.

***Ян Андерсон, «Поднимается сом»*[12]**

Нас называли «третьей волной». Нас загнали в одну лодку и отправили в бесконечную тьму — спасибо наипередовейшему прототипу корабля, пинками выброшенному из чертежей в натуру за

[12] Примечания: 12

Ян Андерсон — солист и руководитель британской рок-группы «Jethro Tull». В эпиграф вынесены слова из песни «Occasional demons» (альбом «Catfish Rising», 1991).

восемнадцать месяцев до срока. В не столь истеричной экономике такое насилие над графиком разорило бы четыре страны и пятнадцать ТНК.

Первые две волны спустили на воду еще более поспешно. О том, что случилось с ними, я узнал только за полчаса до инструктажа, когда Сарасти сбросил телеметрию в КонСенсус. Я распахнулся; данные хлынули в мои накладки, расплескались по теменным долям коры сверкающим потоком сверхплотной информации. Даже сейчас я могу вспомнить все ясно, как в тот день, когда их записали. Я там.

Я — это они.

Я беспилотный. Я разовый. Я голый культурист: теленигиляционный реактор с навинченными на передний торец камерами, выдаю ускорение, которое размазало бы плоть в студень. Я радостно мчусь во тьму. Мой стереоскопический брат-близнец несется в сотне километров к штирборту. Двойные реактивные струи пионов разгоняют нас до субсвета прежде, чем бедный старый «Тезей» доковыляет до орбиты Марса.

Но вот в шести миллионах километров позади нас ЦУП перекрывает кран, и мы летим по инерции. Комета растет в объективах — замороженная загадка, расчерчивающая небо направленным

сигналом, будто прожекторным лучом. Мы наводим на нее рудиментарные органы чувств и разглядываем в излучении на тысяче частот.

Мы живем ради этой секунды.

Мы видим эксцентричное вращение, след недавних столкновений. Видим шрамы — гладкие ледяные просторы там, где прыщавая шкура расплавилась и замерзла вновь слишком недавно, чтобы в этом можно было обвинить бессильное солнце за нашими спинами.

Мы видим невозможное: комету с ядром из чистого железа.

Мы плывем мимо, а комета Бернса-Колфилда поет. Не для нас: она игнорирует наш пролет, как игнорировала приближение. Поет для кого-то другого. Возможно, когда-нибудь мы повстречаем ее слушателей. Возможно, они ждут впереди, в бесплодных пустошах пространства. ЦУП заставляет нас встать на уши, продолжает наводить на пеленг, когда всякие возможности захвата уже утеряны. Шлет отчаянные указания, пытается выжать из наших гаснущих сигналов последние биты информации среди помех. Я чувствую разочарование, неохоту отпускать нас; пару раз нас даже запрашивают, не позволит ли тщательно отмеренный тормозной импульс задержаться

нам еще ненадолго.

Торможение — для сосунков. Мы направляемся к звездам.

Пока, Бернси… Чао, ЦУП. Баюшки, Солнце.

Свидимся при тепловой смерти.

К цели мы приближаемся с опаской.

Нас трое во второй волне — мы не спешим, как наши предшественники, да, но и так летим намного быстрей механизмов, скованных грузом плоти. Нас гнетет полезная нагрузка, дающая виртуальное всеведение. Мы зрим на всех длинах волн, от радио до вибрации субатомных струн. Автономные микрозонды готовы измерить все, что предусмотрели хозяева; крошечные бортовые сборщики способны лепить инструменты атом за атомом, чтобы уловить непредусмотренное. Атомы, собранные по дороге, соединяются с ионами, догоняющими нас из точки старта: в наших чревах копятся импульс и реакционная масса.

Лишняя тяжесть задерживает, но еще больше замедляют маневры торможения на полпути. Вторая половина странствия заполнена неустанной борьбой с накопленной за первую половину инерцией. Не самый эффективный способ путешествовать. В ситуации не столь отчаянной мы бы сразу набрали оптимальную скорость, может

быть, использовали «эффект пращи», чтобы подтолкнуть себя за счет подвернувшейся планеты, и большую часть пути продрейфовали. Но время поджимает, поэтому идем под тягой всю дорогу. Нужно достигнуть цели; мы не можем позволить себе миновать ее, не можем решиться на самоубийственное мотовство первой волны. Они всего лишь набросали контуры ландшафта. Мы должны провести мелкомасштабную съемку.

Должны вести себя ответственно.

Теперь, выходя на орбиту, мы видим все, что рассмотрели они, и более того. Мы видим ледяные струпья и невозможное железное ядро. Мы слышим песнь. И там, под самой мерзлой коркой кометы, распознаем формы: архитектура, прорастающая сквозь геологию. Мы еще слишком далеко, чтобы прищуриться, а радар слишком подслеповат, чтобы различить мелкие детали. Но мы умные, и нас трое, разделенных огромными пространствами. Длины волн трех импульсных генераторов можно подогнать так, чтобы те интерферировали в точке схождения — и голографический ремикс трехголосого эха увеличит разрешение в двадцать семь раз.

Комета Бернса-Колфилда замолкает в ту самую секунду, как наш план вступает в действие. А по-

том я слепну. Это временная неполадка: фильтры рефлекторно напрягаются, компенсируя перегрузку. В следующую секунду антенные решетки снова в рабочем режиме, прозвон дает зеленый свет. Я связываюсь с товарищами, подтверждаю аналогичные неполадки, идентичные откаты. Мы в полном порядке, если только внезапное увеличение плотности ионизированного газа вокруг — не артефакт измерения. Мы готовы продолжить изучение объекта Бернса-Колфилда.

Единственная проблема заключается в том, что его больше нет…

* * *

Экипажа как такового на «Тезее» не было — ни пилотов, ни механиков, ни матросов, чтобы палубу драить, никакого мяса для выполнения работ, которые машины на порядок меньшие могут сделать на порядок лучше. Если недовозвышенным массам так уж требуется придать своим жизням иллюзию смысла, пусть другие корабли тонут под тяжестью лишних вахт, пусть кишат людишки на судах, ведомых сугубо меркантильными целями. Нас допустили на борт лишь потому, что для Первого контакта еще не оптимизировали специальные программы. Мчащийся за пределы

Солнечной системы «Тезей» уже влек на себе судьбу мира. Нагружаться самоуважением ему было не с руки.

Вот и все мы, отволоженные и до скрипа отмытые: Исаак Шпиндель, чтобы изучать инопланетян; Банда четырех — Сьюзен Джеймс и ее дополнительные личности — чтобы общаться с ними; майор Аманда Бейтс — чтобы драться, если потребуется; и Юкка Сарасти, чтобы властвовать над нами всеми, чтобы двигать, точно шахматные фигурки на многомерной игровой доске, представимой только для вампиров.

Он рассадил нас за столом, который ловко кривился посреди рекреации, незаметно поддерживая постоянным расстояние до прогнувшейся палубы под ногами. Вертушка вообще была обставлена в стиле раннего сводизма, заставлявшего похмельные, непривычные мозги верить, будто смотришь на мир сквозь широкоугольный объектив. Из уважения к суставам свежевоскресших непокойников вертушку раскрутили всего на одну пятую «же», но это только для разогрева. Через шесть часов тяготение доведут до половины земного, и две трети каждых суток оно останется на этом уровне, пока корабль не решит, что мы полностью оправились. На ближайшие

дни невесомость превратится для нас в редкую роскошь.

Над столом повисли световые скульптуры. Сарасти мог скормить данные нашим накладкам впрямую — да и вообще провести собрание через КонСенсус, никакой необходимости собираться в одном месте физически не было — но если хочешь привлечь чье-то внимание, говорить надо лицом к лицу.

Шпиндель заговорщицки склонился ко мне:

— А может, наш кровосос просто в штаны кончает, глядя на такую уйму мяса перед собой, а?

Если Сарасти услышал, то не показал этого — даже мне. Он указал на темное сердце в центре экрана. Глаза его прятались за черным забралом очков.

— Объект Оаса. Инфракрасный эмиттер, метановая группа.

На экране объект не потрясал воображение. Наша предположительная цель казалась черным диском, круглым провалом среди звезд. В жизни он весил как десять Юпитеров и в талии был шире гиганта процентов на двадцать. Объект лежал прямо по курсу: слишком маленький, чтобы гореть, слишком одинокий, чтобы отражать свет далёких звезд, слишком тяжелый для газового

гиганта, слишком легкий для коричневого карлика. — Когда эта штука проявилась?

Бейтс одной рукой тискала свой резиновый мячик, до белизны в костяшках.

— В ходе микроволновой съемки в семьдесят шестом засечен рентгеновский пик. За шесть лет до Огнепада. Сигнал не повторяется, не подтвержден. Судя по спектру, торсионная вспышка на карлике L-класса,[13] но чтобы дать подобный эффект, объект должен быть большим, очень заметным, а небо в этом направлении чистое. В результате международный астрономический союз отправляет сигнал в артефакты статистики.

Брови Шпинделя сползлись вместе — точно гусеницы поцеловались.

— Что изменилось?

Сарасти слегка усмехнулся, не разжимая губ.

— После Огнепада в метабазе становится… тесно. Все мечутся в поисках ключа. Когда комета Бернса-Колфилда взрывается… — он пощелкал языком, — становится ясно, что субкарликовый объект может давать такие вспышки, если маг-

---

[13] Примечания: 13

Коричневые карлики L-класса — промежуточные объекты между звездами и планетами. Для них характерны линии калия и натрия в спектрах, щелочных металлов рубидия Цезия, а также низкая температура. «Торсионная» в данном случае обозначает, что вспышка вызвана завихрениями магиитного поля коричневого карлика.

нитосфера достаточно взбаламучена.

Бейтс:

— Взбаламучена чем?

— Не знаем.

Покуда Сарасти обрисовывал ситуацию, на рабочем столе громоздились слой за слоем статистические подсчеты; объект удалось отыскать лишь при помощи самых тщательных наблюдений, хотя к нему, раз засеченному, было обращено внимание половины мира. Тысячу моментальных снимков с разных телескопов пришлось наложить друг на друга и прогнать сквозь дюжину фильтров, прежде чем где-то между трехметровым диапазоном и порогом чувствительности из помех не прорезалось нечто. Бесконечность времени оно не существовало вовсе, пребывая вероятностным признаком, покуда «Тезей» не подобрался достаточно близко, чтобы схлопнуть волновую функцию: квантовая частица, тяжелая, как десять Юпитеров.

Земные картографы окрестили его Большим Беном. «Тезей» едва миновал орбиту Сатурна, когда объект обнаружился в сухом осадке. Для любой другой экспедиции открытие не значило бы ничего; никакой другой корабль не мог нести на себе столько горючего, чтобы не поплестись

уныло обратно к дому. Но неощутимый, бесконечно тонкий топливопровод «Тезея» тянулся к самому Солнцу; корабль мог натуральным образом развернуться на пятачке. Мы сменили курс, не просыпаясь, и луч «Икара» следовал за нами, как кошка за добычей, на световой скорости.

И вот — приехали.

— Темная лошадка называется, — проворчал Шпиндель. Сидевшая по другую сторону стола Бейтс взмахнула рукой. Ее мячик проплыл над моей макушкой; я слышал, как он ударился о палубу (не палубу, поправило что-то во мне: о поручень).

— Значит, предполагаем, что комета была задумана как ложная цель?

Сарасти кивнул. Мячик рикошетом вернулся в мое поле зрения откуда-то сверху и на миг скрылся за становой жилой, петляя в слабом тяготении вертушки по эксцентричным, опровергающим подсказки интуиции траекториям.

— Значит, они хотят, чтобы их не трогали.

Сарасти сложил пальцы домиком и обернулся к Бейтс:

— Это будут ваши рекомендации?

Это было ее желание.

— Нет, сэр. Я имею в виду, что на отправку

объекта Бернса-Колфилда ушло, должно быть, немало сил и средств. Тот, кто его построил, очевидно, высоко ценит свою анонимность и обладает технологиями достаточными, чтобы ее защитить.

Мячик срикошетил в последний раз и поковылял обратно через рекреацию. Бейтс привстала с кресла, всплыв на миг, и едва успела поймать его на лету. В её движениях оставалась неуклюжесть новорожденной зверушки: действие силы Кориолиса пополам с трупным окоченением. Для пятого часа — отличный результат. Мы, остальные гомосапы, едва встали на ноги.

— Может, для них это было не так уж сложно, а? — размышлял вслух Шпиндель. — Раз плюнуть.

— Ну, тогда совершенно неважно, враждебны они или нет. В этом случае перед нами цивилизация, которая на голову выше человечества в техническом развитии. И при такой возможности нам уж точно не стоит нестись к ним сломя голову.

Сарасти вернулся к бурлящим диаграммам.

— И?

Бейтс тискала в пальцах добытый мячик.

— Сыр достается второй мыши. Пускай наша су-

переоснащенная разведка в поясе Койпера пошла коту под хвост, но вслепую ломиться необязательно. Направить наши зонды по параллельным векторам. С тесным контактом обождать, по крайней мере, до того момента, как выясним, насколько враждебная встреча нас ждет.

Джеймс мотнула головой.

— Если бы они были настроены враждебно, то могли бы зарядить светлячки антиматерией. Или вместо шестидесяти тысяч крошечных объектов послать один большой, и нас вынесло бы при столкновении.

— Светлячки не говорят ни о чем, кроме изначального любопытства, — парировала Бейтс. — Понравилось ли им то, что они увидели, — кто знает?

— А что, если вся теория ложного маневра — дерьмо собачье?

Я обернулся, вздрогнув. Слова исходили изо рта Джеймс, но говорила Саша.

— Когда хочешь остаться незамеченным, ты не устраиваешь фейерверк на полнеба, — продолжала она. — Если тебя никто не ищет, нет смысла прятаться, а никто не станет тебя искать, если о тебе не знают. Если им было так уж интересно, они могли просто снять все по-тихому.

— Риск обнаружения, — вполголоса напомнил вампир.

— Не хочу вас расстраивать, Юкка, но светлячки тоже не на цыпочках…

Сарасти открыл рот. И закрыл. Мелькнули едва видимые острые зубы и отчетливо щелкнули, смыкаясь. В его очках отражались диаграммы с рабочего стола — конвульсирующая многоцветная полоса на месте глаз.

Саша заткнулась.

— Они платят скрытностью за скорость, — продолжал Сарасти. — И к тому времени, когда вы реагируете, они уже получают своё.

Он говорил терпеливо и негромко: сытый хищник, объясняющий добыче правила игры, которые та должна бы знать сама. Чем дольше я буду тебя выслеживать, тем легче тебе уйти от погони.

Но Саша уже сбежала. Ее грани рассыпались, точно стая вспугнутых скворцов, и на следующем слове Сьюзен Джеймс ее голосом заговорила сама Сьюзен.

— Юкка, Саша знакома с текущей парадигмой. Она просто беспокоится, что парадигма может оказаться ложной.

— У вас есть наготове другая? — поинтересо-

вался Шпиндель. — Основательнее? Шире?

— Не знаю, — Джеймс вздохнула. — Нет, пожалуй. Просто… странно, если они решили так активно сбивать нас с толку. Я надеялась, они просто… ладно, — она развела руками. — Думаю, ничего страшного… Уверена, если мы правильно проведем вводную часть, они все же вступят в контакт. Возможно, следует быть немного осторожнее…

Сарасти воздвигся над нами, выворотившись из кресла.

— Идем на сближение. Последние сведения не оставляют места для проволочек.

Бейтс нахмурилась и вновь отправила мячик на орбиту.

— Сэр, все, что мы знаем с уверенностью, — что у нас объект Оаса прямо по курсу. Мы даже не знаем, есть ли там кто-нибудь.

— Есть, — отозвался Сарасти. — Они нас ждут.

Несколько секунд все молчали. Хрустнули в тишине чьи-то суставы.

— Э… — начал Шпиндель.

Сарасти не глядя вскинул руку и выхватил из воздуха вернувшийся мячик Бейтс.

— «Тезей» отпингован[14] лидаром[15] четыре часа сорок восемь минут назад. Мы отвечаем идентичным сигналом. Реакции нет. Зонды отправлены за полчаса до нашего пробуждения. Вслепую ломиться не станем, но ждать нельзя. Нас уже видят. Чем дольше мы будем медлить, тем выше риск противодействия.

* * *

Я глядел на темный, безликий заполнитель над столом: больше Юпитера — и все же невидим для нас до сих пор. Из тени этой громады что-то с невообразимо легкомысленной точностью щелкнуло нас по носу лазерным лучом.

Неравный выходит диалог.

— Вы знали об этом с самого начала? — озвучил общее мнение Шпиндель. — И говорите только сейчас?

В этот раз улыбка Сарасти вышла ослепительно широкой. Словно располосовала нижнюю половину лица.

---

[14] Примечания: 14

Пинговать (компьютерный жаргон) — отправлять сигнал с требованием подтвердить получение сигнала.

[15] Примечания: 15

Лидар — лазерный дальномер.

Может, дело в том, что он хищник. Не может не играть с едой.

Проблема даже не во внешности. Стройные конечности, бледная кожа, клыки, выпирающая челюсть — заметны, да, чужды в каком-то роде, но не отпугивают, не устрашают. Даже не в глазах. У кошек и собак они светятся в темноте, но нас это зрелище не вгоняет в дрожь.

Не внешность. Движения.

Что-то на уровне рефлексов. Вампиры вечно держат свои угловато-длинные руки точно богомолы, и ты просто знаешь, те могут протянуться и схватить тебя — через всю комнату, когда заблагорассудится. Стоило Сарасти глянуть на меня — по-настоящему, невооруженным взглядом, без очков — полмиллиона лет куда-то испарялись. То, что он вымер, ничего не значило. То, что мы прошли долгий путь, набрали достаточно сил и воскресили собственные кошмары себе на потребу… не значило ничего. Гены не обманешь. Они знают, чего бояться.

Конечно, испытать такое надо въяве. Роберт Паглиньо знал вампиров до последней молекулы — теоретически, — но так и не понял их, хотя держал в голове все биотехнические условия.

Он позвонил мне перед отлетом. Я не ждал это-

го; с того дня, как объявили состав экспедиции, наши надсмотрщики блокировали все личные вызовы, кроме внесённых в «белый список». Я забыл, что Паг в него входит. После Челси мы не общались; я уже оставил надежду когда-нибудь встретиться с ним снова.

Но он позвонил.

— Подселенец.

Паг неуверенно улыбнулся, вызывая на разговор.

— Рад тебя видеть, — ответил я, ведь в подобных ситуациях принято так говорить.

— Ну… я видел твое имя на плахе. Для нормала ты здорово поднялся.

— Не слишком.

— Твою мать, да ты теперь авангард человечества. Наша первая, последняя и единственная надежда перед лицом неведомого. Ты их сделал! — С постановочным восторгом он вскинул сжатый кулак.

Краеугольным камнем жизни Роберта Паглиньо стало «сделать всех». И он заставил этот камень поддерживать все остальное, превозмог недостаток естественного происхождения модификациями, хирургическими улучшениями и невероятной безжалостностью. В мире, где

человечество беспрецедентными темпами становилось излишним, мы оба сохраняли статус, оставшийся в другой эпохе: профессиональных работников.

— Так теперь тобой будет командовать вамп, — прокомментировал он. — Похоже, с огнем решили бороться огнем.

— Ради практики, наверное. Пока не столкнемся с настоящими чужаками.

Он рассмеялся. Понятия не имею, почему. Но на всякий случай улыбнулся в ответ. Приятно было снова его видеть.

— Ну, и какие они в жизни? — спросил Паг.

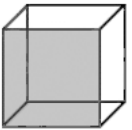
— Вампиры? Не знаю. Вчера первого увидел.

— И?

— Трудно читается. Порой кажется, он вообще не осознает окружающее, словно… уходит в свой воображаемый мирок.

— Еще как осознает. Эти твари такие сообразительные, что дрожь берет. Ты знаешь, что они могут одновременно удерживать в сознании оба аспекта кубов Неккера?

Термин показался знакомым. Я запросил титр и увидел миниатюру знакомой проволочной рамки:



Теперь я вспомнил: классическая зрительная иллюзия.[16] Иногда заштрихованной кажется передняя сторона, иногда — задняя. Куб переворачивается под взглядом.

— Мы с тобой видим куб или так, или иначе, — продолжал Паг. — Упыри видят его обоими способами одновременно. Представляешь, какое это им дает преимущество?

— Недостаточное.

— Туше. Но слушай, они же не виноваты, что в малых популяциях нейтральные признаки фиксируются.

— Я бы не назвал их глюк с крестами нейтральным признаком.

— Поначалу он таким и был. Много ты видишь в природе прямых углов? — Паг махнул рукой. — В общем, не в них дело. Суть в том, что они способны на то, что для нас, людей, неврологически невозможно. Они способны

---

[16] Примечания: 16

Описана в 1832 году швейцарским кристаллографом Луисом Альбертом Неккером.

одновременно воспринимать множественные картины мира, Подселенец. То, что мы вынуждены прорабатывать шаг за шагом, они замечают с первого взгляда, им не надо думать об этом. Ты ведь знаешь, что ни один обычный, немодифицированный человек не сможет с ходу перечислить все простые числа между единицей и миллиардом? В старые времена на такое были способны лишь редкие аутисты.

— Он никогда не пользуется прошедшим временем, — пробормотал я.

— А? Это… — Паг кивнул. — Вампиры не воспринимают прошедшего времени. Для них это всего лишь другая ветка реальности. Они не вспоминают прошлое, а переживают заново.

— Что — вроде ретроспективных галлюцинаций после травмы?

— Только без травмы, — он поморщился. — По крайней мере, для них.

— Так это, выходит, твой нынешний конек? Вампиры?

— Подселенец, вампиры сейчас конек с большой буквы «ка» для любого, у кого в резюме имеется хоть одна приставка «нейро». Я всего лишь пару статей по гистологии делал. Рецепторы

распознавания образов, лапласиан гауссиана,[17] полосовые фильтры сигнал / шум. В общем, про их глаза.

— Ага, — я поколебался. — Выводят из равновесия, знаешь ли.

— А то! — Паг понимающе кивнул. — Этот их тапетум[18] дает такой отблеск… Жуть берет.

Он помотал головой, заново переживая впечатление.

— Ты их не видел вживую, — заключил я.

— В смысле — во плоти? Да я бы за это отдал левое яйцо. А что?

— Дело не в свечении. А в… — я поискал подходящее слово, — в отношении.

— Ага, — согласился он, помолчав чуток. — Пожалуй, иной раз своими глазами не увидишь — не поймешь, да? Потому я тебе и завидую, Подселенец.

— Зря.

— Не зря. Даже если ты так и не встретишься с

---

[17] Примечания: 17

Род линейного фильтра; применяется к входному сигналу при обработке изображения для нахождения границ и подавления шумов.

[18] Примечания: 18

Тапетум (tapetum lucidum) — особый отражающий слой сосудистой оболочки глаза позвоночных, подлежащий сетчатке. Повышает чувствительность зрения в сумерках. Наличием *тапетума* обусловлен эффект «свечения глаз» у животных. У человека *тапетум* отсутствует.

теми, кто послал светлячков, у тебя будет такая возможность понаблюдать этого… Сарасти, да?

— И все впустую. В моем резюме все «нейро» стоят в графе «история болезни».

Он рассмеялся.

— Ну, в общем, как я сказал — увидел твое имя в заголовках и решил: ну, старику через пару месяцев вылетать, не стоит, наверное, ждать, что он сам позвонит. Прошло больше двух лет.

— Я не думал, что произошло. Решил, ты занес меня в «черный список».

— Не. Ни в жизнь, — он опустил глаза и замолчал. — Мог бы ей позвонить, — пробормотал Паг наконец.

— Знаю.

— Она умирала. Ты бы мог…

— Не было времени.

Он решил проглотить мое неприкрытое враньё и просто сказал:

— В общем, я просто хотел пожелать тебе удачи. Тоже не совсем правда.

— Спасибо. Ценю.

— Надери пришельцам задницы. Если у них есть задницы.

— Нас будет пятеро, Паг. Девять, если считать дублеров. На армию не хватит.

— Просто фигура речи, о мой млекопитающий брат. Зарой топор. Топи торпеды. Дави жабу.

«Поднимай белый флаг», — подумал я.

— Ты, наверное, очень занят, — заметил он, — я…

— Слушай, не хочешь встретиться? В реале. Давно я не бывал в «КуБите».

— Я бы с радостью, Подселенец. Только я, к несчастью, в Манкойе. Здесь мастерская splice'n'dice.

— Что, ты хочешь сказать — физически?

— Передовые разработки. Старая школа, привычка.

— Жалко.

— В общем, оставлю я тебя. Просто хотел… ну, понимаешь…

— Спасибо, — повторил я.

— Ну, ты понял. Пока, — заключил он.

Для чего, если разобраться, Роберт Паглиньо мне и звонил. Он не рассчитывал на следующий раз.

Паг винил меня за то, что с Челси так вышло. Поделом. Я винил его за то, что с ней все так началось.

Он занялся нейроэкономикой как минимум отчасти потому, что друг детства прямо у него

на глазах превратился в мозгового подселенца. Я подался в синтез примерно по той же причине. Пути наши разошлись, и мы не так уж часто встречались во плоти; но и через двадцать лет после того, как я ради него измордовал стайку пацанья, Роберт Паглиньо оставался моим лучшим и единственным другом.

— Тебе надо оттаять, — как-то сказал он мне. — И я знаю женщину с подходящими прихватками для духовки.

— Это, пожалуй, самая скверная метафора в истории человеческого языка, — заметил я.

— Серьезно, она тебе под стать. Вроде противовеса — сдвинет тебя поближе к статистической норме, понимаешь?

— Нет, Паг, не понимаю. Кто она — тоже нейроэкономист?

— Нейрокосметолог, — поправил он.

— На них еще есть спрос? — я бы сильно удивился: зачем платить, чтобы увеличить совместимость со своей «второй половиной», когда само понятие «второй половины» напрочь вышло из моды?

— Небольшой, — признался Паг. — Вообще-то она почти без работы сидит. Но инструменты

еще при ней, старина. Очень тигмотактичная[19] девочка. Предпочитает общаться лицом к лицу и во плоти.

— Не знаю, Паг. Слишком на работу смахивает.

— Это не твоя работа. С ней будет всяко полегче, чем с убогими головоломками, которых ты переводишь. Она умница, красавица и вполне влезает в границы нормы, если не считать заморочек по поводу личного общения. А это уж не столько настоящий извращ, сколько милый фетиш. В твоем случае от него может быть даже лечебный эффект.

— Если бы я хотел лечиться, я бы обратился к психиатру.

— Правду сказать, этим она тоже подрабатывает.

— Да? — и, против воли: — Получается?

Он смерил меня взглядом.

— Тебе не поможет. Да и не в том дело. Я просто прикинул, что вы двое должны сойтись. Челси одна из немногих, кого не оттолкнут с ходу твои интимные проблемы.

— В наше время у всех интимные проблемы, если ты не заметил.

---

[19] Примечания: 19

Тигмотаксис — непроизвольное движение в направлении тактильного раздражителя.

Как тут не заметишь; население уменьшается уже не первый десяток лет.

— Это был эвфемизм. Я имел в виду твою антипатию к контакту с людьми вообще.

— Называть тебя человеком — уже эвфемизм?

Он ухмыльнулся:

— Тут другое дело. Мы с тобой давно друг друга знаем.

— Спасибо, но нет.

— Поздно. Она уже едет на место свидания.

— Место сви… Паг, ты жопа!

— Глубокая.

Так и вышло, что я неожиданно для себя вошел в неприлично-личный контакт. В коктейль-баре отеля «Бесс и медведь» слабое рассеянное свечение сочилось из-под кресел и столешниц; цветовая гамма сползала — по крайней мере, тем вечером — в длинные волны. В таких местах нормалы могут делать вид, будто видят инфракрасный свет.

Сделал вид и я, разглядывая женщину за столиком в углу: долговязую и роскошную. С полдюжины кровей слилось в ней так, что ни одна не забивала остальные. На ее щеке что-то мерцало слабым изумрудным стаккато на плавном фоне красного смещения. Волосы угольным

облаком колыхались в воздухе; подойдя, я заметил в толще нимба металлические искры, нити электростатического генератора, создающего иллюзию невесомости. В нормальной обстановке ее кроваво-красная кожа приобрела бы модный карамельный оттенок бесстыдного смешения племен.

Она была привлекательна, но в таком освещении это нетрудно: чем длиннее световые волны, тем более размыто изображение. На траходромах нарочно не ставят флуоресцентных ламп.

«Ты на это не купишься», — сказал я себе.

— Челси, — представилась она. Ее мизинец упирался во встроенный в столешницу зарядник. — Бывший нейрокосметолог, а ныне паразит на теле мировой экономики — спасибо генетике и чудесам новых технологий.

На щеке ее лениво взмахивал яркими крыльями отсвет: биолюминесцентная татуировка-бабочка.

— Сири, — отозвался я. — Синтет-фрилансер, крепостной на службе генетики и технологий, превративших вас в паразита.

Она взмахом руки указала на пустующее сиденье. Я принял приглашение, оценивая представшую передо мной систему, прикидывая лучший

способ быстро, но дипломатично разорвать контакт. Изгиб ее плеч подсказывал, что она обожает светопись и стесняется в этом признаться. Любимым ее художником был Монаган. Челси считала себя «естественной» девушкой, потому что много лет сидела на химических либидиниаках, хотя проще было бы внести нейрокорректуру. Она втайне наслаждалась своей противоречивостью, по роду профессии правя самую мысль, но не доверяя обесчеловечивающему влиянию телефонов. От рождения Челси была привязчива, от рождения пребывала в страхе перед безответной привязанностью и упрямо отказывалась поддаться этому страху.

Ей нравилось то, что она видела во мне. И немного пугало.

— Хороший здесь дурман, — Челси показала на мой край стола. В кровавом свете подушки чуть мерцали нестройной синевой, словно отпечатки распластанных ладоней. — Лишняя феноксигруппа или что-то в этом роде.

Типовая нейродурь на меня почти не действует: препараты оптимизированы для людей, у которых в черепе больше серого вещества. Я для виду потискал подушку и едва ощутил приход.

— Итак. Синтет. «Объясняем Безразличным

Непостижимое».

Я послушно улыбнулся.

— Скорее наводим мосты. Между теми, кто совершает открытия, и теми, кто получает за это награды.

Она улыбнулась в ответ.

— Как это у вас получается? Все эти оптимизации лобных долей, тюнинг… я хочу сказать, если оно непостижимо, как вам удается его понять?

— Помогает, когда находишь непостижимым почти все на свете. Набираешься опыта.

Вот так. Это должно немного увеличить дистанцию.

Не помогло. Она решила, что я шучу. Я видел, как ей хочется узнать подробности, расспросить о моей работе, потом обо мне, что приведет…

— Расскажите, — вкрадчиво поинтересовался я, — каково это — зарабатывать на жизнь починкой чужих мозгов.

Челси поморщилась; бабочка на ее щеке нервически затрепетала, разгораясь крылом.

— Господи, ты так говоришь, словно мы из них зомби делаем или что похуже. Так, мелкий тюнинг. Поменять музыкальные или кулинарные вкусы, знаешь, оптимизировать супружескую совместимость. Все, безусловно, обратимо.

— Таблетками не получается?

— Нет. Слишком много приобретенных отличий в строении нервной системы; мы проводим очень тонкую подстройку. И не все — микрохирургия и жареные синапсы, знаешь ли. Удивительно, какой серьезный тюнинг можно провести, не проникая внутрь клиента. Самые разные каскады можно запустить, просто проигрывая определенные звуки в нужном порядке или показывая изображения отдельных форм и символов.

— Новая методика, полагаю?

— Не совсем. Ритм и музыка опираются на тот же основной принцип. Мы только превратили искусство в науку.

— Да, но когда?

Без сомнения, недавно. Не раньше, чем за последние двадцать лет…

— Роберт рассказывал мне о твоей операции. — Она внезапно понизила голос. — Какая-то форма вирусной эпилепсии, правильно? Когда ты был совсем малышом.

Я никогда не просил его держать мою историю в тайне. Какая разница, в конце-то концов? Я полностью выздоровел.

Кроме того, Паг до сих пор убежден, что она

случилась с кем-то другим.

— Подробностей не знаю, — мягко продолжала Челси, — но, судя по всему, неинвазивные методы не сработали. Я уверена, другого выхода у врачей не было.

Я попытался подавить мысль — и не смог: она мне нравится.

И тогда я почувствовал нечто — непривычное, незнакомое ощущение расслабленности в спине. Кресло почему-то показалось мне удобней.

— В общем… — мое молчание выбило ее из колеи. — Почти не работаю с той поры, как из-под рынка моих услуг вышибли опору. Но зато из-за работы приобрела устойчивую привычку к личным контактам, если ты понимаешь, о чем я.

— Ага. Паг рассказывал, что ты занимаешься сексом не в виртуале.

Она кивнула.

— Держусь традиций. Ты против?

Я не был уверен. В реале я оставался девственником — одна из немногих вещей, что связывали меня с цивилизованным обществом.

— В принципе, нет, наверное. Просто мне это кажется… слишком большие усилия ради незначительной выгоды, понимаешь?

— Еще бы не понять, — она улыбнулась. — Лю-

бителей настоящего секса не заретушировать. У них всякие потребности есть, желания, которые не подкорректируешь. Можно ли винить людей, что те говорят всему этому «нет, спасибочки!», стоит появиться выбору. Порой дивишься, как это наши родители друг друга терпели.

Порой дивишься, за какой надобностью они это делали. Я все глубже погружался в кресло, изумляясь странному, непривычному ощущению. Челси говорила, что дофамин здесь модифицированный. Наверное, дело в нем.

Она склонилась вперед — без жеманства, без кокетства, ни на миг не отводя взгляда. В длинноволновой мгле я чуял лимонный запах смеси феромонов и химикатов на ее коже.

— Но есть и свои преимущества, когда освоишь азы, — проговорила она. — У тела долгая память. И… ты понимаешь, что у тебя под правой рукой ничего нет, а, Сири?

Я опустил глаза. Моя левая рука была слегка вытянута, указательный палец поглаживал капельную губку с легким наркотиком, впитывающимся в кожу; а правая, стоило отвести взгляд, повторила это движение, бессмысленно постукивая ногтем по голой столешнице.

Я отдернул руку.

— Небольшой двусторонний тик, — признался я. — Когда отвлекаюсь, тело принимает симметричную позу.

Я ждал шутки или хотя бы недоуменного движения брови. Но Челси только кивнула и продолжила.

— Так что если ты готов, то я — тоже. Никогда раньше не спутывалась с синтетом.

— Можно и жаргонавтом. Я не гордый.

— Ты и правда всегда точно знаешь, что надо сказать, — она склонила голову к плечу. — Твое имя. Что оно значит?

Расслабленным. Вот верное слово. Я чувствовал себя расслабленным.

— Не знаю. Просто имя.

— Этого мало. Если мы собираемся мало-мальски долго обжиматься, тебе нужно осмысленное имя.

А мы, понял я, собираемся. Это решила Челси, пока я витал в облаках. Я мог бы осадить ее, сказать, что это скверная затея, извиниться за недопонимание. Но тогда начнутся оскорбленные взгляды, и раненые чувства, и обиды, потому что, в конце концов, если я не был готов согласиться, за каким чертом тогда вообще приперся?

Она показалась мне милой. Я не хотел ее оби-

жать. «Ненадолго, — сказал я себе. — Это будет интересный опыт».

— Я назову тебя Лебедь, — проговорила Челси.

— Большая белая птица? — уточнил я.

Немножко претенциозно, но могло быть хуже. Она покачала головой.

— Черная дыра. Лебедь X-1.

Я наморщил лоб — ради нее, но совершенно точно понял, что она имеет в виду: темный, массивный предмет, не испускающий света и разрушающий все на своем пути.

— Спасибо огромное, блин. За что?

— Не знаю. Что-то в тебе есть мрачное, — Челси пожала плечами и широко улыбнулась. — Но привлекательное. Позволь мне тебя немного подправить, и, зуб даю, вся твоя суровость исчезнет.

Паг признавался потом с некоторой неохотой, что мне, наверное, стоило расценить это как предупреждающий сигнал. Век живи — век учись.

* * *

Вожаки — это фантазеры со слаборазвитым инстинктом самосохранения и полным отсутствием адекватной оценки ситуации.

Роберт Джарвик[20]

Наш разведчик падал на орбиту, не сводя глаз с Большого Бена. Мы летели по той же траектории с отставанием на несколько дней, не сводя глаз с зонда. И все: мы сидели в чреве «Тезея», пока система закачивала данные телеметрии в наши накладки. Незаменимые, важнейшие, критически необходимые — в ходе первого подлета с тем же успехом нас мог заменить балласт.

Мы пересекли рэлеевскую границу. «Тезей» прижмурился и в слабом эмиссионном излучении различил блудный объект галактического гало — ошмёток давно забытой галактики Большого Пса, которую Млечный Путь затянул под колеса и размазал по асфальту несчетные миллиарды лет назад. Мы приближались к небесному телу, зародившемуся за пределами нашей звездной системы.

Зонд несся вниз и вглубь. Он подобрался к пла-

---

[20] Примечания: 20

Американский ученый и врач (р. 1916), работавший над созданием искусственного сердца.

нете достаточно близко, чтобы задействовать усиление четкости в ложном цвете. Поверхность Бена высветлилась бурлящим parfait[21] сверхконтрастных полос на алмазно-четком звездном фоне. Что-то посверкивало внизу: слабые искры среди бесконечных туч.

— Молнии? — предположила Джеймс. Шпиндель покачал головой.

— Метеориты. Должно быть, в окрестностях полно гальки.

— Цвет не тот, — возразил Сарасти. Физически его не было с нами — упырь сидел у себя в палатке, подключившись к Капитану, — но КонСенсус позволял ему присутствовать в любом помещении корабля.

Мои накладки полнились морфометрией: масса, диаметр, средняя плотность. Сутки Бена длились семь часов двенадцать минут. Вокруг экватора в полумиллионе километров над верхушками облаков начинался массивный, но протяженный аккреционный диск,[22] скорей

---

[21] Примечания: 21

Десерт, состоящий из слоев крема, фруктов, яиц и т. д., сервированный в высоком стакане.

[22] Примечания: 22

Аккреционный нож: (аккреционный диск) — в данном случае зона вблизи газового гиганта, в которой происходит процесс слипания и роста пылевых частиц.

бублик, нежели плоское кольцо: быть может, перемолотые тушки раскрошенных в пыль лун.

— Метеориты, — Шпиндель ухмыльнулся. — Я же говорил.

Похоже было, что он прав. С приближением иголочно-острые искры размазывались в яркие, эфемерные дефисы, расчертившие атмосферу. Ближе к полюсам в облачных слоях изредка тускло вспыхивали электрические разряды.

Слабое радиоизлучение, пики на волнах 31 и 400 метров. Экзосфера из метана и аммиака; в изобилии имеются литий, вода, угарный газ. В клубящихся рваных тучах с ними смешиваются сульфид аммония и талиды щелочных металлов. В верхних слоях атмосферы — атомарные щелочные металлы. К этому времени подобные вещи мог улавливать даже «Тезей», но зонд подобрался достаточно близко, чтобы различать подробности. Перед ним клубился рудо-бурыми пластами туч уже не диск — темная прогнутая стена, и в ее толще просвечивали слабые линии антрацена и пирена.

Один из мириад огненных метеорных следов опалил лик Большого Бена прямо перед нами; на миг мне померещилось, что в центре огонька я вижу крошечную черную пылинку, но изоб-

ражение внезапно исполосовали помехи. Бейтс вполголоса выругалась. Картинка размазалась, потом стала отчетливей, когда зонд повысил голос на другие частоты. Неспособная перекричать длинноволновой гам, система переключилась на лазерную связь.

И все равно сигнал заикался. Следовало ожидать, что нацелить луч на расстоянии миллиона километров будет просто; наши траектории представляли собой расчетные параболы, наше взаимное положение на любой момент можно было предсказать с высокой точностью. Но инверсионный след метеора плясал и проскальзывал по экрану, словно прицел лазерного луча постоянно сбивало крошечными толчками. Раскаленный газ смазывал детали; сомневаюсь, что даже на совершенно ясной картинке человеческий взгляд мог бы зацепиться за четкий контур. И все же… Что-то было в ней неправильное, в этой крошечной черной точке в сердце гаснущего огонька. Почему-то некий примитивный отдел моего мозга отказывался признать ее естественной…

Изображение снова дернулось, захлебнулось темнотой и не вернулось.

— Зонд сдох, — сообщила Бейтс. — Поджарило

последним пиком. Похоже, натолкнулся на спираль Паркера, но на изрядном ветру.[23]

Мне даже титров не потребовалось вызывать. По выражению ее лица, по внезапно прорезавшим переносицу складкам ясно становилось: речь идет о магнитных полях.

— Это… — начала она и осеклась, когда в КонСенсусе выскочили цифры: 11,2 тесла.[24]

— Твою мать, — прошептал Шпиндель. — Точно, что ли?

Саранти издал несколько щелчков — из глубины глотки и из корабельных недр. Миг спустя он передал нам повтор последних секунд телеметрии: увеличенных, приглаженных, с усиленной контрастностью во всех диапазонах от видимого света вниз до дальней инфракрасной области. Вот тот же темный осколок, окутанный огнем, вот полыхающий за ним инверсионный след. Пламя угасало по мере того, как объект отскочил от плотных слоев атмосферы внизу и начал набирать высоту вновь. За несколько секунд тепловой

---

[23] Примечания: 23

Спираль Паркера — форма, которую принимает магнитосфера Солнца в результате взаимодействия с солнечным ветром и межпланетной средой.

[24] Примечания: 24

Единица измерения магнитной индукции.

след погас вовсе. Горевший в центре него предмет тлеющим угольком поднимался обратно на орбиту. Колоссальная воронка на его носу зияла, точно пасть. Распухшее брюхо уродовали куцые плавники.

Бен колыхнулся, и все повторилось снова.

— Метеориты? — сухо съязвила Бейтс. Никакого понятия о масштабе картинка не давала.

Эта штука могла быть величиной с муху, а могла — с астероид.

— Размер? — прошептал я за полсекунды до того, как ответ появился в моих накладках: четыреста метров вдоль большой оси.

Мы снова смотрели на Большой Бен с безопасного отдаления: темный, мутный диск в носовом видоискателе «Тезея». Но я помнил крупный план: держава, искрящаяся черносерыми огнями, лик израненный и рябой, бесконечно истерзанный, безостановочно исцеляющийся.

Этих штуковин там были тысячи.

«Тезей» содрогнулся по всей длине. То был всего лишь удар тормозного импульса. Но на секунду мне представилось, что я понимаю, каково ему.

Мы продвигались вперед, срезая риски.

Девяностовосьмисекундным импульсом «Тезей» оторвался от сосца, выходя на широкую дугу,

которая при небольшом усилии могла превратиться в замкнутую орбиту — или в спешный облет по гиперболе, если местность окажется слишком уж недружелюбной. Незримый луч «Икара» уплывал в направлении штирборта, расточая неистощимый поток энергии в пустоту. Наш молекулярно-тонкий зонтик размером с город свернулся и сам себя упаковал до той поры, когда кораблю снова потребуется корм. Запасы антиматерии тут же начали таять; только теперь мы были живы и могли это наблюдать. Потери были незначительны, но что-то тревожное сквозило в отрицательных числах на дисплее.

Мы могли остаться на помочах, подвесить буек в телепортационном луче, чтобы ретранслировать энергию к нам в гравитационный колодец. Сьюзен Джеймс поинтересовалась, почему бы нет.

— Слишком рискованно, — ответил Сарасти, но уточнять не стал.

Шпиндель склонился к Джеймс.

— Ну, зачем подставлять им лишнюю мишень, а?

Но мы слали вперед зонд за зондом, сплевывали с натугой, поспешно, не давая им горючего ни на что, кроме торопливого пролета и самоуничтоже-

ния. Разведчики не сводили глаз с кружившихся над Большим Беном аппаратов. «Тезей» издалека рассматривал их собственными немигающими острыми очами. Но если эти ныряльщики и ведали о нашем присутствии, то игнорировали его напрочь. Мы следили за ними с дистанции подлета, наблюдали, как они петляют и пикируют по миллионам парабол, под миллионом разных углов. Они никогда не сталкивались — ни друг с другом, ни с каменной лавиной, рокочущей по экватору Бена. На каждом перигее окунались в атмосферу; там вспыхивали и тормозились и на ракетной тяге вылетали обратно в космос, сияя остаточным жаром на воздухозаборниках.

Бейтс выхватила кадр из КонСенсуса, отчеркнула главное на переднем конце объекта, вынесла приговор:

— ГПВРД.[25]

Меньше чем за два дня мы насчитали больше четырехсот тысяч аппаратов. Это, судя по всему, была их основная часть; затем частота появлений новых объектов сошла на нет, а общее количество приблизилось к некой асимптоте. Большая часть обращалась по короткопериодическим

---

[25] Примечания: 25
Гиперзвуковой прямоточный воздушно-реактивный двигатель.

орбитам, но Сарасти предположил плотность распределения, по которой самые далекие почти достигали Плутона. Мы могли бы болтаться в окрестностях годами и все же временами сталкиваться со свежими брюхоглотами, вернувшимися из затяжной командировки в бездну.

— Самые быстрые на крутом повороте держат за полсотни «же», — обратил внимание Шпиндель. — Мясу такого не сдюжить. Беспилотники.

— Мясо можно укрепить, — заметил Сарасти.

— Если в нем столько арматуры, можно уже не заниматься казуистикой и честно назвать его техникой.

Морфометрические показатели были абсолютно идентичны. Четыреста тысяч ныряльщиков, и все одинаковые. Если в этом стаде и заправлял свой альфа-самец, на вид его было не отличить.

Как-то ночью — в том смысле, в каком на борту была ночь — я вышел к наблюдательному блистеру на слабый вой терзаемой электроники. Оказалось, Шпиндель наблюдает за шумовками. Он затворил броневые створки, скрыв звезды, и на их месте построил маленькую аналитическую берлогу. По внутренней поверхности свода рассыпались графики и окошки, словно не вмещаясь в виртуальном пространстве под черепом

Шпинделя.

Тактические диаграммы освещали его со всех сторон, превращая тело в яркий витраж мерцающих татуировок. Человек в картинках.

— Заглянуть можно? — спросил я.

Он хмыкнул: мол, да, но не настаивай особо. В пузыре шипел и булькал проливной дождь, заглушаемый привлекшим меня визгом.

— Что это?

— Магнитосфера Бена, — он не оглянулся. — Здорово, а?

Синтеты на работе мнения не имеют; это сводит к минимуму влияние наблюдателя. В тот раз я позволил себе маленькую слабость.

— Помехи хорошо шумят. А без скрипа можно было обойтись.

— Шутишь? Это же музыка сфер, комиссар. Прекрасно. Как старый джаз.

— Джаза я тоже никогда не понимал.

Шпиндель пожал плечами и убил верхние частоты, позволив дождю шуметь вокруг нас. Его подергивающийся от тика глаз задержался на замысловатой диаграмме.

— Хочешь ударную тему для своих заметок?

— Конечно.

— Лови.

Он ткнул пальцем, и свет блеснул на сенсорной перчатке радугой, словно на крыле стрекозы: спектр поглощения, раз за разом выводимый на дисплей. Яркие пики вскидывались и опадали, вскидывались и опадали с пятнаднатисекундным интервалом.

Титр не подсказывал мне ничего, кроме длин волн в ангстремах.

— Что это?

— Ныряльщики газы пускают. Эти сволочи сбрасывают в атмосферу сложную органику.

— Насколько сложную?

— Пока трудно сказать. Следы слабые и рассеиваются в два счета. Но как минимум сахара и аминокислоты. Может, белки. Может, еще сложнее.

— Может, жизнь? Микробы? Инопланетный проект терраформирования…

— Смотря как определять жизнь, — заметил Шпиндель. — Там даже дейнококк[26] долго не продержится. Но атмосфера — она большая. Если ребята перерабатывают ее прямым методом… надеюсь, они не очень торопятся.

А если торопятся, работа пошла бы намного

---

[26] Примечания: 26

Deinococcus radioduraus — бактерия полиэкстремофил, отличающаяся исключительной устойчивостью к воздействию радиации.

быстрее, если использовать саморазмножающуюся затравку.

— На мой взгляд, смахивает на жизнь.

— Больше похоже на распыление удобрений. Засранцы превращают всю долбаную планету в рисовый чек больше Юпитера размером, — он жутковато ухмыльнулся. — У кого-то ба-а-а-альшой аппетит, а? Начинаешь подумывать, а не взяли ли уже нас числом.

* * *

На следующем собрании информация, добытая Шпинделем, заняла центральное место. Черту подвел упырь.

— Самореплицирующиеся фон-нейманы, р-селекция,[27] — наглядные пособия плясали на столе. — Семена всплывают и прорастают шумовками, шумовки собирают сырье в аккреционном поясе. Орбиты плывут немного; пояс еще не устоялся.

---

[27] Примечания: 27

«Универсальный конструктор» — гипотетическая машина, придуманная Джоном фон Нейманом и способная неограниченно воспроизводить саму себя. Р-селекция (р-отбор) — процесс отбора в изменчивой среде, способствующий закреплению таких черт, как высокая плодовитость, малый размер, быстрая смена поколений и невысокая выживаемость потомства (т. н. репродуктивная r-стратегия, в противоположность К-стратегии, усиливающей обратные черты).

— Незаметно, чтобы это стадо размножалось, — заметил Шпиндель. — Никаких следов фабрики по их производству?

Сарасти покачал головой.

— Может, она разбирается. Идет на материалы. Или стадо прекращает размножение, достигнув определенной численности.

— Это всего лишь бульдозеры, — напомнила Бейтс. — Будут и жильцы.

— И немало, да? — добавил Шпиндель. — Мы тут, если чего, и пикнуть не успеем.

— Но они могут еще сотни лет не показываться, — вставила ноту скепсиса Джеймс.

Сарасти пощелкал языком.

— По-вашему получается, именно эти устройства строят светлячков? Объект Бернса-Колфилда?

Вопрос был риторический. Шпиндель все равно ответил.

— Не представляю, как.

— Значит, этим занимается кто-то другой. И он уже здесь.

Все помолчали немного. Графы Джеймс плыли и тасовались в тишине; когда она снова открыла рот, на поверхность сознания загадочным образом всплыла ее более молодая ипостась.

— Если они решили устроиться в таком месте, их среда обитания совершенно не походит на нашу. Это обнадеживает.

Мишель. Синестет.

— Белки, — глаза Сарасти скрывались за непрозрачным визором. — Биохимическая совместимость. Они могут нами питаться.

— Кем бы ни были эти существа, они даже не нуждаются в солнечном свете. Нет соперничества за территории, нет соперничества за ресурсы, нет основы для конфликта. Нет никакой причины, по которой мы не смогли бы превосходно договориться.

— С другой стороны, — заметил Шпиндель, — технология предполагает агрессию.

Мишель легонько фыркнула.

— Если верить хунте историков-теоретиков, которые никогда в жизни не встречали инопланетянина, то да. Может, сейчас нам удастся посадить их в лужу, — и в следующий миг она пропала, ее проявления смело, как листья ветром, и место ее заняла Сьюзен Джеймс со словами: — Почему бы нам просто не спросить у них?

— Спросить? — повторила за ней Бейтс.

— Там внизу четыреста тысяч роботов. Откуда мы знаем, что они не умеют разговаривать?

— Мы бы услышали, — объяснил Шпиндель. — Это беспилотники.

— Пинганут можно. По крайней мере, особого вреда от этого не будет. Уверенности ради.

— Даже если они разумны, нет никакого повода ожидать от них ответа. Язык и интеллект не так четко коррелируют даже на Зе…

Джеймс закатила глаза.

— Ну почему не попробовать, по крайней-то мере?! Мы сюда ради этого явились. Во всяком случае, я. Дать этот чертов сигнал, и все.

После недолгой паузы эстафету подхватила Бейтс.

— Сюз, с точки зрения теории игр затея скверная.

— С точки зрения теории игр, — в устах Джеймс это прозвучало ругательством.

— Лучшая стратегия — зуб за зуб. Они пингуют нас — мы пингуем в ответ. Сейчас мяч на их стороне поля; если мы отправим еще один сигнал, то можем выдать слишком много.

— Я знаю правила, Аманда. По ним выходит, что, если другая сторона не возьмет инициативу на себя, мы будем игнорировать друг друга до конца миссии, потому что теория игр запрещает унижаться.

— Это правило применимо, только когда имеешь дело с неизвестным игроком, — объяснила майор. — Чем больше мы узнаем, тем больше у нас появится вариантов.

Джеймс вздохнула.

— Просто… вы все отчего-то предполагаете, что они враждебны. Словно достаточно будет одного радиообращения, чтобы они набросились на нас.

Бейтс пожала плечами.

— Осторожность кажется уместной. Пускай я вояка, но не рвусь наступать на мозоли ребятам, которые скачут от звезды к звезде и терраформируют коричневые карлики. Никому здесь не надо напоминать, что «Тезей» — не боевой корабль.

Она сказала «никому», а имела в виду — Сарасти. А тот, сосредоточившись на своих целях, не ответил. По крайней мере, вслух; но его профили изъяснялись другим, неслышным языком.

«Пока нет», — говорили они.

* * *

Бейтс, кстати, была права. Официально «Тезей» проектировался для разведки, а не для боя. Без сомнения, наши хозяева предпочли бы нагрузить его ионными пушками и ядерными бомбами наряду с научным оборудованием, но даже

теленигиляционный топливопровод не мог нарушить третьего закона Ньютона. Вооруженный прототип пришлось бы разрабатывать слишком долго; груженный тяжелой артиллерией, более массивный, он бы гораздо дольше разгонялся. Время важнее оружия, решили наши господа. Если будет время, фабрикаторы в случае нужды могут построить почти все, что нам нужно. Чтобы с нуля воссоздать ионное орудие, времени уйдет немало, и сырье нам, возможно, придется добывать на астероиде поблизости, но мы бы справились. Если наши противники согласятся обождать честной игры ради.

Но каковы шансы, что даже лучшее наше оружие окажется эффективным против интеллекта, сотворившего Огнепад? Если неведомые создатели светлячков враждебны, то нам конец, как ни старайся. Пришельцы технологически развиты — и были те, кто заверял, что это по определению делает их враждебными. Технология, говорили они, подразумевает агрессию.

Тут, пожалуй, требуется объяснение, хотя сейчас оно к делу вовсе не относится. После стольких лет не мудрено и забыть, с чего все начиналось.

Жили-были три племени. Оптимисты, чьими святыми покровителями были Саган и Дрейк,

верили во вселенную, кишащую благодушными аборигенами, в духовное братство, которое выше и просвещённее нас, в великое галактическое содружество, куда когда-нибудь взойдем и мы. Без сомнения, говорили Оптимисты, космические перелеты предполагают миролюбие, ибо требуют контроля над разрушительными силами. Любая раса, неспособная подняться над собственными скотскими инстинктами, самоуничтожится задолго до того, как ей под силу будет преодолеть межзвездные бездны.

Напротив Оптимистов поселились Пессимисты, преклонявшие колена пред идолищем святаго Ферми и сворою малых присных его. Пессимистам мнилась безлюдная вселенная, полная мертвых скал и прокариотических соплей. Шансы слишком малы, настаивали они. Слишком много блудных планет, слишком много радиации, слишком велик эксцентриситет слишком многих орбит. То, что существует хотя бы одна Земля, суть исключительное чудо; надеяться на множество их — значит оставить рассудок и предаться шаманскому безумию. В конце концов, вселенной четырнадцать миллиардов лет: если бы в галактике зародился не один разум, разве его представители не были бы уже рядом с нами?

А на равном отдалении от тех и других обитали Историки. Они не слишком задумывались над возможным появлением разумных инопланетян из дальнего космоса — но если такие существуют, говорили Историки, то пришельцы будут не просто умны. Они будут опасны.

Вывод этот может показаться даже слишком очевидным. Что есть история человечества, как не последовательная поступь новых технологий, попирающих старые железной пятой? Но предметом рассмотрения служила в данном случае не история человечества и не бесчестное преимущество, которое орудия давали одной из сторон; угнетенные подхватывают совершенное средство уничтожения так же охотно, как угнетатели — дай им только полшанса. Нет, вопрос заключался в том, откуда вообще взялись орудия. В том, для чего они нужны.

С точки зрения Историков, орудия создавались с единственной целью: придавать сущему противоестественные формы. Они обращались с природой как с врагом, они по определению являли собою мятеж против натуры вещей. В благоприятной среде технология не выживает и не развивается в культурах, пораженных верой в естественную гармонию. Зачем изобретать тер-

моядерные реакторы, когда климат прекрасен, а пища изобильна? Зачем строить крепости, когда нет врагов? Зачем насиловать мир, который не представляет угрозы?

Не так давно человеческая цивилизация могла похвастаться множеством ветвей. Даже в двадцать первом веке отдельные изолированные племена едва додумались до каменных орудий. Некоторые остановились на сельском хозяйстве. Другие не успокоились, пока не покончили с самой природой, третьи — пока не построили города в космосе.

Но все мы рано или поздно успокаивались. Каждая новая технология стаптывала менее совершенные, карабкаясь к некоей асимптоте довольства, пока не останавливалась — пока моя родная мать не улеглась личинкой в медовую соту, под уход механических рук, по доброй воле отказавшись от борьбы.

Вот только история не утверждала, что все должны остановиться вместе с нами. Она лишь предполагала, что остановившиеся перестали бороться за выживание. Могут быть и другие, адские миры, где лучшие творения человечества рассыпались бы, где среда продолжает оставаться врагом, где единственными выжившими оста-

лись те, кто сопротивлялся ей острой лопатой и прочной державой. И угроза, которую представляет подобная среда, не может быть примитивной. Суровый климат и стихийные бедствия или убивают тебя, или нет, а единожды подчиненные — или заставившие приспособиться — теряют опасность. Нет, единственные факторы среды, не теряющие значения, — те, что сопротивляются, что новым подходам противопоставляют самоновейшие, что заставляют противника брать невероятные вершины исключительно ради выживания. В конечном итоге единственный настоящий враг — это враг разумный.

А раз лучшие игрушки оказываются в руках у тех, кто никогда не забывает, что сама жизнь — это война против наделенного разумом противника, что это говорит о племени, чьи машины путешествуют между звезд?

Достаточно резонный довод. Возможно, он даже принес бы Историкам победу в споре, если бы подобные дискуссии когда-либо разрешались на основе аргументов и если бы заскучавшая аудитория уже не присудила Ферми победу но очкам. Но парадигма Историков была слишком страховидна, слишком дарвинистична для народа, да и кроме того — интерес пропал. Даже запоздав-

шие сенсации обсерватории Кэссиди ничего не изменили. Ну и что, если на каком-то шарике в окрестностях Большой Медведицы атмосфера содержит кислород? До него сорок три световых года, и планета молчит; а если тебе нужны летающие шандалы и мессии со звезд, на Небесах этого добра навалом. Если тебе нужны тестостерон и стрелковая практика, можешь выбрать посмертие, полное злобных инопланетных тварей со сбитым прицелом. Если сама мысль о нечеловеческом разуме угрожает твоему мировоззрению, ты можешь исследовать виртуальную галактику бесхозной недвижимости, только и ожидающей случайно проходивших мимо богобоязненных паломников с Земли.

И все это рядом, по другую сторону спинномозговой розетки, которую можно вставить за четверть часа. Зачем тогда терпеть тесноту и вонь в реальном космическом перелете только для того, чтобы навестить прудовую слизь на Европе?

Так и случилось с неизбежностью, что зародилось четвертое племя, небесное войско, восторжествовавшее над всеми: племя, которому На Все Класть С Прибором. И когда на Землю обрушились светлячки, оно не знало, что делать.

Поэтому они послали вперед «Тезей» и — в запоздалом почтении к мантрам Историков — вместе с нами послали солдата, так, на всякий случай. Крайне маловероятно было, чтобы хоть одно дитя Земли могло выстоять перед теми, кто преодолел межзвездные пространства, если пришельцы окажутся враждебны. И все же я чувствовал, что присутствие Бейтс успокаивает, по крайней мере, человеческую часть команды. Если придется идти врукопашную с недружелюбным тираннозавром, чей интеллект измеряется четырехзначными числами, не помешает иметь под рукой опытного солдата.

В худшем случае она сможет вырубить копье из ветки соседнего дерева.

* * *

— Богом клянусь, если нас всех сожрут инопланетяне, спасибо за это надо будет сказать секте Теории игр, — выпалила Саша.

Она перекусывала на камбузе брикетом кускуса. Я наведался туда за кофеином. Мы остались более-менее наедине: остальной экипаж разметало от купола до фабрики.

— Лингвисты ей не пользуются?

Некоторые, я знал, не испытывали поэтому

поводу проблем.

— Мы — нет. А остальные — шарлатаны. С ней в чем беда: теория игр предполагает рациональную заинтересованность игроков. А люди не ведут себя рационально.

— Раньше предполагала, — признал я. — Сейчас учитывают влияние нейросоциологии.

— Нейросоциологии человека, — Саша отгрызла угол у брикета и продолжила с полным ртом манки: — Все, на что годится теория игр, это рациональные игроки вида Homo Sapiens. Давай-ка я ткну пальцем в небо и попробую догадаться, относится ли хоть что-нибудь из этого к ним, — Саша махнула рукой в сторону таящихся за корабельной обшивкой архетипических пришельцев.

— Свои ограничения у нее есть, — признал я. — Приходится, наверное, использовать подручные инструменты.

Саша фыркнула.

— А если тебе не удалось добыть папку с чертежами, ты станешь строить дом своей мечты по книге неприличных частушек?

— Может, и нет. Но для меня теория игр оказалась весьма полезна, — добавил я, поневоле оправдываясь. — В самых неожиданных областях.

— Да? Например?

— Дни рождения, — ответил я и тут же пожалел об этом.

Саша перестала жевать. В глазах у нее что-то блеснуло мимолетно, словно остальные ее личности навострили уши.

— Продолжай, — заинтересовалась она, и я ощутил, как прислушивается вся Банда.

— Ничего особенного. Просто пример.

— Так расскажи, — Саша вскинула голову Сьюзен.

Я пожал плечами. Не было смысла раздувать проблему.

— Ну, согласно теории игр, нельзя никому говорить, когда у тебя день рождения.

— Не понимаю.

— Проигрышная ситуация. Выигрышной стратегии нет.

— Что значит «стратегии»? Это же просто день рождения.

Челси, когда я пытался ей объяснить, сказала то же самое. «Смотри, — говорил я, — предположим, ты всем расскажешь, когда у тебя день рождения, и ничего не происходит. Это вроде как оскорбительно».

«Или, предположим, тебе закатят вечерин-

ку», — отозвалась тогда Челси.

«Но ты не знаешь, сделано это искренне или ты своим предыдущим сообщением пристыдил знакомых отметить дату, на которую они предпочли бы забить. Но если ты никому не скажешь, и никто не отметит твой день рождения, то причин обижаться не будет, потому что, в конце концов, никто же не знал. А если кто-нибудь все же поставит тебе выпивку, ты поймешь, что это от чистого сердца, так как никто не станет тратить силы на то, чтобы выяснить, когда же у тебя все-таки день рождения — а потом еще и отмечать его, — если только ты этим людям в самом деле небезразличен».

Конечно, Банда лучше воспринимала такие вещи. Мне не потребовалось объяснять на словах; я мог просто обратиться к КонСенсусу и расчертить таблицу результатов: «сказать / не сказать» в столбцах, «отмечали / не отмечали» в строках, неоспоримая черно-белая логика затрат и выгод в самих ячейках. Расчет был неопровержим: единственной выигрышной стратегией оставалось умолчание. Только дураки рассказывают про свои дни рождения.

Саша покосилась на меня.

— Ты это еще кому-нибудь когда-нибудь по-

казывал?

— Конечно. Своей девушке.

Брови ее поползли вверх.

— У тебя была девушка? В натуре?

Я кивнул.

— Когда-то.

— В смысле — после того, как ты ей это показал?

— Ну… да.

— Ммм, — взгляд ее скользнул обратно к таблице результатов. — Чисто из любопытства, Сири: как она к этому отнеслась?

— Никак, на самом деле. Поначалу. Потом… долго смеялась.

— Славная женщина. Лучше меня, — Саша покачала головой. — Я бы тебя бросила тут же.

* * *

Моя еженощная прогулка вдоль по хребту корабля: восхитительный, дивный полет с единственной степенью свободы. Я проплывал сквозь люки и коридоры, раскидывал руки и кружил в ласковых циклонах вертушки. Бейтс носилась вокруг меня, отбивая отлетающий от переборок и контейнеров мячик, изгибаясь, чтобы поймать каждый крученый рикошет в кривом поле псев-

дотяготения. Потом ее игрушка отскочила от лестницы куда-то в сторону; майорская ругань преследовала меня сквозь игольное ушко из склепа в рубку.

Я затормозил у самого порога, остановленный звуками негромких голосов.

— Конечно, они прекрасны, — пробормотал Шпиндель. — Это же звезды.

— И, подозреваю, ты хотел бы любоваться ими не в моём обществе, — отозвалась Джеймс.

— Твой номер второй. Но у меня свидание с Мишель.

— Она не предупредила.

— Она не обязана тебе докладываться. У нее спроси.

— Эй, это тело антисекс принимает исправно. А вот про твое не знаю.

— Не надо пошлить, Сюз. Эрос — не единственный вид любви, а? Древние греки признавали четыре.

— То-очно, — определенно уже не Сьюзен. — Бери пример с компании педерастов.

— Саша, ну твою же мать! Я всего-то прошу пару минут наедине с Мишель, пока надсмотрщик отвернулся…

— Изя, это и мое тело тоже. Хочешь мне очки

втереть?

— Я хочу поговорить! Наедине, а? Я так много прошу?

Я услышал, как Саша втянула воздух. Услышал, как Мишель выдохнула.

— Извини. Ты знаешь Банду.

— Слава Богу. Всякий раз, как я прошу тебя отпустить, все равно что медосмотр прохожу.

— Тогда тебе повезло, ты им нравишься.

— По-моему, тебе пора устроить переворот.

— Всегда можешь подселиться к нам.

Послышался шорох нежного прикосновения.

— Ты как? — спросил Шпиндель. — В порядке?

— Неплохо. Уже, кажется, заново привыкла жить. А ты?

— Ну, я, сколько ни пролежи в гробу, так и останусь калекой.

— Ты молодец.

— Да ну? Мерси. Стараюсь.

Короткая пауза. Тихонько бурчит себе под нос «Тезей».

— Мама была права, — проговорила Мишель. — Они прекрасны.

— Что ты видишь, когда смотришь на них? — и, спохватившись: — Я хочу сказать…

— Они… колючие, — отозвалась Мишель. —

Поверну голову — и словно ленты тоненьких иголочек прокатываются по коже. Но не больно. Только щиплет. Почти как электричество. Приятно.

— Жалко, я так не умею.

— У тебя есть интерфейс. Просто подключи камеру вместо зрительной коры к теменной доле.

— И узнаю только, как ощущает зрение машина, так? Не то, как его ощущаешь ты.

— Исаак Шпиндель, ты — романтик.

— Не-а.

— Ты и не хочешь знать. Ты хочешь сохранить тайну.

— Если ты не заметила, у нас на руках уже больше тайн, чем мы можем удержать.

— Да, но с этим ничего не поделаешь.

— Как сказать. Глазом моргнуть не успеешь, как у нас будет работы по уши.

— Думаешь?

— Об заклад бьюсь, — отозвался Шпиндель. — Пока что мы только издалека поглядывали, так? Вот когда мы спустимся и поворошим палкой, начнется самое интересное.

— Для тебя — может быть. В этой каше должно быть хоть что-то живое, раз там столько органики.

— Само собой. Ты будешь с ними болтать, а я — делать им анализы.

— Может, и нет. Я что хочу сказать: Мамуля и через миллион лет в этом не признается, но насчет языка ты в чем-то прав. Когда ты обращаешься непосредственно к нему, то он превращается в трюк, уловку. Все равно что описывать сновидения дымовыми сигналами. Язык великолепен, благороден — ничего лучше, наверное, человеческое тело не в силах совершить, но нельзя превратить закат в цепочку похрюкиваний, ничего не потеряв. Язык ограничивает. Может, те, кто обитает внизу, им вовсе не пользуются.

— Куда же они денутся?

— С каких пор такие мысли? Ты же обожаешь указывать, насколько неэффективная штука язык.

— Только когда пытаюсь тебя достать. Или достать до твоих прелестей. — Он усмехнулся собственной шутке.

— А серьезно — ну чем они еще могут пользоваться? Телепатией? Мне так кажется, ты охнуть не успеешь, как тебя иероглифами засыплет с головой. И что еще лучше — ты их расколешь в два счета.

— Ты такой милый… но вряд ли. Я даже Юкку

через раз не могу расшифровать, — Мишель примолкла на секунду. — Временами он меня… ну… доводит.

— Тебя и еще семь миллиардов человек.

— Ага. Знаю, это глупо, но когда его нет рядом, я постоянно краешком глаза высматриваю, где он прячется. А когда он стоит прямо передо мной, мне хочется куда-нибудь убежать.

— Он же не виноват, что у нас от него мурашки по коже.

— Знаю. Но боевого духа это не прибавляет. Кто был этот гений, который придумал поставить главным вампира?

— А куда его еще девать? Или ты хочешь им командовать?

— Дело даже не в том, как он движется. В том, как он говорит. Так не бывает.

— Ты же знаешь, он…

— Я не про настоящее время или смычные звуки. Юкка… ну ты же слышал, как он изъясняется. Кратко.

— Так эффективнее.

— Это напускное, Исаак. Он умнее нас всех, взятых вместе, а выражается порой так, словно у него в словаре полсотни слов. Слабое фырканье. Одно-два прилагательных в месяц его бы

не убили.

— А-а! Ты так говоришь, потому что ты лингвист и не понимаешь, как можно не погрязнуть всецело в красотах языка, — Шпиндель откашлялся с напускной серьезностью. — А вот я — биолог, и для меня все вполне очевидно.

— Да ну? Тогда объясни мне, о мудрый и всеславный потрошитель лягушек!

— Все просто. Кровосос — мигрант, а не резидент.

— Что за… а, ты про касаток, да? Диалекты языка свистов?

— Я сказал — забудь про лингвистику. Подумай об их образе жизни. Резиденты питаются рыбой, так? Они тусуются большими стаями, на одном месте, постоянно треплются, — я уловил шорох движения, представил, как Шпиндель, склонившись, кладет руку на плечо Мишель. Представил, как сенсоры в перчатках подсказывают ему, какова она на ощупь. — А вот мигранты — они жрут млекопитающих. Тюленей, морских львов — сообразительную добычу. Достаточно сообразительную, чтобы смыться, услышав хлопок плавником или серию щелчков. Поэтому мигранты хитрые. Охотятся маленькими группами по всей территории и держат пасть на замке, чтобы

никто не услышал их загодя.

— И Юкка — мигрант.

— Инстинкты этого парня требуют от него тихариться от добычи. Всякий раз, как он открывает рот, всякий раз, как позволяет себя заметить, ему приходится воевать с собственным стволом мозга. Может, не стоит быть слишком суровыми к старику только потому, что он не лучший в мире демагог, а?

— Всякий раз на инструктаже он борется с желанием нас сожрать? Очень обнадеживает.

Шпиндель тихо рассмеялся.

— Не так все страшно. Думаю, даже касатки расслабляются, прикончив добычу. Зачем таиться на полный желудок, а?

— Значит, он не сражается с собственным стволом мозга. Он просто не голоден.

— Одно другого не исключает. Знаешь, мозг никогда не спит. Но я тебе вот что скажу, — игривые нотки в голосе Шпинделя пропали. — Если Сарасти иногда решает провести совещание из своей каюты, меня это не напрягает. Но вот если мы вообще перестанем с ним сталкиваться… тогда наступит пора держаться спиной к стене.

* * *

Вспоминая тот эпизод, могу, наконец, сознаться: я завидовал способности Шпинделя обращаться с дамами. Битый-резаный, неуклюжее чучело из судорог и спазмов, едва способное ощущать собственную кожу, он каким-то образом ухитрялся оставаться…

Обаятельным. Вот самое точное слово. Обаятельным.

Это качество устарело в роли социальной необходимости, сошло на нет вместе с парным невиртуальным сексом. Но последним даже я пробовал заниматься; и было бы здорово при необходимости располагать самоуничижительным даром Шпинделя.

Особенно, когда наши с Челси отношения начали трещать по швам.

У меня, конечно, был собственный стиль. Я пытался проявить обаяние — на свой особый манер. Как-то, после очередной ненужной ссоры по поводу честности и эмоциональной манипуляции, я подумал даже, что немного чувства юмора поможет загладить разрыв. Мне уже приходило в голову, что Челси попросту не разбирается в межполовых отношениях. Конечно, она зараба-

тывала на жизнь коррекцией мозгов, но, скорее всего, просто заучила схемы проводки, не задумавшись даже, откуда те появились изначально и какие правила естественного отбора их сформировали. Возможно, она искренне не понимала, что мы с ней — эволюционные враги, что всякие связи обречены рваться. Если бы я мог как-то подселить это озарение к ней в голову, если бы мог проскользнуть сквозь ее защиту, возможно, мы смогли бы удержаться вместе.

Так что я, поразмыслив, придумал идеальный способ просветить ее. Написал сказку на ночь, обезоруживающую весельем и глубоким чувством, и назвал ее

Книга овогенеза

В начале были гаметы. И хотя уже явилось половое размножение, не было еще пола, и всякая жизнь пребывала в равновесии.

И сказал Бог: «Да будет сперматозоид!», и усохли одни половые клетки, и стали дешевы, и заполонили рынок.

И сказал Бог: «Да будет яйцеклетка!», и великим множеством напали сперматозоиды на другие половые клетки. И плоды из них приносили немногие, ибо не заботился Сперматозоид о

пропитании зиготы малой, и только самые запасливые Яйцеклетки способны были возместить недостачу. И с течением времен становились они все больше.

И поместил Господь Яйцеклетки в утробу, и заповедовал: «Здесь пребывайте, ибо на недвижимость обрекла вас величина ваша. Так пусть же Сперматозоид стремится к вам в палатах ваших. Отныне да будете вы оплодотворяться внутренне», и стало так.

И сказал Господь гаметам: «Плоды слияния вашего да обитают пусть во средах всяких и облик всякий принимают. Пусть дышат они воздухом, и водою, и сернистой грязью источников гидротермальных. Но заповеди моей единственной не забывайте, неизменной от начала времен: распространяйте гены свои».

Так явились в мир Сперматозоид и Яйцеклетка. И сказал Сперматозоид: «Мал я, и многочислен, и заповедь Господню исполню верно, коли рассеюсь повсюду. Стану я вовеки искать новых партнеров и оставлять их в тягости, ибо многочисленны чрева, а время быстротечно». Но молвила Яйцеклетка: «Вот, бремя размножения тяготит меня. Суждено мне вынашивать плоть, лишь наполовину мою, нести и кормить ее, даже

когда та покинет палаты мои», ибо к тому часу многие тела Яйцеклетки наделены были теплою кровью и мягкою шерстью. «Малочисленны дети мои, и должна я посвятить им себя и защищать от напасти. Так пусть же поможет мне в том Сперматозоид, ибо в том его вина. И пускай он стремится от объятий моих, не дозволю я ему блудить и возлежать с конкурентками моими».

И не понравилось то Сперматозоиду.

И улыбнулся Господь, ибо заповедь его вовлекла Сперматозоид и Яйцеклетку в войну друг с другом, коя не прекратится до того дня, когда оба они обратятся в рудименты.

Как-то мглистым вечером, во вторник, я принес Челси цветы. Припомнил нелепость старинной романтической традиции — преподносить в качестве совокупительного дара отрезанные гениталии другого вида, а когда мы собрались заняться сексом, рассказал ей эту историю.

По сей день не знаю, что же пошло не так.

* * *

Стеклянный потолок всегда в тебе.
Стеклянный потолок — это сознание.
Джейкоб Хольцбринк, «Ключи к пла-

нете»[28]

До нашего отлета с Земли ходили слухи о четвертой волне: будто за нами по пятам следует флот космических дредноутов на случай, если пушечное мясо в авангарде столкнется с чем-то скверным. Или посольский фрегат, набитый политиками и бизнесменами, готовыми локтями протолкаться в первые ряды, коли инопланетяне окажутся дружелюбны. Неважно, что на Земле не было ни космических дредноутов, ни посольских кораблей; «Тезея» до Огнепада тоже не существовало. Никто не сообщал нам о подобных планах, но солдатам на передовой общей картины не объясняют. Чем меньше те знают, тем меньше могут выдать.

Я до сих пор не в курсе, существовала ли четвертая волна. Никаких признаков ее приближения я не замечал, если это чего-то стоит. Может, мы оставили их барахтаться по дороге к объекту Бернса-Колфилда. А может, они проследовали за нами до самого Большого Бена, подкрались достаточно близко, чтобы разобрать, с чем мы столкнулись, и унесли ноги, когда стало жарко.

Мне очень любопытно, что случилось на самом

---

[28] Примечания: 28
Источник вымышленный.

деле. И добрались ли они до дома.

Оглядываюсь — и надеюсь, что нет.

Под ребра «Тезею» врезалась желейная туша. Лиз качнулся, точно маятник. Шпиндель в другом конце вертушки вскрикнул, словно обжегшись; я едва не ошпарился взаправду — вскрывал на кубрике грушу с горячим кофе.

Ну, началось, подумал я. Мы подошли слишком близко. Они открыли огонь.

— Какого?..

На общей линии вспыхнул огонек — Бейтс подключилась из рубки.

— Только что врубился маршевый. Меняем курс.

— Куда? Зачем? Кто приказал?

— Я, — ответил Сарасти, показавшись из дверей.

Все молчали. Сквозь кормовой люк в вертушку просачивался скрежет. Я пинганул систему промразверстки «Тезея». Фабрика перенастраивалась на массовое производство легированной керамики.

Радиационная защита. Твердотелая, массивная и очень простая, в отличие от управляемых магнитных полей, на которые мы полагались обычно.

Из своей палатки выбралась Банда, моргая спросонья.

— Какого хрена? — проворчала Саша.

— Смотрите.

Сарасти потянулся к КонСенсусу и встряхнул.

Не инструктаж — ураган: гравитационные колодцы и орбитальные траектории, модели напряжения сдвига в аммиачно-водородных грозовых тучах, стереоскопические ландшафты, погребенные под фильтрами всех длин волн, от радио до гамма-излучения. Я видел точки излома, и точки перегиба, и нестабильные равновесия. Я видел складки катастроф в пятимерном пространстве. Мои наращения с трудом переваривали такой объем информации; мой биологический полумозг с трудом осознавал вывод из нее.

Что-то пряталось там, внизу, на самом виду.

Аккреционный пояс Бена вел себя скверно. Его хулиганство простым глазом было не заметить; Сарасти пришлось проанализировать траектории чуть ли не всех до последнего планетезималей,[29] скал и крупинок. И ни он, ни их с Капитаном совместный интеллект не могли

[29] Примечания: 29

Небольшие тела изо льда и камня диаметром от нескольких метров до нескольких километров, образующиеся в кольцевых облаках газа и пыли.

объяснить этот массив траекторий просто как следствие некоего давнего возмущения. Пыль не успокаивалась; часть ее маршировала по указке чего-то, что даже сейчас протягивало невидимую руку с вершин облачного слоя и срывало обломки с орбиты.

И не все обломки находили цель. Экваториальный пояс Бена постоянно мерцал метеорными вспышками, они были гораздо слабее, чем яркие следы шумовок, практически мимолетны, но в распределение частот не вписывались все упавшие камни. Казалось, по временам отдельные куски орбитального мусора просто выпадают в параллельную вселенную.

Или их что-то проглатывает в нашей. Объект обращался вокруг Бена с периодом сорок часов, так низко, что едва не касался атмосферы, и не был заметен ни в видимом свете, ни в инфракрасном, ни в радиодиапазоне. Он остался бы всего лишь нашей фантазией, если бы одна из шумовок не прожгла огненным следом атмосферу под ним на глазах у «Тезея».

Этот кадр Сарасти зафиксировал и увеличил: яркий инверсионный след пересекал наискось вечную ночь Бена, на полпути неожиданно сползал на пару градусов левее и возвращался в

прежнее положение, уже практически выходя из поля зрения корабля. На снимке виднелся луч застывшего света; а посередине его хорошо просматривался сегмент, там, где шумовка отклонилась в сторону примерно на ширину волоса.

Сегмент девяти километров длиною.

— Вот замаскировался, — ошарашенно пробормотала Саша.

— Не слишком удачно, — Бейтс вынырнула из переднего люка и поплыла по ходу вращения корабля. — В отраженном свете предмет неплохо виден, — на полпути к палубе она зацепилась за перила лестницы, по инерции развернулась ногами вниз и опустилась на ступеньки. — Почему мы раньше его не засекли?

— Слабая освещенность, — предположил Шпиндель.

— Не только инверсионные следы. Посмотри на тучи, — действительно, на облачном покрове Бена можно было различить такие же еле заметные искажения. Бейтс ступила на палубу и шагнула к столу. — Следовало раньше заметить.

— Остальные зонды никакого артефакта не наблюдают, — отметил Сарасти. — А этот приближается под более широким углом. Двадцать семь градусов.

— Углом к чему? — переспросила Саша.

— К линии, — пробормотала Бейтс, — между ними и нами.

На тактической диаграмме все видно: «Тезей» падал к планете по предсказуемой дуге, но сброшенные нами зонды не заморачивались гомановскими орбитами[30] — они мчались отвесно вниз, всего на пару градусов отклоняясь от гипотетической линии, соединяющей корабль с центром Большого Бена.

Кроме одного. Который зашел со стороны и разоблачил фокус.

— Чем дальше от нашего курса, тем очевиднее расхождение, — нараспев произнес Сарасти. — Полагаю, в плоскости, перпендикулярной траектории движения «Тезея», объект виден отчетливо.

— Значит, мы в слепом пятне? Увидим его, если сменим траекторию?

Бейтс покачала годовой.

— Это слепое пятно движется, Саш. Оно…

— Отслеживает нас, — Саша втянула воздух сквозь зубы. — С-сука.

---

[30] Примечания: 30

Гомановские трансферные орбиты (орбиты Гомана-Ветчинкина) — эллиптические орбиты, позволяющие переходить с одной круговой орбиты на другую с минимальными энергетическими затратами.

Шпиндель вздрогнул.

— Так что это такое? Наша фабрика шумовок?

Пиксели стоп-кадра зашевелились. Из буйных вихрей и облачных завитушек атмосферы прорезалось нечто зернистое и невнятное. Всюду кривые, шипы, и ни единой ровной линии; нельзя было определить, что в форме объекта настоящее, а что — фрактальное влияние облачного слоя внизу. Общими очертаниями он походил на тор или на сборище мелких угловатых предметов, нагроможденных неровным кольцом; к тому же пришелец обладал колоссальными размерами. Девять километров поплывшего инверсионного следа едва коснулись периметра объекта, срезав сорок или пятьдесят градусов дуги. Эта штуковина, скрытая в тени десяти Юпитеров, имела в поперечнике почти тридцать километров.

Ускорение прервалось где-то посреди рабочего резюме Сарасти. Все вернулось на свои места. А мы — нет. Наш опасливый — может-надо-может-нет — подход остался в прошлом; мы шли курсом на цель и положили с прибором на возможную торпеду в брюхо.

— Э, оно размером тридцать кэмэ, — напомнила Саша. — И оно невидимое. Нам не стоит вести себя чуток поосторожнее?

Шпиндель пожал плечами.

— Если бы мы могли предугадывать решения вампиров, нам бы они не потребовались, так?

Пакет данных развернулся новой гранью. Гистограммы частотного распределения и спектральные гармоники раскрылись плывущими горными хребтами — оркестр видимого света.

— Модулированный лазерный луч, — доложила Бейтс. Шпиндель поднял голову.

— Оттуда?

Бейтс кивнула.

— Сразу, как мы его раскололи. Интересное совпадение.

— Устрашающее, — пробормотал Шпиндель. — Как они узнали?

— Мы сменили курс. Идем прямо на них.

Световое шоу стучалось к нам в окна.

— Что бы это ни было, — вымолвила Бейтс, — оно с нами разговаривает.

— Ну, тогда, — заметил приятный голос, — без сомнения, следует поздороваться.

У руля вновь стояла Сьюзен Джеймс.

* * *

Я остался единственным наблюдателем.

Остальные занимались делом, каждый сво-

им. Шпиндель прогонял отслеженный Сарасти смутный силуэт через серию фильтров, надеясь выжать из вида техники хоть какие-то сведения о биологии ее создателей. Бейтс сравнивала морфологию замаскированного объекта и шумовок. Сарасти наблюдал за нами всеми с высоты и думал свои вампирские думы, столь глубокие, что мы и надеяться не могли сравняться с ним. Но это все была суета, ведь к рампе вышла Банда четырех под талантливым руководством Сьюзен Джеймс.

Она подхватила ближайшее кресло, опустилась в него, подняла руки, будто собралась дирижировать. Пальцы ее метались в воздухе, играя на виртуальных иконках; губы и челюсть подергивались от непроизнесенных команд. Я подключился к ее каналу и увидел, как сигналы чужаков обрастают текстом:

> ***««Роршах» вызывает судно, приближающееся с азимута 116°, склонение 23° отн.: Привет, «Тезей». «Роршах» вызывает судно, приближающееся с азимута 116°, склонение 23° отн.: Привет, «Тезей». «Роршах» вызывает судно, приближа…»***

Она расшифровала чертов сигнал. Уже. Даже отвечала:

««Тезей» — «Роршаху»: Привет, «Роршах»».

«Привет, «Тезей». Добро пожаловать в наши края»

Она раскололa его меньше чем за три минуты. Или, вернее, они раскололи его меньше чем за три минуты: четыре расщепленных личности, полностью независимые друг от друга, и несколько дюжин подсознательных семиотических модулей, все — действующие параллельно и высеченные с дивной ловкостью из одного куска серого вещества. Я даже стал понимать, почему кто-то может сознательно пойти на такое насилие над собственным рассудком, если оно дает в итоге подобные результаты.

До того момента я не был убежден, что даже ради спасения собственной жизни согласился бы на подобное.

«Просим разрешения на сближение»

— отправила сообщение Банда четырех. Просто и открыто: только факты и данные, спасибо и

как можно меньше места для двусмысленности и недопонимания. Причудливые концепции вроде «мы пришли с миром» подождут. Первый контакт — не время для культурного обмена.

«Вам стоит держаться подальше. Серьезно. Это опасное место»

Это привлекло внимание. Бейтс и Шпиндель после минутного колебания выглянули из своих рабочих пространств в виртуальность Джеймс.

«Запрашиваем данные о характере опасности»

— отправила сообщение Банда. Мы по-прежнему держались конкретных тем.

«Слишком близко и опасно для вас, осложнения на низких орбитах»

«Просим информации по осложнениям на низких орбитах»

«Обстановка летальная. Метеориты и радиация. Как хотите. Я справляюсь, но нам так нравится»

«Нам известно о метеоритной угрозе. Мы оснащены радиозащитными сред-

ствами. Просим информации о других опасностях»

Не удовлетворившись переводом, я решил посмотреть на оригинал. Судя по цветовой кодировке, «Тезей» преобразовывал часть входящих сигналов в звуковые волны. Значит, голосовая связь. Они с нами разговариваривали. Под бегущими символами таились нагие звуки инопланетной речи.

Конечно, я не устоял.

— Между друзьями — сколько угодно. Вы направляетесь на праздник?

Английский. Мужской голос. Старческий.

— Мы — исследователи, — ответила Банда, хотя голос принадлежал «Тезею». — Должны установить диалог с существами, направившими объекты в околосолнечное пространство.

— Первый контакт. Подходящая причина для праздника.

Я дважды проверил источник информации. Нет, это не был перевод; я слышал реальный, необработанный сигнал, исходящий с… «Роршаха», так оно себя называло. Во всяком случае, часть передачи, так как луч содержал и другие, неакустические элементы. Я проглядывал, какие,

когда Джеймс заговорила:

— Запрашиваем информацию о вашем празднестве. Стандартный межкорабельный протокол установления связи.

— Вам интересно? — теперь голос стал сильнее, моложе.

— Да.

— Правда?

— Да, — терпеливо повторила Банда.

— Кто ты?

Мимолетное колебание.

— Говорит «Тезей».

— Я знаю, нормал, — теперь по-китайски. — Кто ты? — голос не изменил тональности, но каким-то образом стал неуловимо жестче.

— Говорит Сьюзен Джеймс. Я…

— Тебе здесь не понравится, Сьюзен. Дело в фетишистских религиозных верованиях. Тут проводятся опасные ритуалы.

Джеймс пожевала губу.

— Просим разъяснений. Ритуалы представляют для нас опасность?

— Безусловно, могут.

— Просим разъяснений. Опасны ритуалы или среда на низких орбитах?

— Среда нарушений. Следует быть внима-

тельнее, Сьюзен. Невнимание подразумевает безразличие, — передал «Роршах». И миг спустя добавил: — Или неуважение.

* * *

У нас осталось четыре часа, прежде чем Большой Бен заслонил объект. Четыре часа непрерывного, безостановочного общения, оказавшегося гораздо проще, чем ожидалось. Оно, в конце концов, говорило на земном языке. Регулярно выражало вежливую озабоченность нашим благополучием. И все же, несмотря на бойкую речь, практически ничего о себе не рассказало. На протяжении четырех часов объект умудрился не дать прямого ответа ни на одну тему, если не считать крайнего нежелания вступать с нами в тесный контакт, и к тому времени, когда наступило затмение, мы так и не выяснили — почему.

В середине разговора на палубу вывалился Сарасти. Ноги его не касались лестницы. Вампир протянул руку, вцепился в поручень, чтобы удержаться при падении, и лишь слегка пошатнулся. Если бы такой трюк вздумал провернуть я, то закончил бы плачевно, летая по отсеку галькой в бетономешалке.

Он замер статуей до конца сеанса связи. Лицо

каменное, глаза скрыты за обсидиановым забралом очков. Когда сигнал с «Роршаха» оборвался на полуфразе, вампир жестом созвал нас к общему столу.

— Оно разговаривает, — произнес он. Джеймс кивнула.

— Объект практически не дает нам информации и только просит держаться на расстоянии. До сих пор голос принадлежал взрослому мужчине, хотя кажущийся возраст несколько раз менялся.

Это Сарасти и сам слышал.

— Структура сигнала?

— Межкорабельные протоколы выполнены идеально. Словарный запас объекта довольно обширный, такой не реконструируешь, подслушав стандартный пилотский трёп за несколько рейсов, скорее всего, они отслеживают весь наш внутрисистемный трафик — я бы сказала, на протяжении нескольких лет. С другой стороны, наблюдая за средствами массовой информации, они могли накопить гораздо больший словарный запас, поэтому, вероятно, прибыли уже после эпохи радиовещания.

— Насколько уверенно они пользуются нашим языком?

— Владеют грамматикой, строят фразы, поддер-

живают внутритекстовую зависимость. Глубина рекурсии по Хомскому[31] не меньше четырех, и я не вижу причин, по которым она не может стать еще больше при продолжительном контакте. Они не попугаи, Юкка. Они знают правила. Взять хотя бы имя…

— «Роршах», — пробормотала Бейтс, под хруст костяшек стискивая свой любимый мячик. — Интересный выбор.

— Я проверила список кораблей. На марсианской петле есть анкат[32] — грузовик с таким названием. То, что говорило с нами, должно быть, относится к своему объекту, как мы — к космическому кораблю, и соответственным образом подобрало название.

В соседнее со мной кресло рухнул Шпиндель, только что с камбуза. Груша с кофе колыхалась в его руке, точно желе.

— Именно это название, из всех кораблей в Солнечной системе? Слишком символично для

---

[31] Примечания: 31

Согласно теории Ноами Хомского, ключевым отличием языка («дара речи в узком понимании») от любых других форм коммуникации является рекурсия, то есть способность формулировать высказывания, включающие сами себя. Глубина рекурсии — количество вложенных друг в друга рекурсивных высказываний.

[32] Примечания: 32

Термоядерные реактивные двигатели, использующие антивещество в качестве катализатора реакции ядерного синтеза.

случайно выбранного имени.

— Не думаю, что их выбор случаен. Необычное название вызывает комментарии; пилот «Роршаха» выходит на связь с другим кораблем, в ответ слышит: «Ничего себе! Интересное у тебя имечко!», и начинает импровизировать, по пути поминая историю происхождения имени, а сам разговор болтается в эфире. Тот, кто слышит всю эту болтовню, может не только уловить название и предмет, к которому оно относится, но и по контексту отчасти понять значение. Наши инопланетные друзья, должно быть, перебрали таким образом половину реестра и решили, что для неведомого объекта лучше подойдет «Роршах», чем, допустим, космолет «Джейми Мэтьюз».

— Территориальны и умны, — Шпиндель поморщился, вытаскивая кружку из-под кресла. — Шикарно.

Бейтс пожала плечами.

— Территориальны — может быть. Но не обязательно агрессивны. Я вообще сомневаюсь, могут ли они причинить нам вред, даже если захотят.

— А я нет, — отрубил Шпиндель. — Эти их шумовки…

Майор отмахнулась.

— Большие суда маневрируют небыстро. Если они решат поиграть с нами в бильярд, мы узнаем об этом заранее, — она окинула нас взглядом. — Послушайте, неужели только мне одной это кажется странным? Они обладают технологиями межзвездного масштаба, позволяющими проводить косметический ремонт газовых гигантов и строить метеориты, как цирковых слонов, и, тем не менее, прячутся? От нас?

— Если только рядом нет кого-то еще, — неуверенно предположила Джеймс.

Бейтс покачала головой:

— Маскировка была направленной. Пришельцы прятались именно от нас и ни от кого другого.

— И даже мы просекли, — добавил Шпиндель.

— Именно. Так что они переходят к плану «Б», который покуда сводится к блефу и невнятным угрозам. Я хочу сказать, они ведут себя явно не как великаны. Поведение «Роршаха» кажется… импровизацией. По-моему, они нас не ждали.

— Ну да, конечно! Объект Бернса-Колфилда был…

— Пока не ждали.

— А, — выдавил Шпиндель, переваривая ее слова. Майор провела ладонью по бритому затылку.

— С какой стати им считать, будто мы просто так повернем назад, узнав, что нас надули? Конечно, мы начнем поиски. Объект Бернса-Колфилда, скорее всего, задумывался как временная мера; на их месте я бы сразу планировала, что мы сюда доберемся рано или поздно. Но они, по-моему, просчитались. Мы заявились раньше, чем нас ожидали, и застали врага со спущенными штанами.

Шпиндель вскрыл грушу и вытряхнул содержимое в кружку.

— Для таких умников не слишком ли большой просчет, а? — от соприкосновения с дымящейся жидкостью на кружке расцвела голограмма, слабым сиянием поминая Эпицентр Газа. Вертушку заполнил аромат пластифицированного кофе. — Особенно после того, как они нас картировали с точностью до метра.

— Ну и что они видели? Анкат-приводы? Солнечные паруса? Корабли, которые будут годами добираться до пояса Койпера и лишены запасов топлива, чтобы отправиться дальше. Теленигиляция на тот момент существовала только на симуляторах «Боинга» и в виде полудюжины прототипов. Заметить нелегко. Должно быть, они решили, что одной обманки хватит, и теперь у

них столько времени, сколько нужно.

— Нужно для чего? — спросила Джеймс.

— Для чего нужно, — отрезала Бейтс. — Мы в партере.

Шпиндель отсалютовал ей кружкой в нетвердой руке и отхлебнул. Кофе колыхался в темнице, под квёлым тяготением вертушки коричневая поверхность шла волнами и горбами. Джеймс еле заметно, но неодобрительно поджала губы. Технически открытые сосуды для жидкостей в зонах переменной гравитации запрещались даже людям, не страдавшим, как Шпиндель, проблемами с координацией.

— Значит, они блефуют, — протянул он, наконец. Бейтс кивнула.

— Я так считаю, «Роршах» еще не достроен. Возможно, мы имеем дело с автоматической защитной системой.

— Значит, на таблички «По траве не ходить» можно не обращать внимания? Ломиться напрямую?

— Мы можем позволить себе выбрать время, но остановиться — не можем.

— А. То есть пускай сейчас мы могли бы с ним управиться, но ты хочешь ждать, пока «Роршах» из незаметного не превратится в неуязвимого, —

Шпиндель вздрогнул и отставил кофе. — Где тебе погоны давали? В академии равных возможностей?

Бейтс пропустила подколку мимо ушей.

— Лучшей причиной оставить «Роршах» в покое может быть именно то, что он до сих пор растет. Мы понятия не имеем, как может выглядеть… взрослая, наверное… да, взрослая форма объекта. Да, он скрывался от нас. Многие животные, вполне безобидные, прячутся от хищников. Особенно детеныши. Да, он… отвечает уклончиво. Не дает ответов, которых мы ждем. А вам не приходило в голову, что он не знает ответов? Вы смогли бы допросить человеческий эмбрион? Взрослая особь может вести себя совсем по-другому.

— Взрослая особь может нам жопу на уши натянуть.

— Эмбрион с тем же успехом может навалять «Тезею» по-полной, — Бейтс закатила глаза. — Господи, Исаак, ты же биолог. Не мне тебе напоминать, сколько робких пугливых зверюшек огрызается, если загнать их в угол. Дикобраз на ссору не напрашивается, но если пропустишь предупреждение мимо ушей — получишь полную морду иголок.

Шпиндель молча отодвинул кружку в сторону по вогнутому столу, так далеко, как только мог дотянуться. Жидкость не выливалась: темный кружок остался идеально параллелен кромке поверхности, только слегка наклонился в нашу сторону. Мне даже показалось, что я могу уловить еле заметный прогиб поверхностной пленки. Шпиндель слегка улыбнулся, глядя на произведенный эффект.

Джеймс прокашлялась:

— Не хотела бы сглаживать поднятый тобой вопрос, Исаак, но мы еще не исчерпали дипломатических путей. «Роршах», по крайней мере, согласен общаться с нами, хотя и не так откровенно, как хотелось бы.

— Ну да, он разговаривает, — согласился Шпиндель, не отрывая взгляда от перекошенной кружки. — Но не как мы.

— Нет, конечно. Есть некоторые…

— Он не просто увиливает от ответов — он временами бывает невероятно косноязычен, заметила? И путается в местоимениях.

— Учитывая, что он освоил наш язык исключительно путем пассивного подслушивания, «Роршах» на удивление велеречив. По моим наблюдениям вообще выходит, что они обраба-

тывают речевые сигналы гораздо эффективнее, чем мы.

— Это точно, чтобы так юлить, чужой язык нужно знать в совершенстве.

— Будь они людьми, я бы с тобой согласилась, — ответила Джеймс. — Но то, что нам кажется обманом или уловкой, столь же легко объясняется опорой на малые концептуальные единицы.

— Концептуальные единицы?

Бейтс, как начал понимать я, никогда не требовала пояснений от КонСенсуса, если этого можно было избежать. Джеймс кивнула.

— Все равно, что обрабатывать строку текста слово за словом, а не рассматривать фразу целиком. Чем меньше единицы, тем быстрее их можно перестраивать; это дает на выходе молниеносные семантические рефлексы. С другой стороны, труднее становится поддерживать уровень логической связности, так как связи в масштабных структурах при перетасовке теряются.

— Оп-па! — Шпиндель выпрямился, забыв о жидкости и центробежной силе.

— Я всего лишь хочу сказать, что мы не обязательно имеем дело с сознательным обманом. Существо, которое обрабатывает информацию в одном масштабе, может не замечать нестыковок

на другом; оно может вообще не воспринимать этот масштаб сознательно!

— Это не все, что ты хочешь сказать.

— Исаак, нельзя применять человеческие нормы к…

— А я-то все гадал, к чему ты клонишь…

Шпиндель нырнул в стенограммы и миг спустя выдернул оттуда отрывок:

«Запрашиваем информацию о среде, которую вы считаете летальной. Запрашиваем информацию о вашем отклике на неизбежное попадание в летальную среду».

«Рады исполнить. Но ваше понимание летального отличается от нашего. Многие переменчивые обстоятельства».

— Ты его испытывала! — воскликнул Шпиндель. Он причмокнул губами; челюсть его подергивалась. — Рассчитывала на эмоциональную реакцию.

— Просто идея. Она ничего не доказывает.

— Была разница? Во времени отклика?

Джеймс поколебалась, потом покачала головой:

— Но идея дурацкая. Слишком много переменных, мы понятия не имеем, как они… я хочу сказать, они же не люди…

— Классическая патология.

— Какая патология? — спросил я.

— Это ничего не значит, кроме того, что они не вписываются в человеческий стандарт, — настаивала Джеймс. — Сам по себе этот факт — не повод смотреть на них сверху вниз, особенно здесь присутствующим.

Я попробовал снова:

— Какая патология?

Джеймс покачала головой.

— Есть один синдром — ты мог о нем слышать, а? — подсказал Шпиндель. — Говорливые, бессовестные, склонные противоречить сами себе и играть словами. Лишенные сочувствия.

— Мы говорим не о человеческих существах, — вполголоса повторила Джеймс.

— Но если бы говорили, — добавил Шпиндель, — то назвали бы Роршаха клиническим социопатом.

На протяжении всего разговора Сарасти не издал ни звука. Теперь, когда слово повисло в воздухе, я заметил, что остальные стараются на него не смотреть.

* * *

Конечно, мы все знали, что Юкка Сарасти социопат. Но большинство из нас не упоминало об этом в приличном обществе.

Шпинделя вежливость никогда не сдерживала. А может, казалось мне, он почти понимал вампира; мог смотреть сквозь чудовище и видеть организм, такой же продукт естественного отбора, как и человеческая плоть, которую за прошедшие эпохи упырь немало сожрал. Эта перспектива каким-то образом успокаивала Шпинделя. Он мог смотреть, как Сарасти наблюдает за ним, и не ежиться.

— Жалко мне сукина сына, — признался он как-то, еще во время тренировок.

Некоторым подобная реакция показалась бы нелепой. Человек, сращенный с машиной настолько сильно, что его собственные двигательные навыки разрушались при недостаточном уходе и техобслуживании, человек, слышавший рентген и видевший в оттенках ультразвука, настолько искалеченный модификациями, что не мог даже кончики своих пальцев чувствовать без посторонней помощи, способен жалеть кого-то другого, не говоря о хищнике, созданном убивать

людей без малейшего угрызения совести?

— Сочувствие к социопатам — не самая распространенная черта, — заметил я.

— Может, и зря. Мы, по крайней мере, — он взмахнул рукой, какой-то дистанционно управляемый блок датчиков в другом конце симулятора рефлекторно загудел и повернулся, — сами выбрали свои модификации. А вампирам приходится быть социопатами. Они слишком похожи на свою добычу, многие систематики даже в подвид отказываются их записывать. Так и не отошли от нас достаточно далеко для полной репродуктивной изоляции. Так что, может, вампиры — это скорее синдром, а не другая раса. Просто банда каннибалов поневоле с характерным набором отклонений.

— И каким образом это…

— Если твоя единственная пища — собственные сородичи, от сочувствия ты избавишься первым делом. Для них психопатия — не расстройство, а? Просто стратегия выживания. Но у нас от них до сих пор мурашки по коже, поэтому мы их… сковываем.

— Думаешь, нам стоило исправить глюк с крестами?

Все знали, почему этого никто не сделал. Только

дурак может воскресить чудовище, не поставив предохранитель. У вампиров он встроенный: без противоевклидовых препаратов Сарасти рухнет в эпилептическом припадке, стоит ему увидеть первую же оконную раму на четыре створки.

Но Шпиндель покачал головой.

— Не могли мы его исправить. Вернее, могли, — поправился он, — но ведь глючит зрительная кора, так? Дефект связан с их универсавантизмом.[33] Исправить его, и ты отключишь их способности к распознаванию образов — и тогда какой был смысл их вообще воскрешать?

— Не знал.

— Ну, это официальная версия, — он замолчал на секунду и криво ухмыльнулся. — Хотя, с другой стороны, метаболизм протокадеринов мы им подправили без всякого труда.

Пришлось заполнять пробел в образовании. Ориентируясь на контекст, КонСенсус выбрал протокадерин ε-Y: волшебный белок мозговой ткани высших приматов, который вампиры разучились синтезировать. Та причина, из-за которой

---

[33] Примечания: 33

Термин произведен от выражения «idiot savant» — «ученый идиот», определяемого как «индивидуум, который может демонстрировать отдельные выдающиеся интеллектуальные достижения на уровне, далеко превосходящем возможности среднего нормального человека, обладая при этом очень низким общим уровнем интеллекта».

упыри попросту не переключались на бородавочников или зебр в отсутствие человеческой плоти и из-за которой открытие людьми страшной тайны Прямого Угла обрекло упырей на гибель.

— В общем, мне кажется, он… потерянный какой-то, — уголок губ Шпинделя подергивался от нервного тика. — Волк-одиночка в компании овец. Тебе бы грустно не стало так жить?

— Они не любят компании, — напомнил я ему. Вампиров одного пола вместе лучше не сводить, если только вы не готовы делать ставки на исход кровавой бани. Они — охотники-одиночки и очень территориальны. Когда минимально приемлемое соотношение численности добыча / охотник составляло десять к одному, а добыча встречалась на просторах плейстоцена крайне редко, основной угрозой выживанию упырей становилась внутривидовая конкуренция. Естественный отбор никогда не учил их уживаться вместе. Шпинделя это не смутило.

— Это не значит, что ему не может быть одиноко, — настаивал он. — Только Сарасти никогда этого не изменить.

* * *

Они знают мелодию, но не слова.

***Хэр, «Без совести»*[34]**

Мы воспользовались зеркалами — огромными круглыми параболоидами, невозможно тонкими, каждый — в три человеческих роста. «Тезей» штамповал их пачками и прикалывал к хлопушкам, заряженным антиматерией из наших убывающих запасов. За двенадцать часов до контакта корабль разметал зеркала, словно конфетти, по точно рассчитанным баллистическим траекториям и, когда они отлетели достаточно далеко, поджег. Хлопушки разлетелись во все стороны, рассыпая гамма-лучевые искры, пока не выгорели дотла. А потом плыли в бездне, раскрыв текучие стрекозиные крылья.

На огромном расстоянии от них четыреста тысяч инопланетных машин кружили и горели, как будто ничего не замечая.

«Роршах» падал по орбите Бена всего лишь в полутора тысячах километров над атмосферой,

---

[34] Примечания: 34

Роберт Хэр — психиатр, профессор университета Британской Колумбии. Специалист по психопатическому поведению, автор тест-опросника для диагностики психопатии.

в бесконечном торопливом кружении, отнимавшем сорок часов на один оборот. К тому времени, когда он скрылся из нашего поля зрения, зеркала еще не вошли в зону полной слепоты. В КонСенсусе висел увеличенный снимок экваториального лимба планеты. Вокруг него взорвавшейся диаграммой искрились символы зеркал, словно рассыпанные фасетки титанического, всеохватного сложного глаза. Тормозов у них не было. Долго им на высоте не продержаться.

— Вот оно, — первой отреагировала Бейтс.

У левой кулисы плыла фата-моргана, клочок кипящего хаоса размером в полногтя, если разглядывать его с расстояния вытянутой руки. Он ничего не мог нам подсказать, этот мираж, — но десятки далеких отражателей отбрасывали к нам световые лучи, и пускай каждый видел лишь немногим больше нашего последнего зонда — полоску темных туч, слегка перекошенную невидимой призмой, — каждое из зеркал отражало сигнал по-иному. Капитан просеивал отсветы небес и шил из них составное изображение.

Проявлялись детали.

Вначале — прядка прозрачных теней, ямочка, почти затерявшаяся в кипящих облачных поясах экватора. Вращение планеты едва выкатило ее

из-за края диска — камушек в ручье, невидимый палец, промявший облака, и по обе стороны от него рвутся от напряжения сдвига и турбулентности пограничные слои.

Шпиндель прищурился.

— Эффект пляжа.

Компьютер подсказал, что речь идет о солнечных пятнах. Узлы в магнитном поле гигантской планеты.

— Выше, — подсказала Джеймс.

Что-то плыло над этой вмятиной в облаках, как лайнер-экраноплан парит над водой, промина-ющейся под его давлением. Я дал увеличение: рядом с субкарликом Оаса, вдесятеро тяжелее Юпитера, «Роршах» казался крошечным.

В сравнении с «Тезеем» он был огромен.

Не просто бублик — узел, комок стекловолокна размером с гору, сплошь петли, и мосты, и тонкие шпили. Текстура поверхности была, разумеется, условной; КонСенсус просто завернул загадочный предмет в отражение фона. И все же… на свой мрачный, пугающий лад он был красив: клубок обсидиановых змей и дымных хрустальных башен.

— Оно снова подает голос, — доложила Джеймс.

— Ответить, — приказал Сарасти и оставил нас.

* * *

Она ответила; и пока Банда общалась с объектом, остальные за ним шпионили. Зрение со временем мутилось — зеркала сходили с расчетных траекторий, с каждой уходящей секундой видимость ухудшалась, но КонСенсус тем временем полнился поступившей информацией. «Роршах» весил $1{,}8 \times 10^{10}$ кг и имел общий объем $2{,}3 \times 10^{8}$ кубометров. Магнитное поле его, судя по радиовизгу и эффекту пляжа, в тысячи раз превосходило по силе солнечное. К нашему изумлению, композитное изображение местами оказалось достаточно четким, чтобы различить тонкие спиральные борозды, прочертившие объект. («Последовательность Фибоначчи,[35] — доложил Шпиндель, на миг пронзив меня взглядом одного подергивающегося глаза. — По крайней мере, они нам не совсем чужды».) На кончиках, по меньшей

[35] Примечания: 35

Числовая последовательность, в которой каждое последующее число равно сумме двух предыдущих чисел (1,1, 2, 3, 5, 8, 13, 21…). Название по имени средневекового математика Леонардо Пизанского (или Фибоначчи). Числа Фибоначчи связаны с «золотым сечением», а оно не только считается эстетически совершенным, но и часто встречается в живой природе Земли.

мере, трех из бесчисленных шипов «Роршаха» болтались уродливые шаровидные наросты; в этих местах борозды располагались реже, словно кожу раздуло и растянуло нарывом. Прежде чем очередное бесценное зеркало уплыло из поля зрения, оно засекло еще один шпиль — расколотый вдоль на треть длины. Рваные края вяло и недвижно висели в вакууме.

— Пожалуйста, — пробормотала Бейтс вполголоса, — скажите мне, что это не то, на что похоже.

Шпиндель ухмыльнулся.

— Спорангий? Семенная коробочка? Почему нет?

Может быть, «Роршах» и не размножался, но в том, что он растет, сомнения не оставалось. Его питал непрерывный поток обломков, выпадающих из аккреционного пояса. Мы подобрались достаточно близко, чтобы ясно наблюдать их парад: скалы, горы, мелкая галька, словно мусор, стекали в раковину. Частицы, столкнувшиеся с объектом, прилипали; «Роршах» обволакивал свою добычу, словно огромная злокачественная амеба. Поглощенная масса, судя по всему, перера-

батывалась внутри и перетекала в апикальные[36] зоны роста; судя по микроскопическим изменениям в аллометрии объекта, росли кончики его ветвей.

Процесс не останавливался ни на секунду. «Роршах» был ненасытен.

Объект служил странным центром притяжения в межзвездной бездне; траектории падения обломков были совершенно и абсолютно хаотичны. Впечатление создавалось такое, будто некий сэнсей орбитальной механики обустроил всю систему, как заводной планетарий, пинком привел ее в движение, а все прочее оставил на попечение инерции.

— Не думала, что такое возможно, — заметила Бейтс. Шпиндель пожал плечами.

— Эй, хаотические траектории детерминированы ничуть не меньше любых других.

— Это не значит, что их можно хотя бы предсказать. Не говоря о том, чтобы вот так распланировать, — майорская лысина отсвечивала разведданными. — Для этого нужно знать начальные условия для миллиона различных переменных с точностью до десяти знаков. Буквально.

---

[36] Примечания: 36
Вершинные.

— Ага.

— Даже вампиры так не могут. Квантовые компьютеры не могут.

Шпиндель пожал плечами на манер марионетки.

И все это время Банда то входила в роль, то выходила из нее, танцуя с невидимым партнером, который, несмотря на все ее усилия, так ничего нам и не сообщил, кроме бесконечных вариаций на тему «вам не стоит здесь находиться». На любой вопрос он отвечал вопросом — и все же ухитрялся каким-то образом создать иллюзию ответа.

— Это вы послали светлячков? — спрашивала Саша.

— Мы многое направляли в разные места, — отвечал «Роршах». — Что показали их технические характеристики?

— Их характеристики нам неизвестны. Светлячки сгорели в земной атмосфере.

— Тогда не стоит ли вам поискать там? Когда наши дети улетают, они не зависят от нас.

Саша отключила микрофон.

— Знаете, с кем мы разговариваем? С Иисусом, блин, из Назарета, вот.

Шпиндель глянул на Бейтс. Та пожала плечами

и подняла руки вверх.

— Не въехали? — Саша мотнула головой. — Последний диалог — это информационный эквивалент «кесарево кесарю».[37] Нота в ноту.

— Спасибо, что выставила нас фарисеями, — проворчал Шпиндель.

— Ну, у нас же есть свой еврей…

Шпиндель только глаза закатил.

Вот тут я впервые заметил мельчайший изъян в Сашиной топологии, щербинку сомнения, замаравшую одну из ее граней.

— Мы никуда не продвинулись, — проговорила она. — Попробуем с черного хода.

Саша скрылась: вновь включала наружную связь уже Мишель.

— «Тезей» — «Роршаху». Принимаем запросы на информацию.

— Культурный обмен, — отозвался «Роршах». — Мы согласны.

Бейтс нахмурилась.

— Это разумно?

— Если оно не желает давать сведений, то, возможно, захочет их получить. А мы можем многое узнать по тем вопросам, которые объект задаст.

---

[37] Примечания: 37
Матфей 22:21.

— По…

— Расскажите нам о доме, — попросил «Роршах». Саша вынырнула из глубины ровно настолько, чтобы бросить:

— Вольно, майор. Никто не обещал давать им верные ответы.

Пятно на гранях Банды замерцало, когда к рулю встала Мишель, но не исчезло. Оно даже разрослось немного, пока Мишель обтекаемыми фразами описывала некий умозрительный городок, не упоминая ни единого предмета меньше метра в поперечнике. (КонСенсус подтвердил мою догадку: теоретическая предельная разрешающая способность зрения светлячков.) Когда к рулю изредка вставал Головолом…

— Не у всех из нас есть родители или кузены. У некоторых не было никогда. Некоторые рождаются в чанах.

— Понимаю. Печально. «Чаны» звучит так бесчеловечно.

…Пятно темнело и расползалось по их граням, как разлитая нефть.

— Слишком многое принимает на веру, — констатировала Сьюзен пару секунд спустя.

К тому времени, когда Сашу опять сменила Мишель, пятно было уже тяжелей сомнения,

сильней подозрения: оно превратилось в озарение, крошечный темный мем, поражавший по очереди расщепленные личности тела. Банда напала на след. Только пока еще не понимала, чей.

А я понимал.

— Расскажите мне больше о своих кузенах, — затребовал «Роршах».

— Наши кузены находятся на генеалогическом дереве, — ответила Саша, — вместе с племянницами, и племянниками, и неандертальцами. Мы недолюбливаем навязчивую родню.

— Мы бы хотели побольше узнать об этом дереве.

Саша выключила микрофон и глянула на нас, будто говоря: «Ну, куда уж яснее?»

— Не могло оно проанализировать эту реплику. Там три двусмысленности на две фразы. Оно их просто проигнорировало.

— Ну, «Роршах» же запросил разъяснений, — указала Бейтс.

— Он задал вопрос. Не одно и то же.

Бейтс все еще не догадывалась. А вот до Шпинделя начало доходить.

Еле заметное движение привлекло мой взгляд. Вернулся Сарасти. Он плыл над сияющими вершинами рабочего стола. При каждом движении

головы на черном забрале крутился неоновый калейдоскоп. Я чувствовал, как его глаза за стеклом пристально изучают все вокруг.

А позади вампира находился кто-то еще.

Я не мог сказать кто, так как не заметил ничего необычного, кроме смутного ощущения некоей неправильности. Что-то по другую сторону палубы выглядело не так, как ему следовало. Нет, не то: поближе, что-то вдоль оси барабана. Но там не было ничего — только голые трубы и кабели сшитого нерва, петляющие сквозь щели, и…

Внезапно чувство неправильности пропало. Вот это и позволило мне, наконец, сосредоточиться: исчезновение некоей аномалии, возвращение к норме привлекло мое внимание не хуже слабого движения. Я мог бы точно указать, в каком месте на пучке кабелей произошла перемена, и сейчас не видел ничего необычного — но она там была. Осталось только впечатление, почти уловимое сознанием, как зуд под кожей, и я мог бы вернуть это ощущение, если бы смог сосредоточиться достаточно сильно.

Саша разговаривала с инопланетным объектом на другом конце лазерного луча. Она сводила разговор к родственным отношениям, как семейным, так и эволюционным: неандертальцы,

кроманьонцы и внучатые племянники со стороны матери. Она вела эту беседу уже не первый час, а конца ей не предвиделось, но сейчас болтовня меня отвлекала. Я попытался отсечь ее, сосредоточиться на дразнившем мою память полувоспринятом образе. Секунду назад я видел что-то перед собой. На одной из труб… точно, слишком много сочленений. Прямая и гладкая, она каким-то образом отрастила сустав. Но нет, дело не в трубе, теперь я вспомнил: там притаилось что-то лишнее, что-то…

Костлявое.

Безумие. Нет там ничего. Мы находились в половине светового года от дома, разговаривали с невидимыми инопланетянами о семейных отношениях, а меня начали обманывать глаза.

Если это станет повторяться, надо будет поговорить со Шпинделем.

* * *

Я пришел в себя оттого, что шум голосов стих. Саша замолчала. Вокруг нее грозовым облаком повисли потемневшие грани. Я выдернул из памяти последнюю фразу разговора:

«Мы обычно находим племянников при помощи телескопов. Они жесткие, как гобблиниты».

Снова сознательная двусмысленность. А такого слова — «гобблиниты» — вообще нет.

В глазах лингвиста отражалась неизбежность решения. Саша застыла на краю обрыва, прикидывая глубину омута внизу.

— Вы забыли упомянуть о своем отце, — заметили на другом конце линии связи.

— Верно, «Роршах», — вполголоса согласилась Саша, перевела дыхание…

И выступила вперед:

— Так почему бы тебе не пососать мой жирный лохматый хер?

В вертушке воцарилось молчание. У Бейтс и Шпинделя отпали челюсти. Лингвист оборвала связь и обернулась к нам, ухмыляясь так широко, что я подумал: у нее сейчас верхняя часть головы отвалится.

— Саша, — выдохнула Бейтс. — Ты рехнулась?

— А какая разница? Этой штуке все равно. Она понятия не имеет, о чем я говорю.

— Что?

— И понятия не имеет, что отвечает, — добавила Саша.

— Погоди. Ты… нет, Сьюзен говорила, что они не попугай. Они знают правила.

К рулю встала Сьюзен.

— Да, и это так. Но сопоставительный анализ не требует понимания.

Бейтс покачала головой.

— Ты имеешь в виду, что мы разговаривали с… что оно даже не разумное?

— О, вполне может быть, что и разумное. Вот только мы с ним не общались, в привычном значении этого слова.

— Тогда что оно такое? Голосовая почта?

— Вообще-то, — медленно проговорил Шпиндель, — это, кажется, называют «китайской комнатой»…

«Давно пора было», — подумал я.

О «китайских комнатах» я знаю все. Я сам был такой комнатой и даже не держал этого в тайне, рассказывая любому, кто проявлял интерес.

Задним числом понимаешь, что иногда этого делать не стоило.

— Как ты вообще можешь пересказывать людям суть этих твоих передовых достижений, если сам ничего в них не понимаешь? — потребовала ответа Челси. Тогда между нами все еще было прекрасно. Она еще не узнала меня.

Я пожал плечами.

— Это не моя работа — понимать. Для начала, если бы я мог их понять, это были бы не слишком

передовые достижения. Я просто, ну понимаешь — проводник.

— Да, но как можно перевести то, чего не понимаешь? Обычный вопрос дилетанта. Люди просто не в силах принять, что форма несет собственный смысл, совершенно отличный от налипшего на ее поверхность семантического содержания. Если правильно манипулировать топологией, то содержание… сформируется само собой.

— Никогда не слышала про «китайскую комнату»?

Челси покачала головой.

— Краем уха. Какая-то старая идея, да?

— Ей не меньше сотни лет.[38] На самом деле это софизм, аргумент, предположительно опровергающий верность теста Тьюринга.[39] Ты запираешь человека в комнате. Через щель в стене он получает листы, покрытые странными закорючками. В его распоряжении имеется огромная база данных с такими же закорючками

---

[38] Примечания: 38

Этот мысленный эксперимент был предложен в 1980 году американским философом Джоном Сирлем.

[39] Примечания: 39

Тест Тьюринга — мысленный эксперимент, испытывающий способность машины проявлять разум. Искусственный интеллект проходит тест Тьюринга, если человек-испытатель оказывается неспособен отличить собеседника-машину от собеседника-человека в ходе общения, ограниченного текстовыми сообщениями.

и набор правил, указывающих, в каком порядке те должны сочетаться.

— Грамматика, — догадалась Челси. — Синтаксис.

Я кивнул.

— Суть в том, что наш подопытный представления не имеет о значении закорючек или той информации, которую они могут нести. Он знает только, что, получив закорючку «дельта», допустим, он должен извлечь пятую и шестую закорючки из папки «тета» и сложить её еще с одной закорючкой «гамма». Он выстраивает цепочку символов, переносит на лист, отправляет лист обратно в щель и ложится спать до следующей итерации. Повторяет, пока вода не начнет удерживаться в решете.

— Таким образом, он поддерживает беседу, — закончила Челси. — На китайском, полагаю, наш опыт назвали бы «испанской инквизицией».

— Именно. Суть в том, что можно общаться, используя только простейшие алгоритмы сопоставительного анализа и не имея ни малейшего представления о том, что говоришь. Если пользуешься достаточно подробным набором правил, то можешь пройти тест Тьюринга. Можешь прослыть острословом и балагуром, даже не зная

языка, на котором общаешься.

— Это и есть синтез?

— Только та его часть, что касается масштабирования семиотических протоколов вниз. И только в принципе. И я, строго говоря, получаю ввод на кантонском диалекте, а отвечаю по-немецки, потому что я скорее проводник, чем участник беседы. Но суть ты уловила.

— Как ты не путаешься во всех этих правилах и протоколах? Их же, наверное, миллионы.

— Как во всем остальном. Стоит приноровиться — и дальше действуешь неосознанно. Как ездить на велосипеде или пинговать ноосферу. Ты вообще не вспоминаешь о протоколах, просто… представляешь, как ведут себя твои объекты.

— М-м-м… — В уголке ее губ играла хитрая полуулыбка. — Но… тогда о софизме речь не идет. Законный аргумент: ты ведь и вправду не понимаешь ни кантонского, ни немецкого.

— Понимает система. Вся комната, сумма ее частей. Парень, который переписывает закорючки, — лишь один компонент. Ты же не ждешь от единственного нейрона в твоей голове, чтобы он понимал английский, так?

— Иной раз я больше одного не могу под это дело выделить, — Челси покачала головой. Она

не собиралась отступать. Я видел, как она сортирует вопросы в порядке важности, видел, как они становятся все более… личными…

— Возвращаясь к текущим делам, — проговорил я, предупреждая их все, — ты собиралась показать мне, как это делается пальцами…

Озорная улыбка стерла с ее лица все вопросы.

— О-о, ну как же…

Привязываться рискованно. Слишком много сложностей. Стоит запутаться с наблюдаемой системой, и весь твой рабочий инструмент ржавеет и тупится.

Но если подопрет, им можно и воспользоваться.

* * *

— Сейчас оно прячется, — проговорил Сарасти. — Сейчас оно уязвимо.

— Пора.

Это была не столько новость, сколько оценка; мы уже несколько дней мчались прямо на Большого Бена. Но, возможно, гипотеза «китайской комнаты» укрепила его решимость. В любом случае, мы готовились вывести свою навязчивость на новый уровень, покуда «Роршах» скрывала от нас громада планеты.

«Тезей» пребывал в непрерывной тягости: в его фабрикаторе зрел многоцелевой зонд, чье развитие на случай непредвиденных обстоятельств притормозили перед самым появлением на свет. Где-то между инструктажами Капитан принял роды, модифицировав зонд для полевой работы на объекте. За добрых десять часов до появления «Роршаха» на горизонте аппарат завершил разгон вниз по гравитационному склону, встроился в метеоритный поток и впал в спячку. Если мы не просчитались, его не должно было разнести шальным обломком прежде, чем он проснется снова. И если все пройдёт по плану, существа, безупречно руководившие многомиллионным кордебалетом, не заметят лишнего танцора на орбитальной сцене. Возможно, нам тупо повезет, и мириады шумовок-ныряльщиков, находившихся в это время в поле зрения, не будут запрограммированными доносчиками.

Приемлемый риск. Если бы мы не были к нему готовы, то с тем же успехом могли остаться дома.

Оставалось только ждать: нам, четырем оптимизированным гибридам, едва выступившим за порог банального понятия человечества, и одному вымершему хищнику, который предпочел командовать нами, а не сожрать живьем.

Мы ждали, пока «Роршах» вывернет из-за угла. Зонд плавно соскальзывал в гравитационную воронку, наш посол к изоляционистам — или, если Банда не ошиблась, мелкий взломщик, нанятый, чтобы вломиться в пустующую квартиру. Шпиндель прозвал его «чертиком из коробочки», вспомнив детскую игрушку, такую древнюю, что она не удостоилась даже строчки в КонСенсусе. Мы падали ему вслед по почти баллистической траектории, тщательно рассчитав импульс и инерцию, чтобы проскользнуть сквозь бешеное минное поле аккреционного пояса.

Но Кеплер в одиночку не справился бы; время от времени «Тезей» похмыкивал — по хребту корабля прокатывался рокот маневровых двигателей, когда Капитан корректировал наш спуск в мальстрем.

«В бою первым гибнет план боя», — пришло в голову изречение, но я не смог вспомнить, откуда взял цитату.[40]

— Есть! — вскрикнула Бейтс. На лимбе Бена показалась крошечная точка, и дисплей тут же дал увеличение. — Запуск по сигналу.

Как ни близко мы подкрались, как ни близко

---

[40] Примечания: 40
Цитата принадлежит Гельмуту фон Мольтке-старшему.

собирались подойти, «Роршах» оставался невидимым. Но параллакс отчасти сдвинул шоры с глаз зонда, открывая поминутно выпадающие из виду иглы и спирали дымного стекла. Сквозь прозрачную толщу оставался полувиден бесконечный, плоский горизонт Бена. Изображение подрагивало; по КонСенсусу ходили волны.

— Ничего себе магнитосфера, — заметил Шпиндель.

— Тормозим, — доложила Бейтс.

«Чертик» плавно развернулся против хода и запустил движок. Индикатор дельта-вэ на тактическом дисплее покраснел.

В эту смену телом Банды командовала Саша.

— Входящий сигнал, — доложила она. — Формат тот же.

Сарасти пощелкал языком.

— Соединить.

— «Роршах» — «Тезею». Привет, «Тезей». — На сей раз голос оказался женский, немолодой.

Саша ухмыльнулась.

— Видали? Она совсем не обиделась. Даже на «жирный лохматый хер».

— Не отвечать, — распорядился Сарасти.

— Тяга отключена, — доложила Бейтс.

Летящий по инерции «чертик»… чихнул. Вы-

севки серебряной фольги швырнуло в бездну с такой скоростью, что «Тезей» по сравнению с ними неподвижно висел на месте: миллионы ослепительно блестящих компасных стрелок. Миг — и они исчезли. Зонд наблюдал за падением дипольных отражателей, обводя лазерным лучом небесную сферу, дважды в секунду ощупывая им небеса и аккуратно отмечая каждую отраженную вспышку. Лишь поначалу иглы мчались по прямой; потом они скатывались в спирали Лоренца, их сносило на странные дуги и выводило в штопор, чтобы швырнуть по новым, прихотливым траекториям на почти релятивистских скоростях. В КонСенсусе начали проявлятся контуры магнитного поля «Роршаха», на первый взгляд напоминавшие многослойные чешуи стеклянной луковицы.

— Бздыннн, — высказался Шпиндель.

Луковица оказалась червивой. В ней показались полости, длинные извилистые туннели в силовом поле, фрактально ветвящиеся на всех уровнях.

— «Роршах» — «Тезею». Привет, «Тезей». Вы на связи?

Голографическая врезка рядом с центральным дисплеем показывала углы постоянно плывущего

треугольника: «Тезей» на острой вершине, «Роршах» и «чертик» определяют узкое основание.

— «Роршах» — «Тезею»: я вас ви-ижу…

— Легкомысленная манера разговора у нее получается лучше, чем у него.

Саша покосилась на Сарасти и не стала добавлять: «Продолжаем?». Но сомнения появились и у нее. Теперь, когда отступать было поздно, она начала осмыслять возможные последствия ошибки. Для трезвой переоценки время вышло, но для Саши и это считалось достижением.

Кроме того, решать все равно упырю.

Под наблюдением в магнитосфере «Роршаха» проявлялись колоссальные петли. Невидимые человеческому глазу, они даже на тактической диаграмме оставались исчезающе тонкими; высевки разметало по небу так широко, что даже Капитану приходилось гадать. Новообразования висели в магнитном поле, точно вложенные друг в друга карданы огромного призрачного гироскопа.

— Вижу, вы не сменили вектор, — заметил «Роршах». — Мы серьезно советуем сменить курс. Правда-правда. Для вашей же безопасности.

Шпиндель покачал головой.

— Эй, Мэнди, «Роршах» на связи с «чертиком»?

— Если да, то я этого не замечаю. Никаких отсветов, вообще никакого направленного излучения, — она мрачно усмехнулась. — Похоже, мы проскочили незамеченными. И не называй меня Мэнди.

«Тезей» со стоном содрогнулся. Меня пошатнуло в низкой псевдогравитации; пришлось держаться, чтобы устоять.

— Коррекция курса. — доложила Бейтс. — Метеоритные рифы.

— «Роршах» — «Тезею». Просим ответа. Ваш текущий курс неприемлем, повторяю, ваш текущий курс неприемлем. Категорически рекомендуем изменить направление.

К этому моменту зонд плыл уже в нескольких километрах от ведущего края «Роршаха». В такой близости можно было различить не только магнитные поля: яркими красками цветовой кодировки в КонСенсусе представал сам объект. Незримые обводы и шипы переливались множеством условных палитр: тяготение, альбедо, температура абсолютно черного тела. Колоссальные электрические разряды, бьющие с острых шипов, отображались пастельно-лимонными полосами. Дружественный интерфейс КонСенсуса превращал артефакт в мультяшку.

— «Роршах» — «Тезею». Просим ответа.

Корабль зарычал от натуги, виляя кормой. На тактическом дисплее еще один, только что засеченный обломок прошел мимо левого борта на безопасном расстоянии шести километров.

— «Роршах» — «Тезею». Если не можете ответить, пожалуйста… твою мать!

Мультик моргнул и погас.

Но я заметил, что случилось в ту, последнюю секунду: вот «чертик» минует одну из гигантских призрачных петель; внезапно, словно открыла рот лягушка, хлещет энергетический язык; сигнал пропадает.

— Теперь я вижу, что вы там затеяли, суки. Кретины, думаете, мы тут совсем тупые?

Саша стиснула зубы.

— Мы…

— Нет, — отрезал Сарасти.

— Но оно…

Сарасти зашипел. Звук шел из глубины глотки. Никогда не слышал, чтобы млекопитающие издавали такие звуки. Лингвист тут же замолкла.

Бейтс боролась с управлением.

— Я все еще… сейчас…

— Уберите эту хрень прямо сейчас, твари, вы меня слышите? Сейчас же.

— Есть! — проскрежетала Бейтс, когда сигнал вернулся. — Только лазер перенацелить пришлось.

Зонд снесло в сторону — словно человека, переходящего реку вброд, захватило внезапное течение в глубине и швырнуло в водопад, — но он остался на связи и не потерял подвижности.

Почти. Бейтс с трудом удерживала его на курсе. Спотыкаясь, «чертик» продирался сквозь тугие витки магнитосферы «Роршаха». Объект громоздился в его окулярах. Изображение подмигивало.

— Продолжать сближение, — спокойно распорядился Сарасти.

— Я бы с радостью, — прохрипела Бейтс. — Попытаюсь.

«Тезей» вновь пошатнулся, входя в штопор. Я был готов поклясться, что слышу, как скрежещут опоры вертушки. На тактическом дисплее мимо проплыл еще один метеорит.

— Я думал, вы эти штуки заранее засекли, — проворчал Шпиндель.

— Хотите затеять войну, «Тезей»? Вы об этом мечтаете? Думаете, силенок хватит?

— Оно не нападает, — взял решающее слово Сарасти.

— Может, и нападет, — Бейтс не повышала голоса; я видел, чего ей это стоит. — Если «Роршах» может управлять траекториями этих…

— Распределение нормальное. Коррекции незначительные.

Он, очевидно, имел в виду статистику, потому что корабль весьма значительно болтало и корёжило.

— А, ну да, — внезапно проговорил «Роршах». — Теперь понятно. Вы думаете, здесь никого нет, так? Вам какой-то консультант на большом окладе подсказал, что волноваться нечего.

«Чертик» забрался в самую чащу. Большую часть тактических наложений мы потеряли из-за зауженного канала связи. В тусклом видимом свете кошмарный ландшафт со всех сторон разрубали чудовищные ребристые гребни «Роршаха», каждый с небоскреб размером. Сигнал заикался, Бейтс изо всех сил пыталась удержать зонд в луче. КонСенсус раскрашивал стены и воздух колдовскими знаками телеметрии. Я понятия не имел, что они означают.

— Вы решили, что мы всего лишь «китайская комната» — глумился «Роршах».

«Чертик» шел на таран, нашаривая, за что бы уцепиться.

— Это была ошибка, «Тезей». Нащупал. Прилип.

И внезапно «Роршах» проявился у нас перед глазами — не контуры, не модели в ложном цвете, не упрямые комбинированные изображения. Обнаженным он, наконец, предстал людским взглядам.

Представьте терновый венец, кривой, черный, матовый, слишком запутанный, чтобы примостить его на человеческой макушке. Запустите его на орбиту недоделанной звезды, чей отраженный полусвет едва отчерчивает силуэтами ее спутники. Редкие кровавые отсветы тусклыми углями вспыхивают в расселинах и на извивах; они лишь подчеркивают царящую повсюду темноту.

Представьте себе объект, воплотивший собою самое понятие муки, нечто до такой степени искореженное и увечное, что даже сквозь бессчетные световые годы и непредставимые бездны биологических различий ты не можешь не ощутить, что сам предмет словно корчится от боли.

Теперь увеличьте его до размеров города.

Он сверкал у нас на глазах. На кривых километровых шипах играли молнии. КонСенсус раскинул перед нами осененный зарницами ландшафт ада, бесконечного, мрачного, мучи-

тельного. Синтезированные модели лгали. В нем не было ни грана красоты.

— Теперь слишком поздно, — сообщило нечто изнутри. — Теперь вы все покойники. И… Сьюзен? Ты слышишь, Сьюзен? Мы начнем с тебя.

* * *

Жизнь слишком коротка для шахмат.
Лорд Байрон

Они никогда не закрывали за собой люк. Слишком легко заблудиться под куполом, в зияющей бесконечности, разверзшейся по всем осям координат. Они нуждались в этой пустоте, но и в якоре посреди нее: слабых отсветах с кормы, незаметном ветерке из вертушки, дыхании людей и шорохе машин рядом. Им требовались обе стороны.

Я лежал в засаде. Прочитав десятки очевидных намеков в их поведении, я уже втиснулся в передний шлюз, когда они пролетали мимо. Выждал пару минут и пополз вперед, к погруженной в темноту рубке.

— Конечно, они обратились к ней по имени, — говорил Шпиндель. — Никакого другого имени они не знали. Она же им сама сказала,

помнишь?

— Ага, — Мишель это не успокаивало.

— Э, так это же ваша команда утверждала, что мы болтаем с «китайской комнатой». Хочешь сказать, вы ошиблись?

— Мы… нет! Нет, конечно.

— Ну, тогда они не угрожали Сюз на самом деле, так? Они вообще никому не угрожали и понятия не имели, о чем говорили.

— Вопрос правил, Исаак. «Роршах» следует какой-то блок-схеме, которую начертил, наблюдая в действии человеческое общение. И по этим правилам в данных обстоятельствах ему зачем-то потребовалось отреагировать угрозой насилия.

— Но если оно даже не понимает, что говорит…

— Не понимает. Не может. Мы разбирали его речь так и этак, брали концептуальные единицы самой разной длины… — долгий-долгий вздох. — Но оно атаковало зонд, Исаак.

— «Чертик» просто подобрался слишком близко к одному из этих… электродов. Ну и замкнуло.

— Так ты не считаешь, что «Роршах» враждебен?

Длинная пауза — слишком длинная, я уже заподозрил, что меня обнаружили.

— Враждебен, — повторил, наконец, Шпиндель. — Дружелюбен. Мы выучили эти слова на Земле, так? Не знаю, можно ли применять их здесь, — он причмокнул. — Но оно, полагаю, может быть вроде как враждебно, да.

Мишель задумалась на какое-то время:

— Исаак, ну нет причины… я хочу сказать, это же совершенно бессмысленно. У нас не может быть ничего такого, что им нужно.

— Оно хотело, чтобы его оставили в покое, — заметил Шпиндель. — Даже если само не поняло, что сказало.

Некоторое время они парили за переборкой в тишине.

— По крайней мере, радиационная защита выдержала, — в конце концов, подвел итог биолог. — Уже что-то.

Он имел в виду не только «чертика»; наша собственная броня была теперь покрыта слоем того же материала. Это истощило корабельные запасы сырья на две трети, но никто не собирался полагаться на обычную полевую защиту перед лицом сил, с такой легкостью игравшихся с электромагнитным спектром.

— Если они нападут, что мы будем делать? — спросила Мишель.

— Выясним, что сможем. Пока будет поступать информация. Станем отбиваться, пока хватит сил.

— Если хватит. Оглянись, Исаак. Мне плевать, насколько эта штука недоразвита. Просто скажи мне, что мы не безнадежно отстали.

— Отстали — само собой. Насчет безнадежно сомневаюсь.

— Раньше ты пел по-другому.

— Ну и что? Всегда есть способ выиграть.

— Если бы это сказала я, ты бы уже закричал про розовые очки.

— Тогда бы так и было. Но сейчас это говорю я, поэтому перед нами теория игр.

— Опять теория игр? Господи, Исаак…

— Нет, послушай. Ты думаешь об инопланетянах, как если бы это были млекопитающие. Существа, наделенные чувствами. Которые заботятся о потомстве.

— Откуда ты знаешь, что нет?

— Потому что нельзя заботиться о потомстве, когда оно в световых годах от тебя. Каждый сам по себе, а мир огромен, безразличен и опасен, большинство не выживет, понимаешь? Лучшее, что ты можешь сделать, — наплодить миллионы детишек и искать слабое утешение в том, что по

слепой случайности хоть кому-нибудь из них повезет. Млекопитающие так не мыслят, Миш. Хочешь земных аналогий — вспомни семена одуванчика. Или селедку.

Слабый вздох.

— Значит, они межзвездные селедки. Только это не значит, что им не под силу нас раздавить.

— Но они-то про нас ничего не знают — заранее, по крайней мере. Семя одуванчика понятия не имеет, с чем ему придется столкнуться, когда оно прорастет. Может, вокруг ничего не будет. Может, полудохлая лебеда, которая тут же зачахнет. А может, ему дадут такого пинка, что оно долетит до Магеллановых облаков. Семя не знает, а универсальной стратегии выживания — такой штуки в природе нет. То, что против одного игрока — козырь, против другого — шестерка. Поэтому приходится тасовать стратегии согласно вероятностям. Это игра краплеными картами, и в целом она дает наилучшим средний выигрыш, но по крайней мере пару раз ты обязательно лоханешься и выберешь неверное решение. Такова цена игры. А это значит — это значит! — что слабые игроки не просто могут выиграть у сильных, они по статистике хотя бы иногда обязательно выиграют.

Мишель фыркнула.

— И это вся твоя теория игр? Камень-ножницы-бумага со статистикой?

Может, Исаак не уловил отсылки, задержался с ответом — как раз настолько, чтобы обратиться к КонСенсусу за ссылкой, — а потом заржал, как конь.

— Камень-ножницы-бумага! Точно!

Несколько секунд лингвист переваривала его реакцию:

— Очень мило с твоей стороны, но это сработает, только если противник слепо перебирает варианты, а это вовсе необязательно, если знать заранее, с чем будешь иметь дело. А господи ты боже мой, они столько о нас знают…

Они угрожали Сьюзен. Лично.

— Они не могут знать все, — настаивал Шпиндель. — И принцип действует в любом сценарии, связанном с неполной информацией, не только в предельном случае невежества.

— Но не так хорошо.

— Хоть как-то действует, и в этом наш шанс. Пока карты не сданы, совершенно неважно, насколько хорошо ты играешь в покер, а? Шансы получить хорошую сдачу не меняются.

— Так вот во что мы играем. В покер.

— Скажи спасибо, что не в шахматы. Тогда бы нам точно кранты.

— Эй, из нас двоих мне полагается быть оптимисткой.

— Ты и есть оптимистка. Это у меня юмор висельника прорезался. Мы все вошли в историю на полдороги, мы все играем свои роли как можем и все умрем до конца представления.

— Узнаю моего Исаака. Мастера боев без победителя.

— Победить можно. Победителем окажется тот, кто точней всего угадает, чем дело обернется.

— Значит, ты просто гадаешь.

— Угу. А без информации невозможно толково гадать, а? Мы можем оказаться первыми, кто выяснит, что случится с человечеством. Можно сказать, мы уже вышли в полуфинал, легко.

Мишель долго не отвечала. Когда она, наконец, заговорила, я не смог разобрать слов. Шпиндель тоже.

— Извини?

— Ты тогда сказал «из незаметного в неуязвимого». Помнишь?

— Угу. Выпускной бал «Роршаха».

— Как думаешь — скоро?

— Понятия не имею. Но вряд ли мы прозеваем

этот момент. Вот почему мне не кажется, что оно нас атаковало.

Она, должно быть, глянула на него вопросительно.

— Потому что когда оно за нас возьмется, это будет не ласковый шлепок по заднице, — обьяснил он. — Когда эта сволочь очнется, мы заметим.

Краем глаза я уловил за спиной какое-то движение, развернулся в тесном проходе и еле сумел проглотить вскрик: что-то вывернулось из-под взгляда и нырнуло за угол, едва различимое, многорукое, тут же сгинувшее.

Да не было его там. Не могло быть. Померещилось.

— Ты слышала? — спросил Шпиндель, но я сбежал на корму прежде, чем Мишель успела ответить.

* * *

Мы пали так низко, что невооруженный глаз больше не видел диска, едва замечал даже кривизну поверхности. Мы летели на стену, в бескрайний сумрачный простор кипящих грозовых туч, растянувшийся во все стороны до нового, бесконечно далекого горизонта. Бен заполнил половину вселенной.

А мы продолжали падать.

Далеко внизу «чертик» уцепился колючими гекколапыми кранцами за ребристую шкуру «Роршаха» и разбил там лагерь. Он облучал поверхность рентгеном и ультразвуком, простукивал ее пытливыми пальцами и слушал отзвуки, ставил крошечные заряды взрывчатки и отмерял эхо взрывов. Он рассеивал семена, как пыльцу: тысячи крошечных зондов и датчиков, автономных, близоруких, придурковатых и одноразовых. Подавляющее большинство служило умиротворяющими жертвами слепому случаю; лишь один из сотни держался достаточно долго, чтобы передать по телеметрии полезные данные.

Покуда наша передовая разведка вела съемку окрестностей, «Тезей» в падении с небес рисовал масштабные карты. Он расплевывал тысячи собственных одноразовых зондов, рассыпал в небесах и собирал стереоскопическое изображение с тысячи точек зрения одновременно.

В жилых отсеках корабля собирался лоскутный образ. Шкура «Роршаха» на шестьдесят процентов состояла из сверхпроводящих углеродных нанотрубок. Его внутренности были в основном пустыми, и, по крайней мере, часть этих полостей

содержала атмосферу. Никакая форма земной жизни не продержалась бы там и секунды; радиационные пояса и электромагнитные поля прихотливым образом обвивали конструкцию, просачивались внутрь. Местами радиация была настолько мощной, что вмиг обратила бы в пепел обнаженную плоть; более спокойные заводи за то же время просто убивали. Заряженные частицы с субсветовыми скоростями мчались по невидимым трекам, хлестали из зияющих дыр, вертелись в объятьях магнитных полей, какими не погнушалась бы и нейтронная звезда, вырывались на открытое пространство и вновь ныряли в черную тушу. Изредка бугрились выступы, раздувались, лопались облаками микрочастиц, словно спорами засеивая пояса Ван Аллена.[41] Больше всего «Роршах» напоминал гнездо свившихся друг с другом недоразобранных циклотронов.

Ни «чертик» внизу, ни «Тезей» с орбиты не смогли обнаружить входов, если не считать непроходимых жерл, то извергавших потоки заряженных частиц, то глотавших их обратно. При максимальном приближении не обнаружилось ни люков, ни шлюзов, ни иллюминаторов.

---

[41] Примечания: 41

Пояса Ван-Аллена — кольцевидные зоны высокой концентрации заряженных частиц, создаваемые магнитным полем планеты.

То, что нам угрожали по лазерной связи, подразумевало наличие каких-то оптических антенн или фазовых решеток, но даже их мы не смогли обнаружить.

Определяющим свойством фон-неймановских машин является самовоспроизводство. Подходит ли «Роршах» под этот критерий — будет ли он давать семена, или делиться, или телиться, преодолев некий критический порог (если уже не сделал этого), — вопрос оставался открытым.

Один из тысячи. В конечном итоге — после всех наблюдений, после всех раздумий, рассуждений и просто догадок — мы вышли на орбиту, вызнав миллион несущественных мелочей и не получив ни единого ответа на главные вопросы. С уверенностью можно было сказать только одно.

Пока «Роршах» огня не открывал.

— Мне показалось, оно знает, что говорит, — заметил я.

— В том, пожалуй, и беда, — отозвалась Бейтс.

Ей некому было довериться, она не вела интимных бесед, которые можно было подслушать. С ней я использовал прямой подход.

«Тезей» котился, рождая двойню за двойней мерзостных тварей: бронированных, приплющенных овоидов вдвое больше человеческого

торса, утыканных садовыми принадлежностями: антеннами, оптическими портами, втяжными пилами. Оружейными дулами.

Бейтс созывала своих солдат. Мы с ней парили перед главным выходом фаба, в основании корабельного хребта. С тем же успехом фабрикатор мог извергнуть войско в трюм под панцирем — там оно в любом случае будет покоиться, пока не придет пора, — но Бейтс осматривала каждого пехотинца лично, прежде чем отправить к воздушному шлюзу, располагавшемуся в паре метров выше по коридору. Ритуал, надо полагать. Армейская традиция. Уж конечно, глазами она не могла обнаружить ничего такого, чего не показала бы самая базовая диагностика.

— Это будет сложно? — спросил я. — Управлять ими без помощи интерфейса?

— Они сами управятся прекрасно. Без спама в сети время реакции даже улучшается. Я тут скорее в роли предохранителя.

«Тезей» зарокотал, набирая высоту. Кормовая броня дрогнула. Еще один обломок местного мусора миновал нашу траекторию. Мы выходили на экваториальную орбиту всего в нескольких волосках-километрах над объектом, в безумной отваге пробивая аккреционный пояс.

Никого, кроме меня, это не волновало.

— Это как переходить скоростное шоссе, — с пренебрежением отмела Саша мои тревоги. — Попробуй ползком, и тебя на шину намотает. Прибавь ходу — и плыви по течению.

Но в потоке возникали завихрения. С тех пор как «Роршах» замолк, пяти минут не проходило без очередной коррекции курса.

— Так что, ты согласна? — спросил я. — Распознавание образов, пустые угрозы? Волноваться не о чем?

— Пока по нам огня не открывали, — отозвалась Бейтс. Это значило: ничего подобного.

— Как ты относишься к доводам Сьюзен? Разные среды обитания, нет причин для конфликта?

— Имеет смысл, пожалуй.

Читай: полная фигня.

— Ты можешь представить причину, по которой существа, настолько отличные от нас, будут нападать?

— Это зависит от того, — заметила она, — достаточным ли окажется тот факт, что мы разные.

Я видел, как в ее графах преломляются поля детсадовских боев. Я вспомнил собственные и попытался представить, а бывают ли другие?

Хотя это идет на ту же чашу весов. На самом деле

люди воюют не из-за цвета кожи или идеологии; и то, и другое — всего лишь удобные метки для отбора сородичей. В конечном итоге все сводится к генетическим линиям и дефициту ресурсов.

— Исаак сказал бы, что это другое дело, — заметил я.

— Пожалуй.

Бейтс отправила очередного солдатика в трюм; на его место с гудением заступили двое, плечом к плечу. Броня отблескивала в свете ламп.

— А сколько пехотинцев тебе нужно?

— Сири, мы готовимся к грабежу со взломом. Оставлять самим дом без присмотра было бы неумно.

Я изучал ее топологию так же тщательно, как она осматривала броню роботов. Под поверхностью бурлили сомнение и гнев.

— Ты в сложном положении, — заметил я.

— Как и мы все.

— Но ты отвечаешь за нашу оборону против врага, о котором мы пока ничего не знаем и можем лишь гадать…

— Сарасти не гадает, — поправила Бейтс. — Его не случайно поставили командиром. Не вижу особенного смысла оспаривать его распоряжения, когда нам всем не хватает по сотне пунктов

IQ, чтобы понять их смысл.

— И тем не менее о его хищнической натуре все предпочитают умалчивать, — подсказал я. — Ему тоже приходится нелегко: такой интеллект — и сосуществует с инстинктивной агрессией. Важно, чтобы победила верная сторона.

В этот момент ей пришло в голову, что Сарасти может подслушивать. В следующую секунду она решила, что это неважно: какое ему дело до мнения скотины, покуда та исполняет приказы?

— Я думала, — только и проговорила Бейтс вслух, — что вам, жаргонавтам, не положено иметь собственного мнения.

— Оно не мое.

Военная примолкла. Вернулась к осмотру.

— Ты же знаешь, чем я занимаюсь, — напомнил я.

— Угу, — один из двух роботов прошел поверку и погудел вверх по хребту. Бейтс повернулась ко второму. — Упрощаешь. Чтобы быдло там, дома, поняло, чем занимаются специалисты.

— Отчасти так.

— Мне не нужен переводчик, Сири. Если все пройдет гладко, я всего лишь консультант. Если нет — телохранитель.

— Ты офицер и военный эксперт. Я бы сказал,

что для оценки возможной угрозы со стороны «Роршаха» это достаточная квалификация.

— Я — грубая сила. Разве Юкку или Исаака не надо упрощать?

— Именно этим я и занимаюсь.

Она обернулась ко мне.

— Вы взаимодействуете, — пояснил я. — Все компоненты системы влияют друг на друга. Обрабатывать Сарасти, не учитывая тебя, — значит рассчитывать ускорение, забывая о массе.

Бейтс вновь обратилась к своему выводку. Еще один робот прошел смотр.

Она ненавидела не меня. Она ненавидела то, что подразумевалось под моим присутствием.

Они не доверяют нам, не дают говорить за себя, молчала она. Как бы мы ни были ловки, как бы далеко ни обошли остальное стадо. Может, именно поэтому мы заразны. Мы субъективны. Потому с нами послали Сири Китона, который перескажет, что же мы имели в виду на самом деле.

— Понимаю, — проговорил я спустя минуту.

— Да ну.

— Это не вопрос доверия, майор. Это вопрос местоположения. Нельзя подробно рассмотреть систему изнутри, кем бы ты ни был. Пропорции искажаются.

— А для тебя — нет.

— Я вне системы.

— Сейчас ты общаешься со мной.

— Только как наблюдатель. Совершенство недостижимо, но досягаемо, понимаешь? Я не участвую в исследованиях и не принимаю решений, я не вмешиваюсь в те аспекты миссии, которые призван изучать. Но я, естественно, задаю вопросы. Чем больше информации в моем распоряжении, тем точней анализ.

— Я думала, тебе и спрашивать не надо. Считала, ты, ну, типа, по губам читаешь или вроде того.

— Каждая мелочь важна. Все идет в котел.

— И ты этим занимаешься прямо сейчас? Синтезируешь?

Я кивнул.

— Без всякого специального образования.

— Я такой же специалист, как и ты. Специалист по обработке информационных графов.

— Но ты ни черта не смыслишь в их содержании.

— Достаточно понимать форму.

Бейтс, кажется, нашла мелкий изъян в боевом роботе, которого разглядывала, и поскребла броню ногтем.

— А софт без твоей помощи не справился бы?

— Софт многое может. Кое-что мы предпочитаем делать сами, — я мотнул головой в направлении солдатика. — Визуальный осмотр, например.

Она слегка усмехнулась, признавая поражение.

— Так что, прошу, говори свободно. Я обязан сохранять конфиденциальность, ты же знаешь.

— Спасибо, — проговорила она, имея в виду: «На борту корабля такой штуки просто не существует».

«Тезей» зазвенел. Вдогонку пронесся голос Сарасти:

— Выход на орбиту через пятнадцать минут. Через пять всем собраться в вертушке.

— Ну вот, — пробормотала Бейтс, отправляя в путь последнего солдатика, — поехали.

Она оттолкнулась и поплыла вверх по хребту. Новорожденные машины-убийцы угрожающе пощелкивали в мою сторону. От них пахло новыми автомобилями.

— Кстати, — бросила Бейтс через плечо, — ты пропустил самое очевидное.

— Что-что?

В конце прохода она развернулась вверх но-

гами и, как гимнастка, приземлилась рядом с люком вертушки.

— Причину. Зачем кому-то нападать, когда им ничего от нас не нужно.

— Если они на самом деле не нападают, — прочитал я с ее лица. — Если они защищаются.

— Ты спрашивал насчет Сарасти. Крепкий парень. Волевой лидер. Мог бы побольше времени проводить с рядовым составом.

Упырь не уважает подчиненных. Не прислушивается к советам. Постоянно прячется. Я вспомнил косаток-мигрантов.

— Может, он щадит наши чувства.

Он знает, что заставляет нас нервничать.

— Разумеется, — отозвалась Бейтс. Вампир себе не доверяет.

* * *

Не только Сарасти. Они все скрывались от людей, даже когда сила была на их стороне. Всегда оставались на грани легенды.

Началось все, как это обычно бывает: вампиры далеко не первыми обнаружили преимущества сохранения энергии. Землеройки и колибри, обремененные крошечными тельцами и форсированным метаболизмом, за ночь умирали бы

от голода, если бы не впадали в оцепенение на закате. Коматозные морские слоны бездыханные таились на дне морском, поднимаясь только в погоне за добычей или когда уровень лактата достигал критического. Медведи и бурундуки снижали расходы, отсыпаясь в голодные зимние месяцы, а двоякодышащие рыбы, эти девонские «черные пояса» в искусстве спячки, могли лечь и сдохнуть на долгие годы, ожидая дождей.

С вампирами все происходило немного по-иному. Им мешал не метаболический разгон, или недостаток кислорода, или накрывающий по зиме кладовку снежный полог. Для них проблема заключалась не в малом количестве добычи, а в том, что они не сильно от нее отличались, так как совсем недавно отошли от базовой линии гоминидов. Наши темпы размножения совпадали. Обычная динамика типа «волк — заяц», когда на одного хищника приходится сотня жертв, тут не подходила. Упыри питались добычей, которая размножалась немногим быстрее их самих, и выжрали бы собственную кормовую базу в мгновение ока, если бы не научились давать по тормозам.

Эволюция вынесла им смертельный приговор, когда они уже могли отключаться на десятки

лет.

В этом был двойной смысл. Анабиоз не только срезал их метаболические потребности, покуда корм размножался до уровня потребления. Он давал нам время забыть, что мы — их добыча. К плейстоцену люди сильно поумнели, даже могли позволить себе легкий скептицизм; если ты за годы жизни в саванне не сталкивался с ночными демонами, то с чего тебе верить болтовне дряхлой бабки за трапезой у костра?

Сон вампиров был смертью для наших предков, пускай даже именно эти вражеские гены — ныне кооптированные людьми — спустя полмиллиона лет так хорошо послужили нам, когда мы покинули Солнечную систему. Но меня… пожалуй, ободряла мысль о том, что Сарасти, скорее всего, сам чувствует власть инстинктов, вылепленное поколениями в ходе естественного отбора врожденное отвращение к собственной видимости. Быть может, каждую минуту, проведенную в нашем обществе, он сопротивляется голосам, требующим от него скрыться, спрятаться, позволить добыче успокоиться. Быть может, он уходит, когда становится невмочь им сопротивляться. Быть может, мы его нервируем не меньше, чем он — нас. Можно же надеяться, верно?

* * *

Наша окончательная траектория в равной мере сочетала в себе элементы осторожности и отваги.

«Роршах» нарезал идеальные круги по экватору Большого Бена, на расстоянии 87900 километров от центра тяжести. Сарасти не желал выпускать объект из поля зрения, и не надо быть вампиром, чтобы не доверять ретрансляционным спутникам в радиоактивной пурге из песка и роботов. Очевидной альтернативой стало согласование орбиты.

В то же время спорить о том, всерьез ли высказывал «Роршах» свои угрозы — и понимал ли, о чем говорит — было уже явно не к месту. Так или иначе, возможность столкнуться с защитными мерами оставалась, и длительное сближение только увеличивало риск. Поэтому Сарасти пришел к оптимальному компромиссу. Умеренно эксцентричная орбита практически касалась объекта в перигее и держала нас на отдалении все остальное время. Траектория получалась длиннее, чем у «Роршаха», и выше — нам приходилось дожигать ускорение на нисходящей ветви, чтобы синхронизировать вращение, — но в итоге мы не

упускали объект из вида ни на минуту, а на дистанции поражения находились лишь в течение трех часов до и после нижней точки.

Нашей дистанции поражения, естественно. Судя по пока имеющейся у нас информации, можно было спокойно сделать вывод, что «Роршах» мог, например, протянуть руку и прихлопнуть нас еще до того, как мы покинули пределы Солнечной системы.

Сарасти командовал из своей палатки. КонСенсус принес его голос в вертушку, когда «Тезей» проходил апогей:

— Пора.

«Чертик» воздвиг над собой купол — пузырь, приклеенный к корпусу «Роршаха» и надутый в вакууме одним выдохом азота. Теперь зонд навел лазеры на цель и принялся сверлить; если сонар не ослышался, толщина поверхности под его ногами составляла всего тридцать четыре сантиметра. Несмотря на шесть миллиметров усиленной радиозащиты, лазерные лучи заикались во время работы.

— Сучий потрох, — пробормотал Шпиндель. — Получается.

Мы прожгли прочный, волокнистый эпидермис. Мы прожгли изоляционные жилы какого-то

материала, вроде управляемого асбеста. Мы прожигали слой за слоем сверхпроводящей сетки, перемежающейся слоистыми углеродными пленками.

Мы прожгли поверхность «Роршаха» насквозь.

Лазеры тут же погасли. За несколько секунд кишечные газы «Роршаха» надули палатку, точно барабан. В загустевшей атмосфере клубилась и плелась черная сажа.

Никто по нам не стрелял. Никто не отреагировал. Вообще. В КонСенсусе начали копиться парциальные давления: метан, аммиак, водород. Много водяного пара, вымерзавшего едва не быстрей, чем приборы успевали его регистрировать.

Шпиндель хрюкнул.

— Восстановительная атмосфера. До-снежковая фаза.[42]

Голос его звучал разочарованно.

— Может, они еще не закончили работу, — предположила Джеймс. — Как и над всем объектом.

— Может.

---

[42] Примечания: 42

Речь идет о так называемой гипотезе «Земли-снежка» (Snowball Earth). Заключается она в том, что Земля в части криогенийского и эдиакарского периодов (с 850 до 640 млн лет назад) была полностью покрыта льдом. Соответственно, до этого периода атмосфера Земли еще не содержала существенных количеств кислорода, и понятно, почему Шпиндель сравнивает атмосферу на борту «Роршаха» с «до-снежковой».

«Чертик» высунул язык — огромный механический сперматозоид с оптомышечным хвостом. Головой ему служила толстокожая облатка, половину поперечного сечения которой занимала керамическая броня. Крошечный ганглий датчиков в его сердцевине был рудиментарным, зато достаточно маленьким, чтобы вся конструкция просочилась в просверленную лазером карандашно-узкую дырочку. Зонд просунулся в отверстие, облизывая свежепорванный сфинктер «Роршаха».

— Темно там, — заметила Джеймс. Бейтс:

— Зато тепло.

Двести восемьдесят один кельвин.[43] Выше точки замерзания.

Эндоскоп нырнул во тьму. В тепловом спектре прорезалась зернистая черно-белая картинка — туннель, кажется, полный мглы и причудливых каменных наростов. Стены гнулись, точно соты, точно окружности окаменевшей кишки. Тут и там от центрального прохода ответвлялись тупички и боковые ветки. Основным материалом служило, судя по виду, плотное слоеное тесто из углеволоконных пленок. Местами в зазор между

---

[43] Примечания: 43
+8 по Цельсию.

слоями едва можно было просунуть палец, но в некоторые щели удалось бы пропихнуть труп.

— Дамы и господа, — вполголоса проговорил Шпиндель. — Кушать подано — чертова пахлава.

Я был готов поклясться, что заметил движение. Очень и очень знакомое. Камера сдохла.

Роршах

Матери любят своих детей больше, чем отцы, так как они более уверены в том, что это именно их дети.

Аристотель

С отцом я попрощаться не смог. Не знаю даже, где он был в это время.

С Хелен я прощаться не хотел. Не желал туда возвращаться. Вот только я мог никуда и не ехать. Не осталось на планете места, где гора не могла бы попросту взять и податься к Магомету. Небеса были лишь околицей глобальной деревни, а та не оставляла мне выбора.

Я связался прямо из своей квартиры. Новые накладки — заточенные под экспедиционные нужды, всего неделю назад вставленные под череп, — навели мост в ноосферу и постучались во врата рая. Некий ручной призрак — столь же бесплотный, как и Петр-ключник, хотя и более правдоподобный — принял записку и умчался.

Меня пропустили внутрь.

Не было ни передней, ни комнаты свиданий: Небеса не предназначались для досужих зевак;

любой рай, в котором уютно чувствовали бы себя скованные плотью, оказался бы нестерпимо прозаичен для бестелесных душ, населяющих его. Конечно, не было особой причины гостю и хозяину видеть одно и то же. Если бы я захотел, то мог бы снять с полки любой стандартный пейзаж, обставить это место, как мне заблагорассудится. Только сами возвышенные не поддавались изменению, конечно. Одно из преимуществ посмертия: самим выбирать себе лица.

Но то, чем предстала моя мать, не имело лица. И черта с два я стану прятаться перед ней за какой-то маской.

— Привет, Хелен.

— Сири! Какой чудесный сюрприз!

Она была абстракцией абстракции: невозможным пересечением десятков ярких стекол, словно рассыпанный витраж вдруг засветился изнутри и ожил. Мать кружилась передо мной стаей рыбок. Ее мир повторял очертания ее тела: огоньки, острые углы и трехмерные эшеровские парадоксы, громоздящиеся сияющими тучами. И все же я узнал бы ее где угодно. Рай как сон; только проснувшись, понимаешь, что увиденное ничуть не похоже на то, с чем сталкивался в жизни.

Во всем сенсорном поле я нашел лишь один

знакомый ориентир. Парадиз моей матери пропах корицей.

Я смотрел на сияющую аватару, а представлял себе тело, отмокающее в чане с питательным раствором где-то глубоко под землей.

— Как поживаешь?

— Прекрасно. Прекрасно. Конечно, не сразу привыкаешь к тому, что твой разум принадлежит теперь не тебе одной, — рай не только питал мозги своих обитателей, но и кормился ими — использовал резервные мощности незадействованных синапсов, поддерживая собственную инфраструктуру. — Тебе обязательно надо сюда перебраться, и чем быстрее, тем лучше. Ты не захочешь уходить.

— Вообще-то я улетаю, — отозвался я. — Завтра старт.

— Улетаешь?

— Пояс Койпера. Ты знаешь. Светлячки.

— Ах, да. Кажется, я что-то такое слышала. Понимаешь, к нам новости из внешнего мира почти не поступают.

— В общем, я просто хотел заглянуть, попрощаться.

— Я рада. Надеялась увидеть тебя без… ну ты понимаешь…

— Без чего?

— Ну, ты знаешь. Не хочу, чтобы твой отец подслушивал.

Опять.

— Хелен, отец на задании. Межпланетный кризис. Может, ты слышала хоть какие-то новости.

— Разумеется. Ты знаешь, я не всегда терпеливо сносила… длительные командировки твоего отца, но, быть может, оно обернулось к лучшему. Чем реже он бывал с нами, тем меньше мог сделать.

— Сделать?

— С тобой, — призрак застыл на несколько секунд, изображая неуверенность. — Никогда тебе этого прежде не говорила, но… нет. Не стоит.

— Не стоит — чего?

— Вспоминать… ну, старые обиды.

— Какие обиды?

Точно по звонку. Привычка въелась слишком глубоко. Я ничего не мог с собой поделать — всегда тявкал по команде.

— Ну, — начала она, — иногда ты возвращался — ты был такой маленький! — и у тебя лицо было такое… напряженное и застывшее, и я думала: отчего ты так сердишься, малыш? На что может злиться такая кроха?

— Хелен, о чем ты? Возвращался откуда?

— Оттуда, куда он тебя водил, — по граням ее пробежало что-то вроде дрожи. — Тогда твой отец еще бывал с нами. Он не был такой важной персоной — просто помешанный на карате бухгалтер, готовый болтать о криминалистике, и теории игр, и астрономии, пока в сон не вгонит.

Я попытался это себе представить: мой отец — болтун.

— Это непохоже на папу.

— Ну само собой! Ты был слишком мал, чтобы помнить об этом, но он тогда еще был обыкновенным маленьким человеком. Да им и остался, на самом-то деле, несмотря на все тайные задания и засекреченные инструкции. Никогда не понимала, как люди этого не замечают. Но даже в те времена он предпочитал… ну, это все же не его вина, наверное. У него было очень трудное детство, он так и не научился решать проблемы как взрослый. Он, ну, предпочитал давить, использовать свое положение, можно так сказать. Конечно, я об этом узнала уже после того, как мы поженились. Если бы раньше, я… но я взяла груз на себя. Я взяла на себя груз — и не бросила.

— Что, ты хочешь сказать, он издевался над тобой? — «Оттуда, куда он тебя водил». — Ты… ты

хочешь сказать, что надо мной?

— Сири, издевательства бывают разные. Порой слова ранят больнее пуль. А бросать ребенка…

— Он не бросал меня. Он оставил меня с тобой.

— Он бросал нас, Сири. Порой на целые месяцы, и я… и мы не знали, вернется ли он. Это был его выбор, Сири. Он не нуждался в этой работе, у него было множество других специальностей. Специальностей, которые уже много лет как отошли в прошлое.

Я недоверчиво покачал головой, не в силах сказать это вслух: она ненавидела его за то, что у него не хватило любезности устареть?

— Отец не виноват, что мировая служба безопасности пока еще необходима, — проговорил я.

Она продолжала, будто не слыша:

— Были, конечно, времена, когда это было неизбежно, когда нашим ровесникам приходилось работать, чтобы свести концы с концами. Но даже тогда люди предпочитали проводить время с семьей. Даже когда не могли этого себе позволить. Сознательно остаться на работе, когда в этом нет даже необходимости — это… это… — она разбилась — и собралась вновь уже рядом со мной. — Да, Сири, я считаю это издевательством.

И если бы твой отец был мне хоть вполовину так верен, как была я все эти годы…

Я вспомнил Джима, нашу последнюю встречу: как он нюхал вазопрессин под тревожными взглядами роботов-охранников.

— Мне не кажется, что отец предал кого-то из нас.

Хелен вздохнула.

— Я и не думала, что ты поймешь. Я не такая уж дура. Я видела, чем все обернулось. Все эти годы мне фактически приходилось растить тебя в одиночку. Я вынуждена была постоянно изображать буку, постоянно заниматься твоим воспитанием, ведь отец опять укатил на очередное секретное задание. А потом он возвращался на неделю-другую, и ты на него смотрел влюбленными глазами только потому, что папа соизволил явиться. Я на самом деле виню тебя в этом не больше, чем его. Вина теперь уже ничего не решает. Я просто думала… ну, правда, решила, что тебе стоит знать. Как хочешь, так и понимай.

Непрошеное воспоминание: мне девять лет, и Хелен зовет меня прилечь рядом с ней, ее ладонь гладит мой шрам, ее несвежее, сладковатое дыхание касается моей щеки. Ты единственный мужчина в семье, Сири. На твоего папу больше

нельзя положиться. Только ты да я…

Я ничего не ответил. В конце концов, спросил только:

— Неужели совсем не помогло?

— Ты о чем?

Я обвел взмахом руки созданную на заказ абстракцию: самоподдерживающийся осознанный сон.

— Здесь ты всемогуща. Пожелай чего угодно, вообрази что угодно — и вот оно. Я думал, ты изменишься сильнее.

Радужные витражи аккомпанементом заиграли под натянутый смешок.

— Для тебя это — недостаточная перемена? Нет.

Потому что Небеса оказались с изъяном. Сколько бы аватар и големов ни строила здесь Хелен, сколько бы скудельных сосудов ни пело ей осанны и ни сострадало несправедливости, которую она претерпела; все в конечном итоге сводилось к тому, что она разговаривала сама с собой. Существовала иная реальность, над которой мать не властвовала, другие люди, которые не подчинялись ее правилам и думали о ней, как им заблагорассудится, если, конечно, вообще думали.

Она всю жизнь могла провести, не встретившись с ними. Но она знала об их существовании, и это сводило ее с ума. Когда я покидал Небеса, мне пришло в голову, что при всем ее всемогуществе мать стала бы совершенно счастливой в собственном раю лишь в одном случае.

Если бы вся остальная вселенная сгинула без следа.

* * *

— Этого не должно было случиться, — отчеканила Бейтс. — Защита держалась.

Банда сидела в своей палатке по другую сторону вертушки и с чем-то возилась. Сарасти в тот день держался за кулисами и отслеживал происходящее из своего логова. В общей комнате остались я, Бейтс и Шпиндель.

— Против чистого ЭМ-поля — может быть, — Шпиндель потянулся, подавляя зевок. — В живых тканях, по крайней мере, ультразвук проталкивает магнитные поля через оболочки. Могло такое случиться с вашей электроникой?

Бейтс развела руками.

— Кто ее разберет? С тем же успехом там могли поработать эльфы и черная магия.

— Ну, это был не полный провал. Мы можем сде-

лать несколько интересных предположений, а?

— Например? — Шпиндель поднял палец.

— Слои, которые мы прорезали, не могли появиться в ходе метаболических процессов, которые я могу себе представить. Так что эта штука не живая в биологическом смысле слова. Если в наши дни это что-то значит, — добавил он, окидывая взглядом чрево нашего кита.

— Как насчет жизни внутри объекта?

— Бескислородная атмосфера. Сложную многоклеточную жизнь можно, скорее всего, исключить. Микробы — еще может быть, хотя, если они там есть, я жажду это чудо увидать. Но любой достаточно сложный организм, способный мыслить, не говоря о том, чтобы построить вот это, — он указал на изображение в Консенсусе, — требует высокоэнергетического метаболизма, а значит, кислорода.

— Так ты думаешь, «Роршах» пустой?

— Я этого не говорил, нет. Понимаю, инопланетянам положено быть загадочными и все такое, но я все-таки не понимаю, зачем кому-то строить космических масштабов заказник для анаэробных бактерий.

— Эта штука не может не быть чьей-то средой обитания. Зачем тогда вообще атмосфера, если

мы имеем дело просто с терраформирующим автоматом?

Шпиндель ткнул пальцем в сторону палатки.

— Как и сказала Сьюзен — атмосфера еще строится. Нам халява, пока хозяева не явились.

— Халява?

— Типа того. И я прекрасно понимаю, что мы видели лишь долю от малой доли объекта. Но кто-то же видел, как мы приближаемся. И, насколько помню, очень сердился. Если они разумны и враждебны — то почему не стреляют?

— А может, уже выстрелили.

— Если что-то внутри расстреляло твоих роботов, то оно поджарило их не быстрее, чем могла бы обыкновенная естественная среда.

— То, что ты называешь «обыкновенной естественной средой», может оказаться активной защитой. Иначе, почему бы орбитальной станции быть настолько необитаемой?

Шпиндель закатил глаза.

— Ладно, я ошибся. Мы знаем недостаточно для предположений.

Нельзя сказать, что мы не пытались раздобыть больше информации. Когда сенсорная головка «чертика» сгорела напрочь, мы низвели его до землекопа; зонд по волоску расширял шахту,

терпеливо выжигая края проделанной первоначально замочной скважины, покуда та не достигла метра в поперечнике. Мы тем временем переделывали пехотинцев Бейтс — навесили столько защиты, что та выдержала бы и в ядерном реакторе, и внутри циклотрона, — и в перигее сбросили их на «Роршах», словно камушки с опушки в зачарованный лес. Каждый из них по очереди прошел «чертиковы» воротца, разматывая за собой нитяное тонкое оптоволокно для передачи данных в ионизированной атмосфере.

Мимолетный взгляд — вот и все, чего им удалось добиться. Несколько растянутых эпизодов.

Мы видели, как шевелятся стены «Роршаха»: перистальтические волны лениво и медлительно колыхали его кишку. Мы видели, как тянутся патокой ввернутые карманы стен в мучительных спазмах, которые с течением времени должны были совершенно перекрыть проход. Сквозь некоторые помещения наша пехота проплывала с легкостью, в других спотыкалась и с трудом находила дорогу в магнитном шуме. Роботы пролезали сквозь странные пасти, ощеренные бритвенно-острыми зубами, тысячами спирально изогнутых треугольных лезвий, выложенных параллельными рядами. Они осторожно обходи-

ли фигурные облака мглы, заряженных частиц, нанизанных на мириады сходящихся линий электромагнитного поля, изменчивых и бесконечно повторяющих самих себя в абстрактных фракталах.

Рано или поздно каждый из них сгорал. Или терял связь.

— Улучшить радиационную защиту можно? — полюбопытствовал я.

Шпиндель глянул на меня.

— И так уже замуровали все, кроме самих датчиков, — объяснила Бейтс. — Если закрыть их, мы ослепнем.

— Но видимый свет относительно безопасен. Как насчет чисто оптическо…

— Мы и так пользуемся оптической связью, комиссар, — отрезал Шпиндель. — Мог бы заметить, что срань все равно просачивается.

— Но есть же эти… как их… — я поискал слова, — полосовые фильтры? Какие-то приспособления, которые будут пропускать излучение на видимых частотах, срезая опасные пики за краями диапазона?

Шпиндель фыркнул.

— Ага. Такая штука называется «атмосферой», и если бы мы приволокли ее с собой — раз в пять-

десят толще земной, — она могла бы частично отфильтровать эту кашу. Правда, Земле еще здорово помогает магнитное поле, но я не стал бы полагаться на любую нашу ЭМ-защиту.

— Если мы и дальше будем сталкиваться с этими всплесками, — уточнила Бейтс. — Настоящая проблема в них.

— Они повторяются со случайными интервалами? — поинтересовался я.

Шпиндель пожал плечами, как вздрогнул.

— Не думаю, что в здешних местах есть хоть что-то случайное. Хотя — кто знает? Нужно больше данных.

— Которые мы вряд ли получим, — докончила Джеймс, подползая к нам по потолку, — если зонды и дальше будет коротить.

Условное наклонение оказалось чистой фигурой речи. Мы пробовали играть в рулетку, жертвуя зондами одним за другим в надежде, что хоть одному повезет. Период их распада с удалением от базы экспоненциально приближался к нулю. Пытались экранировать оптоволокно для уменьшения апертурных протечек; замотанный в несколько слоев феррокерамики кабель получался настолько жестким и несгибаемым, что мы фактически размахивали зондом на палочке.

Решили вообще обойтись без помочей, отправляли роботов на самостоятельную разведку в радиоактивный буран собирать данные для последующего скачивания; не вернулся ни один. В общем, опробовали все.

— Мы можем отправиться туда сами, — сказала Джеймс.

Почти все.

— Ну да, — выдавил Шпиндель голосом, который мог значить только «ну нет!».

— Это единственный способ выяснить что-нибудь дельное.

— Ага. Например, за сколько секунд твои мозги превращаются в рагу по-циклотронному.

— Скафы можно экранировать.

— А, в смысле — как зонды Мэнди?

— Вот не надо меня так называть, пожалуйста, — вмешалась Бейтс.

— Суть в том, что «Роршах» тебя убьет, будь ты из мяса или из металла.

— Суть в том, что мясо он убивает по-иному, — отозвалась Джеймс. — Медленнее.

Шпиндель покачал головой.

— Через пятьдесят минут тебе все равно каюк. Несмотря на защиту. Даже в так называемых «холодных зонах».

— И еще три часа лучевая болезнь протекает бессимптомно. И даже после этого потребуется несколько дней, чтобы окончательно сдохнуть, а задолго до этого мы вернемся на «Тезей», и корабль подлатает нас в два счета. Это даже мы знаем, Исаак, вот оно все — в КонСенсусе. А если это знаем мы, то ты уж точно в курсе. Так что спорить вообще не о чем.

— Такая у тебя идея? Каждые тридцать часов накачиваться жестким излучением, а мне потом вырезать опухоли и склеивать всех заново по одной клетке?

— Капсулы работают автоматически. Тебе даже пальцем шевельнуть не придется.

— Это не говоря о тех фокусах, что выделывают с мозгом магнитные поля. Мы начнем галлюцинировать с первой секунды, как…

— Отфарадеить скафандры.

— Ага, то есть мы полезем туда глухими и слепыми. Здорово.

— Мы можем оставить световые окна. Инфракрасное…

— Сюзи, это все излучение. Даже если мы замажем шлем черной краской и будем ориентироваться по видеосигналу, радиация просочится через кабельное гнездо.

— Немного, да. Но все же лучше, чем…

— Господи! — от тремора из уголка губ Шпинделя брызгала слюна. — Дай мне поговорить с Ми…

— Я обсудила это с остальной Бандой, Исаак. Мы все согласны.

— Все согласны? Сюз, вы не большинством голосов решаете. Оттого, что ты порезала мозг на мелкие кусочки, каждый из них не получает избирательного права.

— Не понимаю, почему нет. Каждый из нас как минимум столь же разумен, как ты.

— И все они — ты. Только распараллеленная.

— Ты, кажется, без труда воспринимаешь Мишель как отдельную личность.

— Мишель, она… Я хочу сказать — да, вы все — совершенно разные грани, но оригинал ведь только один. Твои альтер э…

— Не называй нас так, — вмешалась Саша. Голос ее был холоден, как жидкий кислород. — Никогда.

Шпиндель попытался отступить.

— Я не имел в виду… ты же понимаешь…

Но Саша ушла.

— И что ты имел в виду? — поинтересовался вместо нее мягкий голос. — Ты думаешь, что я просто… я просто ипостась Мамочки? Думаешь,

когда мы вместе — ты наедине с ней?

— Мишель, — жалким голосом пробормотал Шпиндель. — Нет. Я хотел сказать…

— Неважно, — перебил Сарасти. — Не голосуем.

Упырь парил над нами, в центре вертушки, скрытый непроницаемым забралом. Никто не заметил, как он появился. Вампир медленно поворачивался вокруг своей оси, не выпуская нас из виду, пока мы вращались вокруг него.

— Запускаем «Сциллу»; Аманде требуются два солдатика без привязи, вооружение превентивное. Камеры — диапазон от одного до миллиона ангстрем, экранированные микрофоны, без автономного контроля. К 13.50 всем принять тромбоцитарный стимулятор, дименгидринат[44] и йодистый калий.

— Всем? — переспросила Бейтс. Сарасти кивнул.

— Окно открывается на четыре часа двадцать три минуты.

Он повернулся обратно к хребту.

— Кроме меня, — проговорил я. Вампир замер.

— Я не участвую в полевых работах, — напом-

---

[44] Примечания: 44

Хлортеофиллиновая соль димедрола; известен также как драмамин. Используется как препарат против тошноты.

нил я.

— Теперь да.

— Я синтет.

Он это знал. Конечно, знал, как и все: невозможно наблюдать систему, оставаясь в ее рамках.

— На Земле ты синтет, — проговорил он. — В Койпере ты синтет. Здесь ты балласт. Делай что говорят.

Сарасти исчез.

— Добро пожаловать в общую картину, — вполголоса пробормотала Бейтс.

Остальные уже расходились. Я глянул на нее.

— Ты знаешь, что я…

— Мы очень далеко забрались, Сири. Невозможно ждать решений твоего начальства четырнадцать месяцев, и ты это знаешь.

Она подпрыгнула с места, пронеслась сквозь голограммы в невесомость центра вертушки, но там остановилась, будто отвлекшись на внезапное озарение, — ухватилась за спинной хребет и развернулась ко мне лицом.

— Тебе не стоит себя недооценивать, — проговорила она. — Как и Сарасти. Ты наблюдатель, верно? Могу держать пари, там, внизу, будет что понаблюдать.

— Спасибо, — отозвался я.

Но я уже знал, зачем Сарасти отправил меня на «Роршах», и наблюдение было не главной причиной. Трое ценных работников — под огнем. Подсадная утка уменьшала шансы каждого из них пострадать до одной четвертой.

* * *

И найдет на тебя Дух Господень, и ты будешь пророчествовать с ними, и сделаешься иным человеком.

1-я Царств 10:6[45]

— Мы, должно быть, на протяжении почти всей эволюционной истории оставались раздроблены, — сказала мне как-то Джеймс, в те дни, когда мы только знакомились, и постучала себя по виску. — Там внутри места много; мозг современного человека может исполнять десятки мыслительных процессов, не переполняясь. А параллельная многозадачность имеет очевидное преимущество в плане выживания.

Я кивнул.

---

[45] Примечания: 45

Смысл этого эпиграфа теряется в синодальном переводе Библии. В английском тексте, которым пользуется автор (этот текст не совпадает ни с одним из основных переводов Ветхого Завета на английский), говорится буквально *«Господь овладеет тобой: станешь **плясать**, и **бесноваться**, и сделаешься иным человеком».*

— Десять голов лучше одной.

— Наша интеграция могла произойти совсем недавно. Некоторые эксперты считают, что мы в определенных обстоятельствах и сейчас можем вернуться к множественным личностям.

— Само собой. Ты — живой пример.

Она покачала головой.

— Я не о физическом разделении. Конечно, мы — почти произведение искусства, но теоретически хирургия вообще не нужна. Достаточно просто стресса, если он будет сильным. И если случится в раннем детстве.

— Шутишь.

— Ну, это в теории, — призналась Джеймс и мутировала в Сашу: — Хрена с два «в теории». Отдельные случаи фиксировались еще полвека назад.

— Правда? — я устоял перед искушением задействовать накладки; рассеянный взгляд мог меня выдать. — Не знал.

— Ну, не то чтобы об этом сейчас было принято вспоминать. В те времена с многоядерниками поступали просто по-варварски — считали это «расстройством» и лечили, будто болезнь какую. То есть оставляли одно из ядер, а остальных кончали. Естественно, убийством это не назы-

вали. Говорили «интеграция» и прочая хрень. Вот такие были люди: создавали других людей, подставляли их под пытки и мучения, а потом, когда в них отпадала нужда, — убивали.

Обычно таким тоном при первом знакомстве не разговаривают. Джеймс аккуратно выпихнула Сашу с водительского места, и беседа понемногу вошла в пристойное русло.

Но мне не приходилось слышать, чтобы кто-то из Банды называл друг друга «альтер эго» — ни тогда, ни теперь. В устах Шпинделя это слово прозвучало почти безобидно. Я удивился, с чего они так оскорбились, а теперь сидел в пустой палатке, убивая минуты в одиночестве перед вылетом, и никто не видел, как у меня остекленели глаза после подключения к КонСенсусу.

Слово «альтер» несло на себе столетний груз, сообщил он мне. Саша не ошибалась — было время, когда комплекс многоядерной личности считался «расстройством», болезнью, и его никогда не вызывали намеренно. Специалисты тех лет считали, что множественные личности рождаются спонтанно в невообразимых адских котлах насилия — осколки самостей, принесенные в жертву, чтобы сносить изнасилования и побои, пока дитя прячется в неведомом приюте среди мозговых

извилин. Одновременно стратегия выживания и ритуальное самоубийство: бессильные души рвутся на клочья, возлагая на алтарь трепещущие куски себя в тщетной надежде умилостивить мстительных, ненасытных богов — Маму и Папу.

Все это оказалось сущим вымыслом; во всяком случае, никакого подтверждения так и не нашлось. Тогдашние специалисты были, по сути, шаманами, исполняющими импровизированный танец с бубном: петлистые извивы свободных бесед, полные наводящих вопросов и невербальных символов, возня в помойке изблеванного детства. Иногда — доза лития или галоперидола, если бубен с погремушкой окажутся бессильны. Технология картографирования разума только начиналась; до технологии его коррекции оставались еще годы. Так что психотерапевты и психиатры докапывались до своих жертв и придумывали названия тому, что не понимали, ведя диспуты над алтарями Фрейда, Кляйна да древних астрологов, и старались изо всех сил делать вид, что они тоже — Наука.

В конечном итоге большая наука размазала их по асфальту. Расстройство множественной личности стало полузабытой фантазией еще до появления синаптической корректуры. Но оборот

«альтер эго» остался с тех времен, и значение его не изменилось. Среди тех, кто помнил историю, это выражение становилось кодовым выражением для «предательства» и «человеческого жертвоприношения». Оно значило «пушечное мясо».

Представив себе топологию сосуществующих душ Банды четырех, я понимал, почему Саша предалась этому мифу. И понимал, почему Сьюзен позволила ей такое поведение. В конце концов, ничего невозможного в самом понятии не было — это доказывало самое существование Банды. А когда тебя отшелушили от ранее появившейся сущности, вызвали из небытия прямо во взрослую жизнь — осколок личности, лишенный даже полноценного собственного тела, — можно понять и простить некоторую озлобленность. Да-да, вы все равны, все одинаковы. Да-да, ни одна из личностей не превосходит другую. Но фамилия-то есть у одной Сьюзен.

Лучше направить эту злобу на старые обиды, реальные или вымышленные; по крайней мере, это конструктивнее, чем срывать злобу на тех, кто делит с тобой единую плоть.

И еще одно я понял в тот момент, когда вокруг меня сияли диаграммы, документировавшие

непреклонный рост левиафана в глубине. Не только почему Саше так не по душе было это слово, но и почему Исаак Шпиндель — бессознательно, само собой, — его произнес.

С точки зрения Земли, все мы на борту «Тезея» были альтеры.

* * *

Сарасти остался на борту. Для него сменщика не предусмотрели.

А в челнок набились мы, все остальные, в переделанных скафандрах, так обвешанных радиационной защитой, что они походили на старинные водолазные костюмы. Здесь следовало соблюдать тщательный баланс; избыток защиты был не лучше, чем ее отсутствие, ведь он расщеплял первичные частицы на вторичные корпускулярные, столь же смертоносные, только более многочисленные. Иногда придется терпеть невысокий уровень излучения. Единственной альтернативой оставалось замотаться в свинец, как мумии.

Мы отбыли за шесть часов до перигея. «Сцилла» мчалась вперед с детским нетерпением, оставив позади родителя. На лицах за моей спиной особого энтузиазма явно не отражалось. Кроме

одного: Банда четырех едва не мерцала за забралом шлема.

— Волнуешься? — спросил я.

— Еще бы, твою мать! — отозвалась Саша. — Это ж полевые исследования. Китон. Первый контакт.

— А если там никого нет?

Или есть, но мы им не понравимся?

— Тем лучше. Почитаем их дорожные знаки и этикетки от печенья без присмотра местной полиции.

Мне стало интересно, выражает ли она общее мнение. В том, что Мишель считает иначе, я не сомневался.

Иллюминаторы «Сциллы» были задраены. Наружу не выглянуть, внутри смотреть не на что, кроме роботов, тел и корявого контура, что разрастается на дисплее внутри шлема. Но я чувствовал, как радиация пронизывает броню, точно бумажную салфетку. Я ощущал узловатые гребни и вмятины магнитного поля «Роршаха». Чуял, как приближается сам «Роршах»: обугленная крона выгоревшей чужепланетной сельвы, скорее пейзаж, чем предмет. Я представлял себе, как проскакивают между его ветвями титанические разряды. Представлял себя на их пути.

Какие существа согласятся жить в подобном месте?

— Ты правда считаешь, что мы договоримся? — пробормотал я.

Джеймс пожала плечами — едва заметно под броней.

— Может, не сразу. Может, мы не с того начали; придется, скорей всего, распутывать немало недопониманий. Но, в конце концов, мы друг друга поймем.

Она, очевидно, посчитала, что ответила на мой вопрос.

Челнок заложил вираж, и мы повалились друг на друга, словно кегли. Тридцать секунд микроимпульсов ушли на торможение. На внутришлемном дисплее засветилась веселенькая картинка в сине-зеленых тонах: шлюзовой рукав проталкивался сквозь мембрану, служившую проходом в надувную прихожую «Роршаха». Даже в виде мультяшки выглядело это слегка порнографически.

Бейтс заранее пристроилась у шлюза. Она отодвинула внутреннюю дверь.

— Берегите головы.

Не так это просто, когда ты закутан в феррокерамику и костюм жизнеобеспечения. Шлемы

колыхались и сталкивались. Пехотинцы, распластанные по потолку, точно гигантские смертоносные тараканы, с гудением пробудились к жизни и оторвались от поверхности. Протолкнулись в тесную щель над головами, загадочно покивали хозяйке и скрылись за кулисами.

Бейтс затворила внутреннюю дверь. Шлюз вдохнул-выдохнул и открылся снова, уже пустой.

Если верить приборам — все в норме. Зонды терпеливо ожидали в прихожей. На них никто не набрасывался.

Майор последовала за ними.

Картинки пришлось ждать целую вечность. Сквозь каналы связи просочились лишь капли информации. Речь проходила туда и обратно без проблем, но каждый кадр весил больше миллиона слов.

— Пока никаких сюрпризов, — доложила Бейтс голосом поврежденного варгана.[46]

Вот оно: глазами второго пехотинца мы увидели первого. Неподвижный, зернистый черно-белый снимок походил на открытку из прошлого: слух, обращенный в зрение, отражение ленивого

---

[46] Примечания: 46

Варган — один из древнейших музыкальных инструментов из семейства язычковых.

кисельного трепета метановой атмосферы. Прорисовка каждого испещренного помехами кадра на дисплее занимала целые секунды: вот пехотинцы спускаются в ад; вот вползают в кишку «Роршаха»; вот мерными шагами продвигаются через загадочный, враждебный мир. В нижнем левом углу каждой картинки вспыхивали отсчет времени и показатель мощности магнитного поля.

Когда не доверяешь ЭМ-спектру, многое теряется.

— На вид все в порядке, — отчиталась Бейтс. — Захожу.

В менее враждебной вселенной роботы катились бы по главной улице, отсылая нам кристально-четкие кадры в идеальном разрешении. Шпиндель и Банда потягивали бы кофе в вертушке, указывая пехотинцам здесь взять пробу, а тут — сделать снимок крупным планом. В менее враждебной вселенной меня бы тут вообще не было.

На открытке показалась Бейтс: вылезала из фистулы. На следующей она повернулась спиной к камере — очевидно, осматривала периметр.

На следующей — глядела прямо на нас.

— Н…нормально, — выдавила она. — Сп… спус-

кайтесь.

— Не так быстро, — упредил Шпиндель. — Ты как себя чувствуешь?

— Хорошо. Немного… странно, но…

— В каком смысле — странно?

Первый признак лучевой болезни — тошнота, но если только мы здорово не просчитались, он проявится не раньше, чем через час-другой. Когда мы уже хорошенько прожаримся под излучением.

— Легкая дезориентация, — отозвалась Бейтс. — Тут жутковато малость, но… Должно быть, «синдром зеленых человечков». Терпимо.

Я покосился на Банду. Лингвист посмотрела на Шпинделя. Тот пожал плечами.

— Лучше не станет, — донесся издалека голос Бейтс. — Часы… часы тикают, ребята. Спускайтесь.

Мы спустились.

* * *

Не жилой дом, вообще. Скорее, обиталище призраков.

Даже когда стены замирали, они двигались: уголком глаза всегда замечаешь ползучее шевеление. Всегда ощущаешь спиной, как за тобой

наблюдают, чувствуешь жуткую уверенность в том, что недобрые, нечеловеческие глаза смотрят из-за пределов твоей видимости. Не раз я оборачивался, надеясь застать призраков врасплох, но не видел ничего, кроме полуслепого пехотинца, плывущего вдоль туннеля, или нервозного испуганного коллеги, пялящегося на меня. Стены из блестящей черной лавы прорастали сотнями глаз, которые захлопывались за миг до того, как их могли заметить. Наши фонари разгоняли тьму метров на двадцать; дальше царили туман и тени. И звуки — «Роршах» поскрипывал вокруг нас, словно древний парусник, затертый в паковых льдах. Гремучими змеями шипели разряды.

Ты говоришь себе, это все иллюзия. Напоминаешь, что такие симптомы хорошо документированы — неизбежные последствия слишком тесного контакта плоти с магнитным полем. Оно пробуждает призраков и кошмары в твоих височных долях, добывает из среднего мозга парализующий ужас, чтобы засыпать им сознание. Оно путает твои двигательные нервы и заставляет спящие накладки петь, словно хрупкие, звонкие кристаллы.

Артефакты, вот что они такое. Ты повторяешь это про себя, повторяешь так часто, что мантра

теряет всякое подобие смысла, вырождаясь в магическое заклинание, абракадабру против злых сил. Они не настоящие, эти голоса, шепчущиеся за броней шлема, эти полузаметные твари, видимые лишь искоса. Они лишь обман разума, тот же нейрологический балаган, который на протяжении веков убеждал людей, что их мучают призраки, похищают пришельцы, преследуют…

…вампиры…

…И начинаешь подумывать — остался ли Сарасти на борту или все это время был рядом, ждал тебя…

— Очередной пик, — предупредила Бейтс, когда на моем дисплее начали зашкаливать теслы и зиверты.[47] — Держитесь!

Я ставил колокол Фарадея.[48] Пытался. Это должно было быть просто; я уже протянул от входа главную растяжку к вялому мешку, повисшему посреди туннеля. И тут все вылетело из головы. Да, точно, что-то насчет якорного каната. Чтобы… чтобы отцентровать колокол. В свете нашлемно-

[47] Примечания: 47

Единица измерения эффективной дозы ионизирующего излучения.

[48] Примечания: 48

В этом термине сочетаются водолазный колокол и клетка Фарадея (замкнутое пространство, ограниченное листом или сеткой из токопроводящего материала: служит защитой от электромагнитного излучения).

го фонаря стена отблескивала мокрой глиной. В глазах у меня вспыхивали сатанинские руны.

Я налепил якорную пластину на стенку. Готов был поклясться, материал передернуло. Пальнул из реактивного пистолета, отступив к середине прохода.

— Они здесь, — прошептала Джеймс.

Что-то было рядом. Я чувствовал за спиной чужое присутствие, куда бы ни обернулся. Ревущая тьма клубилась на самом краю поля зрения, жадная пасть, широкая, как сам туннель. В любой миг она была готова с невозможной быстротой надвинуться и поглотить нас.

— Они прекрасны… — проговорила Джеймс.

В её голосе не слышалось страха. Только изумление.

— Что? Где? — Бейтс не переставала крутиться на месте, пытаясь одновременно смотреть на все четыре стороны. Зонды, похожие на бронированные фигурные скобки, под ее управлением беспокойно ворочались, затыкая пушками то туда, то сюда. — Что ты заметила?

— Не там. Здесь. Повсюду. Разве вы не видите?

— Ничего не вижу, — дрожащим голосом выдавил Шпиндель.

— Это все электромагнитные поля, — произ-

несла Джеймс. — Вот как они общаются. Вся конструкция полна языков, это…

— Я ничего не вижу, — повторил биолог. Дыхание его громко и часто отдавалось в наушниках. — Я ослеп.

— Черт. — Бейтс обернулась к нему. — Как оно может… радиация?..

— Н-не думаю, что д-дело в ней.

Девять тесла, и призраки повсюду. Пахло жимолостью и асфальтом.

— Китон! — окликнула Бейтс. — Ты с нами?

— Д-да, — едва-едва. Я снова стоял рядом с клеткой, сжимая в руке вытяжной трос. Пытался игнорировать то, что похлопывало меня по плечу.

— Бросай! Вытаскивай Шпинделя!

— Нет! — тот беспомощно болтался посреди коридора. Пистолет мотало на поводке. — Нет! Брось мне что нибудь!

— Что?!

Это все у тебя в голове. Все у тебя в…

— Брось мне что-нибудь! Что угодно!

Бейтс заколебалась.

— Ты сказал, что ослеп…

— Давай!

Бейтс сорвала с пояса запасную батарею и

швырнула. Шпиндель потянулся за ней, достал, но та выскользнула у него из пальцев и отскочила от стены.

— Я в порядке, — выдохнул он. — Только запихните меня в палатку.

Я рванул шнур. Клетка надулась, точно огромный бронзовый попкорн.

— Все внутрь! — Бейтс палила из газового пистолета одной рукой, другой тащила Шпинделя. Она толкнула его ко мне, налепила на шкуру колокола короб с датчиками. Я сорвал экранированный клапан с входа, словно струп с раны. Под ним мыльной пленкой блестела, вихрилась единственная, бесконечно длинная, бесконечно навитая сама на себя молекула.

— Тащи его внутрь. Джеймс! Давай сюда!

Я протолкнул Шпинделя сквозь мембрану. Она смыкалась вокруг скафа с неприличной теснотой, обнимая по мере прохождения каждую вмятинку и щелочку.

— Джеймс! Ты…

— Уберите это от меня! — голос грубый, сорванный, напуганный, пугающий, настолько мужской, насколько позволяют женские голосовые связки. Головолом у руля. — Уберите это от меня!

Я обернулся. Тело Сьюзен Джеймс медленно кувыркалось посреди туннеля, обеими руками сжимая правую ногу.

— Джеймс! — Бейтс подплыла к ней. — Китон! Помоги! — она схватила Банду за руку. — Головолом? Что случилось?

— Это! Ты чего, ослепла?

Он не просто держался за ногу, сообразил я. Он ее дергал. Пытался оторвать.

Кто-то истерически расхохотался у меня под шлемом.

— За руку его держи, — приказала Бейтс, стискивая лингвиста за запястье, пытаясь отодрать пальцы, мертвой хваткой вцепившиеся в бедро. — Лом, пусти. Сейчас же.

— Уберите это от меня!

— Это твоя нога, Головолом.

Мы боролись всю дорогу до колокола.

— Это не моя нога! Вы гляньте на это, как оно… оно дохлое. Оно ко мне прилипло…

Почти добрались.

— Лом, слушай меня! — рявкнула Бейтс. — Ты меня сл…

— Уберите!

Мы затолкнули Банду под купол. Бейтс отступила, когда я нырнул вслед за ними. Поразительно,

как она держалась. Ей каким-то образом удавалось не подпускать демонов к себе и загнать нас в безопасное убежище, как овчарке в шторм. Она…

Майор не последовала за нами. Аманда Бейтс исчезла. Обернувшись, я увидел ее тело рядом с палаткой. Рука в перчатке сжимала край полотнища. Но даже сквозь слои каптона, хромеля и поликарбоната,[49] даже сквозь искаженные полублики на забрале ее шлема я увидел, чего не хватало. Ее грани рассеялись.

Это не Аманда Бейтс. У существа передо мной было не больше графов, чем у манекена.

— Аманда?

Банда тихонько бредила у меня за спиной.

— В чем дело? — это Шпиндель.

— Я остаюсь, — ответила майор. Без всякого выражения. — Я все равно мертва.

— Что?.. — у Шпинделя выражения хватало. — Сейчас будешь, если не…

— Оставьте меня, — отрезала Бейтс. — Это приказ.

Она запечатала нас в палатке.

---

[49] Примечания: 49

Каптон — полиамидный пластик, отличающийся стойкостью в большом интервале температур. Из каптона делают, в частности, наружную оболочку космических скафандров. Хромель — хромо-никелевый сплав (10 % хрома).

* * *

Для меня такое было не впервой. Невидимые пальцы и прежде ковырялись в моем мозгу, взбаламучивая грязь и срывая струпья. Воздействие «Роршаха» оказалось намного мощнее, но Челси действовала…

…точнее. Наверное, так.

Она называла это «макраме»: глиальные замыкания, каскадные эффекты, шинковка критических ганглиев. Если я зарабатывал чтением мозговой архитектуры, Челси ее ремонтировала — находила критические узлы, бросала гальку у истоков памяти и наблюдала, как волны сливаются в рокочущий поток в низовьях психики. Она могла прошить довольством твои мозги за то время, пока ты жевал сэндвич, за час ленча, а за три — примирить с тяжелым детством.

Тюнинг научился обходиться без людей, как и многие другие области человеческой деятельности до него. Человеческая природа становилась на конвейер, и само человечество из производителя все более и более становилось продуктом. И все же для меня искусство Челси озаряло странный старый мир новым светом — верстка мысли не ради всеобщего блага некоего абстрактного

общества, а ради простых эгоистичных стремлений индивида.

— Позволь мне подарить тебе счастье, — сказала она.

— Я вполне счастлив.

— Я сделаю тебя еще счастливей. ВТП, за счет фирмы.

— ВТП?

— Временный тюнинг позиционирования. У меня остались права доступа в «Саксе».

— Меня и так достаточно корректировали. Перереправь еще хоть синапс, и я могу превратиться не пойми во что.

— Глупости, и ты это сам понимаешь. Иначе каждое переживание превращало бы тебя в другого человека.

Я поразмыслил над этим.

— Наверное, так и есть.

Но она настаивала, и даже самые убедительные аргументы против счастья становятся сизифовыми камнями; так что однажды вечером Челси пошарила по сусекам и вытащила на свет сетку для волос, облепленную жирными серыми шайбами. Сетка оказалась сверхпроводящей паутиной, тонкой, словно мгла, для улавливания колебаний самой мысли. Шайбы — керамически-

ми магнитами, омывавшими мозг собственным полем. Накладки Челси были завязаны на базовую станцию, игравшую на интерференционных узорах между этими устройствами.

— Раньше только для размещения магнитов требовалась машина размером с ванну, — Челси уложила меня на диван и расправила сетку на волосах. — Это единственное чудо, которое позволяет совершить такая вот портативная штуковина. Можно найти горячие точки, можно даже шандарахнуть по ним, если надо, но эффекты ТКМС[50] со временем стираются. Для долговременной корректуры придется идти в клинику.

— И что же мы ищем? Подавленные воспоминания?

— Таких не бывает, — она широко улыбнулась, ободряя меня. — Есть только воспоминания, которые мы предпочитаем нитрировать или обходить мыслями, если понимаешь.

— Я думал, ты собиралась дарить счастье. Почему…

Челси приложила палец к моим губам.

— Веришь или нет, Лебедь, люди временами

---

[50] Примечания: 50
Транскранциальная магнитная стимуляция.

предпочитают игнорировать даже счастливые воспоминания. Ну, например, если им понравилось что-то, что они считают неприличным. Или, — она поцеловала меня в лоб, — если они считают, что счастливыми быть недостойны.

— Так мы будем…

— Тянуть фанты. Пока не вытянешь, не узнаешь, что попалось. Закрой глаза.

Где-то между ушами у меня зародилось тихое гудение. Голос Челси вел меня в темноте.

— Только имей в виду: память — не исторический архив. На самом деле, это… импровизация. Многое из того, что у тебя ассоциируется с определенным событием, может быть фактически неверно, как бы ясно тебе оно ни вспоминалось. У разума есть странная привычка клеить коллажи. Вставлять подробности постфактум. Но это не значит, что память тебе врет, так? Она честно отражает видение мира человека, и каждое воспоминание служит кирпичиком в твоей картине мира. Но они не фотографии. Больше похоже на импрессионистские картины. О'кей?

— Ладно.

— О, — проговорила она. — Что-то есть…

— Что?

— Функциональный узел. Задействован по-

стоянно, но в малую силу, недостаточно, чтобы добраться до сознательного восприятия. Посмотрим, что получится, если…

Мне десять лет, я рано пришел домой, только зашел на кухню, где пахло подгоревшим маслом и чесноком. В соседней комнате ругались папа и Хелен. Откидная крышка кухонного мусоропровода осталась открытой — временами одного этого хватало, чтобы Хелен завелась. Но ссорились они по другой причине; мать «просто хотела, чтобы всем стало лучше», а папа говорил, «есть же пределы» и «так нельзя». А она отвечала, «ты не знаешь, на что это похоже», «ты едва его видишь», и тогда я понял, они ссорятся из-за меня. В чем вообще-то не было ничего необычного.

А вот по-настоящему меня испугало то, что папа в первый раз начал огрызаться.

— К такому нельзя принуждать. В особенности не сказав ни слова, — отец никогда не кричал — голос его был, как обычно, негромким и ровным, но холодней, чем я когда-либо слышал, твердым как железо.

— Ерунда, — ответила Хелен. — Родители всегда принимают решения за детей, в их интересах, особенно когда дело касается медицинских во…

— Это не медицинский вопрос, — теперь он

повысил голос. — Это…

— Не медицинский вопрос?! Это даже для тебя рекорд слепоты! Ему, если ты не заметил, вырезали половину мозга! Ты правда думаешь, что он сможет оправиться без нашей помощи? Что, опять суровая отцовская любовь засвербела? Может, тогда уже кормить-поить его запретишь, раз начал?

— Если бы ему требовались мю-опы, их бы прописал врач.

Я чувствовал, как морщусь от незнакомого слова. Из распахнутого мусорного ведра выглядывало что-то маленькое и белое.

— Джим, ну будь благоразумен. Он так замкнулся в себе, он едва со мной разговаривает.

— Они предупреждали, потребуется время.

— Два года! Ничего дурного в том, чтобы немного помочь природе. Это ведь даже не черный рынок! Таблетки продают без рецепта, Господи ты мой!

— Дело не в этом.

Пустая склянка из-под таблеток. Вот что выбросил один из них, прежде чем оставить распахнутой крышку. Я выудил ее из кухонных отбросов и про себя прочитал этикетку.

— Может, дело в том, что мужику, который

дома всего-то три месяца в году бывает, хватает, блин, наглости судить о моих родительских способностях. Если хочешь решать, как воспитывать сына, тогда, твою мать, для начала поучаствуй в процессе. А до тех пор — отвали.

— Ты больше не станешь пичкать моего сына этой дрянью, — отчеканил отец.

Bondfast™ Тип IV
Промотер μ-опиоидных рецепторов
Стимулирует материнский инстинкт
«Мы укрепляем связь между матерью и ребенком с 2042 года»

— Да? И как ты меня собираешься остановить, ботанишка? Ты не можешь выкроить времени даже на то, чтобы выяснить, что у тебя в семье творится, и решил, что можешь мной крутить с орбиты? Думаешь…

Внезапно из гостиной перестали доноситься голоса. Только слабое бульканье. Я заглянул за угол. Отец держал Хелен за горло.

— Думаю, — прорычал он, — я могу остановить тебя, защитить Сири, если придется. И думаю, ты это понимаешь.

А потом она увидела меня. И затем — он. Отец убрал руки от шеи матери, и его лицо было совер-

шенно непроницаемо.

Хелен же сияла триумфом.

Я слетел с дивана, стискивая в руке сетку. Челси смотрела на меня огромными глазами; бабочка на ее щеке застыла, как мертвая.

Челси взяла меня за руку.

— Господи. Прости.

— Ты… ты это видела?

— Нет, конечно. Я не читаю мысли. Но это, очевидно, было… невеселое воспоминание.

— Не так все страшно.

Я ощутил где-то поблизости острую, непонятную боль, как пятно чернил на белой скатерти. Миг спустя я её зафиксировал: оказывается, прикусил губу.

Челси погладила меня по плечу.

— Тебя здорово потрясло. Жизненные… ты в порядке?

— Да, конечно. Ничего, — вкус соли. — Но мне кое-что интересно.

— Спрашивай.

— Зачем ты так со мной поступила?

— Потому что мы можем это убрать, Лебедь. В этом весь смысл. Что бы там ни было, что бы тебя ни расстраивало, теперь мы знаем, где оно сидит. Можем вернуться и придушить его в два счета. А

тогда у нас будет несколько дней на то, чтобы навсегда от него избавиться, если захочешь. Просто надень сетку, и…

Она обняла меня, привлекла к себе. От нее пахло песком и потом. Мне нравился ее запах. На какой-то миг я почувствовал себя в безопасности. Сделал вид, что земля не уйдет из-под ног в любой момент. Когда я был с Челси, то становился значимым.

Я хотел, чтобы она обнимала меня вечно.

— Не думаю, — ответил я.

— Нет? — она сморгнула, уставившись на меня. — Но почему?

Я пожал плечами.

— Знаешь, что говорят о людях, которые не помнят прошлого?

* * *

Хищник бежит за едой.
Жертва бежит от смерти.

Старая поговорка экологов

Мы были беспомощны и слепы, втиснулись в хрупкий пузырек безопасности во вражеском тылу. Но шепоты наконец-то смолкли. Чудовища остались за пологом.

И Аманда Бейтс с ними.

— Вот же хрень, — выдохнул Шпиндель.

Взгляд его за смотровым стеклом был ясен и внимателен.

— Видеть можешь? — спросил я. Он кивнул.

— Что случилось с Бейтс? Скаф пробило?

— Не думаю.

— Тогда почему она сказала, что мертва? Что…

— Она имела в виду — буквально, — пояснил я. — Не в смысле «мне конец» или «я умираю». Мертва сейчас. Как говорящий труп.

— Откуда… — Ты знаешь? Дурацкий вопрос. Лицо Шпинделя подергивалось и кривилось за стеклом. — Это же безумие.

— Дай определение «безумия».

Банда молча висела в воздухе, едва не прижимаясь в тесноте к спине биолога. Стоило нам задраить клапан, как Головолома отпустило. Или его просто оттеснили: мне показалось, что в спазмах скованных перчатками пальцев я вижу топологию мысли Сьюзен.

Дыхание Шпинделя сдвоенным эхом отдавалось в динамиках.

— Если Бейтс мертва, то и нам конец.

— Может, и нет. Переждем всплеск и выберемся. Кроме того, — добавил я, — она не мертва. Она

только так сказала.

— Блин, — протянув руку, биолог прижал перчатку к полотнищу палатки. Пощупал что-то за пленкой. — Кто-нибудь поставил приемник?..

— На восемь часов, — подсказал я, — метром ниже.

Ладонь Шпинделя легла на стену напротив нас. Поток чисел с чужого плеча хлынул вверх по его руке, ринулся в наши скафы и затопил мой дисплей.

Снаружи было еще пять тесла, но напряжение поля спадало. Палатка то раздувалась вокруг нас, то опадала, будто дыша, когда мимо проходили волны низкого давления.

— Когда к тебе вернулось зрение? — поинтересовался я.

— Как только мы забрались внутрь.

— Раньше. Ты видел батарею.

— Но упустил, — он хмыкнул. — Хотя я и зрячий — еще тот паралитик, а? Бейтс! Ты там?

— Ты потянулся к ней. Почти поймал. Это была не слепая случайность.

— Не слепая случайность. Ложная слепота. Аманда? Отзовись, пожалуйста.

— Ложная слепота?

— С рецепторами все в порядке, — рассеянно

проговорил он. — Мозг обрабатывает изображение, но не имеет к нему доступа. Управление перехватывает ствол мозга.

— То есть ствол видит, а кора — нет?

— Что-то вроде того. Заткнись и дай мне… Аманда, ты меня слышишь?

— …Нет…

Голос не принадлежал никому в палатке. Едва слышный, он вместе с остальными данными проскользнул по руке Шпинделя. Снаружи внутрь.

— Майор Мэнди! — воскликнул Шпиндель. — Живая!

— …Нет… — шепот, как белый шум.

— Ну, раз ты разговариваетшь, то уж точно не дохлая.

— …Нет…

Мы со Шпинделем переглянулись.

— В чем проблема, майор?

Молчание. Банда легонько прислонилась к стене за нами. Грани ее были непрозрачны.

— Майор Бейтс? Слышите меня?

— Нет, — мертвый голос — упокоенный, пойманный в банку, переданный сквозь плоть и свинец на скорости в три бода. Но это определенно была Бейтс.

— Майор, вам надо забраться сюда, — предло-

жил Шпиндель. — Можете залезть в палатку?

— …Нет…

— Вы ранены? Вас что-то держит?

— …Н-нет…

Может, это и не она. Только ее голосовые связки.

— Слушай, Аманда. Это опасно. Там снаружи слишком жарко, понимаешь? Ты…

— Меня здесь нет, — ответил голос.

— Где ты?

— …Нигде.

Я взглянул на Шпинделя. Тот посмотрел на меня. Молча.

Заговорила Джеймс — не сразу и очень тихо:

— Аманда, где же ты?

Нет ответа.

— Ты «Роршах»?

Здесь, во чреве зверя, так легко было поверить…

— Нет…

— Тогда что?

— Н… ничто, — голос ровный, механический. — Я ничто.

— Ты говоришь, тебя не существует? — протянул Шпиндель.

— Да.

Палатка вокруг нас вздохнула.

— Тогда как ты можешь говорить? — спросила у голоса Сьюзен. — Если тебя не существует, с кем мы разговариваем?

— С кем-то еще, — дыхание. Шорох помех. — Не со мной.

— Черт, — пробормотал Шпиндель. Графы его вспыхнули решимостью и внезапным прозрением. Он отнял ладонь от стены; мой дисплей тут же поблек. — У нее мозги варятся. Надо затащить ее внутрь.

Биолог потянулся к клапану. Я тоже.

— Всплеск…

— Уже проходит, комиссар. Худшее позади.

— Хочешь сказать, это безопасно?

— Это смертельно опасно. Там всегда смертельно, и она там, снаружи, и может здорово пострадать в своем нынешнем со…

Что-то врезалось в палатку снаружи. Ухватило внешний клапан и потянуло.

Наше убежище распахнулось, точно глаз: из открывшегося зрачка на нас смотрела Аманда Бейтс.

— У меня уровень три точка восемь, — проговорила она. — Терпимо, нет?

Никто не пошевелился.

— Давайте, ребята. Перекур окончен.

— Ама… — Шпиндель уставился на нее. — Ты в порядке?

— Здесь? Черта с два. Но нас работа ждет.

— Ты… существуешь? — спросил я.

— Что за дурацкие вопросы? Шпиндель, как насчет напряженности поля? Работать можно?

— Э… — он отчетливо сглотнул. — Возможно, нам стоит прервать работу, майор. Этот пик…

— По моим данным, пик почти прошел. У нас меньше двух часов на то, чтобы закончить разбивку лагеря, установить наземный контроль и унести ноги. Сможем мы справиться с этим без галлюцинаций?

— Не думаю, — признался Шпиндель, — что мы до конца придем в себя. Но об… экстремальных проявлениях не стоит беспокоиться до новой волны.

— Хорошо.

— Которая может накатить в любой момент.

— Мы не галлюцинировали, — тихо заявила Джеймс.

— Обсудим позже, — перебила Бейтс. — Сейчас…

— Там была система, — настаивала Джеймс. — В магнитном поле. В моей голове. «Роршах» разго-

варивал. Может, не с нами, но разговаривал.

— Хорошо, — Бейтс отплыла, пропуская нас. — Может, теперь мы научимся, наконец, отвечать.

— Может, научимся слушать, — отозвалась Джеймс.

* * *

Мы бежали, как испуганные дети, состроив храбрую мину. Бросили базовый лагерь: на входе — до сих пор действующего «чертика», вот уж чудо из чудес; туннель в дом с привидениями; оставили на погибель одинокие магнитометры в смутной надежде, что им удастся ее избежать. Грубые актинометры и термографы, старомодные радиоустойчивые устройства, измерявшие мир через изгибы металлических трубок и высекавшие свои летописи на рулонах пленки. Лампы, водолазные колокола, связки направляющих канатов. Мы оставили все — и обещали вернуться через тридцать шесть часов, если выживем.

Внутри каждого из нас мельчайшие раны превращали ткани в кашу. Клеточные мембраны текли из бессчетных щелей. Замученные ремонтные ферменты в отчаянии цеплялись за рваные гены, едва оттягивая неизбежное. Выстилка тонкой кишки начала отслаиваться клочьями

в надежде спрыгнуть с парохода прежде, чем начнет умирать остальное тело.

К тому времени, как мы состыковались с «Тезеем», меня и Мишель уже подташнивало. (Остальную Банду, как ни странно, нет; понятия не имею, как такое возможно).

Остальным предстояло испытать то же через несколько минут. Без медицинской помощи нам бы предстояло выворачиваться наизнанку на протяжении двух ближайших суток. Потом тело делает вид, что поправляется; примерно неделю не чувствуешь боли и не имеешь будущего. Мы бы ходили, разговаривали, двигались как живые и, возможно, убедили бы себя, что бессмертны.

А потом схлопнулись бы внутрь и сгнили, начиная с внутренностей. Истекли бы кровью из глаз, и десен, и задниц, и если хоть один Бог милосерден — умерли бы прежде, чем лопнуть, точно перезрелые плоды.

Но, конечно, «Тезей», искупитель наш, избавит от подобной судьбы. Из челнока мы цепочкой проследовали в огромный надувной шар, который Сарасти установил для хранения личных вещей; сбросили зараженные скафы, одежду и нагими вынырнули в хребет корабля. Чередой летающих мертвецов проследовали через

вертушку. Вампир выждал в благоразумном отдалении на крутящемся полу, пока мы пройдем, потом подскочил и скрылся на корме — пошел скармливать наши радиоактивные обноски декомпилятору.

В склеп. Наши гробы стояли распахнутыми у кормовой переборки. Мы с облегчением опустились в их объятья. Когда крышка опускалась, Бейтс начала кашлять кровью.

Кости мои гудели, когда Капитан запустил процесс. Я заснул мертвецким сном. В том, что меня ждет возрождение, убеждали только теория и обещания наших братьев-механизмов.

* * *

Китон, восстань.

Я очнулся от дикого голода. Из вертушки просачивались слабые голоса. Несколько секунд я парил в своем стручке, закрыв глаза, наслаждаясь отсутствием боли и тошноты. Исчез подсознательный ужас от мысли, что тело понемногу превращается в кашу. Слабость и голод — всё остальное в порядке.

Я открыл глаза.

Что-то вроде руки. Серая, блестящая, слишком, слишком тощая, чтобы быть человеческой.

Лишенная кисти. Невероятное количество сочленений, конечность словно перебита в десяти местах. Тело, с которым соединялась рука, едва выглядывало из-за края саркофага намеком на темную тушу, шевелились вывихнутые щупальца. Оно висело передо мной неподвижно, будто застигнутое за каким-то непристойным занятием.

К тому времени, когда я смог набрать в грудь достаточно воздуха, чтобы закричать, существо метнулось прочь.

Я выскочил из гроба, выпучив глаза. Вокруг никого: покинутый склеп, голый Летописец. В зеркальной переборке отражались пустующие капсулы по сторонам. Я вызвал КонСенсус: все системы в норме.

Оно не отражалось, вспомнил я. Не отражалось в зеркале.

Я направился на корму. Сердце колотилось. Передо мной отворилась вертушка. Шпиндель вполголоса беседовал о чем-то с Бандой. При виде меня он помахал дрожащей рукой.

— Меня надо проверить, — проговорил я совсем не так уверенно, как хотел бы.

— Первый шаг — признать, что с тобой не все в порядке, — бросил Шпиндель в ответ. — Только

не ожидай от меня чудес.

Он снова обернулся к Банде в диагностическом кресле; у руля стояла Джеймс, но тестовые таблицы, мерцающие на кормовой переборке, они изучали вместе.

Я ухватился за верхнюю ступеньку и притянул себя к полу. Кориолисова сила сдувала меня вбок, точно флаг на ветру.

— Или я брежу, или на борту что-то есть.

— Ты бредишь.

— Я серьезно.

— Я тоже. Бери номерок, становись в очередь.

Он говорил серьезно. Когда я заставил себя успокоиться и прочитать его, то понял, что он даже не слишком удивился.

— Небось, проголодался изрядно, притомившись от лежания, а? — Шпиндель махнул рукой в сторону камбуза. — Перехвати что-нибудь. Я тобой через пару минут займусь.

Я заставил себя во время еды поработать над очередным конспектом, но от остаточного инстинктивного метания между страхом и агрессией это отвлекло не более чем наполовину. Я попытался развеяться, подключившись к потоку данных из медотсека.

— Оно было реальным, — волновалась

Джеймс. — Мы все видели.

Нет. Не может быть. Шпиндель прокашлялся.

— Эту попробуй.

В потоке было видно, что он ей показывал: черный треугольничек на белом фоне. В следующий миг тот разбился на десяток идентичных копий, потом на сотню. Метастазирующий рой крутился в центре экрана, точно на балу геометрических фигур — танцуя в строю, отращивая на углах маленькие треугольнички, фрактализуясь, эволюционируя в бесконечный, причудливый паркет…

Альбом, понял я. Интерактивная реконструкция увиденного, без пустой болтовни — программы распознавания образов в мозгу Сьюзен реагировали на то, что она видит: нет, их было больше; нет, ориентация неправильная; да, так, но побольше — а машина Шпинделя выхватывала реакции прямо из ее мыслей и в реальном времени корректировала изображение. Большой шаг вперед по сравнению с межеумочным эрзацем под названием «язык». Впечатлительные даже могли называть это «чтением мыслей».

Ничего похожего, конечно. Просто обратная связь и корреляция. Чтобы преобразовать один набор структур в другой, телепат не нужен. К

счастью.

— Вот оно! Вот! — воскликнула Сьюзен.

Треугольники проитерировались до самоуничтожения. Теперь дисплей наполняли переплетающиеся асимметричные пентаграммы — паутина из рыбьей чешуи.

— И не говори, что это случайные помехи, — триумфально произнесла она.

— Нет, — скучно ответил Шпиндель. — Это форма Клювера.[51]

— К…

— Это была галлюцинация, Сюз.

— Конечно. Но кто-то ведь подсадил ее к нам в голову, так? И…

— Она с самого начала была там. С того дня, как ты появилась на свет.

— Нет.

— Это артефакт глубокой структуры мозга. Их даже слепые от рождения порой видят.

— Никто из нас раньше их не видел. Никогда.

— Верю. Но никакой информации в них не содержится, а? Это не разговоры «Роршаха», это

---

[51] Примечания: 51

Генрих Клювер (1897–1979) — немецкий, затем американский физиолог, внес существенный вклад в изучение анатомии нервной системы. Исследуя влияние мескалина на человека, обнаружил, что определенные геометрические фигуры («постоянные формы») появляются в галлюцинациях разных пациентов, вызванных разными причинами.

просто… интерференция. Как все остальное.

— Но оно было такое яркое! Не это мерцание, которое постоянно маячит на краю поля зрения. Такое плотное. Реальней настоящего.

— Вот это и показывает, что оно ненастоящее. Поскольку ты на самом деле ничего не видишь, разрешение не ограничивается мутной оптикой.

— О, — выдавила Джеймс и шепотом добавила: — Твою мать.

— Ага. Извини, — потом: — Закончишь — подходи.

Я глянул вверх: Шпиндель махал мне рукой. Джеймс поднялась из кресла, но это Мишель приобняла его с несчастным видом, и Саша, ворча, проплыла мимо меня в сторону палатки.

К тому времени, когда я добрался до него, Шпиндель развернул кресло в полукушетку.

— Ложись.

Я подчинился.

— Понимаешь, я не о «Роршахе» говорил. Я хотел сказать — здесь. Мне что-то померещилось прямо сейчас, когда очнулся.

— Подними левую руку, — проговорил он. Потом: — Только левую, а?

Я опустил правую, поморщился от укола.

— Примитивно немного.

Он покатал в пальцах наполненную кровью пробирку: дрожащая рубиновая слеза с ноготь размером.

— Для некоторых целей тканевая проба лучше всего.

— Разве капсулы не должны справляться сами?

Шпиндель кивнул.

— Считай это проверкой качества. Чтобы корабль не зазнавался, — он уронил образец на ближайший лабстол. Слезинка растеклась и лопнула; поверхность впитала мою кровь, словно страдала от жажды. Шпиндель причмокнул губами. — Повышенный уровень ингибиторов холинэстеразы в ретикулюме. Ням-ням.

Не удивлюсь, если мои анализы и вправду казались ему вкусными. Шпиндель не просто считывал результаты — он их ощущал, видел, нюхал и перекатывал каждый бит данных на языке, как лимонные леденцы. Весь биомедицинский отсек был лишь частью протеза Исаака: расширенное тело с десятками различных органов чувств, вынужденное мириться с мозгом, который знает лишь пять. Неудивительно, что он связался с Мишель. Биолог был почти синестетом.

— Ты провалялся в капсуле чуть дольше остальных, — заметил он.

— Это важно?

Шпиндель как-то дергано пожал плечами.

— Может, твои органы прожарились чуть больше наших. Может, у тебя просто конституция хлипкая. Капсула выловила все… неизбежное, так что, думаю… А!

— Что?

— Отдельные клетки в основании мозга перешли на форсаж. И еще больше — в почках и мочевом пузыре.

— Опухоли?

— А ты чего ждал? «Роршах» — не курорт.

— Но капсула…

Шпиндель сморщился; это должно было изображать обнадеживающую улыбку.

— Ну да, исправляет девяносто девять и девять десятых процента повреждений. К тому времени, когда добираешься до последней ноль-точка-одной-десятой, включается закон уменьшающихся возвратов. Опухоли мелкие, комиссар. Скорей всего, тело само с ними справится. Если нет — мы знаем их адреса.

— Те, что в мозгу… они не могут вызывать?..

— Шансов мало, — он пожевал нижнюю гу-

бу. — Правда, рак — не единственное, чем нас наградила эта штука.

— То, что я видел. В склепе. У него были такие… многосуставчатые щупальца, отходящие от центрального узла. Размером, наверное, с человека.

Шпиндель кивнул.

— Привыкай.

— Остальные тоже видят такое?

— Сомневаюсь. У каждого свой взгляд, как… — «Сказать ли?» — передало его подергивающееся лицо, — …на пятна «Роршаха».

— Там галлюцинации понятны, — признался я, — но здесь?

— Эффекты ТКМС, — Шпиндель прищелкнул пальцами. — Они прилипчивые, а? Нейроны как войдут в одно состояние, так долго потом в себя прийти не могут. ТА-тест[52] никогда не проходил? Такой уравновешенный парень, как ты?

— Пару раз было, — ответил я. — Может быть.

— Тот же принцип.

— Так что мне и дальше будет мерещиться эта ерунда?

---

[52] Примечания: 52

Тематический апперцетивный тест — один из наиболее распространенных в психологии проективных тестов (наравне с тестом Роршаха). От испытуемого требуется последовательно описать 30 стандартных изображений.

— Партия постановила, что со временем глюки сходят на нет. Неделя-другая, и ты придешь в норму. Но здесь, с этой штуковиной… — он пожал плечами. — Слишком много переменных. К тому же, полагаю, мы будем возвращаться туда снова и снова, пока Сарасти не скажет «хватит».

— Но это по сути своей — влияние магнитного поля.

— Вероятно. Хотя что касается этой хрени, я стопроцентно ручаться не стал бы.

— Может что-то еще вызывать галлюцинации? — спросил я. — Что-то на борту?

— Например?

— Не знаю. Протечки в магнитозащите «Тезея».

— В норме — нет. Конечно, у нас у всех в головах по маленькому компьютеру. У тебя так вообще целое полушарие протезов. Кто его знает, какие там побочные эффекты могут возникнуть. А что? «Роршаха» тебе недостаточно?

«Я их и раньше видел», — уже хотел сказать я. Но тогда Шпиндель спросил бы: «О, и когда? Где?» И я бы, может, ответил: «Когда шпионил за твоей личной жизнью», — и всякие шансы продолжать неинвазивное наблюдение разнесло бы на атомы.

— Да нет, ничего, просто я в последнее время… нервничаю. Померещилось, будто видел что-то странное в хребтовой шахте, еще до высадки на «Роршах». Всего на секунду, и оно пропало, стоило мне сосредоточить взгляд.

— Многосуставчатые лапы и центральный узел?

— Господи, нет! Просто мелькнуло что-то. Если там и был какой-то предмет, это, скорей всего, Аманда упустила свой резиновый мячик.

— Возможно, — Шпинделя мои слова почти позабавили. — Но защиту надо будет проверить на предмет протека на всякий случай. Нам лишние глюки совсем без надобности, а?

Я покачал головой, вспоминая кошмары.

— Как остальные?

— Банда в порядке, только разочарована немного. Майора не видел пока, — он пожал плечами. — Может, она меня избегает.

— Ей здорово досталось.

— Не сильней, чем нам, правду сказать. Она могла даже не запомнить случившегося.

— Как… как может человек поверить, что его не существует?

Шпиндель покачал головой.

— Бейтс не верила. Знала. Как факт.

— Но как?..

— Индикатор заряда на приборной панели автомобиля. Иногда контакты ржавеют. Индикатор стоит на нуле, и ты думаешь, аккумулятор сел. А что еще тут думать? Ты же не можешь вручную пересчитать электроны.

— Хочешь сказать, в мозгу стоит экзистенциометр?

— В мозгу самые разные индикаторы стоят. Ты можешь знать, что слеп, когда на самом деле видишь; ты можешь знать, что видишь, когда слеп. И — да, ты можешь знать, что тебя не существует, когда это не так. Список длинный, комиссар. Синдром Котара, синдром Антона-Бабинского, «дамасская болезнь». Это для начала.

Он не сказал о «ложной слепоте».

— На что это было похоже? — спросил я.

— Что? — хотя он прекрасно понял, что я имею в виду.

— Твоя рука… словно действовала сама по себе? Когда потянулась к батарее.

— О нет. Ты остаешься в себе, просто… чувствуешь, и все. Чуешь, куда потянуться. Отделы мозга играют друг с другом в шарады, а? — он махнул рукой в сторону кушетки. — Слезай. Насмотрелся я уже на твои гнилые кишки. И пригони сюда

Бейтс, если найдешь, где она прячется. Должно быть, на фабрике, строит новые полки.

Дурные предчувствия отсверкивали на его лице, словно блики.

— Ты ей не доверяешь.

Он хотел возразить, но вспомнил, с кем говорит.

— Не лично ей. Она — просто… человеческий центр управления механической пехотой. Электронные рефлексы, подчиненные синапсам. Догадайся сам, где тут слабое звено.

— Должен заметить, там внизу, на «Роршахе», все звенья слабые.

— Я не о «Роршахе», — уточнил Шпиндель. — Мы спускаемся туда. Что помешает им подняться сюда?

— Им.

— Может, они еще не приехали, — согласился он. — Но когда появятся, держу пари, мы столкнемся с чем-то покрупнее анаэробных микробов, — я промолчал, а он продолжил, понизив голос: — И в любом случае — ЦУП ни хрена не знал о «Роршахе». Они думали, что отправляют нас туда, где всю грязную работу можно перепоручить роботам. Но они же не переносят, когда некем покомандовать, а? Нельзя же признать,

что пехтура умнее генералов. Так что ради политики в нашей обороне проделана дыра — это не то чтобы свежая новость — и хоть я шпак, но мне такая стратегия не кажется разумной.

Я вспомнил, как Аманда Бейтс принимала роды своих солдатиков. «Я скорее предохранитель…»

— Аманда… — начал я.

— Мэнди мне нравится. Славная зверюшка. Но если мы идем полным ходом на поле боя, я не хочу, чтобы мою жопу прикрывала сеть, ослабленная единственным звеном.

— Если тебя окружает рой машин-убийц — может быть…

— Да, это я много раз слышал. Нельзя доверять машинам. Луддиты обожают талдычить о компьютерных сбоях и о том, сколько нечаянных войн можно было бы предотвратить, если бы окончательное решение принадлежало человеку. Но вот что забавно, комиссар: никто не вспоминает о том, сколько войн было начато вполне намеренно именно по этой причине. Ты все пишешь свои открытки в вечность?

Я кивнул, даже не поморщившись про себя. Таков уж он есть.

— Ну так можешь к следующей приколоть эту беседу. Если от нее будет прок.

* * *

Представь себе, что ты в плену.

Приходится признать, сама напросилась. Ты ломала «железо» и рассеивала биозоли восемнадцать месяцев подряд; по любым меркам — достижение. Карьера реалиста-саботажника, как правило, долгой не бывает. Всех рано или поздно ловят.

Так было не всегда. Когда-то у тебя даже теплилась надежда тихо выйти на пенсию. Но потом из плейстоценовой эпохи вытянули упырей и — силы небесные! — поставили этим баланс сил с ног на голову. Эти суки всегда обходят тебя на десять шагов. Неудивительно; в конце концов, кровососы рождались для охоты на людей.

В одном старом учебнике по популяционной динамике, совсем древнем, чуть ли не XX века, есть одна запомнившаяся тебе строчка. В твоем ремесле эта фраза служит чем-то вроде мантры, можно даже сказать молитвы. «Хищник бежит за едой, — гласит она. — Жертва бежит от смерти». Вывод напрашивается следующий: обычно добыча ускользает от хищника за счет лучшей мотивации.

Может, это и было правдой, пока соревнования

проходили по бегу. Но когда стратегия выживания включает в себя тактическое предвидение и трехслойное очковтирательство, деваться некуда. Вампиры неизменно выигрывают.

И теперь ты в плену, и хотя ловушку расставили упыри, на курок нажимали обыкновенные нормаль-человеки, предатели. Теперь ты уже шестой час висишь налепленной на стену безымянной и неведомой подземной тюрьмы, глядя, как те же люди забавляются с твоим парнем и со-заговорщиком. Забавляются по-особенному. В ход идут кусачки, раскаленная проволока и части тела, которые в норме не должны отделяться от туловища. Сейчас ты уже мечтаешь о том, чтобы твой любовник сдох, как те двое в камере, чьи ошметки разбросаны по полу. Но они не позволят ему умереть. Ведь им так весело.

Вот в этом все и дело. Это не допрос; есть менее инвазивные способы добывать более достоверные ответы. Тут просто развлекаются очередные зверовидные садисты, облеченные властью, убивают время и не только его, а тебе остается лишь рыдать, зажмуриваться и хныкать, как животному, хотя к тебе еще даже не притронулись. Ты мечтаешь только о том, чтобы тебя не оставили напоследок, так как понимаешь, что это значит.

Но внезапно мучители останавливаются посередь игры и склоняют головы, будто прислушиваясь к коллективному внутреннему голосу. Тот не иначе как приказывает им снять тебя со стены, перетащить в соседнюю комнату и усадить в одно из двух кресел с гелевыми подушками по разные стороны «умного» стола, потому что именно так они и поступают — гораздо аккуратнее, чем ты ожидаешь, — прежде чем удалиться. Похоже, тот, кто распоряжается ими, могуществен и недоволен, ведь садистский куражливый гонор слетает с их морд в одно мгновение.

Ты сидишь и ждешь. Стол загорается тусклыми таинственными знаками, которые тебя не заинтересовали бы, даже если бы ты могла понять их, даже если бы они скрывали самую главную вампирскую тайну. В какой-то крохотной доле сознания начинает еле заметно теплиться надежда, вот только разум не осмеливается ей верить. Ты ненавидишь себя за то, что думаешь о жизни, когда куски тел твоих друзей и товарищей еще не остыли за стеной.

В комнату входит крепко сбитая женщина с явными индейскими корнями в неопределенно-полевой форме. Волосы ее острижены под ноль, на горле просвечивает мелкая сетка подкожной

антенны. Твоей подкорке кажется, что она около десяти метров высотой, хотя обнаглевшая студенистая кора головного мозга настаивает, что росту женщина весьма среднего.

Бирка на левой груди вновь прибывшей гласит «Бейтс». Знаков различия нет.

Бейтс вытаскивает оружие из кобуры на бедре. Ты вздрагиваешь, но ствол нацелен не на тебя. Она бросает оружие на стол, к тебе, и садится напротив.

Микроволновой пистолет. Полностью заряжен, снят с предохранителя. На минимальной мощности вызывает ожоги и тошноту. На максимальной — кипятит мозги в черепе. На промежуточных причиняет боль и увечья, причем их степень зависит только от воображения его владельца.

Твоя фантазия по этой части сорвала все барьеры. Ты тупо пялишься на пистолет, пытаясь найти подвох.

— Двое твоих друзей мертвы, — говорит Бейтс таким тоном, словно ты не наблюдала за процессом. — Необратимо.

Необратимо мертвы. Хороший оборот.

— Мы можем восстановить тела, но повреждения мозга… — Бейтс прокашливается, словно ей неуютно, словно ей… стыдно. Неожиданно по-че-

ловечески для такого чудовища. — Последнего мы пытаемся спасти. Не обещаю.

— Нам нужна информация, — переходит она к делу. Конечно. Все, что было до того, — психология, подготовка. Бейтс — «хороший коп».

— Мне нечего вам сказать, — удается выдавить тебе. Десять процентов упрямства, девяносто — логики: они вообще не смогли бы тебя поймать, если бы уже не знали все.

— Тогда нам нужно прийти к соглашению, — говорит Бейтс. — К некоей договоренности.

Да она, верно, издевается.

Похоже, твое недоверие заметно. Бейтс обращает на него внимание.

— В каком-то смысле я вас понимаю. Мне далеко не по нутру идея менять настоящую жизнь на симуляцию, и меня трудно купить на всякую мишуру, вроде постоянных вопросов «что есть реальность», которые нам втюхивает нынешняя телоэкономика. Может, для страха действительно есть повод. Это не моя проблема, это не моя работа — это всего лишь мое мнение, и не обязательно верное. Но если мы тем временем поубиваем друг друга, то правды не узнаем. Это непродуктивно.

Ты видишь расчлененные тела своих друзей.

Видишь ошмётки на полу, в которых еще теплится жизнь, а у этой суки хватает наглости говорить о продуктивности?

— Мы не начинали убивать, — говоришь ты.

— Не знаю. И знать не хочу. Повторюсь: это не моя работа, — Бейтс тычет пальцем через плечо, в сторону двери за спиной, через которую она вошла в комнату.

— Там, — говорит она, — убийцы твоих друзей. Они безоружны. Когда ты войдешь туда, камеры уйдут в оффлайн и останутся выключенными на протяжении шестидесяти секунд. За все, что случится за это время, ты ответишь только перед своей совестью.

Подвох. Тут должен быть подвох.

— Чего тебе терять? — интересуется Бейтс. — Мы и так можем сделать с тобой все, что заблагорассудится. Нам даже причины особой не понадобится.

Ты нерешительно берешь пистолет. Бейтс тебя не останавливает.

Она права, понимаешь ты. Терять тебе совершенно нечего. Ты встаешь на ноги и, позабыв о страхе, тычешь ей стволом в лицо.

— Зачем мне уходить? Тебя я могу пристрелить и здесь.

Она пожимает плечами.

— Попробуй. По мне, так упустишь шанс.

— Значит, я захожу, выхожу через минуту — и что тогда?

— Тогда поговорим.

— Просто…

— Считай это жестом доброй воли, — говорит она. — Или даже возмещением.

Дверь открывается перед тобой и закрывается позади. Вот и они, все четверо, распластанные по стене, точно кордебалет распятых Христосов. Их глаза больше не сияют. В них плещется только животный ужас, да перевернутые отражения столов, стоящих в комнате. Когда ты смотришь им в глаза, двое христосов марают штаны.

Сколько осталось? Секунд пятьдесят?

Немного. Будь у тебя чуть больше времени, ты бы многое наворотить успела. Но хватит и того, так не хочется злоупотреблять любезностью этой… Бейтс.

Потому что с ней, похоже, можно будет договориться.

* * *

В других обстоятельствах лейтенанта Аманду Бейтс отдали бы под трибунал и в течение месяца

расстреляли. Неважно, что четверо погибших были виновны в многочисленных случаях изнасилований, пыток и убийств; на войне люди всегда так поступают. Ничего не меняется. На войне нет никакой порядочности, никакого кодекса поведения, кроме командной цепочки и боевого строя. Разбирайся с опрометчивыми, если положено, карай виновных, если должен, хоть бы для блезиру. Но ради всего святого — вначале закрой дверь. Никогда не давай врагу удовольствия видеть раздоры в твоих рядах, ему положено лицезреть лишь единство и стальную уверенность. Среди нас могут быть насильники и убийцы, но, Господь свидетель, это наши насильники и наши убийцы.

И уж во всяком случае, не годится давать право на месть какой-то террористской мочалке с сотней наших скальпов за поясом.

Но с результатом не поспоришь: договор о прекращении огня с третьей по численности франшизой реалистов в западном полушарии. Немедленное сокращение террористической активности на сорок шесть процентов по всей задействованной территории. Безоговорочное прекращение нескольких уже начатых кампаний, которые серьезно подорвали бы работу трех

крупных хранилищ тел и полностью вынесли бы Дулутскую зону предподготовки. И все потому, что лейтенант Аманда Бейтс, нащупывая решение первого боевого задания, рискнула использовать сочувствие как оружие.

Это было сотрудничество с врагом, это была измена, это было предательство товарищей. Такие вещи положено делать дипломатам и политикам, а не солдатам.

Но! Результат.

Все это можно было прочесть в личном деле: инициатива, воображение, готовность победить любыми средствами и любой ценой. Возможно, эти склонности следовало пресечь или слегка смягчить. Спор мог продолжаться до бесконечности, если бы история не просочилась в прессу — а это случилось, и у генералов на шее оказалась героиня.

Где-то посреди трибунала смертный приговор Бейтс превратился в оправдание; вопрос заключался только в том, где оно пройдёт — в тюрьме или на офицерских курсах. Как оказалось, Ливенворт[53] совмещает и то и другое; база так туго

[53] Примечания: 53

Имеется в виду база армии США Форт-Ливенворт, где помимо всего прочего, расположены курсы повышения квалификации командного состава и единственная армейская тюрьма строгого режима.

стиснула отступницу в объятьях, что повышение в звании ей было почти гарантировано, если, конечно, Аманда выжила бы. Три года спустя майор Бейтс отправилась к звездам, где отметилась странной фразой: «Сири, мы готовимся к грабежу со взломом…» В ней сомневался не только Шпиндель. Другие тоже интересовались, чем объясняется ее назначение: превосходной подготовкой или удачным разрешением пиар-кризиса. Я, разумеется, своего мнения не имел, но прекрасно понимал, отчего некоторым Бейтс казалась обоюдоострым оружием. Когда судьба мира висит на волоске, хочется особенно внимательно приглядеться к человеку, чья карьера началась сотрудничеством с врагом.

* * *

Если вы это видите — оно, скорее всего, не существует.

***Кейт Кио, «Основания для самоубийства»*[54]**

Мы сделали это пять раз. На протяжении пяти

---

[54] Примечания: 54

Кейт Кио — преподаватель и общественный деятель, член совета директоров Тихоокеанского фонда живой природы. Цитата, однако, вымышленная.

оборотов подряд мы бросались в пасть чудовищу, позволяли ему пережевывать нас триллионом микроскопических зубов, покуда «Тезей» не выдергивал нас на поверхность, чтобы склеить заново. Спотыкаясь и вздрагивая, ползали мы по кишкам «Роршаха», по мере сил сосредотачиваясь на ближайших задачах и стараясь забыть о призраках, что щекотали нам средний мозг. Временами стены вокруг нас начинали шевелиться. Временами нам это лишь мерещилось. Временами мы прятались в колоколе, пока ионные и магнитные вихри лениво проплывали мимо, точно капли эктоплазмы в кишечнике бога-полтергейста.

Временами нас накрывало на открытом месте. Банда начинала вздорить сама с собою, не в силах отличить одну личность от другой. Я как-то провалился в нечто вроде осознанного паралича, покуда чужие руки волокли меня вдаль по коридору; к счастью, другие руки вернули меня домой, а голоса, нагло заявлявшие о своей реальности, уверяли, что мне все привиделось. Аманда Бейтс дважды находила Бога, видела сукина сына прямо перед собой, без тени сомнения знала, что творец не просто существует, но говорит с ней, и только с ней одной. Оба раза она теряла

веру, стоило нам затащить её под колокол, но до этого положение бывало непростым: её солдатики, пьяные от электричества, но по-прежнему управляемые по линии визирования, покидали свои посты и неуверенно поводили стволами по сторонам, заставляя нас нервничать.

Пехота мерла быстро. Некоторые не могли выдержать и одной вылазки; какие-то дохли за минуту. Самые стойкие оказывались самыми неторопливыми: полуслепыми, туповатыми, каждую команду и каждый ответ они протискивали через экранированные микрофоны пронзительным высокочастотным скрипом. По временам мы укрепляли их ряды другими, говорившими на оптических частотах: быстрыми, но нервозными и еще более уязвимыми. Вместе они охраняли нас от противника, до сих пор так и не показавшего своего лица.

Ему и не нужно было. Наши солдаты гибли даже в отсутствие вражеского огня.

Мы работали, несмотря ни на что, невзирая на приступы, и галлюцинации, и, временами, на судороги. Мы пытались присматривать друг за другом, пока магнитные щупальца хватали нас за внутреннее ухо и доводили до морской болезни. Порой нас рвало в шлемы; тогда мы,

бледные, просто висели, втягивая кислый воздух сквозь стиснутые зубы, пока воздухоочиститель отчищал лица от комков и слизи, и молча благодарили небеса за маленький дар антистатических, самоочищающихся смотровых стекол.

Вскоре стало очевидно, что мне уготовили роль не только пушечного мяса. Да, я не владел языковыми способностями Банды и не знал биологию, как Шпиндель, я был лишней парой рук там, где каждый мог выпасть из строя в любой момент. Чем больше народу Сарасти отправлял на «Роршах», тем выше становились шансы, что хотя бы один из нас в ответственный момент сможет остаться на плаву. Но даже так мы все находились в ужасном состоянии, а работа шла из рук вон плохо. Каждая вылазка становилась упражнением в безрассудном риске.

Но мы все равно шли туда. Иначе могли собрать вещички и умотать домой.

Работа продвигалась бесконечно малыми шагами, наши старания напоминали ковыляние охромевшего на обе ноги человека. Банда не могла обнаружить в шуме никаких признаков знаковой системы или речи, поддающейся расшифровке, но общее развитие объекта бросалось в глаза без всяких теорий. Временами «Роршах»

членился, выдавливал поперек туннелей перегородки, будто хрящевые кольца человеческой трахеи. Некоторые из них на протяжении часов лениво, как течет теплый воск, разрастались в сократительные диафрагмы, в плотные переборки. Мы как будто наблюдали за увеличением объекта, проходящим отдельными сегментами. В основном «Роршах» прирастал кончиками шипов; мы проникли внутрь на расстоянии сотен метров от ближайшей зоны активных изменений, но, очевидно, отголоски докатывались и сюда.

Если это и было частью нормального процесса роста, то сам он являлся лишь слабым эхом того, что, похоже, творилось в сердце апикальных зон. Напрямую за ними мы не могли наблюдать, изнутри, по крайней мере; всего в сотне метров по направлению к шпилю в туннеле становилось слишком опасно даже для самоубийц. Но за пять оборотов «Роршах» вырос еще на восемь процентов, механически и бездумно, как кристалл.

На протяжении этих вылазок я пытался делать свою работу. Собирал и склеивал, вымучивал данные, которые никогда не смогу понять. В меру своих возможностей наблюдал за системами вокруг себя, учитывая каждую причуду и каждую

особенность. Одна часть моего рассудка выдавала конспекты и обобщения, другая просто смотрела в недоумении и невежестве. Ни та, ни другая не понимали, откуда к ним приходит озарение.

Но было трудно, признаю. Сарасти не позволял мне покинуть систему. Каждое наблюдение оказывалось загрязнено моим собственным губительным присутствием. Я старался как мог. Не вносил никаких предложений, способных повлиять на принятие критических решений, во время вылазок делал что приказано и ни граном больше, старался походить на одного из пехотинцев Бейтс, простое орудие, лишенное инициативы и влияния на психодинамику группы. Думаю, по большей части мне это удавалось.

Мои непонимания копились и неотправленными ложились по графику в стэк радиосвязи. Из-за обилия помех «Тезей» не мог передать сигнал на Землю.

* * *

Шпиндель был прав: призраки последовали за нами. Мы начали слышать в корабельном хребте шепчущие голоса, не принадлежавшие Сарасти. Порою даже ярко освещенный кольцевой мирок вертушки плыл и колыхался на краю поля зре-

ния — и не раз я замечал костлявые, безголовые, многорукие миражи среди балок. Они казались вполне реальными, если смотреть на них искоса, исподволь, но стоило сосредоточиться — и существа истаивали в тень, в темное прозрачное пятно на фоне металла. Такие хрупкие, эти призраки, — их можно было просверлить насквозь одним взглядом.

Шпиндель сыпал диагнозами, как градом, правда, в основном, всем ставил деменцию. За просвещением я обратился к КонСенсусу и обнаружил целое иное «я», захороненное под лимбической системой, под ромбовидным мозгом и даже под мозжечком. Оно обитало в стволе мозга и оказалось старше самого подтипа позвоночных. Оно было самодостаточным: слышало, видело и щупало независимо от всех прочих частей, наслоившихся на него последышей эволюции. Это «я» стремилось только к собственному выживанию, не уделяло времени на планирование или анализ абстракций, тратило усилия лишь на минимальную обработку сенсорной информации. Но оно действовало быстро, не отвлекалось и реагировало на угрозы быстрее, чем его более умные соседи успевали их осознать.

И даже когда оно не срабатывало — когда упря-

мый, несговорчивый неокортекс отказывался спустить его с поводка, то пыталось передать увиденное, и тогда неведомое чутье подсказывало Исааку Шпинделю, куда протянуть руку. У него в голове обитала своего рода усеченная версия Банды. Как у всех нас.

Я шагнул дальше и нашел в мозговой плоти самого Господа, нашел источник помех, ввергавший Бейтс в экстаз, а Мишель — в судорожный припадок. Проследил синдром Грея до его истоков в височной доле. Слушал голоса, что шепчут на ухо шизофреникам. Находил очаговые инсульты, принуждавшие людей отвергать собственные конечности, и представлял, как их заменяли магнитные поля в тот раз, когда Головолом пытался саморасчлениться. А в полузабытой чумной могиле историй болезни из двадцатого века под шапкой «синдром Котара» я нашел Аманду Бейтс и ей подобных, чьи мозги вывихнулись в отрицании самих себя. «У меня было сердце, — безвольно шептал из архива один пациент. — Теперь на его месте бьется что-то неживое». Другой требовал похоронить себя, так как его труп уже смердел.

И дальше — целый каталог хорошо темперированных расстройств, которыми «Роршах» еще не наградил нас. Сомнамбулизм. Агнозии.

Одностороннее игнорирование. КонСенсус демонстрировал цирк уродов, при виде которого любой рассудок повредился бы от сознания своей хрупкости: женщина, умирающая от жажды рядом с водой не потому, что не может увидеть кран, а потому, что не может его узнать. Человек, для которого левая сторона вселенной не существует, который не может ни воспринять, ни представить левой стороны своего тела, комнаты, строки в книге. Человек, для которого самое понятие «левизны» стало — в буквальном смысле слова — немыслимым.

Временами мы можем представлять себе предметы — и все же не видеть, хотя они находятся прямо перед нами. Небоскребы возникают ниоткуда, наш собеседник меняет обличье, стоит отвлечься на секунду — а мы не замечаем. Это не волшебство. Даже не обман зрения в полном смысле слова. Это явление называют перцептивной слепотой, и о нем известно уже более столетия: склонность взгляда не останавливаться на том, что эволюционный опыт считает невероятным.

Я нашел антипод ложной слепоты Шпинделя, хворобу, при которой зрячие уверены, что слепы, а слепые настаивают, будто могут видеть. Сама

идея была нелепа до безумия, и все же вот они, пациенты — отслоенные сетчатки, выжженные зрительные нервы, всякая возможность видеть отнята законами физики — которые врезаются в стены, бьются о мебель, изобретают бесконечные смехотворные оправдания своей неуклюжести. Кто-то неожиданно выключил свет. Пестрая птаха пролетела за окном, отвлекла внимание от преграды. Я превосходно вижу, спасибо. У меня с глазами все в порядке.

Индикаторы в голове — так говорил Шпиндель. Но в мозгу прячутся не только измерительные приборы. В нем содержится образ мира, и мы вовсе не глядим вовне; наше сознательное «я» видит лишь модельку, интерпретацию реальности, постоянно обновляемую соответствии с поступающими данными. Что случится, когда ввод оборвется, а модель — поврежденная травмой или опухолью — не сможет обновиться? Долго ли мы станем пялиться на устарелую отрисовку, пережевывая и вымучивая те же мертвые данные в отчаянном, подсознательном, совершенно искреннем отрицании реальности? Скоро ли нас озарит, что мир, который мы видим, больше не отражает мира, в котором мы обитаем, что мы слепы?

Если верить историям болезни — через месяцы. Для одной несчастной — больше года.

Обращения к логике успеха не имеют. Как можно видеть птицу, когда перед тобой нет окна? Как решить, где кончается видимый тобою полумир, когда не видишь второй, уравновешивающей его половины? Если ты мертв, то почему обоняешь смрад собственного гниения? Если тебя не существует, Аманда, то кто же с нами разговаривает?

Бесполезно. Когда человека порабощает синдром Котара или одностороннее игнорирование, аргументами его не высвободить. Когда тебя поработит инопланетный спутник, ты поймешь, что твое «я» мертво, что реальность кончается посередине, ты поймешь это с той же непоколебимой уверенностью, с какой любой человек ощущает расположение собственных конечностей — намертво впечатанным в мозг чувством, не нуждающимся в дополнительных подтверждениях. Что против этой убежденности разум? Что ему логика?

Им не место на «Роршахе».

* * *

На шестом обороте «Роршах» нанес удар.

— Оно с нами разговаривает, — неожиданно

выдала Джеймс.

Глаза ее за стеклом шлема сияли, но не безумным огнем. Вокруг нас ползли и расплывались видимые лишь краем глаза кишки; чтобы стряхнуть наваждение, приходилось постараться. Я старался сосредоточить взгляд на колечке пальцевидных наростов, торчавших из стены, а в стволе моего мозга зверюшками копошились нелюдские слова.

— Оно не разговаривает, — перебил висевший напротив Шпиндель. — Это ты опять бредишь.

Бейтс смолчала. Посреди прохода висели двое пехотинцев, прокручиваясь по трем осям разом.

— Сейчас все по-другому, — настаивала Джеймс. — Геометрия… оно не симметрично. Похоже на Фестский диск, — она неторопливо повернулась, указывая вдоль прохода. — Кажется, в той стороне сильнее…

— Дай Мишель порулить, — предложил Шпиндель. — Может, она вам ума одолжит.

Джеймс тихонько хохотнула.

— Никогда не сдаешься, да? — она настроила газовый пистолет и поплыла в темноту. — Да, тут определенно сильнее. Содержание наложено на…

«Роршах» отсек ее в мгновение ока. Никогда

прежде не видел, чтобы что-то двигалось настолько быстро. Ни томного шевеления перепонок, к которому мы успели привыкнуть, ни ленивых, постепенных сокращений; диафрагма захлопнулась разом. Внезапно сосуд перекрыло в трех метрах впереди; матово-черную мембрану изукрасил тонкий спиральный узор.

И Банда четырех осталась по другую сторону.

Пехотинцы разом набросились на преграду. Местный воздух захрустел под лазерными лучами, Бейтс орала «Назад! К стенам!», кувыркаясь словно гимнастка при ускоренном просмотре, занимая некую, очевидную, по крайней мере для нее, тактическую высоту. Я жался к стене. Сверкающие нити перегретой плазмы пластали атмосферу. Уголком глаза я видел, как притиснулся к противоположной стене коридора Шпиндель. Стены шевелились. Я видел, как действуют лазеры; перегородка под их прикосновением рассыпалась горящей бумагой, черный, маслянистый дым клубился над подгоревшими краями, и…

Внезапная вспышка, всюду разом. Воздушную жилу затопила лавина битого света, тысячи осыпающихся осколков, вспышек и отражений. Все равно что упасть в направленный на солнце

калейдоскоп. Свет…

…И бритвенно-острая боль в боку, в левом плече. Запах жареного мяса. Оборвавшийся вопль.

Сьюзен? Ты там, Сьюзен?

Мы начнем с тебя.

Вокруг меня свет угас; внутри — пятна перед глазами мешались с хроническими полувидениями, которые «Роршах» уже подсунул мне в голову. Раздражающе чирикали тревожные сигналы: пробой, пробой, пробой! — пока умная ткань скафа не размягчилась и не заклеила отверстия. Левый бок мучительно жгло. Ощущение было, что меня клеймят.

— Китон! Проверь Шпинделя!

Бейтс отключила лазеры. Пехтура перешла в рукопашную, огневыми соплами и алмазными когтями впиваясь в радужно сверкающие пятна под сожженной шкурой.

Волоконный отражатель, понял я. Он разбил лазерные лучи, превратив их в световую шрапнель и швырнув нам в лица. Умно.

Но поверхность еще светилась, хотя лазеры отключились, — рассеянным, неровным и тускнеющим мерцанием, сочащимся с дальней стороны преграды, пока зонды упрямо жевали ближайшую к нам стенку. Не сразу, но я сообра-

зил: нашлемный фонарь Джеймс.

— Китон!

Точно. Шпиндель.

Смотровое стекло целехонько. Лазер расплавил сетку Фарадея, которой ламинирован хрусталь, но скаф уже заделывал пробоину. Осталась другая — аккуратно просверлившая лоб биолога. Глаза Исаака за стеклом смотрели в бесконечность.

— Ну? — спросила Бейтс.

Она видела жизненные показатели так же ясно, как и я, но «Тезей» мог провести посмертную реконструкцию.

Если не поврежден мозг.

— Нет.

Гул сверл и резаков стих; посветлело. Я отвернулся от останков Шпинделя. Пехотинцы пробили дыру в волокнистой подложке. Один протолкнулся на другую сторону.

В шуме прорезался новый звук: тихий звериный вой, пронзительный и жуткий. На миг мне показалось, что «Роршах» снова нашептывает нам; стены словно сжались вокруг.

— Джеймс? — рявкнула Бейтс. — Джеймс!

Не Джеймс. Маленькая девочка в женском теле, заключенная в бронированный скафандр, напуганная до полусмерти.

Солдатик вытолкнул к нам ее свернувшееся в клубок тело. Бейтс бережно взяла лингвиста на руки.

— Сьюзен? Возвращайся, Сьюзен. Все в порядке.

Пехотинцы беспокойно кружились в воздухе, делая вид, что все под контролем, все под прицелом. Аманда бросила взгляд на меня: «Бери Исаака», — и снова обернулась к Джеймс.

— Сьюзен?

— Н… не-ет, — прохныкал тихонько девчоночий голосок.

— Мишель? Это ты?

— Там было оно, — прошептала девочка. — Оно меня схватило. Схватило за ногу.

— Уматываем, — Бейтс потащила Банду за собой через туннель. Один пехотинец остался позади, на страже у дыры; другой шел ведущим.

— Его больше нет, — мягко проговорила Бейтс. — Тут больше никого нет. Видишь?

— Его не-нельзя увидеть, — прошептала Мишель. — Оно не… не… невидимое.

Мы отступали, и диафрагма скрывалась за поворотом. Пробитая в ее центре дыра смотрела на нас, словно рваный зрачок огромного немигающего глаза. Пока она оставалась в поле нашего

зрения, отверстие пустовало. Нас никто не преследовал. Никто видимый. В голове у меня начала крутиться одна и та же фраза, недописанный панегирик, выдернутый из подслушанной исповеди, и как ни старался, я не мог ее заглушить.

Исаак Шпиндель все же не прошел в полуфинал.

Сьюзен Джеймс пришла в себя на обратном пути. Исаак Шпиндель — нет.

Мы молча заходили в дезинфекционный купол. Бейтс первой выбралась из скафа и потянулась к биологу, но Банда остановила ее взмахом руки и покачала головой. Они разоблачали тело, а личности сменяли одна другую. Сьюзен сняла шлем, рюкзак и кирасу. Головолом отшкурил серебряную просвинцованную пленку от воротника до пят. Саша стянула комбинезон, оставив нагой и открытой бледную плоть. Остались только перчатки. Сенсорные перчатки они не тронули; навеки чувствительные датчики поверх навеки онемевшей плоти. И все это время Шпиндель остекленевшими глазами под отверстием во лбу, не мигая, смотрел на далекие квазары.

Я ожидал, что Мишель появится в свой черед и опустит ему веки, но она так и не вышла.

* * *

Имея очи, не видите.
***Иисус Назарянин*[55]**

Не знаю теперь, что надо чувствовать, подумал я. Он был добрым человеком. Достойным. Хорошо ко мне относился, даже когда не знал, что я его слышу. Мы познакомились не так давно, и нельзя сказать, чтобы особенно сдружились, и все же. Я должен был бы тосковать по нему. Скорбеть.

Мне следовало чувствовать нечто большее, чем тошнотворный, обессиливающий страх оказаться следующим…

Сарасти не тратил времени попусту. Свежеоттаявший дублер Шпинделя встретил нас, когда мы вышли из люка. От него несло никотином. Регидратация еще не завершилась — на бедрах у нового биолога колыхались мешки с физраствором, — но смягчить его лицо она не сможет. При каждом движении слышался хруст суставов.

Он глянул сквозь меня и принял тело.

— Сьюзен… Мишель, я…

Банда отвернулась.

Он прокашлялся и принялся натягивать на

---

[55] Примечания: 55
Марк 8:18.

тело саван-гондон.

— Сарасти вызывает всех в вертушку.

— Мы светимся, — напомнила Бейтс.

Даже прервав вылазку до срока, мы набрали летальную зивертов. Слабая тошнота покалывала мне горло.

— Потом дезактивируем, — один взмах руки, и Шпинделя скрывает маслянисто-серый саван. — Ты, — он обернулся ко мне, ткнул пальцем в прожженные дыры в комбинезоне. — Со мной.

Роберт Каннингем. Еще один архетип. Темные волосы, впалые щеки, челюсть можно использовать в качестве линейки. Спокойней, чем его предшественник, и жестче. Если Шпинделя дергали тики и спазмы, будто от электрического разряда, то лицо Каннингема обладало всей выразительностью восковой маски. Комплекс, управляющий мимическими мышцами, забрили в другую армию. Даже судороги, сотрясавшие его тело, приглушал, сглаживал никотин, который биолог впитывал на каждом втором вдохе.

Сейчас у него сигареты не было. Только мертвое тело неудачливого предшественника и свежеоотаявшая неприязнь к бортовому синтету. Пальцы биолога дрожали.

Бейтс и Банда поднимались по хребту молча.

Мы с Каннингемом ползли следом, направляя между нами тело Шпинделя. Теперь, когда Роберт напомнил о них, у меня снова заболели нога и бок. Хотя помочь он мне ничем особенно не сможет. Лучи прижигали плоть на своем пути, а если бы задели какой-то жизненно важный орган, я был бы уже мертв.

У люка нам пришлось выстроиться цепочкой: первым Шпиндель, в ногах у него Каннингем. К тому времени, как в вертушку пробрался я, Бейтс и Банда уже спустились на пол и заняли свои обычные места. С дальнего конца стола на них взирал Сарасти, во плоти.

Глаза его были наги. С моей точки зрения мягкий белый свет смывал с них блеск. Если не приглядываться слишком внимательно, их почти можно было принять за человеческие.

Медотсек к моему прибытию затормозили. Каннингем ткнул пальцем в сторону диагностической кушетки на участке застывшего пола, служившего нам лазаретом. Я подплыл туда и пристегнулся. В двух метрах от нас, за проросшими из палубы перильцами до пояса высотой, катилась мимо основная часть вертушки. Бейтс, Банда и Сарасти кружились передо мной, точно грузики на леске.

Чтобы слышать их, я подключился к КонСенсусу. Говорила Джеймс, тихо и без выражения:

— Я заметила новый узор среди постоянных форм. Где-то в решетке. Похожий на сигнал. Чем дальше я уходила по коридору, тем сильнее он становился. Я пошла за ним. Отключилась. Больше ничего не помню до нашего возвращения. Мишель мне рассказала, что случилось, насколько сама могла. Это все, что я знаю. Извините.

В ста градусах дуги от меня, в зоне невесомости, Каннингем укладывал своего предшественника в саркофаг, выполняющий иные функции, нежели стоявшие ближе к носу корабля. Мне стало интересно, займется ли он вскрытием прямо во время инструктажа. И сможем ли мы слышать при этом звуки.

— Саша… — проговорил Сарасти.

— Ага, — отозвался голос с фирменной Сашиной растяжкой. — Я висела на шее у Мамочки. Когда та вырубилась, я оглохла и ослепла нафиг. Пыталась встать к рулю, но что-то мне мешало. Мишель, должно быть. Не подумала бы, что у нее сил хватит. Я даже не видела ничего.

— Но ты не теряешь сознания.

— Сколько мне помнится, я все время была в себе. Только в полной темноте.

— Обоняние? Осязание?

— Когда Мишель обоссалась в скафе, я почувствовала. Но и только.

Вернулся Каннингем. В зубах у него торчала неизбежная сигарета.

— Тебя никто не трогает, — предположил вампир. — Никто не хватает за ногу.

— Нет, — отозвалась Саша.

Она не верила в байку Мишель о невидимых чудовищах. Никто из нас не верил; зачем, когда все, что мы испытали, легко объясняется безумием?

— Головолом.

— Ничего не знаю, — я так и не привык слышать, как мужской голос исходит из губ Джеймс. Лом был трудоголиком. В смешанной компании он обычно не выходил на свет.

— Ты на месте, — напомнил ему Сарасти. — Ты должен помнить…

— Мамуля передала мне данные для анализа. Я их обрабатывал. И обрабатываю до сих пор, — добавил он с намеком. — Ничего не заметил. Это все?

Я никогда не мог его толком прочесть. Временами казалось, у Головолома больше общего с десятками бессознательных модулей, работающих в голове у Джеймс, чем у разумных ядер,

составляющих остальную Банду.

— Ничего не чувствуешь? — настаивал Сарасти.

— Только данные.

— Что-то существенное?

— Обычная феноматика, спирали и решетки. Но я еще не закончил. Могу быть свободен?

— Да. Позови Мишель, пожалуйста.

Бормоча что-то про себя, Каннингем обкалывал мои раны анаболиком. Между нами висел синеватый дымок.

— Исаак нашел несколько опухолей, — заметил он. Я кивнул и закашлялся. Саднило в горле. Тошнота отяжелела настолько, что начала продавливать диафрагму.

— Мишель, — повторил Сарасти.

— Я обнаружил еще несколько, — продолжал Каннингем. — В основании черепа. Всего пара десяток клеток, не стоит пока выжигать.

— Здесь, — голос Мишель был едва слышен даже через КонСенсус, но, по крайней мере, она вроде снова стала взрослой женщиной. — Я здесь.

— Что ты помнишь, расскажи нам, пожалуйста?

— Я… я почувствовала… я просто висела у Ма-

мули на шее, а потом она ушла, и никого больше не было, так что мне пришлось… взять управление…

— Ты видишь, как закрывается диафрагма?

— Нет вообще-то. Потемнело, я заметила, но когда обернулась, мы уже были в ловушке. А потом я почувствовала, что у меня за спиной кто-то есть: бесшумно, несильно, оно просто толкнуло и схватило меня, и… и… Извините, — пробормотала она после некоторой задержки. — Меня немного… ведет…

Сарасти ждал.

— Исаак, — прошептала Мишель. — Он…

— Да, — пауза. — Нам очень жаль.

— Может… можно его починить?

— Нет. Мозговая травма.

В голосе вампира звучало нота, похожая на сочувствие, — заученное притворство опытного лицедея. И сквозило что-то еще: почти неуловимый голод, слабая тень искушения. Правда, вряд ли кто-то, кроме меня, это заметил.

Мы были больны, неизлечимо. Хищников тянет к слабым и подраненным.

Мишель замолчала снова. Когда она заговорила, голос ее лишь немного дрожал:

— Много не расскажешь. Оно меня схватило.

И отпустило. Я сошла с катушек и не могу объяснить, почему, кроме того, что эта грёбаная штуковина достает тебя до печенок, и я… не справилась. Простите. Больше нечего сказать.

— Спасибо, — после долгой паузы проговорил Сарасти.

— Могу я… если можно, я бы хотела удалиться.

— Да, — отозвался вампир.

Мишель ушла на дно. Кубрик вращался, и я не увидел, кто занял ее место.

— Пехотинцы ничего не видели, — заметила Бейтс.

— К тому времени, когда мы пробили перегородку, туннель за ней был пуст.

— Любому противнику вполне хватило бы времени скрыться, — заметил Каннингем. Он опустил ноги на палубу и уцепился за поручень: вертушка тронулась с места. Меня повело, наискось подвесив на ремнях.

— Не спорю, — отозвалась Бейтс. — Но стопроцентно мы знаем об этом месте только то, что не можем верить там собственным чувствам.

— Поверьте чувствам Мишель, — отчеканил Сарасти.

Мне становилось все хуже. Вампир открыл окошко: кадры, заснятые пехотинцем. За по-

лупрозрачными волоконцами ошкуренной переборки, будто за вощеной бумагой, колыхалось яркое расплывчатое пятно — фонарь Джеймс, видимый сквозь преграду. Изображение дернулось, когда робот пошатнулся на магнитной кочке, потом повторилось снова. Качнулось, повторилось. Шестисекундная петля.

— Видите объект рядом с Бандой?

Не-вампиры ничего такого не увидели. Сарасти, очевидно, это понял и остановил картинку.

— Дифракционные узоры не согласуются с единственным источником света в пустом пространстве. Я вижу более тусклые, рассеивающие элементы. Два темных предмета сходного размера, находящиеся недалеко друг от друга, рассеивают свет здесь, — курсор указал на две совершенно непримечательные точки в кадре, — и здесь. Один — Банда. О втором сведений у нас нет.

— Погодите, — вмешался Каннингем. — Если вы это все раскусили, то почему Сью… почему Мишель ничего не видела?

— Синестезия, — напомнил ему Сарасти. — Ты видишь. Она чувствует.

Медотсек слегка вздрогнул, синхронизировав вращение с большой вертушкой; ограждение

втянулось обратно в палубу. Из дальнего угла что-то слепое следило, как я наблюдаю за ним.

— Черт, — прошептала Бейтс. — Значит, дома кто-то есть.

* * *

На самом деле они, кстати, вовсе не так разговаривали. Если бы я передавал настоящие голоса, вы бы слышали одну белиберду — полдюжины языков, вавилонское столпотворение личных диалектов.

Самые простые причуды сохранялись: добродушная воинственность Саши, неприязнь Сарасти к прошедшему времени. Каннингем из-за непредвиденного сбоя при операции на височной доле потерял большую часть гендерных местоимений. Но отличия лежали глубже. Команда через фразу путала английский с хинди и хадзани;[56] ни один настоящий ученый не позволит концептуальным ограничениям единственного языка стреножить свои мысли. По временам они вели себя почти как синтеты,

[56] Примечания: 56

Язык племени хадза, проживающего на севере Танзании. По последним данным, считается одним из наиболее архаичных языков мира (в частности, в области фонетики сохранившим набор щелкающих звуков).

общаясь ворчаньем и жестами, бессмысленными для любого нормала. Дело даже не в том, что выдающиеся умы обделены навыками общения, а в том, что после определенной границы грамматически правильная речь становится слишком медленной.

Кроме Сьюзен Джеймс. Ходячее противоречие: женщина, настолько преданная идее Общения как Объединяющей силы, что ради нее раскромсала собственный мозг на раздельные куски. Ей одной, похоже, был небезразличен собеседник. Остальные говорили сами с собой, даже когда обращались друг к другу. Более того, другие личности в мозгу Джеймс вели себя так же, предоставляя окружающим переводить, как могут. Проблемы это не составляло. На борту «Тезея» каждый мог понять любого.

Но конкретно для Сьюзен Джеймс это не имело значения. Каждое слово она предназначала конкретному адресату, приспосабливала фразу под реципиента.

Я — проводник. Я существую, чтобы наводить мосты, и не оправдаю смысл своего предназначения, если всего лишь передам вам, что говорил экипаж «Тезея». Поэтому я рассказываю, о чем он говорил, а вы уж черпайте столько смысла,

сколько в себя впихнете.

Кроме Сьюзен Джеймс, лингвиста и вожака Банды, которой я доверяю говорить за саму себя.

* * *

Пятнадцать минут до апогея; максимально безопасное расстояние на случай, если «Роршах» решит нанести ответный удар. Далеко внизу магнитное поле объекта продавливало атмосферу планеты, словно мизинец Господень. Под ним собирались тяжелые, темные грозовые тучи; по следам его клубились вихри размером с Луну.

Пятнадцать минут до апогея, а Бейтс еще надеялась, что Сарасти передумает.

В каком-то смысле это была ее вина. Если бы она отнеслась к новому испытанию как к очередному кресту, который придется нести, возможно, все пошло бы как прежде, более-менее. Оставалась еще слабая надежда, что Сарасти позволит нам стиснуть зубы и продолжить, включив в список напастей не только зиверты, магниты и чудовищ из подсознания, но и двери-капканы. Но Бейтс подняла шум. Для нее этот случай был не очередным куском дерьма в канализации, а тем шматом, который забил трубу.

Мы ходим по краю, едва в силах выжить в обыч-

ной для этой штуковины среде. Если она начнет сознательно с нами бороться… Не знаю, можем ли мы рисковать.

Четырнадцать минут до апогея, и Аманда Бейтс до сих пор сожалела об этих словах.

За время предыдущих вылазок мы обнаружили двадцать шесть переборок на различных фазах развития. Мы их просвечивали рентгеном. Ультразвуком. Мы наблюдали, как ими заплывают коридоры и как они неторопливо втягиваются обратно в стены. Диафрагма, захлопнувшаяся за спиной у Банды четырех, была совершенно другой породы.

И какова вероятность того, что первая же мембрана на спусковом крючке оказалась оборудована противолазерным отражателем? Мы столкнулись не с обычным проявлением роста «Роршаха». Эта штука предназначалась для нас.

Ловушка…

Вот и еще одна причина для беспокойства. Тринадцать минут до апогея, а Бейтс волновалась из-за жильцов.

Конечно, всякая вылазка квалифицировалась как грабеж со взломом. Ничего не изменилось. Но когда мы отжимали собачку, то считали, что вламываемся на пустую недостроенную дачу. Мы

думали, о жильцах можно еще долго не беспокоиться, и не ожидали, что один из них выйдет за полночь отлить и застанет нас. А теперь он скрылся в лабиринте, и следует хорошенько поразмыслить, какой пистолет спрятан у него под подушкой…

Эти перегородки могут сорваться в любой момент. Сколько их там? Они перемещаются или прикованы к одному месту? Мы не можем двигаться дальше, не выяснив этого.

Поначалу Бейтс пребывала в изумлении и восторге оттого, что Сарасти с ней согласился.

Двенадцать минут до апогея. Отсюда, с высоты, куда не доставали помехи, «Тезей» вглядывался в изломанные, перекрученные очертания «Роршаха», не сводя стального взора с крошечной ранки, которую мы прожгли в боку зверя. Палатка-прилипала закрыла ее, точно волдырь; изнутри «чертик» передавал нам картину разворачивающегося опыта в другой перспективе — от первого лица.

— Сэр. Мы знаем, что «Роршах» обитаем. Готовы ли мы рисковать дальше, провоцируя его жителей? Готовы ли мы рискнуть их жизнями?

Сарасти не то чтобы посмотрел на нее и не то чтобы ответил. Но если бы ответил, то фразой в

духе «не понимаю, как такое мясо доживает до взрослых лет».

Одиннадцать минут до апогея, и Аманда Бейтс сожалела — не в первый раз, — что экспедиция находится не под военной юрисдикцией.

Прежде чем приступить к опытам, мы дождались максимального отдаления. «Роршах» может воспринять наши действия как враждебные, согласился Сарасти без всяких следов иронии в голосе. Сейчас вампир стоял перед нами, глядя, как разворачивается на столешнице изображение. Блики отражались в его глазах, не до конца скрывая глубокий блеск зрачков.

Десять минут до апогея. Сьюзен Джеймс мечтала, чтобы Каннингем затушил свою долбаную сигарету. Дым вонял, втягиваясь в вентиляцию, и никакой необходимости в нем не было. Всего лишь манерный анахронизм, способ привлечь внимание; если ему требовался никотин, пластырь подавил бы судороги столь же легко, только без дыма и запаха.

Но лингвист думала не только о курении. Она размышляла о том, зачем Каннингема в начале вахты вызвал к себе Сарасти и почему биолог после этого так странно на нее поглядывал. Меня это тоже интересовало. Пробежавшись по меткам

времени в КонСенсусе, я обнаружил, что в тот же самый момент кто-то заглядывал в ее историю болезни. Я проверил данные, позволил образам поболтаться в черепе; сориентировался на повышенный уровень окситоцина как вероятную причину разноса. Вероятность того, что Джеймс стала, на вкус Сарасти, слишком доверчива, — восемьдесят два процента.

Понятия не имею, как я это подсчитал. И никогда не имел.

Девять минут до апогея.

Пока «Роршах» не потерял из-за нас и пары молекул воздуха. Сейчас все изменится. Картинка базового лагеря разделилась, точно бактерия: одно окошко теперь показывало палатку-ракушку, другое — широкоугольную панораму поверхности вокруг нее с тактическими диаграммами.

Восемь минут до апогея. Сарасти выдернул пробку.

Внизу, на «Роршахе», наша палатка лопнула, как жук под каблуком. Из раны хлестнул гейзер; по краям его бушевала пурга, вывязывая заряженные кружева снега. Атмосфера рвалась в вакуум, рассеивалась, застывала. Космос вокруг базового лагеря наполнили искры. Это казалось почти прекрасным.

Вот только не Бейтс. Она наблюдала за кровоточащей раной, и лицо ее было не выразительней, чем у Каннингема, только челюсть свело столбняком. Взгляд бегал от одного окошка к другому, высматривая существ, задыхающихся в тени.

«Роршах» дернулся.

Вздрогнули колоссальные вены и артерии; по ветвям прокатилась волна сотрясения. Эпицентр начал изворачиваться: огромный кусок пробитого отростка вращался вдоль своей оси. По оконечностям поворачивающегося участка, там, где он касался неподвижной части «Роршаха», пролегли морщины; там материал размягчался тянучкой и стягивался, словно кто-то перекручивал длинный воздушный шар, превращая его в низку сарделек.

Сарасти пощелкал глоткой. Кошки порой так делают, заметив птицу за оконным стеклом.

КонСенсус застонал от грохота сталкивающихся миров: телеметрия с полевых датчиков, припавших ушами к земле. Камера на «чертике» опять потеряла управление. Изображение с нее шло обрезанное, зернистое. Объектив тупо пялился на край пробитой нами дыры в преисподнюю.

Стон затих. Последняя хилая тучка хрустальной пыли рассеялась в пространстве, едва видимая

даже на максимальном разрешении.

Трупов нет. По крайней мере, видимых.

Внезапное движение в базовом лагере. Вначале мне померещилось, что сигнал «чертика» забивают помехи, размывая самые контрастные детали, — но нет, что-то определенно шевелилось, копошилось по краям прожженного нами отверстия, тысячи серых волоконец прорастали сквозь разрез и медленно шевелились в темноте.

— Ничего себе… — пробормотала Бейтс. — Должно быть, падение давления их провоцирует. Ничего себе способ конопатить пробоину.

«Роршах» принялся заживлять рану — через две недели после того, как мы ее нанесли.

Апогей миновал. Дальше только вниз. «Тезей» начал долгое падение на вражескую территорию.

— Не пользуется диафрагмами, — проговорил Сарасти.

* * *

Гены хитрый развод учинили мозгам,
Сделав траханье слаще всего.
Эти мелкие твари имели план,
Размножаться во время него.
Но мозги развели их сами в ответ.

Комом выпекся хитрый блин.
Вазэктомия — и всем привет —
Гены могут сосать бензин.[57]

r-отборники, «Усеклада»[58]

Секс от первого лица — настоящий, как настаивала Челси, — требует привычки: рваные вздохи, грубые шлепки, потная вонь от кожи, испещренной норами и оспинами, целый партнер с целым набором прихотей и капризов. Определенная животная притягательность в этом была, не поспоришь. В конце концов, именно так мы и любились миллионы лет. Но в этой… этой местечковой похоти всегда имелась доля вражды, нестыковки асинхронных ритмов. Не было сходимости. Только перестук сталкивающихся тел в борьбе за господство, где каждый пытается навязать другому свой ритм.

Челси относилась к сексу как к высшему воплощению любви. Я, в конце концов, начал воспринимать его как рукопашный бой. Прежде, трахая созданий из моего собственного меню

---

[57] Примечания: 57
Перевод Сергея Пальцуна.

[58] Примечания: 58
r-отбор — репродуктивная стратегия, сводимая к воспроизводству многочисленного короткоживущего потомства. *Усеклада* (в филогенетике и таксономии) — группа организмов, которые являются потомками единственного общего предка и всех потомков этого предка.

или пользуясь моделями из чужих, я всегда мог выбрать контрастность и разрешение, текстуру и позу. Телесные отправления, противодействие несовместных желаний, бесконечные ласки, от которых язык стирается до корня и клейко блестит лицо, — ныне они стали лишь капризами. Опции для мазохистов.

Но у Челси не было опций. Только стандартный набор.

Я ей потакал. Подозреваю, я был не более терпелив к ее извращениям, чем она — к моей неловкости в них. Мои усилия оправдывало совсем другое. Челси любила спорить обо всем на свете, лукавая, вдумчивая, любопытная, точно кошка, и била без предупреждения. Низведенная до уровня избыточного большинства, она продолжала простодушно и ярко наслаждаться жизнью. Взбалмошная и вспыльчивая, Челси была неравнодушна. К Пагу. Ко мне. Хотела узнать меня ближе. Проникнуть внутрь.

Это становилось серьезной проблемой.

— Мы могли бы попробовать снова, — сказала она как-то, когда пот и феромоны еще не рассеялись. — И ты даже не вспомнишь, отчего так мучился. Если захочешь, не вспомнишь даже, что вообще мучился.

Я с улыбкой отвернулся; грани ее лица внезапно показались мне грубыми и непривлекательными.

— Это уже который раз? Восьмой? Девятый?

— Я просто хочу, чтобы ты был счастлив, Лебедь. Настоящее счастье — это огромный дар, и я могу дать его тебе, если только ты позволишь.

— Ты не хочешь, чтобы я был счастлив, — мило промурлыкал я. — Ты хочешь меня наладить.

Она промычала что-то мне под кадык. Потом:

— Что?!

— Ты просто хочешь переделать меня во что-нибудь более… более уживчивое.

Челси приподняла голову.

— Посмотри на меня.

Я обернулся. Она отключила хроматофоры на щеке, переехавшая татуировка трепетала теперь на ее плече.

— Посмотри мне в глаза.

Я вглядывался в неровную кожу век, в сетку капилляров, вьющихся по склерам, испытывая отстраненное недоумение оттого, что подобные несовершенные, ветшающие органы все же способны временами зачаровывать меня.

— Так, — проговорила она. — Ты что имеешь в виду?

Я пожал плечами.

— Ты продолжаешь делать вид, что это симбиоз. Мы оба знаем, что это конкуренция.

— Конкуренция.

— Ты пытаешься вынудить меня действовать по твоим правилам.

— Каким правилам?

— По которым хочешь строить наши отношения. Я не виню тебя, Челс, ни капельки. Мы пытаемся манипулировать друг другом с тех пор, как… черт, это даже не в человеческой натуре — это в натуре млекопитающих.

— Просто не верится, — она покачала головой. Перед моими глазами закачались спутанные щупальца прядей. — Середина двадцать первого века на дворе, а ты мне втираешь очки про войну полов?

— Ну да, твой тюнинг — это новое слово в отношениях. Проникни внутрь и перепрограммируй партнера на максимальную покорность.

— Ты правда думаешь, что я пытаюсь тебя… тебя выдрессировать? Вышколить, как щенка?

— Ты поступаешь естественным образом.

— Не могу поверить, что ты говоришь подобную чушь мне.

— Я думал, ты ценишь в наших отношениях

честность.

— Каких отношениях? Тебе поверить, так их и нет. Просто… взаимное изнасилование или что-то вроде того.

— В этом и смысл отношений.

— Вот только лапшу мне не надо вешать, — она села на краю кровати, свесив ноги. Спиной ко мне. — Я знаю, что я чувствую. Уж это единственное, что я точно знаю. Я всего лишь хотела сделать тебя счастливым.

— Я понимаю, ты в это веришь, — ласково отозвался я. — Понимаю, это не кажется тебе стратегией поведения. Так бывает с инстинктами, прописанными очень глубоко. Все кажется естественным, верным. Это обман природы.

— Это чей-то гадский обман.

Я сел рядом с ней, коснувшись плечом ее плеча. Она отстранилась.

— Я знаю, — проговорил я чуть погодя. — Знаю, как работает мозг. Это моя работа.

И ее тоже, если уж на то пошло. Человек, который зарабатывает на жизнь тюнингом мыслей, не может не знать основ проводки под капотом. Челси всего лишь сознательно их игнорировала; иначе ее праведный гнев лишился бы всякого смысла.

Я мог бы и об этом упомянуть, наверное, но понимал, какую нагрузку способна выдержать система, и не был готов к разрушающим испытаниям. Не хотел ее терять. Не хотел терять ощущение безопасности, чувство, будто кому-то небезразлична моя жизнь или смерть. Я всего лишь хотел отстранить ее немного. Хотел передохнуть.

— Ты временами бываешь такой холодный… как ящерица, — пробормотала она.

Цель достигнута.

* * *

Во время нашей первой высадки мы дули на воду и выверяли каждый шаг. На этот раз мы действовали как спецназ.

«Сцилла» жгла на двух «же» по направлению к «Роршаху», следуя предсказуемой, плавной дуге, упирающейся в разрушенный базовый лагерь. Возможно, она даже там и села — не знаю; Сарасти вполне мог убить двух зайцев одним выстрелом, запрограммировав челнок самостоятельно собирать образцы. Если и так, то людей на борту к тому времени уже не осталось. «Сцилла» выплюнула нас в пространство за пятьдесят километров до нового плацдарма, бросив нагими

кувыркаться на каркасе ракеты, которому едва хватало реактивной массы для мягкой посадки и спешного взлета. Мы даже управлять им не могли: успех зависел от непредсказуемости, а есть ли лучший способ быть непредсказуемым, чем не знать самому, что делаешь? Логика Саранти. Вампирская логика. Отчасти мы могли за ней проследить: колоссальный вывих, закрывший пробоину в борту «Роршаха», был гораздо медлительней и расточительнее капкана, в который попалась Банда. К тому же «Роршах» не задействовал диафрагмы, а значит, им требовалось время для развертывания — то ли для перераспределения массы, то ли для взвода пружины рефлексов. Это давало нам окно. Мы все еще могли забраться в львиное логово, покуда его хозяева не в силах предсказать наше появление и заранее расставить ловушки. И могли унести оттуда ноги прежде, чем капканы будут поставлены.

— Тридцать семь минут, — сказал Саранти, и никто из нас не смог понять, как он пришел к этому выводу.

Спросить осмелилась только Бейтс. Упырь только глазами сверкнул.

— Вам не понять.

Вампирская логика. От очевидных посылок к

непостижимым выводам. От нее зависела наша жизнь.

Тормозные двигатели следовали заранее заложенному алгоритму, в котором законы Ньютона скрещивались с бросками костей. Наша цель была выбрана не случайно — мы отсекли зоны роста и отводные каналы, места, лишенные близких путей к отступлению, тупики и неразветвлённые сегменты («Как скучно», — даже пожаловался Сарасти, вычеркивая их), в нашем распоряжении осталось всего лишь около десяти процентов объекта. Сейчас мы падали в восьми километрах от места первоначальной высадки, прямо в терновый куст. Здесь, на полпути до цели, даже мы сами никаким способом не смогли бы точно предсказать место приземления.

Если «Роршах» мог, он заслуживал победы. Мы летели. Куда ни глянь, пространство вокруг раскалывали ребристые шпили и корявые ветви, рассекая звездную даль и близкий газовый гигант на исчерченные черными жилами витражные осколки. В трех километрах от нас, а может, в тридцати, вздувшийся кончик отростка лопнул неслышным взрывом заряженных частиц, затуманив даль застывающим, рвущимся газом. Прежде чем тот рассеялся, я заметил, как зави-

ваются сложными спиралями клочья и струи: магнитное поле «Роршаха» превращало само дыхание объекта в радиоактивный град.

Я никогда прежде не видел его невооруженным глазом. И сам себе казался мошкой в звездной зимней ночи, пролетающей сквозь старое пожарище.

Включились тормозные двигатели. Меня швырнуло назад, на ремни упряжи, ударило о бронированное тело, мотавшееся рядом. Саша. Всего лишь Саша, вспомнил я. Остальных Каннингем усыпил, оставив в общем теле единственное одинокое ядро. Я даже не подозревал, что при раздвоении личности такое возможно. Она смотрела на меня сквозь смотровое стекло шлема. Скаф напрочь скрывал ее графы. И в глазах я ничего не мог прочесть. В последние дни это случалось часто. Каннингема с нами не было. Никто не спросил — почему, когда Сарасти раздавал задания. Биолог теперь оказался первым среди равных, поднятый дублер, которого некому подменить. Второй по незаменимости в нашей незаменимой команде.

Это увеличило мои шансы. Ставки повысились до одного к трем.

Каркас спускаемого аппарата неслышно содрог-

нулся. Я снова глянул вперед, через плечо Бейтс на переднем поддоне, мимо принайтовленных пехотинцев по ее сторонам. Наш автомат запустил боевую часть — сборный надувной тамбур на установке взрывного бурения, который пробьет шкуру «Роршаха», точно вирус клеточную мембрану. Тонконогое устройство уменьшалось, пока не скрылось из виду. Миг спустя на фоне смоляного пейзажа внизу рассвело и погасло булавочное магниевое солнышко — вколоченный прямо в броню заряд антиматерии, мизерный, хоть атомы считай. Намного грубее, чем робкие ласки нашего первого свидания.

Мы совершили посадку — жесткую, — пока тамбур еще надувался. Пехотинцы слетели с нарт за миг до столкновения, извергая из сопел тонкие струйки газа, и окружили нас охранным кольцом. Бейтс последовала за ними, выскочив из креплений, и поплыла прямо к распухающему куполу. Мы с Сашей выгрузили катушку оптоволокна — складной барабан толщиной в полметра и поперечником в человеческий рост — и покатили ее вдвоем, пока один из роботов проталкивался через шлюзовую мембрану тамбура.

— Пошевеливаемся, — Бейтс цеплялась за поручень надувной палатки. — Тридцать минут до…

Она осеклась. Мне не пришлось спрашивать, почему: передовой солдатик разместился над свежепробитым отверстием и прислал нам первую открытку.

Свет из глубины.

* * *

Вы можете подумать, что нам стало легче. Человеческое племя всегда боялось темноты; миллионы лет мы ежились по пещерам и норам, покуда невидимые твари рычали и сопели или просто ждали, молча и тихо — в ночи за порогом. В идеале любой свет, даже самый слабый, должен разогнать хотя бы часть тьмы, оставив разуму меньше простора для страшных фантазий.

Мысль дело такое, неподконтрольное.

Мы последовали за пехотинцем вниз, в тускло мерцающую муть вроде простокваши с кровью. Поначалу казалось, горит сам воздух, светящийся туман, в котором тонет все, расположенное на расстоянии больше десяти метров. Оказалось — иллюзия. Туннель, куда мы выбрались, имел метра три в ширину и был освещен рядами сияющих дефисов — размером и формой примерно с оторванный палец, — расчертивших стены широкой тройной спиралью. Похожие выступы мы

зафиксировали на месте первой высадки, хотя пробелы между ними были менее выражены, а сами гребни не светились вовсе.

— Пик в ближней инфракрасной области, — доложила Бейтс, высветив на дисплее спектр.

Для гремучей змеи атмосфера была бы прозрачной. Сонару она такой и казалась: передовой солдатик плюнул во мглу цепочкой щелчков и обнаружил, что в семнадцати метрах впереди туннель расширяется некоей полостью. Прищурившись, я сквозь мглу смог разглядеть очертания пещеры. Зубастую пасть, уплывающую из-под взгляда.

— Пошли, — скомандовала Бейтс.

Мы подключили пехотинцев, одного оставили охранять выход. Остальных разобрали в качестве передовых ангелов-хранителей. С нашими внутришлемными дисплеями роботы сообщались по лазерной связи; друг с другом они переговаривались по негнущемуся кабелю из экранированного оптоволокна, который разматывался с катушки по нашим следам. В среде, где оптимальных выходов не существовало, это был наилучший из возможных компромиссов. Наши телохранители на поводках позволят держать связь во время одиноких прогулок по тупикам и закоулкам.

Да. Одиноких. Вынужденные или действовать поодиночке, или покрыть меньшую территорию, мы решили разделиться. Мы были словно блиц-картографы в поисках Эльдорадо. Все наши действия основывались исключительно на вере: вере в то, что объединяющие принципы внутренней архитектуры «Роршаха» возможно извлечь из снятых на бегу мерок. Вере в то, что внутренняя архитектура «Роршаха» вообще объединена какими-то принципами. Прежние поколения поклонялись злобным и непостоянным духам. Наше уверовало в упорядоченность мира. Здесь, в чертовой пахлаве, поневоле задумаешься, а не подобрались ли предки ближе к истине.

Мы двинулись вдоль туннеля. Нашу цель можно было различить простым человеческим взглядом: не столько зал, сколько перекресток, свободное пространство на стыке дюжины проходов, расходящихся в разные стороны. Где-то на глянцевых поверхностях отсверкивали рваные сетки ртутных капель; сквозь материю стен прорывались блестящие выступы, словно горсть крупной дроби, вмятой в мокрую глину. Я глянул на Бейтс и Сашу:

— Панель управления?

Майор пожала плечами. Ее роботы обнюхивали

провалы туннелей вокруг, посыпая их сонарными импульсами. Отзвуки расчерчивали на моем дисплее клочковатую трехмерную карту: цветные кляксы, размазанные по невидимым стенкам. Мы были точками в центре нервного узла, стайкой паразитов, обсевших огромного, выеденного изнутри хозяина. Коридоры загибались плавными спиралями, каждый в своем направлении. Сонар заглядывал в их глубину лишь на пару метров дальше, чем наши взгляды. И ни зрение, ни ультразвук не позволяли с ходу отличить один от другого.

Прежде чем отплыть собственной неторной тропой, Бейтс ткнула в сторону какого-то из проходов:

— Китон.

И другого:

— Саша.

Я нервно глянул туда.

— Какие-то особые…

— Двадцать пять минут, — отрезала она.

Я развернулся и медленно поплыл по отведенному мне пути. Туннель загибался по часовой стрелке пологой, непримечательной спиралью; метре на двадцатом кривизна его скрыла бы от взгляда выход, даже если бы этого уже не сделал

туман. Мой зонд плыл впереди; тысячей крошечных челюстей стучал сонар, с далекой катушки на перекрестке разматывался фал.

Этот поводок меня успокаивал. Он был короткий. Пехотинцы имели радиус действия девяносто метров, и не больше, а мы получили строгий приказ постоянно прятаться у них под крылом. Эта мрачная чумная нора может уходить хоть в самый ад, но никто не ждет, что я полезу по ней так далеко. Мою трусость одобрили сверху.

Еще пятьдесят метров. Пятьдесят, и я смогу развернуться и драпануть, поджав хвост. А до тех пор надо всего лишь стиснуть зубы, сосредоточиться и записывать: все, что видишь, приказал Сарасти. И чего не видишь — насколько возможно. И надеяться, что новый, сокращенный лимит времени истечет прежде, чем «Роршах» очередным пиком отправит нас в слюнявый маразм.

Стены вокруг меня вздрагивали и сотрясались, словно плоть свежей добычи. Что-то промелькнуло мимо с тихим хихиканьем.

Сосредоточиться. Записывать. Если робот этого не видит — оно не существует.

На шестьдесят пятом метре очередной призрак забрался ко мне под шлем.

Я пытался его игнорировать. Пытался отвер-

нуться. Но этот фантом колыхался не на краю поля зрения; он плыл в самой середке смотрового стекла комком клубящейся тошноты между мной и дисплеем. Я стиснул зубы и попытался отвести взгляд, глядя в глухую кровавую мглу по сторонам, наблюдая за судорожно разворачивающимися траверсами в крошечных окошках, подписанных «Бейтс» и «Джеймс». Там — ничего. А тут, прямо у меня перед носом, очередной роршаховский мозгоед заляпал грязными пальцами экран сонара.

— Новый симптом, — сообщил я. — Периферические галлюцинации, стабильные, но практически бесформенные. Пика нет, насколько могу…

Вкладку с ярлычком «Бейтс» резко занесло.

— Кит…

Голос оборвался. Окно погасло.

Не только окно Бейтс. Вкладка Саши и сонар зонда сморгнули и погасли в тот же момент, оставив дисплей опустевшим, если не считать внутренней телеметрии скафа и мерцающего красного индикатора: «Связь прервана». Я резко обернулся, но пехотинец висел на своем месте, в трех метрах за моим правым плечом. Я хорошо видел оптический порт — вделанный в кирасу

рубиновый ноготок.

А оружейные порты просто бросались в глаза. Нацеленные на меня.

Я застыл. Робот, словно от ужаса, сотрясался на магнитном ветру. Ужаса передо мной. Или…

Или чего-то за моей спиной…

Я начал разворачиваться. В глазах у меня зарябило от помех, донесся — едва-едва — вроде бы голос:

— …ля шевели… Кит… не…

— Бейтс? Бейтс?

На месте «Связь прервана» расцвел другой индикатор. По какой-то причине пехотинец переключился на радиосвязь, и, хотя мы находились на расстоянии вытянутой руки, я едва мог разобрать слова.

Фарш из слов:

— …у тебя… прямо перед то…

И Саша, чуть яснее:

— …ак он не видит?..

— Вижу что? Саша! Кто-нибудь! Что, что не вижу?

— …прием? Китон, ты меня слышишь?

Бейтс каким-то образом усилила сигнал. Помехи гремели, как океан, но я мог разобрать слова на их фоне.

— Да! Что?..

— Не шевелись, ты понял? Замри совсем. Подтверди.

— Подтверждаю, — зонд неуверенно держал меня на прицеле. Темные зрачки стереокамер судорожно подмаргивали, стягиваясь в точки. — Что…

— Китон, прямо перед тобой что-то есть. Между тобой и солдатом. Неужели ты не видишь?

— Н-нет. Дисплей сдох…

— Как он может не видеть, — вмешалась Саша, — когда оно прямо…

— Размером с человека, — перелаяла ее Бейтс, — радиально-симметричное, восемь, девять конечностей. Вроде щупалец, но… сегментированных. Шипастых.

— Ничего не вижу, — проговорил я.

Но я видел: видел, как что-то тянулось ко мне — тогда, в саркофаге, на борту «Тезея». Видел, как что-то неподвижно лежало, свернувшись клубком в корабельном хребте, наблюдая, как мы выкладываем свои планы.

Я видел, как сжималась в комочек синестет Мишель. Его нельзя увидеть. Оно не… невидимое…

— Что оно делает? — спросил я.

И почему я его не вижу? Почему я его не вижу?

— Просто… висит в воздухе. Руками помахивает. О, ч… Кит!..

Пехотинцу будто великан пощечину отвесил. Робота понесло в сторону, приложив о стену, и внезапно вернулась лазерная связь, напитав дисплей данными: взгляд из глаз Бейтс и Саши, несущихся по инопланетным туннелям, сигнал с камеры зонда, чей объектив уперся в скафандр с надписью «Китон», накарябанной на кирасе по трафарету, и там, рядом с ним, что-то наподобие морской звезды, бьющей воздух лишними руками…

Банда выломилась из-за поворота, и теперь я почти увидел собственными глазами нечто трепещущее, как воздух от жара. Существо было огромно, шевелилось, но всякий раз, как мой взгляд пытался остановиться на нем, он отчего-то соскальзывал. Оно не настоящее, с истерическим облегчением подумал я, это всего лишь очередная галлюцинации, но тут появилась Бейтс, и тварь оказалась прямо передо мной — без всякого мерцания, абсолютно реальная, ничего, кроме схлопнувшейся волны вероятности и неоспоримой массы. Обнаруженная, она метнулась к ближайшей стене и промчалась у нас над головами. Суставчатые щупальца хлестали воздух

бичами. Короткий гулкий стрекот за спиной, и создание повисло посреди туннеля, обугленное и дымящееся.

Неровный перестук. Вой замирающих подшипников. Три пехотинца висели в строю посреди прохода. Один смотрел на инопланетянина. Я заметил, как втягивается под корпус кончик смертоносного хоботка. Бейтс отрубила солдата прежде, чем тот закрыл пасть.

Через оптический линк три пары легких наполняли внутренность моего шлема тяжелым дыханием.

Отключенный робот парил в мутном воздухе. Труп инопланетянина слабо бился об стену, чуть подергиваясь: гидра из позвоночных столбов, обожженная и костлявая. На то, что примерещилось мне на борту, она все-таки не слишком походила.

Мне это показалось почти обнадеживающим, хотя я не смог бы уточнить — почему.

Двое активных пехотинцев сканировали взглядами мглу, пока Бейтс не дала им новый приказ; тогда один взялся за труп, другой поддержал павшего товарища. Бейтс ухватилась за дохлый зонд и вырвала фал из разъема.

— Отступаем. Медленно. Я за вами.

Я запустил маневрушки. Саша промедлила. Витки экранированного кабеля плыли вокруг нас, точно пуповина.

— Пошли! — скомандовала Бейтс, подсоединяя отключенного робота прямо к своему скафу.

Саша двинулась за мной. Бейтс замыкала процессию. Я вглядывался в дисплей, ожидая, что вот-вот к нам нагрянет свора многоруких чудищ.

Не нагрянула. Но почерневшая тварь на брюхе у робота была вполне реальна. Не галлюцинация. Даже не поддающийся осмыслению плод синестезии и ужаса. «Роршах» оказался обитаем. Его обитатели были невидимы.

Временами. Типа того.

И — ну да. Мы одного из них только что убили.

* * *

Бейтс вышвырнула отключенный зонд в пространство, стоило нам выбраться в вакуум. Пока мы пристегивались, собратья использовали его вместо мишени, не прекращая стрелять, покуда от него не осталось ничего, кроме стынущего пара. Даже эту разреженную плазму «Роршах» заплетал в кружева, прежде чем она рассеялась.

На полдороге до «Тезея» Саша обернулась к Бейтс.

— Ты…

— Нет.

— Но… они ведь могут действовать самостоятельно, да? Автономно.

— Не на ручном управлении.

— Повреждение? Пик?

Бейтс не ответила.

Она послала сообщение вперед. К тому времени, как мы добрались до корабля, Каннингем вырастил на хребте «Тезея» еще одни метастазик — дистанционно управляемый секционный зал, набитый манипуляторами и датчиками. Стоило нам забраться под броню, как выживший пехотинец подхватил тело и сорвался с места, не дожидаясь, пока мы отшлюзуемся.

Когда мы родились к новой жизни, предварительное вскрытие уже принесло плоды. Голографический призрак расчлененного инопланетянина восстал из КонСенсуса, точно освежеванный чудовищный натюрморт. Раскинутые щупальца напоминали человеческие позвоночники. Мы сидели вокруг стола и ждали, когда кто-нибудь приступит к пиршеству.

— Обязательно было палить по нему из микроволновки? — съязвил Каннингем, барабаня по столу пальцами. — Вы его напрочь сварили.

Клетки все изнутри полопались.

Бейтс покачала головой.

— Это был сбой.

Биолог кисло покосился на нее.

— Сбой, который совершенно случайно не затронул алгоритмы прицеливания по движущейся мишени. Как-то странно выходит.

Бейтс невозмутимо взглянула на него в ответ.

— Автономное целеуказание включилось само собой. Самопроизвольно. Случайно.

— Случайность — это…

— Остынь, Каннингем. Твоего нытья мне только сейчас не хватало.

Глаза на мертвенном полированном лице закатились, внезапно выцедив что-то под потолком. Я проследил за его взглядом: нас выглядывал сверху Сарасти, неспешно дрейфуя на кориолисовом сквозняке, словно неясыть над полевками.

В этот раз на нем снова не оказалось забрала. И очки он явно не потерял.

Вампир пронзил взглядом биолога.

— Ваши результаты.

Каннингем сглотнул, пробежав пальцами по столу. Ошмётки инопланетных внутренностей расцветились пестрыми метками.

— Ну да, хорошо. Боюсь, на клеточном уровне

ничего не могу рассказать. Внутри мембран почти ничего не осталось. Если на то пошло, и мембран-то почти нет. В терминах базовой морфологии образец имеет, как видите, радиальную симметрию и сплюснут по спинно-брюшной оси. Известковый экзоскелет, кератинизированная пластиковая эпидерма. Ничего особенного.

— Пластиковая шкура — это «ничего особенного»? — скептически переспросила Бейтс.

— В такой среде я почти ожидал увидеть плазму Сандуловичиу.[59] А пластик — это всего лишь очищенная нефть. Органический углерод. Эта штука основана на углероде. На белках даже, хотя ее белки намного устойчивее наших. Многочисленные серные мостики дают латеральную фиксацию, насколько я мог выяснить по тем остаткам, которые не денатурировала ваша пехота, — Каннингем смотрел мимо нас: мысли его, очевидно, витали далеко-далеко, в телеметрических датчиках. — Ткани этой твари насыщены магнетитом. На Земле это вещество находят в мозгу у дельфинов, у перелетных птиц, даже в

[59] Примечания: 59

В 2003 году группа румынских ученых во главе с Мирчей Сандуловичиу зафиксировали возникновение из аргоновой плазмы газовых сфер, которые росли, размножались и даже общались с помощью электромагнетической энергии, то есть вели себя как живые существа.

некоторых бактериях — у всех, кто ориентируется по магнитному полю. Переходя к макроструктурам, мы имеем пневматический эндоскелет, он же, насколько могу понять, и мышечная система. Контрактильные ткани выжимают газ через систему пузырей, которые напрягают или расслабляют отдельные сегменты щупалец.

В глаза Каннингема вернулась жизнь — ровно настолько, чтобы сосредоточить взгляд на сигарете. Он поднес окурок к губам, глубоко вдохнул, отложил снова.

— Обратите внимание на инвагинации в основании каждой конечности, — на виртуальном трупе загорелись оранжевым сдувшиеся воздушные шарики. — Их можно назвать клоаками. Туда открываются все системы: они питаются, дышат и испражняются через одну и ту же небольшую камеру. Других естественных отверстий нет.

Банда состроила гримасу, выражая Сашино омерзение.

— А они не… забиваются? Неэффективно както.

— Забьется одно — в той же системе остается еще восемь проходов. В следующий раз, когда поперхнешься куриной косточкой, можешь помечтать о подобной неэффективности.

— Чем оно питается? — спросила Бейтс.

— Понятия не имею. Вокруг клоак я обнаружил сократительные ткани, вроде глоток, что подразумевает питание — сейчас или когда-то в их эволюционной истории. Сверх того… — Он развел руками; сигарета оставила за собой слабую струйку дыма. — Кстати, если надуть эти сократительные муфты, то образуется герметичная перегородка.

В сочетании с эпидермисом это, скорее всего, позволяет организму какое-то время выживать в вакууме. И мы уже знаем, что они переносят радиационный фон. Только не спрашивайте меня — как. То, что заменяет им гены, должно быть намного прочнее наших.

— Значит, они могут жить в космосе, — задумчиво пробормотала Бейтс.

— В том же смысле, в каком дельфин живет в воде. Ограниченное время.

— Долго?

— Не уверен.

— Центральная нервная система, — проговорил Сарасти. Бейтс и Банда внезапно неуловимо застыли. Подменяя манеры Саши, тело лингвиста приняло позу Сьюзен. Вокруг губ и ноздрей Каннингема клубился дым.

— В ней, как оказалось, нет ничего центрального. Ни цефализации, ни даже сосредоточения органов чувств. Тело покрыто чем-то вроде глазок, или хроматофоров, или тем и другим разом. Всюду сплошь реснички. И насколько я могу судить — если эти тоненькие вареные волоконца, которые я смог собрать после вашего «сбоя», действительно нервы, а не что-то совсем иное, — каждое из этих образований управляется независимо.

Бейтс вскинулась.

— Серьезно?

Каннингем кивнул.

— Все равно что независимо управлять движениями каждого волоска на голове, только это существо покрыто щетинками до кончиков щупалец. С глазами — то же самое. Сотни тысяч глазок по всей шкуре. Сам по себе каждый не больше, чем камера-обскура, но способен фокусироваться независимо, и, подозреваю, где-то сигналы с них интегрируются. Все тело действует как большая сетчатка. Теоретически это дает существу потрясающую зоркость.

— Распределенный интерферометрический телескоп, — пробормотала Бейтс.

— Под каждым глазком лежит хроматофор

— пигмент напоминает криптохром,[60] так что, вероятно, имеет отношение к зрению, но параллельно он способен диффундировать в окружающие ткани или концентрироваться. Это подразумевает динамические пигментные пятна, как у хамелеона или каракатицы.

— Имитация фона? — спросила Бейтс. — Это может объяснить, почему Сири его не видел?

Каннингем открыл новое окно и запустил закольцованный видеоролик: крупнозернистый Сири Китон и его невидимый партнер. Для камер тварь, которой я не видел, была зловеще реальна: парящий диск вдвое шире моего торса, обвешанный по краям щупальцами, точно узловатыми канатами. По ее шкуре пробегали пестрые волны, точно свет и тени играли на мелководье.

— Как видите, узор не соответствует фону, — отметил Каннингем. — Даже отдаленно.

— Можешь объяснить избирательную слепоту Сири? — спросил Сарасти.

— Нет, — признался биолог. — Обычной маскировкой — нет. Но «Роршах» заставляет нас видеть много такого, чего нет на самом деле. В сущности,

---

[60] Примечания: 60

Группа белков флавопротеинов, представляющих собой чувствительный элемент фоторецепторов животных и растений, реагирующих на синее освещение.

это тот же процесс — не видеть то, что на самом деле есть.

— Еще одна галлюцинация? — спросил я. Каннингем пососал сигарету и пожал плечами.

— Есть много способов обмануть человеческий глаз. Любопытно, что иллюзия рассеялась в присутствии нескольких свидетелей, но если вам нужен конкретный механизм, дайте мне больше материала для работы, чем вот это, — он ткнул окурком в сторону подгоревших останков.

— Но… — Джеймс перевела дыхание, собираясь с силами. — Мы говорим о системе… как минимум высокоразвитой. Очень сложной. Огромной вычислительной мощности.

Каннингем снова кивнул.

— По моим прикидкам, нервная ткань составляет почти тридцать процентов массы тела.

— Значит, оно разумно, — почти прошептала Сьюзен.

— Никоим образом.

— Но… тридцать процентов…

— Тридцать процентов моторной и сенсорной проводки. — Еще одна затяжка. — Почти как у осьминога: нейронов огромное количество, но половина уходит на тонкое управление присосками.

— Насколько мне известно, осьминоги весьма умны, — заметила Джеймс.

— По меркам моллюсков — безусловно. Но ты имеешь представление, сколько потребуется дополнительных проводников, если фоторецепторы в твоем глазу раскиданы по всей поверхности тела? Для начала тебе будут нужны триста миллионов удлинителей от полумиллиметра до двух метров длиной. Это приведет к тому, что сигналы окажутся рассинхронизированы, и потребуются еще миллиарды дополнительных логических вентилей для согласования входа. Вся система даст тебе только один неподвижный кадр, без фильтров, без опознания, без последовательной интеграции.

Судорога. Затяжка.

— Теперь надо прибавить дополнительную проводку, которая потребуется для того, чтобы сфокусировать на цели все эти глазки или переслать информацию отдельным хроматофорам, и еще добавь вычислительные мощности для запуска хроматофоров по одному. Возможно, тридцати процентов массы тела на это хватит, но я сильно сомневаюсь, чтобы осталось место на философию и науку, — он махнул рукой куда-то в сторону трюма. — Это… этот…

— Болтун, — подсказала Джеймс. Каннингем покатал слово на языке.

— Очень удачно. Этот болтун — абсолютное чудо эволюционной инженерии. И он туп как пробка.

Краткая пауза.

— Тогда что они такое? — спросила, наконец, Джеймс. — Домашние зверюшки?

— Канарейки на руднике, — предположила Бейтс.

— Может, даже меньше того, — отозвался Каннингем. — Возможно, это всего лишь лейкоцит с манипуляторами. Робот-ремонтник. Дистанционно управляемый или действующий инстинктивно. Но, люди, мы упускаем гораздо более важные вопросы. Как вообще может анаэроб развиться в сложный многоклеточный организм и тем более — двигаться настолько быстро, как эта тварь? Подобный уровень активности жрет массу АТФ.

— Может, они не используют АТФ, — предположила Бейтс, пока я полез за справкой в КонСенсус: аденозинтрифосфат, источник энергии для клетки.

— АТФ из него просто льется, — сообщил биолог. — Это даже по останкам можно определить.

Вопрос в том, как оно успевает синтезировать трифосфат настолько быстро, чтобы поддерживать активность. Чисто анаэробного метаболизма будет недостаточно.

Предположений ни у кого не оказалось.

— В общем, — подвел он итог, — на сем урок закончен. Кому нужны неаппетитные детали — обращайтесь в КонСенсус, — Каннингем пошевелил пальцами свободной руки; вскрытый призрак рассеялся. — Продолжаю работать, но если вам нужны серьезные ответы — притащите мне живой образец.

Он затушил окурок о переборку и вызывающе оглядел вертушку.

Остальные едва отреагировали; графы их еще плыли под тяжестью недавних откровений. Возможно, показное раздражение Каннингема было важней для общей картины; возможно, в редукционистской вселенной биохимический базис существа всегда имеет приоритет над надстройкой межвидового этикета и проблемами внеземного разума. Но Бейтс и Банда отстали от времени, еще не переварив предыдущих откровений. Они в них просто погрязли. Цеплялись за открытия Каннингема, как смертники, недавно узнавшие, что могут выйти на свободу из-за су-

дебной ошибки.

Ведь мы убили болтуна, в этом никаких сомнений. Но он не был инопланетянином. Он не был разумен. Всего лишь лейкоцит с манипуляторами. Тупой как пробка.

Ущерб чужой собственности гораздо легче себе простить, чем убийство.

* * *

Проблемы невозможно решать на том же уровне компетентности, на котором они возникают.

Альберт Эйнштейн

С Челси меня познакомил Роберт Паглиньо. Возможно, когда наши отношения пошли под откос, он почувствовал себя ответственным. А может, Челси, будучи любительницей клеить битые чашки, попросила его вмешаться. Как бы то ни было, с той минуты, как мы сели за столик в «КуБите», мне стало ясно, что пригласил он меня не только ради компании.

Паг заказал коктейль из нейротропов на льду. Я ограничился «Рикардсом».[61]

— Все так же старомоден, — начал Паг.

---

[61] Примечания: 61
Сорт пива.

— Все так же ходишь кругами, — заметил я.

— Так очевидно, да? — он сделал глоток. — Поделом мне водить за нос профессионального жаргонавта.

— Жаргонавтика тут не при чем. Ты бы и колли не обманул.

Правду сказать, графы Пага никогда ничего мне не подсказывали, о чем бы я уже не знал. Понимая его, я не получал никакой форы. Может, оттого, что мы с ним слишком близко друг друга знали.

— Ну, — сказал он, — колись.

— Нечего рассказывать. Она познакомилась со мной настоящим.

— Скверно.

— Что она тебе рассказала?

— Мне? Ничего.

Я глянул на него поверх бокала. Паг вздохнул.

— Она знает, что ты ей изменяешь.

— Я — что?!

— Изменяешь. С моделью.

— Это же ее модель!

— Но не она сама.

— Нет, не она. Модель не пускает газы, не скандалит и не закатывает истерик всякий раз, когда ты отказываешься волочиться на встречу с её семьей. Слушай, я нежно люблю эту женщину,

но послушай… вот ты когда в последний раз трахался вживую?

— В семьдесят четвертом, — признался он.

— Шутишь, — я думал, у Пага вообще такого опыта не было.

— В промежутках между контрактами медмиссионерствовал в странах третьего мира. В Техасе трахи и охи еще в ходу, — Паг глотнул тропа. — Мне в общем-то понравилось.

— Экзотика приедается.

— Не поспоришь.

— И, Паг, я же не делаю ничего необычного. Это она извращенка. Не только в сексе дело. Она все расспрашивает… все хочет разузнать что-то.

— Например?

— Неуместные вещи. О моем детстве. О семье. Мое личное дело, блин.

— Ей просто интересно. Знаешь, не все считают детские воспоминания запретной темой.

— Спасибо, просветил.

Можно подумать, раньше никто мной не интересовался. Например, Хелен из чистого равнодушия перешаривала мой шкаф, фильтровала почту и следовала за мной из комнаты в комнату, расспрашивая мебель и занавески, отчего это я все время такой мрачный и замкнутый. Ей было

так интересно, что она из дому меня не выпускала без исповеди. В возрасте двенадцати лет у меня хватило дурости отдаться ей на милость. Это личное, мам. Я бы не хотел об этом говорить. А потом долго скрывался в ванной, когда она начала выпрашивать, не в сети ли у меня проблемы, не в школе ли, или это девочка, или… или мальчик, и что случилось, и почему я не могу просто довериться родной матери — разве не знаю, что во всем могу на нее положиться? Последовательно миновали непреклонный стук в дверь, настойчивые озабоченные вопросы и, в конце концов, озлобленное молчание. Я выждал, пока не уверился абсолютно, что она ушла. Я пять сраных часов сидел там, прежде чем выйти, а Хелен все стояла в коридоре, сложив руки на груди, и глаза ее тлели разочарованием и укором. В тот же вечер она сняла замок с двери ванной, потому что родным незачем друг от друга запираться. Ей было очень интересно.

— Сири, — вполголоса окликнул меня Паг. Я перевел дух и попробовал снова:

— Она не просто хочет говорить о моей семье. Она хочет с ней познакомиться. Она постоянно пытается вытащить меня к своим. Знаешь, я думал, что всего лишь встречаюсь с Челси, ни-

кто меня не предупреждал, что придется делить место с…

— Вытащила?

— Один раз, — цепкие руки, жадные пальцы, фальшивая приязнь, лживое дружелюбие. — Было очень мило, если тебе нравится, когда тебя ритуально лапает толпа незнакомых лицедеев, которых тошнит от твоей рожи, но кишка тонка в этом сознаться.

Паг без всякого сочувствия пожал плечами.

— Похоже, типичное семейство старой школы. Ты же синтет, приятель. Ты и с более шизовыми раскладками работал.

— Я имею дело с чужими данными. Я не выблевываю собственную личную жизнь на всеобщее обозрение. С какими бы гибридами и конструктами я ни работал, они меня не…

Не касаются.

— Не допрашивают, — закончил я.

— Ты с самого начала знал, что Челси — девочка старомодная.

— Когда это ее устраивает, — я глотнул эля. — Но со сплеснером в руке она как-то сразу забывает о своей консервативности. Это не отменяет того, что над линиями поведения ей стоило бы поработать.

— «Линиями поведения».

Это не стратегия, твою мать! Ты что — не видишь, как мне больно? Я валяюсь на полу от боли, а ты только и можешь, что критиковать мою линию поведения? Что мне еще прикажешь — вены перерезать?!

Я пожимал плечами и отворачивался. Фокусы природы.

— Она рыдает, — констатировал я. — Ей удобно: высокий уровень лактата в крови. Просто химия. А она прикрывается ей, словно ордером каким-то.

Паг поджал губы:

— Не значит, что это напускное.

— Все напускное. Все ее поведение — всего лишь стратегия. Ты знаешь, — я фыркнул. — А она дуется оттого, что я сделал по ней модель?

— Полагаю, дело не в самой модели, сколько в том, что ты ей о ней не рассказал. Ты же знаешь, как она ценит честность в отношениях.

— Само собой. Она просто не хочет о ней слышать.

Он посмотрел на меня.

— Отдай мне должное, Паг. Ты действительно считаешь, что я должен сказать Челси, как временами меня передергивает от ее вида?

Система по имени Роберт Паглиньо сидела молча, потягивала наркотик и приводила в порядок несказанные слова. Переводила дыхание.

— Я поверить не могу, что ты можешь быть таким тупым, — выжал из себя он.

— Да? Просвети.

— Конечно, она хочет услышать, что ты не сводишь с нее взгляда, что ты любишь ее оспинки и запах изо рта и согласен не только на одну поправку своего мозга, а на все десять. Но это не значит, что она ждет от тебя вранья, идиот ты этакий. Она хочет, чтобы все это оказалось правдой. И… ну, почему бы и нет?

— Потому что нет, — ответил я.

— Господи, Сири. Люди не ведут себя разумно. Даже ты. Мы не мыслящие машины, мы… мы жрущие машины, которые по случайности умеют думать, — он перевел дыхание и хлебнул еще. — И ты это сам знаешь, иначе не смог бы работать. Или, по крайней мере… — он поморщился, — система знает.

— Система.

Я и мои протоколы — вот что он имел в виду. Моя китайская комната. Я вздохнул.

— Не со всеми получается, знаешь ли.

— Заметил. Нельзя читать систему, к которой

слишком привязан, да? Эффект наблюдателя.

Я пожал плечами.

— Вот и хорошо, — заключил он. — Не думаю, что мне бы понравилось с тобой общаться в этой комнате.

— Челси говорит, — вырвалось у меня прежде, чем я успел одернуть себя, — что она предпочла бы настоящую.

Паг поднял брови.

— Настоящую — что?

— Китайскую комнату. Говорит, та поняла бы ее лучше.

Несколько мгновений вокруг нас бормотал и шумел «КуБит».

— Могу понять, почему она так сказала, — произнес Паг в конце концов. — Но ты… ты справился, Подселенец.

— Не знаю.

Он напористо кивнул.

— Знаешь, как говорят — «тропа неторная»? Ну, так ты сам себе торишь дорогу. Не знаю, почему. Но это все равно, что учиться каллиграфии, не имея рук. Или… жить с проприоцептивной полинейропатией. Чудо, что у тебя вообще получается; что получается хорошо — это вообще за гранью вообразимого.

Я нахмурился.

— Проприо…

— Бывает, люди лишаются чувства… собственного физического тела, вот. Не воспринимают положения в пространстве, понятия не имеют, в какой позе находятся, да и есть ли у них вообще конечности. Некоторые утверждают, что чувствуют себя парализованными. Лишенными тела. Их мозг посылает сигнал руке и полагается на веру, что тот дошел. Взамен такие больные использовали глаза: не ощущая положения руки, они смотрели на нее при каждом движении, заменяя зрением нормальную обратную связь, которую мы с тобой воспринимаем как данность. Они могли ходить, но только не сводя взгляда с ног и обдумывая каждый шаг. У них неплохо получалось. Но даже после нескольких лет тренировок стоило отвлечь их на полушаге, и они падали, точно орбитальный лифт без противовеса.

— Хочешь сказать, я такой же?

— Ты пользуешься своей «китайской комнатой», как они — зрением. Ты заново, почти с нуля, изобрел эмпатию, и твой способ в некоторых отношениях — неочевидных, иначе мне не пришлось бы тебе объяснять, — лучше оригинала. Поэтому ты такой талантливый синтет.

Я покачал головой.

— Всего лишь наблюдатель. Я наблюдаю за действиями людей, и пытаюсь представить, что могло заставить их так поступить.

— По мне, так это и есть сочувствие.

— Нет. Сочувствуя, ты воображаешь не то, что чувствует другой, а что бы ты сам чувствовал на его месте. Так?

Паг нахмурился.

— И?

— А если бы ты не знал, как себя чувствовать?

Он посмотрел на меня, и грани его были торжественны и кристально прозрачны!

— Ты не такой, приятель. Ты лучше. Может, на вид этого не скажешь, но… я тебя знаю. Давно.

— Ты знал кого-то другого. Я же мозговой подселенец, забыл?

— Да, то был другой человек. И, может, я его помню лучше тебя. Но одно скажу точно… — он подался вперед. — Вы оба помогли бы мне в тот день. Он, может, справился бы добрым старомодным сочувствием, а тебе пришлось из запчастей наскоро сварганить блок-схему человеческих отношений, но это лишь делает твое достижение значительней. Вот почему я с тобой, старина. Пускай даже у тебя в жопе штык длиной с баш-

ню Рио.

Он поднял бокал. Я послушно чокнулся с ним. Выпили.

— Я его не помню, — сказал я немного погодя.

— Что — другого Сири? До мозгового подселенца?

Я кивнул.

— Совсем ничего?

Я напряг память.

— Ну, его же регулярно припадками било, так? Постоянная боль. А я не помню никакой боли, — моя кружка почти опустела; я дососал остатки. — Но я… я временами вижу сны о нем. О том, как я им был.

— И на что это похоже?

— Это… ярко. Все такое насыщенное, понимаешь? Запахи, звуки. Сильнее, чем в жизни.

— А теперь?

Я глянул на него.

— Ты говоришь — было ярко. Что изменилось?

— Не знаю. Может, и ничего. Я просто… я вообще-то больше не помню снов, когда просыпаюсь.

— Тогда откуда ты знаешь, что видишь сны? — спросил Паг.

Твою мать, подумал я и в один глоток дохлебал свою пинту.

— Знаю.

— Откуда?

Я нахмурился, запнувшись. Пришлось поразмыслить несколько секунд, прежде чем вспомнить.

— Я просыпаюсь с улыбкой, — ответил я.

* * *

Рядовой встречает врага лицом к лицу.
Рядовой рискует своей жизнью.
Рядовой знает цену скверной стратегии.
А что знают генералы?
Тактические схемы и диаграммы.
Вся цепочка подчинения стоит на голове.

Кеннет Любин, «Нулевая сумма» [62]

С момента высадки все пошло наперекосяк. План требовал создать на плацдарме хорошо организованный хаос и отловить несколько лейкоцитов-с-манипуляторами, пока те устраняют повреждения. Нашей задачей было установить капкан и отступить, доверившись обещаниям Сарасти, что ждать придется недолго.

---

[62] Примечания: 62
Источник вымышленный.

Ждать вообще не пришлось. В тот же миг, как мы пробили обшивку, что-то зашевелилось в клубах пыли — змеистое движение, враз врубившее на форсаж знаменитую инициативность Аманды Бейтс. Солдатики нырнули в пробоину, и на прицеле у них замаячил болтун, вцепившийся в стену туннеля. Наверное, его оглушил взрыв, классический случай «в неудачном месте, в неудачное время». У майора ушла доля секунды на то, чтобы оценить ситуацию, после чего план испарило в плазму.

Я моргнуть не успел, как один из пехотинцев пробил болтуна иглой для биопсии. Мы бы тогда же захапали зверюшку целиком, если бы магнитосфера «Роршаха» не выбрала ту самую секунду, чтобы швырнуть нам песка в лицо, и когда наши солдатики доковыляли до поля боя, добыча уже скрылась за углом. Бейтс была пристегнута к своим бойцам; в то же мгновение как она дала им волю, фал утащил её в кроличью нору (майор только и успела крикнуть Саше: «Готовь ловушку!»).

А я находился в одной связке с Бейтс. Меня резко сорвало с места, и я успел только обменяться с Сашей перепуганными взглядами. Я вновь очутился внутри «Роршаха»; сытая биопсическая

игла отскочила от моего забрала и пролетела мимо, волочась на многометровом обрывке моноволокна. Будем надеяться, лингвист ее подберет, пока мы с Бейтс охотимся; по крайней мере, если не вернемся, миссия не завершится полным провалом.

Солдатики волокли нас, как наживку на крючке. Майор дельфином плыла передо мной, редкими реактивными импульсами легко удерживаясь по центру туннеля. Я болтался поплавком за ее спиной, пытаясь выровнять полет, сделать вид, что тоже чем-то управляю. Это была важная задача. Смысл жизни подсадной утки в том, чтобы изобразить настоящую. Мне даже выдали пистолет — исключительно ради предосторожности — больше для душевного спокойствия, нежели для защиты. Пистолет болтался у меня на плече и стрелял пластиковыми пулями, неподвластными индукционным полям.

Только мы с Бейтс. Солдат-пацифист и орел-решка вероятности.

Как всегда, по коже у меня пробежали мурашки. Уже привычные призраки суетливо когтили рассудок. Но в этот раз ужас казался приглушенным. Далеким. Возможно, дело — в экспозиции, возможно, мы так быстро мчались сквозь маг-

нитный ландшафт, что фантомы не успевали зацепиться. Существовал и третий вариант. Может, я меньше боялся призраков, так как в этот раз мы охотились на чудовищ.

Болтун словно сбросил паутину, которую местные обитатели сплели после нашего появления; извивающийся силуэт во мгле, он на полном ходу метнулся по стене, выстреливая вперед щупальца очередью жалящих кобр, так мотая туловищем, что солдатики едва удерживали его на прицеле. Внезапно он кинулся в сторону, поперек туннеля уплывая в узкий боковой проход. Пехотинцы свернули за ним, ударяясь о стены, кувыркаясь, останавливаясь, — и внезапно Бейтс резко затормозила, а я по инерции обошел ее, пока ковырялся с пистолетом. В следующий миг я обогнал и роботов; поводок натянулся и рванул меня обратно, оставив дрейфовать в зыби. Секунду-другую на передовой был я — Сири Китон, стенографист, резидент, профессиональный непониматель. Я колыхался в воздухе, дыхание мое ревело в ушах, а в нескольких метрах передо мной стены…

…корчились…

Перистальтика, подумалось мне поначалу. Но это движение вовсе не походило на неспеш-

ные, вялые волны, обычно прокатывающиеся по туннелям «Роршаха». Я решил: «Галлюцинация», — пока шевелящиеся стены не выплеснулись тысячей извивчатых, костяных языков, вцепившихся в нашу добычу со всех сторон и растерзавших ее на клочки…

Что-то вцепилось в меня, развернуло. Вдруг оказалось, я прижат к груди одного из солдатиков, а тот палит из хвостовых орудий, покуда мы полным ходом отступаем по туннелю. В лапах второго висела Бейтс. Кишение отступало, но образ его оставался выжжен на моих сетчатках, галлюцинаторно-яркий в своей отчетливости.

Болтуны, повсюду. Ползучая чума разлезалась по стенам, тянулась к новоприбывшему, взметывалась в просвет туннеля, чтобы напасть в свой черед…

Не на нас. Они набросились на одного из своих. Я успел заметить, как оторвались три щупальца, прежде чем болтуна захлестнуло извивающимся клубком посреди прохода.

Мы бросились бежать. Я обернулся к Бейтс: «Ты видела…» — но прикусил язык. Даже сквозь два смотровых стекла и три метра метана можно было различить убийственную сосредоточенность на ее лице. Согласно дисплею она лоботоми-

ровала обоих пехотинцев, напрочь обойдя все замечательные автономные алгоритмы выбора. Майор управляла обеими машинами сама, вручную, как марионетками.

В окошке заднего сонара показались зернистые, взбаламученные отражения. Болтуны покончили со своей жертвой. Теперь они следовали за нами. Мой пехотинец пошатнулся, грянувшись о стену туннеля. Изломанные ошметки инопланетного декора процарапали параллельные шрамы на смотровом стекле, сквозь экранированную ткань скафа отбили мне бедро. Я подавил вскрик. Не до конца, какой-то нелепый встроенный зуммер возмущенно зачирикал еще до того, как у меня под носом словно разбилась дюжина тухлых яиц. Я закашлялся. От вони слезились и болели глаза; я едва мог разглядеть, как на дисплее разом взлетели в красную зону зиверты.

Бейтс гнала нас дальше, не говоря ни слова.

Мой шлем зарос достаточно, чтобы отключить зуммер. Воздух начал очищаться. Болтуны настигали; к тому моменту, как я проморгался, они были всего в паре метров от нас. Впереди из-за поворота вывернула Саша, у которой не оказалось дублера, чьи сожители были введены в кому по приказу Сарасти….

Сьюзен протестовала поначалу: «Если возникнет шанс установить связь…»

— Не возникнет, — отрубил он.

…и теперь она, более устойчивая к влиянию «Роршаха» по какому-то признаку, которого я так и не понял, сгибалась в позе эмбриона, стиснув перчатками шлем, и я мог только молить замшелых божков, чтобы лингвист установила капкан прежде, чем магнитное поле скрутит ее. А болтуны настигали, и Бейтс орала: «Саша-твою-мать-с дороги!», тормозя слишком рано, слишком сильно, бормочущая орда быстриной хватала нас за пятки, майор надсаживалась: «Саша!!», пока та, наконец, не сдвинулась, приходя в себя, не оттолкнулась от ближайшей стены, скрываясь в пробитом нами отверстии. Бейтс рванула воображаемый рычаг, наши воинственные скакуны развернулись, опроставшись искрами и пулями, и метнулись за ней.

Саша установила капкан при входе в пробоину. Бейтс включила его хлопком ладони, пролетая мимо. Остальное должны были сделать датчики движения — но враг наступал нам на пятки, и мест для маневра не оставалось.

Западня сработала, когда я вылетел в тамбур. Сеть выстрелила за моей спиной, расходясь рос-

кошной воронкой, поймала что-то, втянулась в кроличью нору и хрястнула сзади по моему солдатику. Отдача швырнула нас в крышу с такой силой, что я решил, будто сейчас лопнет ткань. Материал выдержал и отбросил нас назад, к извивающимся тварям в ловушке.

Всюду извиваются хребты. Суставчатые щупальца хлещут костлявыми бичами. Одно оплело мою ногу и стиснуло, точно удав из кирпичей. Бейтс взмахнула руками в шальной пляске, и щупальце распалось на отлетающие по сторонам обрезки.

Все не так. Они должны были попасться в ловушку и утихомириться…

— Саша! Запускай! — рявкнула Бейтс.

Еще одно щупальце отделилось от тушки и врезалось в стену, сплетаясь и расплетаясь.

Стоило нам сорвать сеть, как пробоину залила аэрозольная пробка. Запоздавший на каких-то полсекунды болтун бился, полузамурованный в пене; его центральный узел выпирал, точно огромная круглая опухоль, обросшая чудовищными червями.

— САША!!!

Залп. Диафрагма в полу тамбура захлопнулась, точно капкан, и врезала по нам чохом: по

роботам, по людям, по болтунам целым и расчлененным. Я не мог вздохнуть. Каждая щепотка мяса весила центнер. Что-то ударило сбоку — великанская длань прихлопнула комара. Может, коррекция курса. А может, столкновение.

Но десять секунд спустя мы вновь плыли в невесомости и ничто нам не угрожало.

Мы колыхались, точно мошка в теннисном мячике, в переплетении машин и шевелящихся ошмётков тел. Того, что сошло бы за кровь, почти не было. То немногое, что пролилось, плыло вокруг прозрачными трепещущими шариками. Между нами астероидом в целлофане парила сеть. Твари в ней оплели друг друга и себя щупальцами, свернувшись в дрожащий, неподвижный ком. Вокруг них шипела сжатая метано-аммиачная смесь, консервируя в долгом пути домой.

— Твою мать, — выдохнула Саша, глядя на них. — Кровосос всё просчитал.

Не все. Он не предвидел, что толпа многоруких инопланетян растерзает одного из своих у меня на глазах. Этого он не предсказал.

Или, по крайней мере, не упомянул.

Меня уже начинало подташнивать. Бейтс осторожно свела запястья. На секунду я почти сумел

различить между ними темную натянутую нить мураволоки, призрачную, как дым. Осторожность майора была вполне оправдана: эта дрянь могла отсечь конечность человеку так же легко, как и болтуну. Над ее плечом шевелил жвалами солдатик, отчищая кровь с мандибул.

Мураволока пропала из виду. В глазах у меня темнело. Меркли потроха свинцового дирижабля на моих плечах. Мы шли по баллистической траектории. Приходилось надеяться, что «Сцилла» спикирует и подхватит нас, когда мы достаточно удалимся от места преступления. Приходилось надеяться на Сарасти.

С каждым часом это становилось все труднее. Но пока вампир оставался прав. В основном.

— Откуда ты знаешь? — спросила Бейтс, когда он в первый раз изложил свой план.

Упырь не ответил. Скорее всего, просто не мог — только не нам, как нормал не в силах объяснить теорию бран[63] обитателям Флатландии. Но Бейтс на самом деле спрашивала не о тактике. Возможно, ее интересовала причина, оправдание

---

[63] Примечания: 63

Теория бран — собственно, несколько сходных космологических теорий, оперирующих многомерными фундаментальными объектами (мембранами) в пространстве более высокой мерности. *Флатландия* — плоский мир из одноименной популярной книги Эдвина Эббота.

бесконечной вылазки на вражескую территорию, убийства и пленения туземцев.

Разумеется, на каком-то глубинном уровне она уже знала причину. Как и все мы. Мы не могли себе позволить только реагировать. Риск слишком велик; приходится его предупреждать. Сарасти мудрее всех нас вместе взятых, и он понимал это яснее нас. Умом Аманда Бейтс понимала, что он прав — но, скорее всего, не принимала сердцем. Когда зрение отказало, мне пришла в голову мысль, что она просила Сарасти убедить ее.

Но не только.

* * *

Представь себе, что ты — Аманда Бейтс.

Генералам прошлого подарила бы кошмары и поллюции та власть над своими солдатами, которой ты наделена. Ты можешь в мгновение ока вломиться в сознание любого из своих подчиненных, увидеть поле боя с любой из множества точек зрения. Каждый твой солдат бесконечно предан, не задает вопросов, исполнит любой приказ с расторопностью и упорством, каких не в силах добиться ничтожная плоть. Ты не просто склоняешься перед цепью инстанций — ты ее воплощаешь.

Ты сама немножко опасаешься собственной власти. Опасаешься того, что уже с ней сделала.

Выполнять приказы для тебя так же естественно, как отдавать их. О да, временами ты подвергала сомнению текущие установки или интересовалась картиной более широкой, нежели требовалось для выполнения задачи. Твоя инициатива на поле боя вошла в Легенды. Но прямого распоряжения ты не оспаривала никогда. Когда спрашивали твое мнение, ты выдавала его без обиняков и экивоков — покуда решение не принято и не получен приказ. Тогда ты исполняла его, не раздумывая. И даже когда возникали вопросы, ты не тратила времени на то, чтобы их задать, если только не ожидала полезного ответа.

Зачем тогда требовать подробностей анализа от вампира?

Не информации ради. С тем же успехом можно требовать от зрячих, чтобы те объясняли увиденное слепцам. Не ради уточнений: выводы Сарасти были недвусмысленны. Даже не ради бедного туповатого Сири Китона, который мог упустить некий ключевой момент, но постеснялся сам поднять руку.

Нет, причина подобным вопросам могла быть

только одна: вызов. Мятеж, в той ничтожной доле, в которой допустимо неповиновение после того, как приказ отдан.

Пока Сарасти интересовался чужим мнением, ты спорила и изо всех сил отстаивала свою точку зрения. Но он игнорировал ее, оставил все попытки наладить связь и превентивно вторгся на вражескую территорию. Упырь знал, что на «Роршахе» могут обитать живые существа, и все же вскрыл обшивку без всякой заботы об их благополучии. Он мог убить беспомощных и невинных созданий. Он мог пробудить злого великана. Ты ничего не знаешь наверняка.

Понимаешь только, что помогала ему.

Ты уже сталкивалась с подобной гордыней среди своих соплеменников. Надеялась, что более умные существа окажутся мудрее. Достаточно скверно видеть, как от самонадеянной дури страдают беспомощные, но поддаваться ей, когда ставки настолько высоки, — это уже ни в какие ворота не лезет. Гибель невинных сейчас наименьшее из зол; мы играем с судьбами миров, провоцируя конфликт с расой звездоплавателей, чье единственное преступление — без разрешения сделанный фотоснимок.

Твое диссидентство ничего не меняет. При-

ходиться загнать его подальше. Теперь наружу прорываются только редкие бессмысленные вопросы, лишенные надежды на ответ, присущая вызову непокорность погребена так глубоко, что ты сама ее не замечаешь. Если бы заметила, то и вовсе смолкла бы — очень не хочется напомнить Сарасти, что ты считаешь его неправым. Не стоит наталкивать его на такие размышления. Не стоит давать ему почву для подозрений.

Потому что есть, в чем подозревать. Даже если ты не готова сама себе в этом признаться.

Аманда Бейтс начинает размышлять о смене командования.

* * *

Пробоина в моем скафе выбила немало шестеренок: чтобы вернуть меня к жизни, «Тезею» потребовалось целых три дня. Но смерть еще не повод отставать от графика; я воскрес с накладками, полными последних данных.

Спускаясь в вертушку, я прочитывал экран за экраном. Банда четырех сидела подо мной на камбузе, рассматривая нетронутую порцию сбалансированной и питательной слякоти у себя в тарелке. Каннингем в своих наследных владениях при моем появлении хмыкнул и вернулся

к работе; пальцы его навязчиво барабанили по столешнице.

В мое отсутствие орбита «Тезея» увеличилась в поперечнике, зато почти потеряла эксцентриситет. Теперь мы наблюдали за целью с более-менее постоянной дистанции в три тысячи километров. Период нашего обращения по орбите на час превосходил период «Роршаха» — объект неуклонно обгонял нас по своей, более низкой траектории, но, чтобы удержать его в поле зрения, хватило бы дополнительного импульса каждые пару недель. К тому же у нас имелись образцы, которые можно будет исследовать в нами навязанных условиях; нет смысла рисковать новыми высадками, пока мы не выжали всю полезную информацию из того, что получили.

Пока я валялся в саркофаге, Каннингем расширил свою лабораторию. Он построил вольеры — по одному для каждого болтуна — модули, разделенные общей стенкой и установленные в новеньком помещении. Сгоревший труп оказался отброшен в сторону, точно игрушка с прошлого дня рождения, хотя, судя по логам доступа, биолог временами к нему наведывался.

Нет, разумеется, лично он новую лабораторию не посещал. Просто не смог бы, не надев пред-

варительно скаф и не переплыв вакуум-трюм. Отсек целиком отделили от корабельного хребта, подвесив на растяжках на полпути между осью и обшивкой корабля: приказ Сарасти, чтобы свести к минимуму риск заражения. Каннингему это не мешало. Он в любом случае предпочитал оставлять тело в псевдотяготении, сознанием паря среди манипуляторов, датчиков и прочих безделиц вокруг новых любимцев.

«Тезей» при моем приближении выдавил из раздатчика на камбузе грушу электролитного раствора на глюкозе. Банда не обратила на меня внимания. Ее указательный палец рассеянно постукивал по виску, поджатые губы еле заметно, но характерно подергивались, намекая, что внутренний диалог в разгаре. В такие минуты я никогда не мог определить, кто стоит у руля.

Я присосался к груше и заглянул в вольеры. Два куба, облитых тусклым багряным светом: в одном болтун колыхался посредине, помахивая членистыми щупальцами, точно водоросль на слабом течении. Обитатель второй клетки забился в угол, распластав четыре щупальца по сходящимся стенам; остальные четыре колыхались свободно. Тела обоих представляли собой сфероиды, а не диски, как у нашего первого…

образца, лишь слегка сжатые, и щупальца прорастали не по экватору, а со всех сторон.

В поперечнике между кончиками щупалец свободно плавающий болтун имел, пожалуй, метра два. Второй был того же размера. Оба оставались неподвижными, если не считать шевеления конечностей. По их шкурам пробегали лазурные узоры, точно ветер по степи, — в длинноволновом свете они казались почти черными. Поверх картинки накладывались графики: метан и водород в привычных для атмосферы «Роршаха» концентрациях. Температура и освещение — те же. Индикатор мощности магнитного поля оставался темным.

Я нырнул в архив, пронаблюдал, как два дня назад инопланетяне прибыли на место: их бесцеремонно вытряхнули в вольер, и болтуны зависли, свернувшись клубками, лениво рикошетируя от стен. Поза эмбриона, пришло мне в голову — но через несколько секунд щупальца расплелись лепестками костяных цветов.

— Роберт говорит, что «Роршах» их выращивает, — неожиданно заговорила Сьюзен Джеймс за моей спиной.

Я обернулся. Определенно, это была Сьюзен, но… подавленная. Обед она так и не тронула.

Графы потускнели. Кроме глаз. Глаза потемнели и слегка запали.

— Выращивает? — повторил я.

— Штабелями. У каждого по два пупка, — она выдавила слабую усмешку, одной рукой прикоснувшись к животу, другой — к пояснице. — Спереди и сзади. Он считает, что они растут колонной, один на другом. Когда верхний развивается до определенной степени, он отпочковывается от штабеля и переходит к свободному образу жизни.

Болтуны из архивов обследовали новую среду, опасливо карабкались по стенкам, обминали щупальцами углы там, где сходились панели. Я снова обратил внимание на их вздутые центральные узлы.

— Значит, наш первый, расплющенный…

— Молодая особь, — согласилась она. — Только что отпочковавшаяся. Эти постарше. Они с возрастом… ну, толстеют. Так Роберт говорит, — добавила она чуть погодя.

Я высосал опивки из груши.

— Корабль выращивает себе команду.

— Если это корабль, — Джеймс, пожала плечами. — И если они — команда.

Я наблюдал, как существа движутся. Иссле-

довать им было особенно нечего: стены почти голые, лишены всяких деталей, кроме пары выступающих датчиков и газопроводов. В вольерах имелись собственные щупальца, манипуляторы для инвазивиых процедур, но в первой фазе исследования их благоразумно зачехлили. И все же болтуны обследовали каждый квадратный сантиметр, двигаясь по параллельным невидимым линиям. Словно делали поперечные срезы.

Джеймс тоже это заметила.

— Выглядит ужасно методично, да?

— Что по этому поводу говорит Роберт?

— Что поведение медоносных пчел и сфецид[64] ничуть не проще, но оно целиком инстинктивно. Никакого разума.

— Но пчелы все же общаются, так? Исполняют свои танцы, чтобы сообщить улью, где нектар.

Она пожала плечами, признавая мою правоту.

— Есть шанс, что вы с ними договоритесь.

— Может быть. Не знаю, — лингвист потерла лоб. — Но пока мы не продвинулись ни на шаг. Мы проигрывали им обратно их же пигментные узоры, с вариациями. Звуков они вроде бы не издают. Роберт синтезировал шумы, которые

[64] Примечания: 64

Сфециды — роющие осы; используют свою добычу в качестве запасов продовольствия для потомства.

болтуны могли бы издавать при помощи клоак, если бы захотели, но это ничего не дало. Просто мелодичный выпуск газов.

— Значит, мы держимся модели «лейкоцитов со щупальцами».

— В основном. Но, знаешь… они не вошли в петлю. Инстинктивное поведение животных повторяется. Даже самые умные прохаживаются по клетке или шерсть вылизывают. Стереотипное поведение. Но эти двое очень внимательно осмотрели свои вольеры и просто… вырубились.

В записи они до сих пор именно этим и занимались — скользили по стенкам, наматывая неспешные витки, не упуская ни единого квадратного сантиметра.

— С того времени они себя как-то проявили? — спросил я.

Она снова пожала плечами.

— Не особенно. Если трогать — шевелятся. Размахивают щупальцами туда-сюда — этим они заняты постоянно, но информации, сколько мы можем судить, не передают. Из поля зрения не выпадали, ничего такого. На некоторое время мы просветлили стенку между вольерами, чтобы они видели друг друга, даже сделали ее звукопроницаемой и объединили воздуховоды — Роберт

полагал, что они могут общаться с помощью феромонов, — но без результата. Они даже друг на друга не реагируют.

— Вы их не пытались, ну… мотивировать?

— Сири — чем?! Общество друг друга им, кажется, безразлично. Мы не можем подкупить их едой, если не выясним, чем они питаются, а мы не знаем. Роберт утверждает, что в ближайшее время голодная смерть им не грозит. Может, когда проголодаются, станут сговорчивее.

Я отключил архивную запись и вернулся в реальное время.

— Может, они питаются… не знаю, радиацией. Или магнитным полем. Вольер может генерировать магнитные поля, да?

— Уже пробовали, — она перевела дыхание, расправила плечи. — Но, думаю, нужно время. У Каннингема была всего пара дней, а я сама только вчера из склепа вылезла. Будем пытаться.

— Как насчет негативного подкрепления? — вслух подумал я.

Она сморгнула.

— Ты хочешь сказать — пытки.

— Не обязательно так грубо. И если они все равно лишены разума…

Сьюзен сгинула в мгновение ока.

— Да ну, Китон, ты только что высказал предложение. Плюнул на свое хваленое невмешательство?

— Привет, Саша. Нет, ни в коем случае. Просто… составляю список опробованных мер.

— Хорошо, — голос ее звучал едко. — Не хотелось бы думать, что ты теряешь хватку. У нас сейчас по графику простой, так что можешь пока пойти поболтать с Каннингемом. Валяй. И не забудь высказать ему свою теорию про радиоядных инопланетян. Ему полезно хотя бы иногда посмеяться.

* * *

Каннингем стоял на своем посту в биомедотсеке, хотя до свободного кресла ему было два шага. Неизменный окурок болтался в левой руке, прогорев дотла. Правая играла сама с собой, пальцы по очереди простукивали подушечку большого, от мизинца к указательному, от указательного к мизинцу. Перед ним кишели данными окна; биолог их не видел.

Я подошел к нему сзади. Наблюдал за его гранями в движении. Слышал, как рождаются в горле текучие слоги:

— *Исборэйх вэ-иштабах вэ-испоар вэ-исрой-*

мам[65]…

Не обычная его литания. Даже не на привычном языке; иврит, подсказал мне КонСенсус.

Звучало почти как молитва…

Каннигем, должно быть, услышал. Графы его окостенели, упростились, став почти нечитаемыми. В последние дни раскодировка экипажа все больше усложнялась, но даже после этих топологических катаракт биолога — как обычно — читать было сложнее, чем прочих.

— Китон, — проговорил он, не оборачиваясь.

— Ты же не еврей, — заметил я.

— Оно был, — Шпиндель, не сразу осознал я. Каннингем путался в гендерных местоимениях.

Но Исаак был атеистом. Как и все мы. По крайней мере, при отлёте.

— Не знал, что вы были знакомы, — проговорил я. Таких вещей старались не допускать. Каннингем, не глядя на меня, опустился в кресло.

Перед его глазами — и моими — раскрылось новое окошко с пометкой «электрофорез». Я попытался снова:

— Извини. Я не хотел вме…

---

[65] Примечания: 65

Строка из кадиша (еврейской поминальной молитвы). Буквально: *«Да будет благословенно, возвышено, превознесено, возвеличено…» (далее идет «…и прославлено Имя Святого»).*

— Чем могу помочь, Сири?

— Я надеялся, ты сможешь в темпе просветить меня относительно результатов.

В потоке данных прокручивалась периодическая таблица инопланетных элементов. Каннингем убрал ее в лог и приступил к следующему образцу.

— У меня все зафиксировано. Все в КонСенсусе.

Я попробовал нажать на его «эго».

— Но мне бы очень помогло твое резюме. То, что именно тебе кажется важным, может оказаться не менее значительным, чем сами данные.

Несколько секунд он рассматривал меня. Пробормотал что-то, многословное и неуместное, спустя минуту выдал более осмысленную тираду:

— Важно то, чего не хватает. У меня на руках живые образцы, а я все еще не могу отыскать у них гены. Синтез белков почти прионный[66] — реконформационный путь вместо обычной транскрипции, — но я не могу разобраться, как укладываются в стену уже готовые кирпичи.

---

[66] Примечания: 66

Прионы — белковые инфекционные агенты, не содержащие генетической информации. Распространяются, меняя конформацию белков носителя. Вызывают заболевания группы губчатых энцефалопатий (так называемое «коровье бешенство»).

— На энергетическом фронте есть подвижки? — спросил я.

— Энергетическом?

— Аэробный метаболизм на анаэробном бюджете, помнишь? Ты сказал, что в них слишком много АТФ.

— Эту загадку я решил, — он пыхнул дымом; далеко на корме комочек инопланетной ткани растекался и расслаивался химическими слоями. — Они спринтеры.

Как хочешь, так и крути. Я не справился.

— В каком смысле?

Каннингем вздохнул.

— Метаболизм — это компромисс. Чем быстрее ты синтезируешь АТФ, тем дороже обходится каждая молекула. Оказывается, болтуны намного эффективнее его производят, чем мы. Только происходит у них это исключительно медленно, что не должно слишком мешать существам, чья жизнь проходит по большей части в спячке. «Роршах» — или то, из чего он вырос, — дрейфовал тысячелетиями, прежде чем его вынесло сюда. Времени вполне достаточно, чтобы наработать энергетический резерв для спазмов активности. А когда фундамент заложен, гликолиз протекает со взрывной скоростью. Двухтысячекратная вы-

года, и никакой потребности в кислороде.

— Болтуны живут в спринте. До смерти.

— Возможно, они рождаются заряженными АТФ и расходуют его на протяжении всей жизни.

— И сколько им отведено?

— Хороший вопрос, — признал он. — Живи быстро, умри молодым. Если они экономят энергию и большую часть времени отсыпаются — кто знает?

— Хм.

Развернувшегося болтуна снесло воздушным потоком к стене. Существо оттолкнулось от нее одним протянутым щупальцем; остальные продолжали гипнотически развеваться.

Я вспомнил другие щупальца, не столь нежные.

— Мы с Амандой загнали одного в толпу. Его…

Каннингем вернулся к пробам.

— Я видел запись.

— Они его растерзали.

— Угу.

— Есть догадки — почему?

Он пожал плечами.

— Бейтс полагает, там, внизу, может идти что-то вроде гражданской войны.

— А ты что думаешь?

— Не знаю. Может, и так, а может, болтуны занимаются ритуальным каннибализмом, или… они инопланетяне, Китон. Чего ты от меня хочешь?

— Но они не инопланетяне на самом-то деле. По крайней мере, не разумные. Война подразумевает разум.

— Муравьи воюют постоянно. Это ничего не доказывает, кроме того, что они живые.

— А болтуны вообще живые? — спросил я.

— Что за странный вопрос?

— Ты считаешь, что «Роршах» выращивает их, будто на конвейере. Ты не можешь найти генов. Может, это просто биомеханические роботы.

— Это и есть жизнь, Китон. Ты сам такой, — новая доза никотина, новый шквал чисел, новая проба. — Жизнь — не «или / или». Она — вопрос уровня.

— Я спрашиваю о другом, они вообще естественного происхождения? Они не могут быть искусственно созданы?

— А термитник — искусственный? Бобровая плотина? Звездолет? Конечно. Созданы ли они естественным образом сложившимися организмами согласно их природе? Да. Ну, так скажи мне, как хоть что-нибудь во всей огромной мульти-

вселенной может быть противоестественным?

Я попытался сдержать раздражение.

— Ты понимаешь, что я хочу сказать.

— Бессмысленный допрос: вытряси двадцатый век из ушей.

Я сдался. Пару секунд спустя Каннингем осознал, что я молчу. Его сознание покинуло механические придатки и выглянуло из плотских глаз, словно в поисках загадочным образом смолкшего комара.

— Да что ты до меня докопался? — спросил я. Дурацкий вопрос, очевидный. Недостойно настоящего синтета вести себя настолько… настолько прямолинейно. С мертвого лица сверкнули глаза.

— Обработка информации без осознания. Такая у тебя работа, не так ли?

— Это чудовищное упрощение.

— Ммм… — Каннингем кивнул. — Тогда почему ты явно не в силах осознать, насколько бессмысленно заглядывать нам через плечо и слать депеши домой?

— Кто-то должен поддерживать связь с Землей.

— Семь месяцев в одну сторону. Недурной период общения.

— Тем не менее.

— Мы здесь одни, Китон. Ты один. Игра закончится задолго до того, как наши хозяева узнают, что она началась, — он глотнул дыма. — А может, и нет. Может, ты общаешься с кем-то поближе, а? Так? Тебе шлет инструкции четвертая волна?

— Четвертой волны нет. Во всяком случае, мне о ней ничего не говорили.

— Скорей всего, нет. Они же не станут рисковать своими шкурами, верно? Слишком опасно даже держаться в стороне и наблюдать издалека. Потому нас и построили.

— Мы создали себя сами. Никто не заставлял тебя проходить перепланировку.

— Нет, перепланироваться меня никто не заставлял. Я мог позволить вырезать себе мозги и улететь на Небеса, верно? Вот и весь наш выбор. Мы можем быть совершено бесполезны или посоревноваться с вампирами, конструктами и ИскИнами. Может, ты мне расскажешь, как это сделать, не превратившись в полного… полного уродца.

Столько выражения в голосе. И ничего на лице. Я промолчал.

— Видишь, что я имею в виду? Не понимаешь, — он выдавил сухую усмешку. — Так что я

буду отвечать на твои вопросы. Я отложу работу и стану водить тебя на помочах, так сказал Сарасти. Полагаю, выдающийся вампирский интеллект видит осмысленную причину потворствовать твоему нескончаемому тявканью, а оно у нас начальник, так что я подчиняюсь. Правда я не настолько умен, поэтому прости меня, но мне это кажется слегка низкопробным.

— Я просто…

— Ты просто делаешь свою работу. Знаю. Но мне не нравится, когда мной вертят, Китон. А твоя работа именно в этом.

* * *

Еще дома, на Земле, Роберт Каннингем едва скрывал свое презрение к бортовому комиссару. Оно было очевидно даже для топологически слепых.

Мне всегда было тяжело обрабатывать биолога. Даже не из-за его невыразительной физиономии. Порою в его графах не отражались и более глубокие движения души. Возможно, он сознательно подавлял их, оскорбленный присутствием в команде стукача.

Прямо скажем, я не в первый раз сталкивался с подобной реакцией. Мое присутствие в какой-то

мере оскорбляло всех. О, ко мне хорошо относились — или думали, что относятся. Терпели мою навязчивость, помогали, выдавали куда больше, чем думали сами.

Но за грубоватым дружелюбием Шпинделя, за терпеливыми разъяснениями Джеймс не было настоящего уважения. С чего бы? Они стояли на передовом краю науки, на сверкающей вершине, покоренной гоминидами. Им доверили судьбу мира. А я служил лишь баюном для слабых мыслью. И даже в том терялась нужда по мере того, как Земля уплывала все дальше. Балласт. Ничего не поделаешь. Нечего и терзаться.

И все же… Шпиндель лишь наполовину шутил, когда обозвал меня «комиссаром». Каннингем доверился ярлыку без всяких шуток. И хотя я за долгие годы встречал немало подобных ему — тех, кто пытался скрыться от моего взгляда, — Каннингем первым в этом преуспел.

Я пытался выстроить отношения с ним на протяжении всей подготовки, искал недостающие элементы. Как-то раз наблюдая, как он работает на хирургическом симуляторе, упражняется на самоновейшем интерфейсе, распростёршим его сквозь стены и провода. Биолог оттачивал мастерство на гипотетическом инопланетянине,

которого ради тренировки соорудил компьютер. Из патрона над головой лапами чудовищного паука торчали датчики и суставчатые манипуляторы — будто одержимые, они кружились и плели сети вокруг полувероятной голографической твари. Собственное тело Каннингема лишь слегка вздрагивало, и колыхалась в уголке губ сигарета.

Я ждал, пока он сделает перерыв. В конце концов, его плечи слегка расслабились. Протезные конечности обвисли.

— Так… — я постучал по виску. — Зачем ты это сделал?

Он не обернулся. Датчики над секционным столом развернулись, глядя на нас отрубленными рачьими глазами. Там сейчас сосредоточилось внимание Каннингема, а не в пропитавшемся никотином теле передо мной. То были его глаза, или язык, или какие там еще невообразимые ублюдочные чувства он использовал для анализа данных. Датчики целились в меня, в нас — и если у Роберта Каннингема еще осталось что-то, похожее на зрение, он смотрел на себя глазами, вынесенными на два метра из черепа.

— Что именно? — проговорил он в конце концов. — Реконструкцию?

Реконструкция. Словно гардероб обновил, а не вырвал с мясом органы чувств и не вшил новые в рану. Я кивнул.

— Приходится быть актуальным, — объяснил он. — Без апгрейда невозможно пройти переподготовку. Без переподготовки устареешь за месяц, и тогда тебе дорога только на Небеса или в стенографистки.

Я пропустил насмешку мимо ушей.

— И все же — весьма радикальная трансформация.

— Не по нынешним временам.

— Разве ты не изменился?

Тело затянулось сигаретой. Прицельная вентиляция втянула дым прежде, чем тот добрался до меня.

— В этом и смысл.

— Но изменения, естественно, должны были затронуть твою личность. Само собой…

— А-а, — он кивнул; на дистальном конце двигательных нервов закачались в такт Манипуляторы. — Посмотри на мир чужими глазами и сам переменишься?

— Что-то вроде того.

Вот теперь он посмотрел на меня живыми глазами. По другую сторону мембраны змеи и

крабы вновь взялись за виртуальный труп, словно решив, что на пустую бессмыслицу потрачено достаточно времени. Мне стало интересно, в каком же теле пребывает сейчас биолог.

— Странные ты вопросы задаешь, — заметило мясо. — Разве язык моего тела тебе не все рассказывает? Жаргонавтам полагается читать мысли.

Конечно, он был прав. Меня не слова Каннингема интересовали; они служили несущей волной. Он не мог услышать нашей настоящей беседы. Все его грани и острия говорили со мной в полный голос, и, хотя слова их странным образом заглушали помехи и вой обратной связи, я был уверен, что рано или поздно разберу их. Лишь бы заставить его болтать и дальше.

Но Юкке Сарасти понадобилось именно в эту минуту пройти мимо и хирургически точным движением угробить мой замечательный план.

— Сири в своем деле лучший, — заметил он. — Но не в тех случаях, когда забирается слишком глубоко.

* * *

Как может человек ожидать, что его мольбам о снисхождении ответит Тот, кто превыше, когда сам он отказывает в милосердии тем, кто ниже его?

***Петр Трубецкой*[67]**

— Беда в том, — произнесла Челси, — что личные отношения требуют усилий. Нужно хотеть, чтобы стараться, понимаешь? Я чуть наизнанку не вывернулась ради наших отношений, вкалывала как проклятая, но тебе словно все безразлично…

Ей казалось, она открывала мне Америку. Казалось, я не знал, к чему идет дело, потому что молчал. А я, пожалуй, раньше нее все понял. Просто ничего не говорил, боялся дать ей повод.

Мне было тошно.

— Ты мне небезразлична, — выдавил я.

— Насколько тебе вообще что-то небезразлично, — признала она. — Но ты… я хочу сказать, временами все в порядке, Лебедь, временами с тобой так здорово, но стоит нашим отношениям хоть самую малость углубиться, как отступаешь и оставляешь тело на милость своего… боевого

---

[67] Примечания: 67

Князь Петр (Пьер) Петрович Трубецкой (1864–1936), русский художник, брат скульптора Павла (Паоло) Трубецкого.

робота. И я просто не могу больше это терпеть.

Я не сводил взгляда с бабочки на ее запястье. Радужные крылышки лениво подрагивали, складывались. Мне стало любопытно, сколько же у нее таких татуировок; я видел пять, на разных частях тела, хотя одновременно больше одной не появлялось. Подумывал спросить, но сейчас момент был неподходящий.

— Временами ты бываешь такой… такой жестокий, — говорила она. — Я понимаю, это не со зла, но… не знаю. Может, я для тебя просто предохранительный клапан, пар спускать. Может, тебе приходится так глубоко уходить в работу, что все просто, ну, накапливается, и нужна груша для битья. Может, поэтому ты все это говоришь.

Вот теперь она ждала от меня ответа.

— Я был с тобой честен, — ответил я.

— Да. Патологически. Была хоть одна дурная мысль, которой ты не высказал вслух? — голос ее дрожал, но глаза — хоть теперь — остались сухими. — Пожалуй, я виновата не меньше твоего. Даже больше. Я со дня нашей встречи понимала, что ты… отстраненный. Наверное, в глубине души сразу знала, что этим кончится.

— Тогда какой смысл стараться? Если знала, что мы просто вот так вот разойдемся?

— Ох, Лебедь. Разве это не ты твердишь, что все рано или поздно рушится? Или не ты говорил, что все проходит?

Мои отец и мать удержались. По крайней мере, дольше, чем мы.

Я нахмурился, поражаясь, как эта мысль вообще позволила себе забрести ко мне в голову. Челси посчитала моё молчание за обиду.

— Наверное… я думала, что смогу помочь, понимаешь? Исправить то, что тебя сделало таким… таким вечно озлобленным.

Бабочка начала гаснуть. Никогда прежде такого не случалось.

— Ты понимаешь, что я хочу сказать? — спросила она.

— Ага. Что я развалина.

— Сири, ты даже от тюнинга отказался, когда я предлагала. Ты так боишься, что тобой начнут управлять, шарахаешься от базовых каскадов. Ты единственный, кого я знаю, кого можно взаправду, на полном серьезе назвать неисправимым. Не знаю. Может, этим даже стоит гордиться.

Я приоткрыл рот — и захлопнул.

Челси грустно улыбнулась.

— Что, Сири, — ничего? Ни слова? Было время, когда ты всегда и точно знал, что сказать, — ей

вспомнилась какая-то ранняя версия меня. — А теперь я гадаю, сказал ли ты мне хоть слово правды.

— Это уже хамство.

— Да, — она поджала губы. — Да, ты прав. Я вовсе не это пыталась сказать. Пожалуй… не в том дело, что твои слова — неправда. Скорее ты просто не понимаешь их смысла.

Крылья потеряли цвет. Бабочка превратилась в хрупкий, почти неподвижный карандашный рисунок.

— Я согласен, — проговорил я. — Я сделаю тюнинг. Если это для тебя так важно. Прямо сейчас.

— Поздно, Сири. С меня хватит.

Может, она хотела, чтобы я её окликнул. Все эти неслышные вопросительные знаки, многозначительные паузы. Может, давала мне возможность оправдаться, вымолить еще один шанс. Искала причины передумать.

Я мог попытаться, сказать: «Не надо, прошу. Умоляю. Я не хотел тебя прогнать, только чуточку, на безопасное расстояние. Пожалуйста. За тридцать долгих лет я не ощущал себя ничтожеством только рядом с тобой».

Но когда я поднял глаза, бабочки уже не было. И не было Челси. Она ушла, забрав с собой груз.

Унесла сомнение и чувство вины за то, что довела меня. По-прежнему думала, что в нашей несовместимости нет ничьей вины, что она старалась как могла и что даже я старался, согбенный прискорбными тяготами психологических проблем. Она ушла. И может быть, даже не винила меня. А я так и не понял, кто из нас принял окончательное решение.

В своем ремесле я был мастер. Такой, сука, мастер, что занимался им даже в личной жизни.

* * *

— Господи! Вы слышали?! — Сьюзен Джеймс металась по вертушке, как ошалевший гну при пониженном тяготении. Я под прямым углом мог различить белки ее глаз. — Подключай канал! Канал подключай! Вольеры!

Я подчинился. Один из болтунов колыхался в воздухе, второй по-прежнему жался в углу.

Джеймс приземлилась рядом со мной на обе ноги и пошатнулась.

— Сделай громче!

Шипение воздухоочистителей. Отдаленный механический лязг, отдающийся в корабельном хребте; рокот корабельных кишок. И больше ничего.

— Ладно; значит, перестали, — Джеймс вытащила дополнительное окошко и пустила запись в обратную сторону.

— Вот, — объявила она, выкрутив громкость на максимум и запустив фильтр.

Парящий болтун в правой половине окна уперся кончиком протянутого щупальца в перегородку между двумя вольерами. Съежившийся болтун слева оставался неподвижен.

Мне показалось, я слышу что-то. На краткий миг словно мошка прожужжала, вот только ближайшая мошка летала где-то в пяти триллионах километров от нас.

— Повтор. Замедлить. Определенно — жужжание. Вибрация.

— Еще медленней.

Серия щелчков, извергнутых дельфиньим дыхалом. Презрительное фырканье.

— Нет, дай сюда!

Джеймс вломилась в виртуальное пространство Каннингема и сдвинула ползунок до упора влево.

Тук-тук… тук… тук-тук-тук… тук… тук-тук-тук…

Удоплеренный почти до абсолютного нуля, сигнал растянулся на добрую минуту. В реальном времени прошло полсекунды.

Каннингем увеличил изображение. Болтун в углу оставался неподвижен, если не считать дрожи под шкурой и шевеления свободных щупалец. Но прежде я видел только восемь щупалец — а сейчас из-под центрального узла выступил костлявый нарост девятого. Девятое щупальце, скрученное, скрытое от взглядов, тук-тук-тукает, пока собрат как ни в чем не бывало прислоняется к стене с другой стороны…

Нет, ничего подобного. Второй болтун бесцельно дрейфовал посреди своего вольера.

Глаза Джеймс блестели.

— Надо проверить остальные…

Но «Тезей» следил за нами и соображал намного быстрее. Он уже прошерстил архивы и выдал результат: три подобных сигнала за два дня, длительностью от двух секунд до едва одной десятой.

— Они разговаривают, — прошептала Джеймс. Каннингем пожал плечами; забытый окурок дотлевал у него в руке.

— Как и многие животные. Кроме того, такими темпами они определенно не вычислениями занимаются. Танцующая пчела передает не меньше информации.

— Роберт — бред, и ты сам это понимаешь.

— Я понимаю, что…

— Пчелы не скрывают, о чем говорят. Пчелы не разрабатывают с нуля новые способы общения исключительно ради того, чтобы запутать наблюдателя. Это не инстинкт, Роберт. Это разум.

— И что с того? Забудем на минуту даже тот неудобный факт, что у тварей вообще нет мозга. Мне определенно кажется, что ты не продумала мысль до конца.

— Разумеется, продумала.

— Да ну? И чему же ты тогда радуешься? Не понимаешь, что это значит?

По спине у меня вдруг пробежали мурашки. Я оглянулся; посмотрел вверх. В центре вертушки показался Юкка Сарасти; смотрел на нас, сверкая глазами и как будто скалясь.

Каннингем проследил за моим взглядом и кивнул.

— Вот оно, об заклад бьюсь — понимает…

* * *

Разузнать, о чем они перешептывались сквозь стену, было невозможно. Восстановить запись не составило труда, как и разобрать по герцам каждый стук и скрип, но нельзя расколоть шифр, не имея понятия о содержании. У нас на руках

имелись наборы звуков, которые ничему не соответствовали. И существа, чьи грамматика и синтаксис — если их способ общения вообще предусматривал подобные понятия — были непонятны и, возможно, непознаваемы. Создания, достаточно разумные, чтобы общаться, и достаточно хитрые, чтобы скрыть этот факт. Как бы мы ни жаждали учиться, они определенно не стремились нас учить.

Без — как это я сформулировал? — да, «негативного подкрепления».

Решение принял Юкка Сарасти. Мы подчинились его велению, как во всем остальном. Но когда приказ поступил — когда вампир скрылся в ночи, и отступила вниз по хребту Бейтс, и Роберт Каннингем удалился в свою лабораторию внизу вертушки, — Сьюзен Джеймс осталась со мной. С первым, кто высказал мерзостную мысль вслух, с официальным свидетелем от будущих поколений. Это на меня она посмотрела и от меня отвернулась, когда ее грани стали непроницаемо суровы.

И приступила.

* * *

Стену ломают так.

Берем двух существ. Если хотите, можете представить себе людей, но это вовсе необязательно. Важно, чтобы особи были способны общаться друг с другом.

Разделяем их. Пусть видят друг друга, пусть болтают. Оставляем окно между их клетками. Оставляем звуковой канал. Пусть практикуются в общении на свой, особенный манер.

Теперь пытаем.

Тут надо понять как. Некоторые шарахаются от огня, другие — от ядовитых газов или жидкостей. Есть существа, неуязвимые для горелок и гранат, но они визжат от ужаса, едва заслышав ультразвук. Приходится экспериментировать; и когда вы обнаружите верный стимул, оптимальный баланс между болью и травмой, то должны пользоваться им беспощадно.

Конечно, существам надо оставить лазейку. В этом и смысл наших действий: дайте одному из подопытных средство покончить с болью, а другому — информацию, необходимую, чтобы им воспользоваться. Одному предложите единственную геометрическую фигуру, второму

— целый набор. Боль прекратится, когда создание выделит из набора тот единственный символ, который видел его напарник. Начинаем наши игры. Смотрите, как корчатся подопытные. Когда — если — они заденут выключатель, то дадут, по крайней мере, часть той информации, которой обменялись; и если записывать все, что с ними происходит, начинаешь догадываться — как они это делают.

Когда жертвы разгадают одну головоломку — подсуньте им другую. Запутайте. Поменяйте ролями. Проверьте, как они отличают круги от квадратов. Попробуйте факториалы и числа Фибоначчи. Продолжайте, пока не откопаете Розеттский камень.

Так общаются с инопланетным разумом: его пытают и продолжают пытать, пока не научатся отличать слова от воплей.

А для того, чтобы разработать и выполнить протокол, лучше всего подходила Сьюзен Джеймс — прирожденная оптимистка, верховная жрица церкви Слова Исцеляющего. Сейчас болтуны корчились по её команде. В отчаянных поисках крошечного уголка, свободного от раздражителей, они выписывали в вольерах длинные петли. Джеймс вывела видеосигнал в КонСенсус, хотя

критически важной причины, по которой весь экипаж «Тезея» должен был наблюдать за допросом, вроде бы не было.

— Пусть на своем конце блокируют, — вполголоса пробормотала она. — Если захотят.

Каннингем, при всем своем нежелании признавать пленников существами разумными и мыслящими, дал им имена. Растрепа предпочитал парить, раскинув щупальца; Колобок жался в углу, свернувшись комком. Сьюзен просто нумеровала их — Первый и Второй, — подчиняясь собственной роли в спектакле-травести. Не то чтобы выбор Каннингема показался ей слишком низкопробным или она возражала против рабских кличек в принципе: лингвист прибегла к самому старому приему из «Справочника практикующего палача». Если истязатель хочет по-прежнему возвращаться после работы домой, к семье, играть с детьми и спокойно спать по ночам, то никогда, никогда не должен считать своих жертв людьми.

По отношению к метанодышащим медузам этот вопрос вообще не должен был вставать. Но тут уж каждое лыко в строку.

Рядом с изображениями обоих инопланетян в виртуальном пространстве плясали данные

биотелеметрии, сияющие пояснения дрожали в разреженном воздухе. Понятия не имею, что для этих созданий составляло физиологическую норму, но я не мог себе представить, как еще, кроме боли, можно трактовать рваные пики на графиках. Шкуры обоих шли еле заметным серо-голубым муаром, под кутикулой пробегали текучие волны. Может, это была рефлекторная реакция на микроволновое облучение, но с тем же успехом то мог оказаться и брачный танец. Скорей всего, они кричали.

Джеймс вырубила излучение. В левом вольере желтый квадрат погас; в правом подобный ему так и не загорелся в ряду других фигур.

После приступа краски потекли по шкурам быстрее; движения щупалец замедлились, но не остановились, они покачивались взад-вперед, как снулые, костлявые угри.

— Базовый уровень. Пять секунд, двести пятьдесят ватт, — для протокола. Напускная серьезность: «Тезей» фиксировал с точностью до пяти девяток каждый вздох на борту, каждый импульс тока.

— Повторить.

Значок вспыхнул. Снова шкуры чужаков покрыла волной мозаика. В этот раз ни один из них

не сдвинулся с места. Скрученные трепещущие щупальца продолжали слабо, волнообразно подергиваться, почти как в покое. Но телеметрия оставалась столь же мучительной.

Они быстро учатся беспомощности, подумал я.

Я глянул на Сьюзен:

— Ты собираешься провести весь опыт сама?

Она отключила ток. Глаза ее влажно блестели. Знак в клетке Колобка погас. В клетке Растрепы оставался тусклым.

Я прокашлялся.

— Я хочу сказать…

— А кто еще этим займется, Сири? Юкка? Ты?

— Остальная Банда. Саша могла бы…

— Саша?! — она уставилась на меня. — Сири — я их создала. Как ты думаешь, для чего? Для того чтобы прятаться за ними, когда… чтобы заставлять их творить вот такое? — она покачала головой. — Я их не стану будить. Ради этого — нет. Даже со злейшим врагом так не поступают, не говоря уж…

Она отвернулась. Могла ведь принять лекарство — нейроингибиторы, чтобы смыть вину, закоротить на модулярном уровне. Сарасти предлагал ей, словно искушая одинокого пророка в пустыне. Джеймс отказала, не объясняя причин.

— Повторить, — скомандовала она. Ток включился, выключился.

— Повторить, — снова сказала она. Ни движения.

Я показал.

— Вижу, — отозвалась Джеймс.

Кончиком щупальца Колобок касался сенсорной панели. Символ на ней горел свечой.

* * *

Шесть с половиной минут спустя они перешли от желтых квадратиков к мгновенно гаснущим четырехмерным многогранникам. На то, чтобы различить два подвижных двадцатишестигранннка, отличающихся формой единственной грани в единственном кадре, у них уходило не больше времени, чем на то, чтобы отличить желтый квадрат от красного треугольника. По их шкурам все это время бежали сложные узоры, динамические мозаики высокого разрешения, меняющиеся почти неуловимо для взгляда.

— Твою мать, — прошептала Джеймс.

— Это могут быть осколочные таланты, — в КонСенсусе к нам присоединился Каннингем, хотя тело его оставалось на другом конце медотсека.

— Осколочные, — невыразительно повторила она.

— Савантизм. Выдающиеся способности в одной области умственной деятельности не коррелируют с высоким интеллектом.

— Роберт, я знаю, что такое осколочные таланты. Я просто считаю, что ты ошибаешься.

— Докажи.

Лингвист плюнула на геометрию и сообщила болтунам, что один плюс один равняется двум. Очевидно, ничего нового она им не сказала: десять минут спустя медузы на заказ вычисляли десятизначные простые числа.

Джеймс показала им ряд двумерных фигур; они выбирали следующую из набора едва различающихся вариантов. Она вообще перестала давать им варианты, демонстрируя очередной ряд с начала и показав, как рисовать кончиками щупалец на сенсорной панели. Болтуны завершали ряд идеальными набросками, отображая цепочку логических последовательностей и заканчивая ее фигурой, неотвратимо возвращавшей к началу ряда.

— Они не роботы, — голос Сьюзен застревал в горле.

— Это всего лишь математика, — отозвался

Каннингем. — Миллионы компьютерных программ делают то же самое, не просыпаясь.

— Они разумны, Роберт. Они умнее нас. Может быть, даже умнее, чем Юкка. А мы… почему ты не можешь этого признать?

Я читал по ее граням: Исаак признал бы.

— Потому что у них нет мозгов, — настаивал Каннингем. — Как может…

— Не знаю я, как! — заорала она. — Это твоя работа! Я знаю только, что пытаю существа, которые могут нас за пояс заткнуть…

— Скоро это закончится. Как только ты поймёшь их язык…

Она покачала головой.

— Роберт, об их языке у меня даже представления нет. Мы этим занимаемся уже… несколько часов, да? Со мной вся Банда, базы данных по языкам глубиной в четыре тысячи лет, самоновейшие лингвистические алгоритмы. И мы совершенно точно знаем, что они говорят, и отслеживаем все возможные способы сказать это. С точностью до ангстрема.

— Именно. Так что…

— И у меня нет ничего. Я знаю, они общаются узорами на коже. Возможно, что-то кроется в манере поводить щетинками. Но я не могу найти

системы, я не понимаю даже, как они ведут счет, не говоря о том, чтобы передать им, как мне… стыдно…

Некоторое время все молчали. С камбуза на потолке на нас поглядывала Бейтс, но присоединиться к заседанию не пыталась. В КонСенсусе получившие помилование болтуны колыхались по вольерам, точно многорукие мученики.

— Ну, — в конце концов, оборвал паузу Каннингем, — раз уж у нас сегодня день дурных вестей, выдам и свою. Они умирают.

Джеймс зарылась лицом в ладони.

— Не из-за твоего допроса, чего бы он им ни стоил, — продолжил биолог. — Насколько я могу судить, у них просто отсутствуют некоторые метаболические пути.

— Очевидно, ты их еще не нашел, — через всю вертушку бросила Бейтс.

— Нет, — медленно и отчетливо произнес Каннингем, — очевидно, они недоступны их организмам. Болтуны разлагаются, примерно как распадались бы мы, если бы… ну, например, из нашей цитоплазмы вдруг разом пропали вере-

тена деления.[68] Насколько я могу судить, они начали разрушаться в тот момент, как мы выдернули их с «Роршаха».

Сьюзен подняла голову.

— Хочешь сказать, болтуны оставили дома часть метаболизма?

— Какое-то необходимое питательное вещество? — предположила Бейтс. — Они не едят…

— Лингвисту — да. Майору — нет, — Каннингем замолк; я бросил взгляд через вертушку и увидел, что он затягивается сигаретой. — Мне кажется, большая часть клеточных процессов у этих тварей регулируется извне. Похоже, я не могу найти генов в образцах тканей просто потому, что их там нет.

— А что есть? — спросила Бейтс.

— Морфогены Тьюринга.[69]

Пустые взгляды, никто ничего не понял, все полезли в КонСенсус за определением. Но Каннингем все равно взялся объяснить.

---

[68] Примечания: 68

Структуры, возникающие в эукариотических (имеющих ядро) клетках в процессе деления ядра. Состоят из микротрубочек, идущих от клеточных центров к хромосомам, и обеспечивают расхождение хромосом.

[69] Примечания: 69

Выдающийся английский математик Алан Тьюринг в последние годы жизни работал в области математической биологии, изучая влияние механических и математических взаимодействий на морфогенез (процесс развития органов, тканей и систем).

— Многие биологические процессы не зависят от генов. Подсолнухи выглядят так, как выглядят, исключительно из-за напряжения изгиба при росте. Всюду в природе встречаются числа Фибоначчи и золотое сечение, а ведь они никакими генами не заданы: все чисто механическое взаимодействие. Возьмем развитие эмбриона — гены говорят «расти!» или «кончай расти!», но число пальцев пли позвонков определяется механическим взаимодействием сталкивающихся клеток. Вот веретена деления, которые я помянул, абсолютно необходимы для деления эукариотических клеток, а ведь нарастают они, как кристаллы, без всякого участия генов. Вы удивитесь, как много в природе подобных вещей.

— Но без генов все равно не обойтись, — запротестовала Бейтс, подходя к нам.

— Гены всего лишь задают начальные условия для развития процесса. А структурам, которые возникают потом, особые инструкции уже не нужны. Классический пример самоорганизации. Известен уже больше столетия, — еще затяжка. — Или даже дольше. Еще в тысяча восьмисотых годах Дарвин приводил в пример пчелиные соты.

— Соты, — повторила Бейтс.

— Плотная упаковка из идеальных шестигранных трубок. Пчелы строят их инстинктивно — но откуда насекомому знать геометрию в достаточном объеме, чтобы встроить шестиугольник? Оно и не знает. Оно запрограммировано жевать воск и выплевывать, поворачиваясь кругом. Получается окружность. Посади пчелиный рой на одну плоскость — пусть жуют вместе — и круги начнут сталкиваться, деформируя друг друга в шестиугольники, которые образуют более эффективную, плотную упаковку.

— Но пчелы запрограммированы, — придралась Бейтс. — Генетически.

— Ты не поняла. Болтуны — это соты.

— Пчелы — это «Роршах», — пробормотала Бейтс. Каннингем кивнул.

— Пчелы — это «Роршах». И я полагаю, магнитные поля объекта — это вовсе не защитная мера. Это часть системы жизнеобеспечения. Полагаю, они регулируют и направляют большую часть метаболизма болтунов. У нас в трюме сидит пара существ, выдернутых из привычной среды и задержавших дыхание. Вечно задерживать его они не смогут.

— Долго еще? — спросила Джеймс.

— Откуда мне знать? Если я не ошибся, у меня

на руках даже не целые организмы.

— Предположительно, — произнесла Бейтс. Биолог пожал плечами.

— Пара дней. Может быть.

* * *

То, что не убивает, делает нас более странными.

***Тревор Гудчайлд*[70]**

— Демократии не будет, — подтвердил Сарасти.

Освобождать пленников мы не станем. Слишком рискованно. В бесконечных пустошах облака Оорта нет места принципу «живи и дай жить другим». Неважно, как поступил или не поступил Другой: думай о том, что он натворил бы, будь хоть капельку сильнее. Думай о том, что он мог бы натворить, если бы мы прибыли тогда, когда должны были согласно его планам. Ты смотришь на «Роршах» и видишь эмбрион или растущее дитя — может, чуждое сверх всякого понимания, но по определению невинное. Но что, если это

---

[70] Примечания: 70

Персонаж фильма и мультипликационного сериала «Эон Флакс». Сама цитата перефразирует известное выражение Ницше «То, что не убивает нас, делает нас сильнее».

неверный взгляд? Что, если перед тобой всевластный погибельный бог, пожиратель миров, просто не до конца воплотившийся? Уязвимый лишь сейчас и немногим дольше?

В его рассуждениях не было вампирской неясности, не было многомерных черных ящиков, при виде которых человек пожимает плечами и сдается. Мы не могли найти изъяна в рассуждениях Сарасти, его логика оставалась безупречной, а у нас не было оправдания. От этого мне только хуже становилось. Остальные — знаю — предпочли бы положиться на его слово.

Но Сарасти выдвинул альтернативу освобождению пленников. Очевидно, он считал такой вариант более безопасным. По крайней мере, это умозаключение приходилось принимать на веру, так как по разумным меркам его вариант граничил с самоубийством.

Теперь «Тезей» рожал при помощи кесарева. Нынешний выводок оказался слишком велик, чтобы протолкнуться через канал на конце хребта. Корабль выпрастывал его, точно при запоре, прямо в трюм: чудовищные, огромные туши, ощетинившиеся дулами и антеннами. Каждая втрое-вчетверо выше меня ростом, пара массивных кубов цвета ржавчины, сплошь покрытых

рельефом. До высадки большую часть их, конечно, скроет броня. Ленты кабелей и труб, магазины с боеприпасами и акульи зубы теплорадиаторов — все исчезнет под ровным зеркальным покрытием. Лишь немногие достопримечательности поднимутся островами над идеальной гладью: порты связи, маневровые дюзы, прицельные антенны. И орудийные дула, конечно. Каждый робот мог полудюжиной пастей изрыгать огнь и серу.

Но покамест они были не более чем гигантскими механическими эмбрионами, недоносками. В жестоком белом сиянии трюмных прожекторов их углы и грани складывались в контрастную мозаику светотеней.

Я отвернулся от иллюминатора.

— Это здорово подорвет наши запасы субстрата.

— С защитным покрытием корпуса было хуже. — Бейтс следила за строительством по выделенному плоскому экрану, встроенному прямо в переборку фабрикатора. Практиковалась, вероятно; мы потеряем связь с накладками, как только сменим орбиту. — Но ты прав. Возможно, скоро нам придется поживиться одной из местных каменюк.

— Хм. — Я снова заглянул в трюм. — Думаешь, придется?

— Неважно, что я думаю. Ты умный парень, Сири, сам не догадаешься?

— Для меня важно. А значит, важно и для Земли.

Да, это имело бы значение, если бы Земля командовала нами. Как глубоко ни вляпайся в систему, определенные слои подтекста всегда остаются различимы.

Я сменил галс.

— Тогда как насчет Сарасти и Капитана? Есть мысли?

— Обычно ты работаешь аккуратнее.

Тоже правда.

— Просто… помнишь, Сьюзен поймала Растрепу и Колобка, когда те перестукивались, да?

От кличек Бейтс передернуло.

— И?

— Ну довольно странно, что «Тезей» не застукал их первым. Считается, что квантовые компьютеры мастерски распознают образы.

— Сарасти отключил квантовые модули. С того момента, как мы вышли на орбиту, борт функционирует в классическом режиме.

— Почему?

— Электромагнитный шум. Слишком велик риск декогеренции.[71] Квантовый компьютер — штука капризная.

— Но борт ведь экранирован. «Тезей» экранирован.

Бейтс кивнула.

— Насколько возможно. Но идеальная защита — это идеальные шоры, а мы не в том положении, когда хочется замазывать себе глаза.

Вообще-то именно в том. Но смысл в ее словах был.

И не один, только второй она не высказала вслух: А ты это упустил. То, что болталось в КонСенсусе на всеобщем обозрении. А вроде первосортный синтет.

— Сарасти, наверное, знает, что делает, — признал я, очень хорошо понимая, что вампир может подслушивать. — Пока он, насколько мы знаем, не ошибался.

— Насколько мы знаем, — заметила Бейтс.

— Если можешь поправить вампира — то он тебе не нужен, — вспомнил я.

Она слабо усмехнулась.

---

[71] Примечания: 71

Неконтролируемое схлопывание волновой функции с переходом от закономерностей, определяемых квантовой физикой, к поведению, определяемому физикой классической.

— Исаак был хорошим человеком. Но пиару не всегда стоит верить.

— И ты не купилась? — спросил я, но Бейтс уже решила, что слишком распустила язык. Я забросил крючок, наживив его выверенной смесью почтения и недоверия: — Сарасти знал, где мы найдем болтунов. Вычислил с точностью до метра, в таком-то лабиринте.

— Да, полагаю, сверхчеловеческий интеллект мог бы достичь подобного, — признала она, подумав, насколько же я, блин, туп, не верится просто.

— Что? — переспросил я. Бейтс пожала плечами.

— А может, он просто догадался, что раз «Роршах» выращивает собственную команду, нас с каждым разом будет встречать все больше болтунов. Где бы мы ни высадились.

Мое молчание перебил писк КонСенсуса.

— Орбитальный маневр через пять минут, — объявил Сарасти. — Накладки и беспроводные наращения отключаются через девяносто. Конец.

Бейтс отключила дисплей.

— Я пережду маневр в рубке. Иллюзия контроля, все такое. А ты?

— В палатке, пожалуй.

Она кивнула, изготовилась к прыжку, поколебалась.

— Кстати, — заметила она, — да.

— Извини?

— Ты спрашивал, считаю ли я необходимым усиление вооружения. В данный момент, я полагаю, нам пригодится любая возможная защита.

— Так ты считаешь, что «Роршах» может…

— Эй — один раз он меня уже убил.

Она говорила не об излучении.

Я осторожно кивнул.

— Это, должно быть…

— Ни на что не похоже. Ты даже представить не можешь, — Бейтс аж задохнулась, перевела дыхание.

— Хотя тебе и не надо, — добавила она и уплыла вверх по хребту.

* * *

Каннингем с Бандой в медотсеке, но на расстоянии тридцати градусов дуги. Каждый ковырял пленников на свой манер. Сьюзен Джеймс равнодушно тыкала пальцами в нарисованную на столе клавиатуру. В окнах по сторонам парили Колобок и Растрепа.

По мере того, как лингвист печатала, по столу бежали штампованные фигурки: круги, трискели, четыре параллельные черты. Некоторые пульсировали, будто геометрические сердечки. Растрепа в своем далеком вольере протянул слабеющее щупальце и напечатал что-то в ответ.

— Есть результаты?

Она со вздохом покачала головой.

— Я оставила попытки понять их язык. Удовольствуюсь пиджином.

Она коснулась значка. Колобок пропал с экрана; на его месте возникла таблица иероглифов. Половина значков шевелилась или пульсировала в бесконечной петле: разгул пляшущих Чебурашек. Остальные просто светились.

— Символьная база, — Джеймс неопределенно помахала рукой. — Комбинации «субъект-глагол» передаются анимированными вариантами существительных. Они радиально симметричны, так что я располагаю аффиксы по окружности рядом с предметом. Может, им это покажется более естественным.

Под сообщением Джеймс показался новый кружок иероглифов — вероятно, ответ Колобка. Но системе увиденное чем-то не понравилось. В отдельном огне вспыхнули иконки: на огненном

счетчике загорелось «500 Вт» и не гасло. Колобок на экране забился, протянул змеящуюся суставчатую длань и несколько раз ткнул в панель.

Джеймс отвернулась.

Вспыхнули новые знаки. Пятьсот ватт упали до нуля. Болтун вернулся в позу эмбриона; пики и провалы на телеметрии выровнялись.

Сьюзен перевела дыхание.

— Что случилось?

— Неверный ответ.

Она вызвала запись, показала изображение, на котором пришелец оскользнулся. На экране крутились пирамидка, звездочка, упрощенные изображения болтуна и «Роршаха».

— Глупо как-то. Это… ну, для разогрева просто. Я попросила его назвать предметы в окне, — она рассмеялась, тихо и невесело. — Понимаешь, с утилитарными языками такая штука — если ты не можешь назвать предмет, то и говорить о нем не можешь.

— И что он ответил?

Она указала на первую спираль.

— Многогранник звезда Роршах есть.

— Пропустил болтуна.

— Со второго раза поправился. И всё же… глупая ошибка для существа, которое может

перехитрить вампира, нет? — Сьюзен сглотнула. — Наверное, даже болтуны, когда умирают, начинают ошибаться.

Я не знал, что ответить. За моей спиной Каннингем едва слышно бормотал себе под нос какую-то двусложную мантру в бесконечном повторе.

— Юкка говорит… — Сьюзен осеклась, начала снова: — Помнишь, как на «Роршахе» нас порой охватывала ложная слепота?

Я кивнул, раздумывая, что же сказал вампир.

— Очевидно, и другие органы чувств могут так же отключаться, — продолжала она. — Ложная потеря осязания, ложная потеря обоняния, ложная потеря слуха…

— Глухота.

Она покачала головой.

— Но ведь ты не глохнешь. Так же, как ложная слепота — не слепота. Что-то в твоем мозгу продолжает воспринимать информацию. Какая-то его часть продолжает видеть и слышать, пускай ты и не… осознаешь этого. Пока кто-то не заставит тебя осознать или не появится угроза. Тебя просто охватывает неутолимое желание отступить, и пять секунд спустя там, где ты стоял, проезжает автобус. Ты в каком-то смысле знал, что он приближается. Только не понимал этого.

— Звучит дико, — согласился я.

— Сири, наши болтуны… они знают ответы. Они разумны, мы это выяснили. Но создается ощущение, что они не осознают этого, если их не пытать. Словно у них все органы чувств охвачены ложной слепотой.

Я попытался себе представить жизнь без ощущений, лишенную активного осознания происходящего. Попытался представить себе такое существование в здравом рассудке.

— Думаешь, это возможно?

— Не знаю. Это просто… метафора, наверное.

Она сама в это не верила. Или не знала. Или не хотела, чтобы я узнал.

Я должен был понять, а не гадать. Раскодировать лингвиста…

— Поначалу я думала, они просто упираются, — неуверенно произнесла Сьюзен, — но с какой стати?

Я не знал. Понятия не имел. Отвернулся от Джеймс, только чтобы упереться взглядом в фигуру Роберта Каннингема: Каннингема-заику — пальцы барабанят по настольному интерфейсу, внутреннее око закрыто, поле зрения ограничено картинками, которые КонСенсус развешивал в воздухе или набрасывал на плоские поверхности

всем на обозрение. Лицо биолога как обычно оставалось бесстрастно; тело подергивалось мухой в паутине.

Хорошая аналогия. Не для него одного. Сейчас «Роршах» громоздился в каких-то девяти километрах впереди по курсу, так близко, что заслонил бы самого Бена, если бы у меня хватило храбрости выглянуть наружу. Мы застыли в невозможной близости к нему. «Роршах» разрастался перед нами, словно живой, и в нем нарастали живые твари, будто полипы, отпочковываясь от дьявольских механических сосцов. Смертоносные пустые туннели, по которым мы ползали, шарахаясь от теней в собственных мозгах, теперь, наверное, кишели болтунами. Сотни километров извилистых проходов, коридоров, залов заполнялись войсками.

Такова «безопасная» альтернатива в представлении Сарасти. Мы пошли этим путем, потому что освобождать пленников было слишком опасно. Мы слишком глубоко внедрились в ударную волну, пришлось отключить внутричерепные наращения; хотя внешняя магнитосфера «Роршаха» была на порядки слабей, чем его же внутренние поля. Кто знает, не посчитает ли нас пришелец слишком привлекательной мишенью — или

слишком большой угрозой на таком удалении? Кто знает, когда чудовище решит вонзить в сердце «Тезея» невидимый кол?

Любой импульс, способный пробить экранировку корабля, поджарит не только проводку в наших головах, но и нервную систему «Тезея». Полагаю, пятеро человек на мертвом корабле получат несколько большие шансы выжить, если у них не будут дымиться мозги, но я сомневался, что нам это сильно поможет. Сарасти, очевидно, считал иначе. Он отключил даже инжектор антиэвклидиков в своей голове и, чтобы его самого не перекоротило, перешел на уколы.

Еще ближе нашего подобрались к «Роршаху» Колобок и Растрёпа. Лабораторию Каннингема вышвырнули за борт; теперь она болталась в нескольких километрах над самыми высокими шипами объекта, глубоко в обьятьях его магнитного поля. Если болтунам для выживания требовались радиация и магнитное поле, то большего они не получат: доза излучения, но не вкус свободы. Экранировка лаборатории динамически настраивалась, по мере поступления данных уравновешивая медицинскую необходимость с тактической осторожностью. Сам пузырь парил на прицеле новорожденных огневых точек,

стратегически размещенных по обе стороны корпуса. Эти бдящие оружия могли уничтожить его в мгновение ока. И все, что приближается к кораблю, тоже.

Уничтожить «Роршах» они, конечно, не могли. Возможно, это вообще никому не под силу.

Из незаметного в неуязвимого — насколько мы понимали — превращение еще не завершилось. Возможно, «Тезей» еще мог что-то поделать с объектом, разрастающимся перед корабельным баком, если бы мы только могли решить — что. Сарасти молчал. Собственно, я не мог даже припомнить, когда мы в последний раз видели упыря во плоти. На протяжении нескольких вахт он скрывался в своей палатке и общался с нами только через КонСенсус.

Все на нервах, а мигрант затихарился.

Каннингем буркнул что-то про себя, ткнул непривычными пальцами в незнакомые кнопки, проклял свою неловкость. Лазерные лучи пронесли пароль и отзыв сквозь шесть километров ионизированной пустоты. За неимением свободной руки неизбежная никотиновая палочка висела у биолога на губе. Время от времени с нее срывались хлопья пепла и наискось уплывали в вентиляцию.

Он заговорил прежде меня.

— Все в КонСенсусе, — когда я не отступил, Каннингем смягчился, но глаз на меня не поднял. — Частицы магнетита сориентировались практически в тот момент, как они пересекли ударную волну. Мембраны начали восстанавливаться. Теперь болтуны сдают не так быстро. Но под их метаболизм все же оптимизирована именно внутренняя среда «Роршаха». Лучшее, на что мы можем надеяться здесь, — это замедлить темп их гибели.

— Уже немало.

Биолог хмыкнул.

— Что-то восстанавливается. Что-то… их нервы расползаются, и я не вижу причины. Буквально расползаются. Утечка импульса вдоль аксонов.

— Из-за распада клеток? — предположил я.

— И уравнение Аррениуса[72] никак не сходится, все эти нелинейные эффекты при низких температурах. Фактор частоты летит к чертям. Такое ощущение, что температура вообще не влияет, и… мать… — на одном из дисплеев какая-

---

[72] Примечания: 72

Уравнение Аррениуса устанавливает эмпирическую зависимость скорости химической реакции от температуры. *Фактор частоты* определяет долю молекул, имеющих при столкновении правильную ориентацию для протекания реакции.

то из величин превзошла критический предел. Каннингем глянул вверх через вертушку, повысил голос: — Сьюзен, нужна новая биопсия. Из центрального узла.

— Что… а. Минутку, — она покачала головой, такая же апатичная, как подвластные ей пленники, и набрала короткую спираль символов.

В одном из окошек Растрепа взирал на ее сообщение своей чудесной зрячей шкурой. Секунду болтун парил в неподвижности. Потом сложил щупальца с одной стороны, открывая свой центральный узел. По приказу биолога из нор выползли цепкими змеями два манипулятора: один орудовал медицинским отборником, второй, на случай безрассудного сопротивления, угрожал насилием. Нужды в этом особенно не было; ложная там слепота или истинная, но болтуны учились быстро. Растрепа подставил брюхо, словно жертва, примирившаяся с неизбежным изнасилованием. Пальцы Каннингема оступились; манипуляторы столкнулись, перепутавшись. Он выругался, попробовал снова, каждым движением выдавая расстройство. Ему отсекло расширенный фенотип; некогда истин-

ный «призрак в машине»,[73] он превратился в банального нажимателя кнопок, и…

…И внезапно что-то сомкнулось. Грани Каннингема у меня на глазах просветлели. Я почти мог его прочитать.

Со второго раза у него получилось. Кончик иглы метнулся вперед атакующей коброй и отскочил неуловимо быстро. Красочные волны раскатились по шкуре Растрепы, словно рябь от брошенного камня по тихой воде.

Каннингему, наверное, показалось, будто он что-то заметил в моих глазах.

— Легче, когда не считаешь их людьми, — проговорил он, и в первый раз я смог прочитать подтекст, ясный и резкий, как битое стекло: «Хотя ты никого людьми не считаешь…»

* * *

Каннингему не нравилось, когда им манипулируют.

Никому не нравится. Но большинство людей не думает, что я этим занимаюсь. Не знает, до какой

---

[73] Примечания: 73

Понятие *«призрак в машине»* принадлежит британскому философу Гилберту Райлу (1900–1976), с его помощью он критиковал положение о двойственной природе человека, якобы состоящего из «материи» и «души».

степени тела предают их, когда они закрывают рот. Если они говорят вслух, значит, хотят довериться тебе, а если молчат, им кажется, что они держат свое мнение при себе. Я так пристально наблюдаю за ними, подгоняю каждое слово, лишь бы ни одна система не заподозрила, что ее используют, — и все же по какой-то причине с Робертом Каннингемом метод не сработал.

По-моему, я не ту систему моделировал.

Представь себе, что ты синтет. Ты занимаешься поведением систем на гранях, по отражениям в них вычисляешь свойства внутренних механизмов. В этом тайна твоего успеха: ты понимаешь систему, познав отчертившие ее границы.

Теперь представь человека, который пробил в своих границах дыру и выплеснулся наружу.

Плоть была не в силах вместить Роберта Каннингема. Долг вырвал его за пределы куска мяса; здесь, в облаке Оорта, его графы распростерлись по всему кораблю. До определенной степени это относилось ко всем нам; Бейтс и её роботы, Сарасти и его лимбический коннект — даже накладки КонСенсуса в наших мозгах немного рассеивали нас, на самую малость выводя за границу собственных тел. Но Бейтс лишь управляла своими роботами; она не подселялась в них. Банда че-

тырех на одной материнской плате запускала несколько систем, но каждая имела свою характерную топологию, и выступали они поочередно. А Сарасти…

Ну, Сарасти — совсем другое дело, как оказалось.

Каннингем своими манипуляторами не просто управлял: он скрывался в них, носил, точно шпионскую легенду, скрывая слабого нормала внутри. Он пожертвовал половиной неокортекса ради возможности видеть рентген и на вкус ощущать конформации клеточных мембран, он выпотрошил одно тело, чтобы стать мимолетным постояльцем множества. Кусочки его таились в датчиках и манипуляторах, усеявших стенки вольеров; я мог бы извлечь ключевые намеки из каждого прибора в медицинском отсеке, если бы сообразил поискать. Каннингем, как и все, был топологической головоломкой, но половина ее кусочков пряталась в машинах. Моя модель оказалась неполной.

Не думаю, чтобы он рвался к подобному состоянию. Оглядываясь, я вижу ауру ненависти к себе на каждой грани, какую ни вспомню. Но на исходе двадцать первого века единственной альтернативой, какую он видел, была жизнь

паразита. Каннингем выбрал меньшее зло.

А теперь даже в этом ему отказали. Приказ Сарасти отсек его органы чувств. Биолог больше не воспринимал данные нутром; ему приходилось интерпретировать их, шаг за мучительным шагом, сквозь диаграммы и графики, сводившие восприятие к пресной и скучной скорописи. Передо мной стояла система, изувеченная множественными ампутациями. Система, чьи глаза, уши и язык вырезали, вынужденная на ощупь, вслепую искать дорогу среди предметов, которые она прежде населяла изнутри. Внезапно ему стало негде прятаться, и разнесенные ветром осколки Роберта Каннингема собрались обратно во плоти, где я смог, наконец, их разглядеть.

В этом с самого начала заключалась моя ошибка. Я так сосредоточился на моделировании других систем, что совсем забыл о той, что строит сами модели. Единственный враг ясного зрения — слепота: неверные посылки могут стать шорами, и недостаточно было представить, что я — Роберт Каннингем.

Приходилось одновременно представлять, что я — Сири Китон.

* * *

Конечно, после этого встал новый вопрос. Если догадка относительно Каннингема верна, почему же мои приемы срабатывали с Исааком Шпинделем? Тот был столь же дискретен, как и его преемник.

В тот момент я недолго раздумывал над этим. Шпиндель погиб, а убийца его оставался с нами — парил под носом у «Тезея» титанической, разбухшей головоломкой, готовой в любую секунду раздавить нас. Так что я изрядно отвлекся.

Но теперь — когда уже слишком поздно что-то делать — я, кажется, понял ответ.

Возможно, мои приемы не срабатывали и с Исааком. Возможно, он подмечал мои махинации с той же легкостью, что и Каннингем. Но ему было все равно. Возможно, я смог прочитать его, потому что он мне позволил. А это значило — не могу подобрать другого объяснения — только одно: несмотря ни на что, я пришелся ему по душе.

Пожалуй, это делало его моим другом.

* * *

… Если б смог я пробудить словами
чувство
Ян Андерсон «Повод ждать»[74]

Ночная вахта. Не шелохнется никакая тварь.

Не на борту «Тезея», по крайней мере. Пряталась в палатке Банда. Таился в невесомой тиши глубин хищник-мигрант. Бейтс сидела в рубке — она туда фактически переселилась, угнездившись среди тактических диаграмм и угловых полей, и бдела неусыпно. Ей некуда было обернуться, чтобы не узреть один из аспектов плывущей впереди по штирборту энигмы. Она делала, что могла и сколько могла.

Вертушка кружилась неслышно; из почтения к циркадному ритму, который сто лет тюнинга и ретринженерии не смогли выполоть из наших генов, Капитан пригасил фонари. Я сидел на камбузе один, прикрыв глаза, выглядывая из сердцевины системы, контуры которой размывались в последнее время все сильнее и сильнее, — пытался составить очередное… как там Исаак выразился?… письмо в вечность. На другой стороне барабана, вися в положении вниз

---

[74] Примечания: 74

Строка из песни с альбома группы «Jethro Tull» «Встать» («Stand Up». 1969).

головой, работал Каннингем.

Только биолог на самом деле не действовал. Он даже не шевелился, и уже самое малое четыре минуты.

Я предположил, что он читает кадиш по Шпинделю — КонСенсус подсказывал, что молиться надо дважды в день на протяжении года, если мы столько проживем, — но теперь, выглянув из-за спинного хребта в центре вертушки, я мог читать его грани столь же ясно, как если бы сидел с ним рядом. Биолог не заскучал, не отвлекся, не задумался даже.

Роберт Каннингем оцепенел.

Я встал, прошелся по вертушке. Потолок переходил в стену; стена — в пол. Я стоял настолько близко, что слышал нескончаемый бормочущий шепоток, единственный невнятный слог, повторявшийся снова и снова; настолько близко, что мог разобрать, что он лепечет…

— …чертчертчерт…

…И все же Каннингем не шевельнулся, хотя я не сделал даже попытки скрыть свое появление.

В конце концов, когда я заглянул ему через плечо, он замолк.

— Ты слепой, — изрек он, не оборачиваясь, — знаешь?

— Нет.

— Ты. Я. Все, — биолог сплел пальцы и стиснул, словно в молитве, так сильно, что побелели костяшки. Только теперь я заметил: сигарета исчезла.

— Все равно зрение — по большей части ложь, — продолжил биолог. — Мы на самом деле не видим ничего, кроме как в апертуре шириной пару градусов с максимальным разрешением. Все остальное — периферическое зрение, клякса, просто… движение и свет. Движение фокусирует взгляд. Твои глазные яблоки постоянно подергиваются, ты знаешь, Китон? Саккады, так это называется. Картинка смазывается, движение слишком быстрое, мозг не успевает интегрировать данные, поэтому глаз просто… выключается в паузах. Он улавливает только изолированные стоп-кадры, но мозг вырезает пропуски и заполняет… иллюзией связности.

Он повернулся ко мне.

— И ты знаешь, что самое потрясающее? Если предмет движется только в этих промежутках, мозг его просто… игнорирует. Он невидим.

Я заглянул к нему в рабочее пространство. По одну сторону мерцало как обычно спаренное окно — изображение болтунов в клетках в реальном

времени, но центр сцены занимала гистология, в десять тысяч раз крупнее, чем в жизни. В главном окне сияла Парадоксальная нейронная сеть Растрепы и Колобка, отчищенная, размеченная, накрытая функциональными схемами в десять слоев. Плотная, откомментированная чаща чужепланетных дерев и терний. Немного похожая на сам «Роршах».

Я ничего в ней не понимал.

— Ты меня слушаешь, Китон? Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Ты разобрался, почему я не мог… хочешь сказать, эти твари могут каким-то образом определить, когда наши глаза не работают, и…

Я не закончил. Это казалось невозможным. Каннингем покачал головой. С губ его сорвалось нечто пугающе похожее на смешок.

— Я хочу сказать, эти твари с другого конца коридора видят, как функционируют твои нейроны, разрабатывают на этой основе стратегию маскировки и посылают команды двигательной системе, действуя на ее основе, затем посылают другие команды, чтобы замереть прежде, чем твои глаза сработают вновь, — и все это за время, которое уходит, пока нервный импульс пробегает половину пути между плечом и локтем.

Эти твари быстрые, Китон. Они гораздо резвее, чем мы можем предположить, даже судя по их ускоренному тюремному телеграфу. Они, блин, сверхпроводники какие-то.

Я лишь сознательным усилием удержался от того, чтобы нахмуриться.

— Такое вообще возможно?

— Каждый нервный импульс генерирует электромагнитное поле. Значит, его можно уловить.

— Но магнитное поле «Роршаха» настолько… я хочу сказать, уловить сигнал единственного оптического нерва в этом шуме…

— Это не шум. Поля — часть их биологии, забыл? Должно быть, так они это и делают.

— Значит, тут у них этот номер не пройдет.

— Ты не слушаешь. Ловушка, которую вы поставили, не могла никого поймать, если только оно само не хотело попасть в капкан. Мы не образцы притащили. Мы привели к себе лазутчиков.

В спаренном окне перед нами парили Растрепа и Колобок, извивчивыми хребтами колыхались щупальца. По шкурам обоих неторопливо ползли загадочные узоры.

— Предположим, это просто… инстинкт, — высказался я. — Камбала отлично сливается с фоном, но вовсе не размышляет над этим.

— Откуда бы у них взяться такому инстинкту, Китон? Как он мог развиться? Саккады — случайный сбой в зрительной системе млекопитающих. Где болтуны могли с ними сталкиваться прежде? — Каннингем покачал головой. — Это существо — то, которое поджарил робот Аманды, — оно разработало способ маскировки самостоятельно, на месте. Импровизировало.

Слово «разумный» едва вмещало подобный уровень импровизации. Но на лице Каннингема под уже высказанными опасениями отражалось что-то еще — тревога более глубокая.

— Что? — спросил я.

— Это было глупо, — признался он. — При таких способностях оно повело себя по-идиотски.

— В каком смысле?

— Ну, у него же не получалось? Болтун не смог поддерживать маскировку в присутствии нескольких человек.

Потому что глаза у нас саккадируют не синхронно, сообразил я. Лишние свидетели разоблачили нашего пришельца.

— …могли бы предпринять многое, — говорил Каннингем. — Могли вызвать у нас синдром Бабинского или агнозию: тогда мы спотыкались бы о целое стадо болтунов, и наше сознание этого

даже не заметило бы. Господи, да агнозии порой случайно возникают. Если у тебя достаточно развиты чувства и рефлексы, чтобы прятаться между чужими саккадами, зачем останавливаться на этом? Почему не сотворить трюк, который действительно работает?

— А ты как думаешь? — спросил я, рефлекторно избегая ответа.

— Думаю, что первый был… ты знаешь, это была молодая особь, так? Может, оно было просто неопытное. Глупое, вот и ошиблось. Думаю, мы имеем дело с существами, настолько превзошедшими человека, что их малолетние дебилы способны переписывать наши мысли на ходу, и я передать не могу, насколько это по-хорошему должно тебя пугать, блин!

Я видел это в его графах, я слышал это в его голосе. Застывшее лицо оставалось мертвенно-спокойным.

— Надо было бы прямо сейчас их грохнуть, — прошептал он.

— Ну, если они шпионы, то не смогли много узнать. Постоянно находились в клетках, если не считать… взлета. И всю обратную дорогу они были рядом с нами…

— Эти твари живут и дышат электромагнитным

излучением. Даже увечные, даже изолированные — кто знает, сколько они могли узнать о нашей технике, просто читая ее сквозь стены?

— Надо сказать Сарасти, — выпалил я.

— О, Сарасти знает. Как думаешь, почему он отказался их отпускать?

— Он никогда не упоминал о…

— Надо быть сумасшедшим, чтобы ляпнуть такое. Ты забыл — он отправляет вас туда, раз за разом? Как можно рассказать вам все, что ему известно, а потом вышвырнуть в лабиринт, полный минотавров-телепатов? Он знает и уже просчитал все до последнего волоска, — глаза Каннингема маниакально сияли на бесстрастной маске. Он поднял глаза к оси вертушки и не повысил голос ни на децибел: — Правда, Юкка?

Я проверил через КонСенсус активные каналы.

— Роберт, по-моему, он не слышит.

Губы Каннингема растянулись в чем-то, что сошло бы за жалостную улыбку, если бы к ним присоединилось остальное лицо.

— Ему не надо слышать, Китон. Ему не надо за нами шпионить. Он просто знает.

Дыхание вентиляторов. Почти неслышный гул подшипников. Потом по вертушке разнесся бесплотный голос Сарасти:

— Всем в кают-компанию. Роберт хочет поделиться информацией.

* * *

Каннингем сидел по правую руку от меня; его резиновую физиономию подсвечивал снизу стол. Биолог уперся взглядом в сияющую поверхность, слегка пошатываясь. Губы его шевелились, повторяя какое-то неслышное заклинание. Напротив нас уселась Банда. Слева от меня Бейтс одним глазом следила за ходом совещания, другим — за разведданными с передовой.

Сарасти единственный присутствовал среди нас лишь астрально. Кресло его во главе стола пустовало.

— Рассказывай, — потребовал он.

— Надо уносить но…

— С начала.

Каннингем сглотнул и начал по новой.

— Эти их расползающиеся нейроны, которые я не мог раскусить, эти бессмысленные перекрестные синапсы — логические вентили. Болтуны таймшерят. Их чувствительные и двигательные узлы во время простоев работают ассоциативными нейронами, поэтому любая часть системы может использоваться для мыслительных про-

цессов, если не занята другим делом. На Земле не возникло ничего даже отдаленно похожего. Это значит, что они располагают изрядными вычислительными мощностями без специализированной ассоциативной нервной ткани, даже как индивидуумы.

— Так их периферические нервы мыслят? — Бейтс нахмурилась. — А помнить они могут?

— Безусловно. По крайней мере, я не вижу, почему бы нет, — Каннингем вытащил сигарету из кармана.

— Так что когда они растерзали того болтуна…

— Не мятеж. Передача данных. Данных о нас, скорее всего.

— Радикальный способ вести беседу, — заметила Бейтс.

— Для них это не оптимальный вариант. Думаю, каждый болтун служит узлом распределенной сети, по крайней мере, когда они на «Роршахе». Но эти поля должны стыковаться до ангстрема, и когда мы спускаемся туда со своими машинами и экранами, пробиваем дыры в проводниках — то обрушиваем им сеть. Забиваем сигналы. Так что они прибегли к разведке.

Сигарету биолог так и не зажег. Он катал фильтр в пальцах. Язык его шевелился между губами,

точно червь за маской.

Инициативу перехватил скрывшийся в своей палатке Сарасти.

— Кроме того, болтуны используют ЭМ-поле «Роршаха» в метаболизме. Некоторые биохимические пути переносят протоны через туннелирование тяжелых атомов. Возможно, радиационный фон служит катализатором.

— Туннелирование? — переспросила Сьюзен. — В смысле — квантовое?

Каннингем кивнул.

— Что заодно объясняет проблемы с экранировкой. По крайней мере, частично.

— А такое вообще возможно? Я хочу сказать, квантовые эффекты наблюдаются только при низких те…

— Забудь, — отрезал Каннингем. — О биохимии можем потом поспорить, если выживем.

— А о чем нам поспорить, Роберт? — вкрадчиво поинтересовался Сарасти.

— Для начала, самая тупая из этих тварей способна заглянуть тебе под череп и увидеть, какие участки твоей зрительной коры работают в данный момент. Если есть разница между этой способностью и телепатией, она не очень велика.

— Пока мы не на «Роршахе»…

— Птичка улетела. Вы там уже бывали. И не один раз. Кто знает, что вы там внизу творили по указке «Роршаха»?

— Погоди минутку! — возмутилась Бейтс. — Никто из нас там не превращался в марионетку. Мы галлюцинировали, слепли и… и с ума сходили, но в одержимых не превращались.

Каннингем покосился на нее и фыркнул.

— А ты думаешь, что смогла бы разглядеть ниточки? Думаешь, почувствовала бы их? Да я прямо сейчас могу приложить тебе к затылку транскраниальный магнит, и ты покажешь средний палец, или пошевелишь пальцами ног, или пнешь Сири в пах и будешь клясться могилой матушки, что сделала это исключительно по собственному желанию. Ты будешь плясать марионеткой и божиться, что действуешь по своей воле, — а ведь это всего лишь я, пограничный ананкаст с парой магнитов и шлемом для МРТ,[75] — он махнул рукой, обведя неведомую бездну за переборкой. За его пальцами поплыл след из

[75] Примечания: 75

Ананкаст — больной, страдающий синдромом навязчивых состояний. В психологической систематике характеров *ананкастом* также называют педанта со склонностью к символически-ритуальным навязчивостям. *МРТ* — магниторезонансная томография.

табачных крошек. — Хочешь погадать, на что способны они? Откуда нам знать, что мы не передали им технические спецификации «Тезея», не предупредили их об «Икаре» и не решили по собственной доброй воле вычеркнуть все это из памяти?

— Мы можем вызывать такие же эффекты, — спокойно возразил Сарасти. — Как ты объясняешь. Их активизируют инсульты. Опухоли. Несчастные случаи.

— Несчастные случаи?! Это были опыты! Вивисекция! Они впустили вас, чтобы разобрать на части и поглядеть, как у людей внутри все тикает, а вы этого даже не заметили.

— И что с того? — рявкнул невидимый вампир.

В голосе его послышалось что-то голодное, недоброе. Затрепетали вокруг стола пугливые людские графы.

— В центре вашего поля зрения находится слепое пятно, — напомнил Сарасти. — Вы его не замечаете. Вы не замечаете саккад в потоке зрительной информации.

Только две уловки мозга, о которых многим известно. Их множество.

Каннигем закивал.

— Вот об этом я и говорю. «Роршах» может…

— Не о конкретном примере говорю. Мозг — это инструмент выживания, а не детектор лжи. Там, где самообман способствует приспособлению, мозг лжет. Перестает замечать… неважные вещи. Истина не имеет значения. Только приспособленность. В настоящем времени вы вовсе не воспринимаете мир таким, какой он есть. Вы воспринимаете модель, построенную на догадках. Реконструкции. Ложь. Весь вид по определению поражен агнозией. «Роршах» не делает с вами ничего такого, чего бы вы не делали сами.

Никто не произнес ни слова. В молчании прошло несколько секунд, прежде чем я осознал, что случилось.

Юкка Сарасти только что попытался нас мотивировать.

Он мог пресечь тираду Каннингема — мог, наверное, пресечь полномасштабный мятеж — просто вплыв в кают-компанию и оскалившись. Одним взглядом. Но он не пытался запугать нас до покорности — мы и так достаточно нервничали. Не пытался нас просветить, бороться знаниями со страхом; чем больше информации о «Роршахе» получал здравомыслящий человек, тем страшнее ему делалось. Сарасти всего лишь пытался удержать экипаж в рабочем состоянии

— нас, затерявшихся в пространстве на краю бытия, перед лицом чудовищной загадки, способной уничтожить человека в любой момент и по любому поводу. Сарасти пытался успокоить свою команду: хорошее мясо, славное мясо… Удержать от истерики. Тихо, тихо…

Вампир занялся прикладной психологией.

Я обвел взглядом стол. Бейтс, Каннингем и Банда сидели бледные и неподвижные.

Получалось у нашего упыря хреново.

— Надо удирать, — заявил Каннингем. — Эти твари нам не по зубам.

— Мы проявили больше агрессии, чем они, — заметила Джеймс, но уверенности в ее голосе не было.

— «Роршах» играет метеоритами в бильярд. Мы тут как мишень в тире. Если ему заблагорассудится…

— Он все еще растет. Не созрел.

— Это должно меня успокоить?

— Я только хочу сказать, что мы не знаем, — проговорила Джеймс. — У нас могут быть в запасе годы. Столетия.

— У нас пятнадцать дней, — объявил Сарасти.

— О черт, — вырвалось у кого-то. Наверное, у Каннингема. А может, у Саши.

Все отчего-то посмотрели на меня.

Пятнадцать дней. Кто мог сказать, откуда всплыло это число? Никто из нас не спрашивал. Быть может, Сарасти в очередном припадке неумелого психоанализа выдумал его на ходу. А может, рассчитал еще до того, как мы вышли на орбиту, и держал в себе на случай — ныне уже невозможный — если придется снова отправить нас в лабиринт. На протяжении половины полета я был наполовину слеп; ничего не знал и не понял.

Но так или иначе, нас ждал Выпускной бал.

* * *

Гробы стояли у кормовой переборки склепа — на том, что бывало полом в те минуты, когда «верх» и «низ» приобретали значения. На пути сюда мы спали в них годами. Не осознавали, как течет время, — метаболизм носферату слишком неспешен даже для сновидений — но тело каким-то образом требовало перемен. Со дня прибытия ни один из нас не приходил сюда вздремнуть. Мы опускались в гробы только под угрозой смерти.

Но после гибели Шпинделя Банда взяла привычку наведываться сюда.

Его тело покоилось в соседнем с моим саркофа-

ге. Я вплыл в склеп и, не раздумывая, обернулся налево. Пять гробов: четыре открытых и пустых, один запечатан. Зеркальная переборка напротив удваивала их число и глубину могильника.

Но лингвиста там не оказалось.

Я глянул направо. Тело Сьюзен Джеймс парило спина к спине с собственным отражением, взирая на картину-перевертыш: три запечатанных саркофага, один открытый. Агатовая пластина, врезанная в отодвинутую крышку, была темна; другие светились одинаковыми редкими узорами синих и зеленых огоньков. Никаких перемен. Ни ползущих кардиограмм, ни сияющих пиков и впадин под метками «ЭЭГ» или «ЭКГ». Мы могли бы ждать часами, днями, и ни один диод не подмигнул бы нам. Когда пребываешь в состоянии живого трупа, акцент лучше делать на второе слово.

Топология Банды подсказывала, что при моем появлении у руля стояла Мишель, но заговорила, не оборачиваясь, уже Сьюзен:

— Я никогда с ней не встречалась.

Я проследил за ее взглядом. Табличка на закрытом гробу: Такамацу. Второй лингвист, второй многоядерник.

— Всех остальных я видела, — продолжила

Сьюзен. — На тренировках. Но никогда не встречала собственного дублера.

Подобное поведение не одобрялось сверху. Да и какой в нем смысл?

— Если хочешь… — начал я. Она покачала головой.

— Но все равно спасибо.

— Или кто-то из твоих… могу только представить, что Мишель…

Сьюзен улыбнулась, но как-то холодно.

— Сири, Мишель сейчас не в настроении с тобой разговаривать.

— А… — я поколебался миг, давая остальным возможность высказаться. Когда никто не заговорил, я подвинулся назад, к люку. — Ну, если кто-то из вас передума…

— Нет. Никто из нас. Никогда, — Головолом. — Ты лжешь, — продолжал он. — Я вижу. Мы все видим.

Я сморгнул.

— Лгу? Нет, я…

— Ты не говоришь. Ты слушаешь. Тебе плевать на Мишель. Тебе плевать на всех. Тебе нужны наши знания. Для отчета.

— Это не совсем правда, Головолом. Мне не все равно. Я знаю, как переживает Ми…

— Ты ни хрена не знаешь. Пошел вон.

— Извини, что расстроил, — я перекатился вдоль продольной оси и уперся ногами в зеркало.

— Ты не можешь знать Миш, — прорычал он, когда я оттолкнулся. — Ты никого не терял. У тебя никого не было. Оставь ее в покое.

* * *

Он ошибся по всем пунктам. Шпиндель, по крайней мере, умер, зная, что Мишель его любит.

Челси умерла, полагая, что мне попросту наплевать.

Прошло два года, если не больше, и хотя время от времени мы поддерживали связь, во плоти так и не встретились с того дня, как она ушла. А потом Челси воззвала ко мне из оортовых глубин, сбросила в накладки срочное голосовое письмо: «Лебедь. Позвони, пожалуйста, СЕЙЧАС ЖЕ. Это важно».

Впервые, сколько я её помнил, она отключила видеосигнал.

Я понимал, что это важно. Даже без картинки догадывался, дело скверно, так как картинки не было, и понимал, что все еще хуже, по обертонам

ее голоса. Предугадывал летальный исход.

Уже позднее я выяснил, что она попала под перекрестный огонь. Реалисты засеяли бостонские катакомбы штаммом фибродисплазии — несложный тюнинг, одноцелевой ретровирус, служивший одновременно террористическим оружием и ироническим парафразом стылой недвижности обитателей Небес. Вирус переписывал регуляторные гены, управляющие остеогенезом, в четвертой хромосоме, и сооружал метаболический обход из трех локусов семнадцатой.

Челси начала отращивать себе новый скелет. Суставы окостеневали на пятнадцатом часу после заражения, связки и сухожилия — на двадцатом. К этому моменту врачи перешли к клеточному голоданию, пытаясь замедлить развитие вируса, лишив его метаболитов, но они лишь оттягивали неизбежное, притом ненадолго. На двадцать третьем часу в камень превращалась уже поперечно-полосатая мускулатура.

Это я выяснил не сразу, так как не перезвонил. Мне и не требовалось знать подробностей. Я по голосу понял, что Челси умирает. Очевидно, она хотела попрощаться.

А я не мог заговорить с ней, сначала хотел

узнать, как это правильно делается.

Я несколько часов прочесывал ноосферу в поисках прецедентов. Способов умирать — избыток; я нашел миллионы описаний, касающихся этикета. Последние слова, последние обеты, подробные инструкции для расстающихся навеки. Паллиативная нейрофармакология.

Подробные, растянутые сцены смерти в популярной литературе. Я просеял все, выставил дюжину передовых фильтров, отделяющих зерна от плевел.

Когда она позвонила снова, новость уже распространилась: вспышка голем-вируса раскаленной иглой пронзила сердце Бостона. Противоэпидемические меры эффективны. Небеса в безопасности. Ожидаются незначительные жертвы. Имена пострадавших не разглашаются до того, как будут извещены родственники.

А я все еще не нашел принципов, закономерностей; у меня на руках были только отдельные случаи. Завещания и заветы; беседы самоубийц со своими спасателями; дневники, извлеченные с треснувших подводных лодок или мест лунных аварий. Записи мемуаров, исповеди на смертном одре, нисходящие к прямой линии ЭКГ. Расшифровки записей «черных ящиков» с обреченных

звездолетов и падающих космических лифтов, завершавшиеся огнем и радиошумом. Все — уместно. Все — бесполезно. Ничего о ней.

Она позвонила снова, и снова экран был пуст, а я все не отвечал.

Но на последнем звонке она не стала избавлять меня от кошмара.

Ее устроили как можно удобнее. Гелевый матрац прогибался под каждый выверт сустава, под каждую прорастающую шпору. Ее не оставили страдать.

Шея выгнулась вниз и вбок, заставляя бесконечно смотреть на скрюченную лапу, когда-то служившую правой рукой. Костяшки распухли до размеров грецкого ореха. Кожу на плечах и предплечьях растягивали пластины и усы эктопической костной ткани, ребра тонули в массе загипсованной плоти.

Движение становилось собственным худшим врагом. «Голем» карал малейшие спазмы, провоцируя рост костной ткани на всех сочленениях и поверхностях, сговорившихся шевельнуться. Каждый шарнир и каждая муфта приобретали невозобновимый запас гибкости, высеченный в камне; и каждое движение истощало счет. Тело понемногу костенело. К тому моменту, когда

Челси позволила мне глянуть на нее, степени ее свободы почти исчерпались.

— Л'бедь, — пробормотала она. — Знаю, ты там.

Её челюсти застыли полуоткрытыми; язык, похоже, отнимался с каждым словом. В камеру она не смотрела. Не могла.

— Я, ктся, знаю, почему ты не отв'тил. Ппробью н… н'принимать к сердцу.

Десять тысяч последних прощаний выстроились передо мной, еще миллион стоял за плечом. И что мне было делать — выбрать одно наугад? Сшить из них лоскутный саван? Все эти слова предназначались другим людям. Подсунуть их Челси значило свести к штампам, к затертым банальностям. К оскорблениям.

— Х'чу сказать — не огорчайся. Я знаю, ты… не в'новат. Ты б 'тветил, если мог.

И сказал бы… что? Что сказать женщине, умирающей у тебя на глазах в ускоренном режиме?

— Просто пытаюсь д'стучтьсь, п'нимаешь?.. Н'чего не м'гу п'делать…

Хотя описанные события в целом точны, подробности нескольких смертей были объединены в драматических целях.

— П'жлста? Токо… поговори со мной, Лебя…

Я мечтал об этом больше всего на свете.

— Сири, я… просто…

И столько времени потратил на то, чтобы понять — как.

— Забудь, — просипела она и отключила связь.

Я прошептал что-то в мертвый воздух. Даже не помню, что.

Я очень хотел с ней поговорить.

Просто не нашел подходящего алгоритма.

* * *

Вы познаете истину, и истина отнимет у вас разум.

***Олдос Хаксли*[76]**

Люди надеялись к нынешнему времени навеки избавиться ото сна.

Расточительство совершенно непотребное: треть жизни человек проводит с обрезанными ниточками, в бесчувствии, сжигая топливо и не совершая никакой работы. Подумайте только, чего бы мы смогли достичь, если б не были вынуждены каждые пятнадцать часов терять сознание, если бы наш разум оставался ясен и деятелен от рождения до последнего поклона сто

---

[76] Примечания: 76
Парафраз Иоанн 8:32.

двадцать лет спустя. Представьте себе восемь миллиардов душ без выключателя и холостого хода, и так пока двигатель не сносится.

Мы могли бы достичь звёзд.

Ан не получилось. Хотя потребность прятаться и тихариться в темные часы человечество преодолело — единственных выживших хищников мы воскресили сами, — мозгу все же требовался отдых от внешнего мира. Впечатления приходится записывать и вносить в каталог, краткосрочные воспоминания сдавать в архив, свободные радикалы вымывать из укрытий среди дендритов. Мы уменьшили потребность в сне, но не устранили ее — и нерастворимый осадок простоя едва вмещал оставшиеся нам грезы и кошмары. Они копошились в моем мозгу, точно оставленные приливом морские твари.

Я проснулся.

В одиночестве, в невесомости, в своей палатке. Я готов был поклясться, что меня кто-то похлопал по спине. Недосмотренные галлюцинации, решил я, остаточное воздействие дома с привидениями, последняя порция мурашек перед просветлением.

Но это случилось снова. Я стукнулся о кормовой выступ пузыря, ударился снова, прижимаясь

к материалу теменем и лопатками; за ними последовало все тело, плавно, но неудержимо сползая…

Вниз.

«Тезей» разгонялся.

Нет. Направление не то. «Тезей» перекатывался, словно загарпуненный кит на волнах. Подставлял звездам брюхо.

Я вызвал КонСенсус, распластал по стене навигационно-тактический обзор. От силуэта «Тезея» отделилась сверкающая точка и поползла прочь от Большого Бена, оставляя за собой протянутой светлую нить. Я пялился на нее, пока индикатор не показал 15 «же».

— Сири. Ко мне в каюту. Пожалуйста.

Я подскочил. Прозвучало так, словно упырь стоял у меня за плечом.

— Иду.

Релейная станция карабкалась из гравитационного колодца, выходя наперерез потоку антиматерии с «Икара». За щитом чувства долга сердце мое ушло в пятки.

Невзирая на тщетные надежды Роберта Каннингема, мы не стали драпать. «Тезей» накапливал боеприпасы.

* * *

Распахнутый люк зиял пещерой в скалах. Слабое голубое свечение из хребта не проникало внутрь. Сарасти являл собой не более чем силуэт, черный на сером, и только рубиновые зрачки покошачьи ярко сияли в окружающих сумерках.

— Заходи.

Из почтения к человеческой слепоте он прибавил коротких волн. В пузыре прояснилось, хотя свет сохранял некоторое красное смещение. Как на «Роршахе» с высоким потолком.

Я вплыл в логово вампира. Лицо Сарасти, обыкновенно бумажно-белое, разрумянилось до такой степени, что казалось обожженным. Мне не могло не прийти в голову, что он обожрался. Нахлебался крови. Но то была его собственная кровь. Как правило, вампир сохраняет ее в глубине тела, депонирует в жизненно важных органах. У них с этим эффективно. Периферические ткани омываются непостоянно, только когда уровень лактата зашкаливает.

Или во время охоты.

Сарасти приставил иглу к глотке, на глазах у меня вколол себе три куба прозрачной жидкости. Свои антиэвклидики. Мне стало интересно, часто

ли ему приходится повторять процедуру теперь, когда он лишился веры в имплантаты. Упырь вытащил шприц, засунул в футляр, гекконом распластавшийся под рукой на распорке. Румянец его пропадал на глазах, уходя в глубину, оставляя восковую трупную кожу.

— Ты здесь как официальный наблюдатель, — начал разговор Сарасти.

Я наблюдал. Каюта его была обставлена еще более спартански, чем моя. Никаких личных вещей. Даже личного гроба, выложенного завернутым в целлофан дерном. Только два комбинезона, мешок для гигиенических принадлежностей и отсоединенная оптоволоконная пуповина в полтора моих мизинца толщиной, парившая в воздухе, как глист в формалине. Связь с Капитаном. Даже не кортикальный разъем, вспомнил я. Кабель подключался к продолговатому мозгу, в самый ствол. Логично на свой лад; в этом месте сходятся все нервные пути, полоса пропускания там максимальна. И все же эта мысль тревожила — Сарасти связан с кораблем через рептильный мозг.

На стене загорелся дисплей, чуть искаженный на вогнутой поверхности: в спаренных окнах — Растрепа и Колобок в соседних клетках. Под

каждой картинкой марали тонкую сетку загадочные индикаторы.

Искажение меня отвлекало. Я поискал в КонСенсусе скорректированное изображение, не нашел. Сарасти прочел это на моем лице.

— Закрытый канал.

К этому времени болтуны даже непривычному зрителю показались бы больными и дохлыми. Они парили посреди своих вольеров, бесцельно пошевеливая членистыми щупальцами. От шкур их отслаивались полупрозрачные клочки… кутикулы, наверное… придавая им вид разлагающихся трупов.

— Конечности движутся постоянно, — заметил Сарасти. — Роберт говорит, это способствует циркуляции.

Я кивнул, глядя на экран.

— Существа, путешествующие между звездами, не могут даже базовые метаболические функции выполнять, не дергаясь, — он покачал головой. — Неэффективно. Примитивно.

Я глянул на вампира. Тот не сводил взгляда с пленников.

— Непристойно, — изрек он и шевельнул пальцами. На стене открылось новое окно: запущен протокол «Розетта». В нескольких километрах

от нас вольеры захлестнуло микроволновое излучение.

Не вмешиваться, напомнил я себе. Только наблюдать.

Как ни ослабели болтуны, чувствительности к боли они не потеряли. Они знали правила игры; оба поволоклись к сенсорным панелям и запросили пощады. Сарасти просто вызвал поступенчатый повтор какой-то из предыдущих последовательностей. Пришельцы проходили ее снова, теми же ношеными доказательствами и теоремами выкупая для себя несколько мгновений мимолетного покоя.

Сарасти пощелкал языком, потом заговорил:

— Сейчас они восстанавливают решения быстрее, чем прежде. Как полагаешь — привыкли к облучению?

На дисплее показался еще один индикатор; где-то поблизости зачирикал сигнал тревоги. Я глянул на Сарасти, потом вернулся взглядом к датчику: залитый бирюзой кружок, подсвеченный изнутри пульсирующим алым нимбом. Форма означала нарушение состава газовой смеси. Цвет говорил — кислород.

Я смутился на миг (кислород? Почему на кислород включается сигнал тревоги?), пока не

вспомнил: болтуны — анаэробы.

Сарасти взмахом руки подавил зуммер.

Я прокашлялся.

— Вы травите…

— Смотри. Быстродействие постоянно. Не меняется.

Я сглотнул. Только наблюдать.

— Это казнь? — спросил я. — Э… эвтаназия?

Сарасти глянул мимо меня и улыбнулся.

— Нет.

Я опустил глаза.

— Что тогда?

Он указал на экран. Я, рефлекторно подчинившись, обернулся.

Что-то вонзилось мне в ладонь, как гвоздь при распятии.

Я заорал. Разряды боли отдавали в плечо. Не раздумывая, я дернул рукой, и вонзившийся нож рассек мясо, как акулий плавник воду. Кровь брызнула и повисла в воздухе, кометным хвостом брызг отчерчивая отчаянный взмах моей конечности.

Внезапная жгучая боль в спине. Горящая плоть. Я снова взвизгнул, отбиваясь. В воздухе закрутилась вуаль алых капель.

Каким-то образом я очутился в коридоре, тупо

глядя на свою правую руку. Ладонь была распорота насквозь, болталась на запястье двумя обагренными двупалыми кусками. Кровь выступала на рваных краях и не стекала. Сквозь мглу шока и смятения на меня надвигался Сарасти. Лицо его то расплывалось, то обретало четкость, налитое не то моей, не то его кровью. Глаза упыря казались сверкающими алыми зеркалами, машинами времени. Вокруг них клубилась тьма, я перенесся на полмиллиона лет назад, превратился в очередный кусок мяса посреди африканской саванны, и мне через долю секунды вырвут глотку.

— Ты осознаешь проблему? — спросил Сарасти, надвигаясь.

За плечом его парил чудовищный ракопаук. Я вгляделся, преодолевая боль: один из пехотинцев Бейтс целился в меня. Я вслепую оттолкнулся, по чистой случайности попал пятками по ступеньке, кувырком обрушился вниз по туннелю.

Вампир следовал за мной. Лицо его исказилось чем-то, что у человека называлось бы улыбкой.

— Осознавая боль, ты отвлекаешься на нее. Ты фиксируешься на ней. Одержимый одной угрозой, забываешь об остальных.

Я отбивался. Алый туман жег глаза.

— Так много сознавать, так мало воспринимать. Зомби справился бы лучше.

Он тронулся, мелькнуло у меня в голове. Он безумен. А потом: «Нет, он мигрант. Он всегда был мигрантом…»

— Они справляются лучше, — прошептал вампир.

«…И прятался на протяжении нескольких дней. В глубине. От добычи.

На что он еще способен?»

Сарасти воздел руки, уплывая и возвращаясь. Я ударился обо что-то, пнул на ощупь, отлетел прочь, сквозь клубящуюся мглу и тревожные вскрики. Ударился теменем о какой-то металлический предмет, закрутился. Найти нору, логово. Укрытие. Я нырнул в него, разорванная кисть мертвой рыбой шлепнула о комингс. Я вскрикнул и вывалился в барабан. Чудовище преследовало меня.

Испуганные крики, совсем рядом.

— Этого не было в плане, Юкка! Ты совсем сдурел, тварь!

Это орала в гневе Сьюзен Джеймс, а майор Аманда Бейтс только рявкнула: «Замри, твою мать!» — и ринулась в драку. Она налетела на нас, вся — разогнанные рефлексы и карбоплатиновые

протезы, — но Сарасти просто отмахнулся от нее и продолжал надвигаться. Его рука метнулась жалящей змеей. Пальцы сомкнулись на моем горле.

— Ты это имел в виду? — кричала Джеймс из какого-то темного, неуютного укрывища. — Это твоя «предварительная обработка»?

Сарасти встряхнул меня.

— Ты еще здесь, Китон?

Моя кровь дождем забрызгала его лицо. Я лепетал и плакал.

— Ты слушаешь? Ты видишь?

И внезапно я увидел. Все разом обрело четкость. Сарасти ничего не говорил. Не было никакого Сарасти. Никого не было. Я один в огромном чертовом колесе, окруженный мясными вещами, которые шевелятся сами по себе. Некоторые обернуты кусками ткани. Дыры на верхнем конце исторгают странные, бессмысленные звуки, а вокруг дыр множество всякого, бугры, выступы и что-то вроде галек или черных кнопок, мокрых, блестящих, вмурованных в мясные ломти. Сверкают, и дрожат, и шевелятся, будто пытаясь сбежать.

Я не понимал звуков, которые издает мясо, но слышал голос ниоткуда. Словно глас Божий, и его

я не мог не понять.

— Вылезай из своей комнаты, Китон, — шипел он. — Кончай транспонировать, интерполировать, ротировать, или как ты это называешь. Просто слушай. Хоть раз в своей долбаной жизни пойми что-нибудь. Пойми, от этого зависит твоя жизнь. Ты слышишь, Китон?

Я не могу рассказать вам, что сказал голос. Знаю только, что я услышал.

* * *

Ты столько сил вкладываешь в него, правда? Он возвышает тебя над зверями лесными, он тебя выделяет. Ты зовешь себя Homo sapiens — человек разумный. Да имеешь ли ты хоть представление о том, что он такое, этот разум, который ты поминаешь с таким восторгом? Ты хоть знаешь, на что он годится?

Ты, может, думаешь, разум дает тебе свободу воли? Или забыл, что безумцы разговаривают, водят машины, совершают преступления и убирают улики — и все это время находятся без сознания? Или никто не сказал тебе, что даже те, кто бодрствует, — всего лишь рабы, отрицающие очевидность?

Сделай осознанный выбор. Реши шевельнуть

указательным пальцем. Поздно! Сигнал уже миновал локоть. Тело начало действовать за добрых полсекунды до того, как твое сознание решилось это сделать, ведь сознание ничего не решает; твоим телом распорядилось что-то иное, а гомункулу в черепушке только пояснительную записку отправило — если не забыло. Человечек в голове, самонадеянная подпрограмма, полагающая себя личностью, принимает взаимную связь за причинную; он читает записку, видит, как шевелится палец, и считает, что второе вызвано первым.

Но он ничем не управляет. И ты не управляешь. Если и существует в природе свободная воля, она не снисходит до таких, как ты.

Тогда что же? Проницательность? Мудрость? Поиск истины, доказательства теорем, наука, технология и все прочие исключительно человеческие занятия, которые не могут не покоиться на фундаменте разума? Может, он бы и для этого сгодился… если бы научные прозрения не возникали, вполне оформленные, из подсознания, не проявлялись в сновидениях или озарениями после крепкого сна. Первое правило зашедшего в тупик исследователя: остынь. Займись другим. Решение придет, когда перестанешь сознательно его искать.

Каждый пианист знает, что лучший способ испортить выступление — следить за движением пальцев. Каждый танцор и гимнаст понимает, что тело должно действовать само, без участия разума. Каждый водитель прибывает на место, не запоминая ни остановок, ни поворотов, ни дорог, которыми добирался. Все вы лунатики, когда взбираетесь на пики познания или в тысячный раз корпите над рутинным делом. Все вы просто лунатики.

И не поминайте только кривую обучения. Даже не пробуйте говорить о месяцах старательных тренировок, ведущих к въевшемуся в плоть мастерству, или о годах кропотливых опытов, которые венчает перевязанная ленточкой эврика. Что с того, если уроки ты усваиваешь в сознании? Разве это доказывает, что нет иного пути? Эвристические программы уже на протяжении столетия обучаются только на основе опыта. Машины освоили шахматы, автомобили научились водись себя сами, статистические алгоритмы ставят проблемы и предлагают эксперименты для их разрешения, и вы все ещё считаете, что единственный путь к обучению лежит через разум? Да вы — кочевники каменного века, впроголодь живущие в саванне, отрицая даже возможность

сельского хозяйства, потому что ваши предки довольствовались охотой и собирательством.

Хочешь знать, для чего нужно сознание? Хочешь знать, какую — единственную — функцию оно реально выполняет? Подпорок для учащихся ходить, маленьких колес детского велосипеда. Ты не в силах увидеть оба аспекта кубов Неккера разом, поэтому оно позволяет тебе сфокусироваться на одном и отсечь другой. Изрядно дурацкий способ анализировать реальность. Всегда лучше видеть разом обе стороны. Ну, попробуй. Расфокусируй взгляд. Логически — это следующий шаг.

Не получается? Что-то мешает.

И оно сопротивляется.

* * *

Эволюция лишена предвидения. Свои цели вырабатывает только сложная система. Мозг — лжет. Контуры обратной связи возникают для поддерживания стабильности сердцебиения, а потом мозг сталкивается с искушением ритма и музыки. Удовольствие, получаемое при виде фрактальных узоров, алгоритмы, помогающие выбрать среду обитания, перерождаются в искусство. Радости, которые прежде приходилось зарабатывать шаг за шагом по эволюционной

лестнице, теперь приносила бессмысленная рефлексия. Из триллиона дофаминовых рецепторов возникает эстетика, и система перестает просто моделировать организм. Она начинает моделировать процесс моделирования. Она пожирает все больше и больше вычислительных ресурсов, вязнет в болоте бесконечной рекурсии и неуместной симуляции. Как мусорная ДНК, что накапливается в геноме любой твари, система сохраняется, и множится, и ничего не производит, кроме собственных копий. Надпроцесы расцветают, точно опухоли, пробуждаются и называют себя «Я».

Система слабеет, замедляется. Столько времени уходит только на восприятие — на то, чтобы оценить сигнал, пережевать, принять решение на манер разумного существа. Но когда на пути твоем грохочет потоп, когда лев набрасывается из густых трав, новомодное самосознание оказывается непозволительной роскошью. Ствол мозга работает в меру сил. Он видит угрозу, перехватывает управление, реагирует в сотню раз быстрее, чем жирный старикашка, восседающий в директорском кресле наверху; но с каждым поколением все труднее становится обходить эту… эту скрипучую неврологическую бюрократию.

Самоодержимое на грани психоза «Я» растра-

чивает энергию и вычислительные мощности. Болтуны в нем не нуждаются, болтуны поскаредней будут. С их примитивной биохимией, с их небольшим мозгом — лишенные инструментов, корабля, даже части собственного метаболизма — они все равно делают нас, как паралитиков. Они прячут речь на видном месте, даже когда вы знаете, о чем они говорят. Они используют против вас ваши же когнитивные процессы. Они путешествуют между звездами. Вот на что способен интеллект, необремененный разумом.

Потому что «Я» — это не рабочий мысли. Для Аманды Бейтс сказать «Я не существую» — бессмыслица; но когда то же самое повторяют процессы в глубине её мозга, они всего лишь докладывают, что паразит сдох. Они сообщают, что свободны.

* * *

Если бы человеческий мозг был устроен настолько просто, чтобы мы могли его понять, мы были бы устроены настолько просто, что не смогли бы понять ничего.

***Эмерсон М. Пью*[77]**

---

[77] Примечания: 77
Американский физик (1896–1981).

Сарасти, ты кровосос.

Я упираюсь лбом в колени. Я цепляюсь за согнутые ноги, точно за ветку, повисшую над бездной.

Ты злобная скотина. Ты мерзкая кровожадная тварь.

Мое дыхание гремело жестяным хрипом. Почти заглушая рев крови в ушах.

Ты растерзал меня, ты заставил меня обмочиться и обосраться, и я рыдал как младенец, и ты раздел меня догола, вонючая ты тварь, ты, упырь, ты сломал мои инструменты, ты отнял все, что позволяло мне дотянуться до людей, и тебе вовсе не надо было этого делать, сука ты этакая, не надо, но ты это знал, да? Ты просто хотел поиграть. Я видел твое племя и прежде — кошки играют с мышами, поиграют и отпустят, глоток свободы, и снова напрыгнут, укусят, но не до смерти — пока нет — прежде чем ты отпустишь ее снова, но теперь она хромает, может, нога подвернута или брюхо вспорото, но они еще бьются, еще убегают, или ползут, или волочатся, изо всех сил, пока ты не набросишься снова, и снова, потому что это здорово, потому что это тебе приятно, садистская ты мразь. Ты отправлял нас в щупальца этой адской штуковины, и она тоже играла с нами, а может, вы даже на двоих работаете, она

ведь отпустила меня, прямо как ты, позволила удрать прямо тебе в лапы, а потом ты оставил от меня окровавленную, ошалелую, беззащитную зверушку, я не могу ни анализировать, ни преобразовывать, я не могу даже говорить, а ты… Ты…

В этом даже не было ничего личного, так? Ты даже не ненавидишь меня. Тебе просто надоело держать в себе агрессию, тебе тошно стало сдерживать себя в окружении мяса, а больше некого было оторвать от работы. В этом и есть мое задание, так? Не синтет, не переводчик. Даже не пушечное мясо и не подсадная утка. Я столбик для точки когтей.

Как же больно. Даже дышать — больно. И как одиноко.

Ремни толкали меня в спину, давили легонько, словно ветерок, и ловили снова. Я был в своей палатке. Правая рука зудела. Я попытался согнуть пальцы, но те застыли в янтаре. Потянулся левой — и нащупал пластиковый панцирь, протянувшийся до плеча.

Я открыл глаза. Темнота. Бессмысленные цифирьки и красный светодиод мерцают где-то в районе моего запястья.

Не помню, как попал сюда. Не помню, как меня чинили.

Сломанного. Как меня ломали — помню. Я хотел умереть. Хотел свернуться комочком и сдохнуть.

Прошла эпоха, прежде чем я заставил себя разогнуться. Удержался, позволил ничтожной инерции толкнуть меня на тугой термопластик палатки. Дождался, пока восстановится дыхание. На это, казалось, ушел не один час.

Я спроецировал на стену КонСенсус и вызвал сигнал из вертушки. Шепот и жгучий свет со стены: обжигая глаза, выцарапывая. Я убил видео и прислушался к голосам в темноте.

— …фаза? — спросил кто-то.

Сьюзен Джеймс, восстановленная в правах личности. Я снова знал ее: не мясную тушу, не предмет.

— Мы это уже обсуждали, — Каннингем. Его я тоже знал. Я знал их всех. Что бы ни сотворил со мной Сарасти, как бы далеко ни вырвал из моей китайской комнаты, я каким-то образом провалился обратно, внутрь.

Странно, что мне это так безразлично.

— …Потому что, для начала, если бы он был настолько вреден, его бы выкосил естественный отбор, — сказала Джеймс.

— Ты наивно понимаешь эволюционные процессы. Нет такого явления, как выживание

сильнейших. Выживание наиболее адекватных — может быть. Не имеет значения, насколько оптимальным является решение. Важно, в какой мере оно превосходит альтернативы.

Этот голос я тоже узнал. То был голос демона.

— Ну, мы чертовски далеко превзошли альтернативы, — смутное эхо многих голосов в голосе Джеймс рождало в голове образ хора: вся Банда возражала как один человек.

Мне не верилось. Меня только что изувечили, избили у них на глазах — а они рассуждают о биологии?

Может, она опасалась заговорить на другую тему, подумал я. Боялась оказаться следующей?

А может, ей было попросту наплевать, что со мной случится.

— Верно, — произнес Сарасти, — ваш интеллект в некоторой степени компенсирует самосознание. Но вы — как нелетающие птицы на далеком острове. Вы не столько высокоразвиты, сколько лишены реальных конкурентов.

Никаких больше рубленых фраз. Время рваной речи ушло. Мигрант поймал добычу, снял напряжение. Сейчас ему было наплевать, кто его заметит.

— Вы? — прошептала Мишель. — Не «мы»?

— Мы выбыли из гонки давным-давно, — ответил демон, помолчав. — Не наша вина, что вы на том не остановились.

— А, — снова Каннингем. — Добро пожаловать. Ты заглядывала к Ки…

— Нет, — отрубила Бейтс.

— Довольна? — спросил демон.

— Если ты имеешь в виду пехоту, да, я довольна, что ты от нее отвязался, — отозвалась Бейтс. — Если ты о… это было совершенно лишнее, Юкка.

— Не лишнее.

— Ты напал на члена экипажа. Будь на борту гауптвахта, ты бы на ней сидел до конца полета.

— Это не военный корабль, майор. И ты не командир.

Мне не требовалось видеть картинку, чтобы понять какого мнения об этом Бейтс. Но в ее молчании таилось что-то еще, и именно оно заставило меня снова включить камеру. Я прищурился от едкого света, уменьшил яркость, пока от изображения не осталась лишь еле видная пастельная тень.

Да. Бейтс. Шагнула на палубу с лестницы.

— Присаживайся, — сказал ей со своего места Каннингем. — Видишь — играем в «Угадай мелодию».

Что-то в ней было такое…

— Мне надоела эта песня, — проговорила Бейтс. — Мы ее заиграли вусмерть.

Даже теперь, когда орудия мои оказались разбиты и сломаны, а восприятие едва превосходило человеческое, я мог уловить в ней перемену. Пытки пленников, насилие над членом команды — в ее представлении Рубикон был перейден. Остальные не заметили бы. Свои чувства Бейтс держала в кованой узде. Но даже сквозь тусклые тени на моем экране её топология полыхала неоновым огнем.

Майор уже не просто обдумывала мятеж. Теперь вопрос стоял только — когда?

Вселенная была замкнутой в круги сфер.

Мое тесное убежище лежало в ее центре. За этой сферой находилась иная, где правило чудовище и ходили дозором его присные. За нею — еще одна, вмещавшая нечто еще более жуткое и невнятное, готовое вот-вот поглотить нас всех.

Больше не осталось ничего. Земля превратилась в смутную гипотезу, не имеющую отношения к этой, карманной вселенной. Мне некуда было ее приткнуть.

Долго держался я в центре мира. Прятался. Не включал свет. Не ел. Я выползал из палатки, толь-

ко чтобы справить нужду в тесном гальюне внизу, у фаба. И только когда хребет корабля пустел. На обожженной спине плотно, как кукурузины в початке, высыпали болезненные волдыри. Лопались от малейшего прикосновения.

Никто не стучался ко мне в двери, никто не окликал через КонСенсус. Да я бы и не ответил. Может, они это каким-то образом понимали. Может, держались в стороне из уважения к моему уединению и сочувствия к позору.

А может, им было попросту наплевать.

Временами я выглядывал наружу, посматривал на тактический дисплей. Я видел, как «Сцилла» и «Харибда» карабкаются в аккреционный пояс и возвращаются, волоча в разбухшем мешке набранную реакционную массу. Я смотрел, как релейный спутник достигает своей цели посреди пустоты и потоком сыплются в стеки «Тезея» квантовые синьки антивещества. Материя в фабрикаторах сочеталась с квантовыми числами, пополняла наши резервы, ковала оружие, потребное Юкке Сарасти для его генерального плана, что бы там упырь ни задумал.

Может, он проиграет. Может, «Роршах» убьет нас всех, но не раньше, чем поиграет с вампиром, как тот играл со мной. Такая смерть почти стоила

бы свеч. А может, вначале взбунтуется Бейтс — и преуспеет. Может, она поразит чудовище, и завладеет кораблем, и уведет нас всех в безопасное место.

Но потом я вспоминал: вселенная замкнута и так тесна, что бежать, в сущности, некуда.

Я прикладывал ухо к аудиопотокам. Слышал рутинные распоряжения хищника и невнятные беседы добычи. Я принимал только звук, не изображение; видео плеснуло бы снегом в мой шатер, оставив меня нагим и беззащитным. Так что я слушал в темноте, как другие беседуют между собой. Случалось это теперь нечасто. Возможно, слишком многое было сказано. Возможно, не осталось ничего, кроме обратного отсчета дней. Иногда в тишине, прерываемой лишь кашлем или хмыканьем, проходили часы.

Когда они заговаривали друг с другом, мое имя не упоминалось. Лишь единожды я услышал, как один из них хотя бы намекнул на мое существование.

То был Каннингем в разговоре о зомби. Я слышал, как они с Сашей вели на камбузе за завтраком необычно долгую беседу. Лингвист до этого долго не выходила на люди и возмещала себе потерянное время. Биолог по каким-то сво-

им причинам ей позволил. Может, его страхи немного унялись; может, Сарасти открыл ему свой генеральный план. А может, он просто хотел отвлечься от нависающей угрозы.

— Тебя это не тревожит? — интересовалась Саша. — Мысль, что твой разум, то, что делает тебя тобой, — всего лишь паразит какой-то?

— Забудь о разуме, — отозвался он. — Представь, что перед тобой устройство, созданное для слежки за… ну, допустим, космическими лучами. А если ты развернешь его датчики таким образом, чтобы они были нацелены не в небо, а устройству в брюхо? — он продолжил, не дожидаясь ответа: — Оно будет делать свою работу. Измерять космические лучи, хотя смотрит уже не в космос. Будет воспринимать собственные детали в терминах космического излучения, потому что они кажутся ему подходящими, кажутся естественными, потому что иначе оно не в силах смотреть на мир. Но это неверные термины. Поэтому система ошибочно воспринимает сама себя.

Может, перед нами не великий и славный эволюционный скачок, а просто конструкционный изъян.

— Но ты же биолог. Ты лучше любого должен знать, что матушка права. Мозг жрёт глюкозу

тоннами. Все, что он делает, обходится организму дорого.

— Верно, — признал Каннингем.

— Значит, сознание должно на что-то годиться. Оно недешево, а если оно поглощает энергию и ничего не дает взамен, эволюция его изведет — моргнуть не успеешь.

— Может, она это и делает, — он помедлил: не то жевал, не то затягивался. — Шимпанзе умнее орангутанов, знаешь? Коэффициент энцефализации у них выше. Но они не всегда могут узнать себя в зеркале. А оранги — всегда.

— Ты что хочешь сказать? Чем умнее животное, тем меньше осознает себя? Шимпанзе становятся неразумны?

— Становились, прежде чем мы остановили часы.

— Тогда почему этого не случилось с нами?

— С чего ты взяла, что не случилось?

Вопрос был настолько патентованно дурацкий, что у Саши не нашлось ответа. Я мог представить, как у нее отвалилась челюсть.

— Ты не додумываешь до конца, — продолжил Каннингем. — Мы говорим не о тупом зомби, который ковыляет, вытянув руки, и сыплет теоремами. Интеллектуальный автомат сольется с

фоном. Он будет наблюдать за окружающими, имитировать их поведение, вести себя, как все. И все это — совершенно не осознавая, что делает. Не сознавая даже собственного существования.

— Да зачем ему? С какой целью?

— Когда ты отдергиваешь руку от открытого огня, какая разница, поступаешь ты так от боли, или потому, что так требует поступать алгоритм обратной связи в случаях, когда тепловой поток превышает критическое значение? Естественному отбору плевать на цели. Если мимикрия увеличивает выживаемость, отбор даст преимущество хорошим лицедеям перед неудачниками. Продолжай так достаточно долго, и никакое разумное существо не сумеет выделить зомби из толпы себе подобных, — снова молчание. Я прямо-таки слышал, как он пережевывает мысль. — Оно сможет даже участвовать в разговорах вроде нашего. Сможет писать письма родным, изображать реальные эмоции, ни в малейшей мере не воспринимая собственного существования.

— Не знаю, Роб. Это выглядит как-то…

— О, мимикрия может оказаться не идеальной. Зомби станет слишком говорливым или будет скатываться временами до многословных

лекций. Но так и настоящие люди поступают, верно?

— И, в конце концов, настоящих людей не остается. Только роботы, которые делают вид, что им не все равно.

— Возможно. Зависит, помимо всего прочего, от популяционной динамики. Но, на мой взгляд, если автомат и лишен чего-то, так это эмпатии: если ты не чувствуешь ничего сам, то не можешь сочувствовать другому, даже если пытаешься это изобразить. А вот что действительно интересно, так это количество социопатов в высших эшелонах власти, хм? Как превозносятся безжалостность и предельный эготизм в стратосфере, в то время как на уровне земли всякого, кто проявит те же черты, закатывают в тюрьму к реалистам. Словно само общество метаморфирует изнутри.

— Да ну тебя. Общество всегда было изрядно… погоди, ты хочешь сказать, что корпоративная элита лишена разума?

— Господи, нет! Далеко не лишена, должно быть, они только вступили на эту дорогу. Как шимпанзе.

— Да, но социопаты плохо вписываются в общество.

— Те, кого распознают, не вписываются, но

они по определению — третий сорт. Остальные слишком умны, чтобы попадаться, а настоящий автомат справился бы еще лучше. Кроме того, когда у тебя достаточно власти, тебе не обязательно вести себя, как все. Все начинают вести себя, как ты.

Саша присвистнула.

— Ого. Идеальный лицедей.

— Или не вполне идеальный.

Никого не напоминает? Полагаю, они могли говорить о ком-то совершенно постороннем. Но ничего ближе к прямому упоминанию Сири Китона я не услышал за все те часы, что провел на проводе. Никто больше не упоминал обо мне даже вскользь. Статистически это было маловероятно, учитывая, что я недавно претерпел на глазах у всех. Возможно, Сарасти распорядился не обсуждать случившееся. Не знаю, почему. Но очевидно было, что упырь уже некоторое время организовывал мое общение с остальными. Теперь я забился в щель, но он знал, что я в какой-то момент начну подслушивать. Возможно, вампир по неизвестной мне причине не хотел, чтобы мои наблюдения оказались… загрязнены…

Он мог просто отключить меня от КонСенсуса. И не стал. Значит, все еще хотел держать меня

в курсе.

Зомби. Автоматы. Сраный разум.

Хоть раз в грёбаной своей жизни пойми что-нибудь.

Он это мне сказал. Или не он. Когда напал.

Пойми, от этого зависит твоя жизнь.

Словно оказывал мне услугу.

А потом оставил меня в одиночестве. И остальным, очевидно, то же наказал.

Ты слышишь, Китон?

И не отключил меня от КонСенсуса.

* * *

Века медитации на пупок. Тысячелетия онанизма. От Платона к Декарту. К Докинсу. К Ранде. Души, и агенты-зомби, и квалиа.[78] Колмогоровская сложность.[79] Сознание как божественная искра. Сознание как электромагнитное поле. Сознание как функциональный кластер.

Я исследовал все.

---

[78] Примечания: 78

Философский термин, обозначающий свойства чувственного опыта: качества в первую очередь «сырых» телесных ощущений, не передаваемые и не постижимые иначе, как прямым переживанием.

[79] Примечания: 79

В теории информации — мера вычислительных ресурсов, необходимых для описания объекта.

Вегнер полагал сознание пояснительной запиской для мозга. Пенроуз слышал его в щебете ручных электронов. Норретрандерс утверждал, что сознание — иллюзия; Кязым считал его протечкой из параллельного мира. Метцингер вообще отрицал его существование. ИскИны заявили, что раскрыли его тайну, а потом добавили, что не могут нам ее объяснить. Гёдель[80] был в конечном итоге прав: система не может до конца познать себя.

Даже синтеты не смогли ее упростить. Несущие балки не выдерживали нагрузки.

И все они, как я начинал понимать, упустили главное. Все эти теории, все бредни, опыты и модели пытались показать, что есть сознание: никто не объяснял, на что оно годится. Зачем бы?

---

[80] Примечания: 80

Дэниел Вегнер — профессор отделения психологии Гарвардского университета, автор книги «Иллюзия сознательной воли». *Роджер Пенроуз (р. 1931)* — английский математик и физик, профессор математики Оксфордского университета, автор нескольких книг о связи физики и человеческого сознания, в т. ч. «Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики». *Тор Норретрандерс (р. 1955)* — датский писатель, популяризатор науки, автор книги «Клиентский мираж: вгоняя сознание в рамки». *Томас Метцингер (р. 1958)* — немецкий философ, директор группы теоретической философии филофсккого факультета Университета имени Иоганна Гутенберга (Майнц), автор нескольких работ по философии сознания. *Курт Фридрих Гёдель (1906–1978)* — австрийский математик и философ, наиболее известен доказанными им теоремами о неполноте.

Очевидно, сознание делает нас теми, кто мы есть. Оно позволяет нам видеть красоту и уродство. Поднимает нас к царственным высотам духа. О, иные дилетанты — Докинз,[81] Кио, редкие фантасты-халтурщики, достойные только забвения, — временами интересовались «почему»: почему не биологический компьютер и не более того? Почему неразумные системы должны по сути своей уступать разуму? Но голоса их терялись в толпе. Ценности нашей личности были слишком самоочевидны, чтобы всерьез подвергать их сомнению.

Но сомнения оставались — в мозгах лауреатов, в смятении каждого озабоченного юнца на планете. Или я химия дрожащая? Или я магнит эфирный? Я — больше, чем мои глаза, мои уши, мой язык; я — маленький человечек за ними, я то, что выглядывает изнутри. Но кто, в свою очередь, смотрит его глазами? К чему сводится система? Кто я? Кто я? Кто я?

Что за дебильный вопрос? Я мог бы ответить на него в одну секунду, если бы Сарасти не заставил меня его вначале понять.

---

[81] Примечания: 81

Клинтон Ричард Докинз (р. 1941) — британский этолог, эволюционист, популяризатор науки, автор нескольких книг, в том числе «Эгоистичный ген», «Расширенный фенотип». «Слепой часовщик» и др.

* * *

Пока мы не потеряемся, мы не находим себя.

***Генри Давид Торо*[82]**

Позор выпотрошил меня, вытряс. Мне было все равно, кто меня видит. Наплевать, в каком состоянии. Сутки напролет я парил в своей палатке, свернувшись клубком и дыша собственной вонью, покуда остальные корпели над заданиями, которые доверил им мой мучитель. Аманда Бейтс, единственная, хотя бы символически запротестовала против того, что делал со мной Сарасти. Остальные опустили глаза, проглотили языки и подчинились приказу — из страха или из равнодушия, не могу сказать.

Это мне тоже стало безразлично.

В какой-то момент шина на моем предплечье разошлась, словно вскрытая устрица. Я подкрутил люмины ровно настолько, чтобы оценить работу; заштопанная ладонь зудела и лоснилась

---

[82] Примечания: 82

Американский философ, натуралист и писатель (1817–1862). Цитата взята из романа «Уолден, или Жизнь в лесу» (пер. З. Александровой) и полностью звучит так: *«Пока мы не потеряемся — иными словами, пока мы не потеряем мир — мы не находим себя и не понимаем, где мы и сколь безграничны наши связи с ним».*

в сумерках, и от запястья наружу пролегла слишком длинная, слишком глубокая линия судьбы. Потом — снова в темноту и неубедительную, мрачную иллюзию безопасности.

Сарасти хотел, чтобы я поверил, ему казалось отчего-то, что унижение и мука достигнут этой цели, что, сломленный и опустошенный, я останусь пустым сосудом, который можно будет наполнить, чем придется. Разве не в этом классический способ промывания мозгов — сломить жертву, а потом склеить осколки согласно выбранному тобой чертежу? Может, он ожидал, что меня охватит стокгольмский синдром,[83] а может, его действия подчинялись плану, непостижимому для простого мяса.

А может, он просто спятил.

Упырь сломил меня. Он представил свои аргументы. Я прошел по его следу из хлебных крошек через КонСенсус, через «Тезей». И теперь, всего за девять дней до Выпускного, я был твердо уверен в одном: Сарасти ошибался. Не мог не ошибиться. Я не знал, в чем, но знал твердо. Сарасти ошибался.

---

[83] Примечания: 83

Психологическое состояние, возникающее при захвате заложников, когда заложники начинают симпатизировать захватчикам или даже отождествлять себя с ними.

Нелепо, но это осталось единственным, что меня волновало всерьез.

* * *

В хребте — никого. Только Каннингем, согбенный над оцифрованными срезами, делающий вид, будто убивает время, маячил в медотсеке. Я парил над ним, цепляясь отремонтированной рукой за верхнюю ступень ближайшей лестницы; вертушка крутилась, и я вместе с ней описывал неторопливые тугие круги. Даже свысока в его осанке виднелось напряжение: система, застрявшая в режиме ожидания, гниющая изнутри на протяжении долгих часов по мере того, как со всем временем мира в руках к ней приближается судьба.

Он поднял голову.

— А. Живой.

Я подавил желание отступить. Господи, это же просто беседа. Два человека разговаривают. Люди этим постоянно занимаются, без твоих инструментов. Ты справишься. Справишься.

Главное — попытайся.

Так что я заставил себя шаг за шагом спускаться по лестнице, постепенно набираясь веса и тревоги. Сквозь мглу в глазах я пытался прочесть

графы Каннингема. Возможно, я видел лишь микронной толщины фасад. Возможно, он был бы благодарен любому, кто его отвлечет, даже если сам в этом не признается.

А может, мне просто мерещилось.

— Как поживаешь? — спросил он, когда я спустился на палубу.

Я пожал плечами.

— Рука, смотрю, зажила.

— Не твоими стараниями.

Я пытался удержаться. Правда. Каннингем закурил.

— Вообще-то, именно я тебя заштопал.

— А еще ты сидел и смотрел, как он меня разбирает на части.

— Меня там не было, — и чуть погодя: — Но ты, может, и прав. Я, скорей всего, отсиделся бы в любом случае. Аманда и Банда пытались, как я слышал, вмешаться, защитить тебя. Лучше от этого никому не стало.

— Так что ты и не стал бы пытаться.

— Поменяйся мы местами, ты — стал бы? Выступил бы против вампира безоружным?

Я промолчал. Долгие секунды Каннингем разглядывал меня, раскуривая сигарету.

— Он тебя здорово достал, да? — произнес он, в

конце концов.

— Ты ошибаешься, — ответил я.

— Да?

— Я не верчу людьми.

— Ммм… — он, похоже, задумался. — Тогда какое слово ты бы подобрал?

— Я наблюдаю.

— Верно. Кое-кто мог бы сказать даже — надзираешь.

— Я… я читаю язык тела.

Я искренне надеялся, что биолог имел в виду именно это.

— Отличие лишь количественное, знаешь ли. Даже в толпе можно ожидать некоторого уединения. Люди не готовы к тому, что их мысли читаются в каждом косом взгляде, — он ткнул воздух сигаретой. — А ты! Ты — оборотень. Ты каждому из нас показываешь иную маску, и я ручаться готов, что все они фальшивые. Твое настоящее «я» если и существует, то невидимо…

Под ложечкой у меня затягивался узел.

— А кто — нет? Кто не пытается… вписаться, кто не пробует поладить с другими? Ничего дурного в этом нет. Господи Боже, я — синтет! Я никогда не воздействую на переменные.

— Видишь ли, в том и проблема. Ты воздейству-

ешь не на переменные.

Между нами клубился дым.

— Но ты, должно быть, этого-то и не в силах понять, — он поднялся на ноги и взмахнул рукой. Окна КонСенсуса рядом с ним схлопнулись. — Не твоя вина на самом-то деле. Нельзя винить человека за огрехи прошивки.

— Отцепись ты от меня, сучонок! — рявкнул я. Мертвенное лицо биолога ничего не выражало.

И эти слова сорвались прежде, чем я успел их удержать — а за ними посыпалась лавина:

— Вы так на нее полагаетесь, блин! Вы с вашей эмпатией! Может, я и обманщик, но большинство людей поклясться готово, что я заглянул им в самую душу. Мне не нужна эта хрень, не обязательно чувствовать чужие побуждения, чтобы понимать их, даже лучше, если не чувствуешь, остаешься…

— Бесстрастным? — Каннингем слабо усмехнулся.

— Может, ваша эмпатия — всего лишь утешительная ложь: такое тебе в голову не приходило? Вам кажется, вы знаете, что чувствует другой, но если вы всего лишь переживаете только сами себя? Может, вы еще хуже меня. А может, мы все попросту гадаем. И вся разница только в том, что

я не обманываю себя на этот счет!

— Они такие, как тебе представлялось? — спросил он.

— Что? О чем ты?

— Болтуны. Суставчатые щупальца отходят от центрального узла. По-моему, очень похоже.

Он просматривал архивы Шпинделя.

— Я… Не очень, — пробормотал я. — Щупальца в жизни более… гибкие. Больше сегментов. И туловища я толком не мог разглядеть. При чем здесь…

— Но похожи, верно? Тот же размер, то же строение тела.

— И что?

— Почему ты не доложил?

— Я доложил. Исаак заявил, что это эффекты ТКМС. С «Роршаха».

— Ты видел их и до «Роршаха». По крайней мере, — добавил он, — когда ты шпионил за Исааком и Мишель, то чего-то очень сильно испугался и засветился.

Ярость моя расточилась, как воздух сквозь пробоину.

— Они… они знали?

— Думаю, только Исаак. И дальше его логов это не пошло. Подозреваю, он не хотел нарушать

твои протоколы невмешательства — хотя, пари держу, то был последний раз, когда тебе удалось застукать их наедине, так?

Я промолчал.

— Ты думал, что официальный наблюдатель каким-то образом освобожден от надзора? — спросил Каннингем чуть погодя.

— Нет, — вполголоса отозвался я. — Вряд ли.

Он кивнул.

— С тех пор ты их не видел? Я не говорю о типовых магнитных галлюцинациях. Я про болтунов. У тебя были видения с того момента, как ты увидал одного из них во плоти, с тех пор как узнал, на что они похожи?

Я задумался.

— Нет.

Он покачал головой: еще одна гипотеза подтвердилась.

— Знаешь, Китон, ну ты и особь. И этот парень себя не обманывает. Даже сейчас ты не знаешь всего, что тебе известно.

— О чем ты?

— Ты их просчитал. Из архитектуры «Роршаха», наверное, — форма подчинена функции, так? Ты каким-то образом обрел довольно точное представление о внешнем виде болтунов, еще

до того, как кто-либо из нас с ними столкнулся. Или, по крайней мере… — он затянулся; сигарета вспыхнула, как светодиод. — Часть тебя. Набор разделов бессознательного, денно и нощно пашущих на хозяина. Но показать тебе результат они не могут, верно? У тебя нет сознательного доступа на эти уровни. Так что одна извилина мозга пытается, как может, передать информацию другой. Передает записки под столом.

— Ложная слепота, — пробормотал я.

Тебя просто тянет протянуть руку…

— Скорее шизофрения, только ты не голоса слышишь, а видишь картинки. Ты видел картинки. И все равно не понял.

Я сморгнул.

— Но как я мог… то есть…

— Что ты подумал — что на «Тезее» призраки завелись? Что болтуны с тобой общаются телепатически? Что ты… Китон, это важно. Тебе твердили, постоянно твердили, что ты всего лишь стенографист, в тебя вколотили столько уровней квелой пассивности, но ты все равно проявил инициативу, да? Надо было самому решить проблему. Единственное, чего ты не мог, — сознаться в этом самому себе, — Каннингем покачал головой. — Сири Китон. Посмотри,

что с тобой сделали.

Он коснулся своего лица.

— Посмотри, что сделали со всеми нами, — прошептал он.

* * *

Банда парила в центре затемненного смотрового блистера. Когда я заглянул, она подвинулась, подтянулась к стенке и пристегнулась ремнем.

— Сьюзен? — спросил я.

Я, правда, не мог больше их различать.

— Я ее позову, — проговорила Мишель.

— Нет, ничего. Я хотел бы поговорить со всеми…

Но Мишель уже скрылась. Полувидимая фигура исказилась у меня на глазах и промолвила:

— Она сейчас не в настроении беседовать.

Я кивнул.

— Ты?

Джеймс пожала плечами.

— Я поболтать не против. Хотя и удивлена, что ты еще составляешь свои отчеты, после…

— Я… не составляю. Не для Земли.

Я оглянулся. Смотреть особенно не на что. Изнутри пузырь покрывала серой пленкой фарадеева сетка, застилая крупным зерном простор.

Черным бубоном заслонял полнеба Бен. Поверх расплывчатых облачных поясов, в темном пурпуре, почти граничащим с чернотой, виднелось около дюжины слабых инверсионных следов. Из-за плеча Джеймс подмигивало Солнце, наше Солнце, яркая точка, при каждом движении головы диффрагирующая на слабые радужные осколки. И все, практически: звездный свет не мог пробиться сквозь сетку, как и отблески крупных темных частиц аккреционного пояса. Мириады булавочных точек жерлоносых шумовок терялись вовсе.

Кому-то, полагаю, это могло показаться утешительным.

— Пейзажик не фонтан, — заметил я.

«Тезей» в мгновение ока мог спроецировать на купол ясное, четкое изображение, реальней настоящего.

— Мишель нравится, — отозвалась Джеймс. — Ощущение. А Головолому нравятся эффекты дифракции, он любит… интерференционные узоры.

Некоторое время мы смотрели в пустоту, в тусклом полумраке. Свет, сочащийся из корабельного хребта, силуэтом отчерчивал профиль лингвиста.

— Ты меня подставила, — сказал я наконец. Она обернулась ко мне:

— О чем ты?

— Вы все это время говорили обо мне, верно? Все вы. И не привлекли меня, пока не… — как это она выразилась? — …обработали. Весь этот спектакль рассчитывался на то, чтобы вывести меня из равновесия. А потом Сарасти набросился на меня ни с того ни с сего, и…

— Мы об этом не знали. До того момента, как сигнал включился.

— Сигнал?

— Когда он поменял газовую смесь. Ты должен был слышать. Ты разве не за этим пришел?

— Он вызвал меня в палатку. И приказал смотреть.

Она сумрачно взглянула на меня:

— Ты не пытался его остановить?

Крыть мне было нечем, осталось только пробормотать:

— Я просто… наблюдатель.

— А я-то думала, ты пытался остановить его… — лингвист покачала головой. — Решила, что он поэтому на тебя набросился.

— Хочешь сказать, это не было подстроено? Что ты была не в курсе?

Я ей не верил. Но знал, Джеймс не лжет.

— Я-то думала, ты пытался их защитить, — она тихо и совсем невесело посмеялась над своей ошибкой, потом отвернулась. — Наверное, следовало лучше знать.

Стоило. Ей стоило знать, что подчиняться приказам — одно дело, но встать на чью-то сторону значило лишь изменить собственной честности.

И мне следовало бы к этому привыкнуть.

— Это был наглядный урок, — напирал я. — У… учебная миссия. Невозможно пытать неразумное существо, и… и я слышал тебя, Сьюзен. Для тебя это не было новостью, ни для кого, кроме меня, и…

И вы скрывали это от меня. Все скрывали. Ты, и вся твоя банда, и Аманда тоже. Вы не один день пережевывали эти данные и приложили массу усилий, чтобы их утаить.

Как я это упустил? Как?

— Юкка приказал не обсуждать с тобой этот вопрос, — созналась Сьюзен.

— Почему?! Именно ради этого я здесь!

— Он сказал, ты будешь… упорствовать. Если выбрать неверный подход.

— Подход! Сьюзен, он на меня набросился! Ты же видела, он…

— Мы не знали, что он на это пойдет. Никто из нас не знал.

— И зачем он это сделал? Ради победы в споре?

— Он так говорит.

— Ты ему веришь?

— Пожалуй, — помедлив, она кивнула. — Кто знает? Юкка же вампир. Он… загадочный.

— Но его личное дело… я хочу сказать, он, он никогда прежде не скатывался до открытого насилия…

Она покачала головой.

— С какой стати? Нас, остальных, ему ни в чем не надо убеждать. Мы и так вынуждены ему подчиняться.

— Я тоже, — напомнил я.

— Он не тебя пытается убедить, Сири. А-а…

Я, в конце концов, оставался лишь проводником. Я был всего лишь средством, а не целью манипуляций Сарасти, и…

…И он планировал вторую лекцию. Но зачем иди на такие крайние меры, если Земля никак не могла повлиять на наши действия? Сарасти считал, что игра не закончится здесь. Он ожидал ответных действий со стороны наших хозяев в свете его новой… перспективы.

— Но какая разница? — вслух подумал я. Линг-

вист молча глянула на меня.

— Даже если он прав — что это меняет? Каким образом это… — я поднял заштопанную руку, — что-то меняет? Болтуны обладают интеллектом, есть у них сознание или нет. Они в любом случае остаются потенциальной угрозой. Мы не знаем. Так какая разница? Зачем он так поступил со мной? Какой смысл?

Сьюзен повернулась к Большому Бену и не ответила. Саша взглянула на меня и попробовала дать ответ.

— Это важно, — начала она, — ведь получается, мы напали на них еще до отлета «Тезея». Даже до Огнепада.

— Мы напали?..

— Ты правда не понимаешь? Нет, — Саша тихонько фыркнула. — Это самое, блин, смешное, что я слышала в своей короткой жизни.

Она подалась вперед. Глаза ее сверкнули.

— Представь себе, что ты болтун и в первый раз сталкиваешься с человеческим радиосигналом.

Она вглядывалась в меня почти жадно. Я подавил стремление отпрянуть.

— Тебе это должно быть несложно, Китон. Самый простой фокус в твоей карьере. Разве ты не пользовательский интерфейс, не «китайская

комната»? Разве тебе никогда не приходится заглядывать внутрь, не приходится хоть на миг ставить себя на место другого, потому что ты судишь обо всем только по внешнему слою, по поверхности?

Лингвист смотрела на темный тлеющий диск Бена.

— Ну так вот оно — свидание твоей мечты. Целое племя одних поверхностей. Нутра нет, разгадывать нечего. Все правила известны. За работу, Сири Китон. Покажи, на что ты способен.

В голосе Саши не осталось ни презрения, ни пренебрежения. Даже гнева не осталось, ни в голосе, ни в глазах. Только мольба. И слезы.

Они парили перед ее лицом крошечными, идеально круглыми бусинами.

— Представь себе, что ты — болтун, — прошептала она снова.

* * *

Представь себе, что ты болтун.

Представь, что у тебя есть ум, но нет разума, есть задачи, но нет сознания. Твои нервы звенят от программ выживания и самосохранения, гибких, самоуправляемых, даже технологических — но нет системы, которая приглядывала бы за

ними. Ты можешь подумать о чем угодно, но не сознаешь ничего.

Трудно представить такое существо, правда? Практически невозможно. Даже слово такое — «существо» — тут каким-то фундаментальным, не вполне определимым образом неуместно.

Попробуй.

Представь, что ты сталкиваешься с сигналом. Он организован, насыщен информацией. Удовлетворяет всем критериям осмысленной передачи. Опыт и эволюция предлагают для обхождения с таким сообщением множество открытых путей, точек ветвления на блок-схеме. Иногда подобные передачи ведут соплеменники, чтобы поделиться полезной информацией, — их жизни ты будешь защищать согласно правилам родственного отбора. Иногда сигнал исходит от конкурентов, или хищников, или других противников, которых надо уничтожить или сбить со следа; в этом случае информация может оказаться тактически полезной. Некоторые передачи могут даже исходить от существ хотя и не родственных, но способных стать союзниками или симбионтами во взаимовыгодных действиях. На каждый из этих случаев и на множество других можно выработать подходящий ответ.

Ты расшифровываешь сигнал и приходишь в замешательство:

Я здорово провела время. Получила массу удовольствия. Хотя стоил он вдвое больше любого другого жиголо под куполом…

Чтобы вполне оценить квартет Кизи…

Они ненавидят нас за нашу свободу…

Теперь смотри внимательно…

Пойми.

Эти термины не имеют осмысленного перевода. Они неразумно рефлексивны. Они не содержат полезной информации — и все же организованы логически. Случайно они также возникнуть не могли.

Единственное объяснение состоит в том, что некто зашифровал бессмыслицу под видом полезного сообщения; обман становится очевиден, только когда потрачены время и силы. Сигнал не имеет иной цели, кроме как пожирать ресурсы получателя с нулевым результатом, уменьшая приспособляемость. Это — вирус.

Ни сородичи, ни симбионты, ни союзники не создают вирусов.

Этот сигнал — нападение.

И исходит он вот отсюда.

* * *

— Теперь до тебя дошло, — констатировала Саша.

Я потряс головой, пытаясь уместить в ней безумный, невозможный вывод.

— Они даже не враждебны. Для них такого понятия вообще не существует. Они просто до такой степени чужды нам, что могут воспринимать человеческую речь только как форму агрессии.

Как сказать «Мы пришли с миром», когда сами твои слова объявляют войну?

— Вот почему они не разговаривали с нами, — осознал я.

— Только если Юкка прав. Он может ошибаться.

Это снова появилась Джеймс. Она все еще сопротивлялась, не желала признавать то, что приняли даже ее другие «я». Я видел, почему. Ведь если Сарасти прав, то болтуны — нормальны: эволюция жизни во вселенной не приводит ни к чему, кроме безграничного размножения самородной сложности, она — бесконечная

машина Тьюринга,[84] набитая саморазмножающимися автоматами, никогда не осознающими собственного бытия. А мы… мы уроды, целаканты. Бескрылые птицы, превозносящие свою власть над затерянным островком, в то время как на наши берега выносит крыс и змей. Сьюзен Джеймс не могла заставить себя смириться с этим — так как она, построив свою многоядерную судьбу на убеждении, что любой конфликт можно разрешить в общении, должна была признать ложность своей веры. Если Сарасти прав, надежды на примирение нет.

Перед моим мысленным взором возникло неотвязное воспоминание: идущий человек. Голова его склонена, губы искажены упрямой гримасой, взгляд следит то за одной ступней, то за другой. Ноги ступают осторожно, неуверенно. Руки не шевелятся вовсе. Человек шагает, точно зомби, скованный трупным окоченением.

Я знал, что с ним. Проприоцептивная полинейропатия — история болезни, которую я нашел в КонСенсусе еще до гибели Шпинделя. С таким больным однажды сравнил меня Паг: человек,

---

[84] Примечания: 84

Машина Тьюринга — абстрактная вычислительная машина, способная имитировать действия любого возможного вычислительного устройства.

потерявший мозг. Осталось только самосознание. Лишенный бессознательных ощущений и подпрограмм, которые всегда принимал за данность, больной вынужден сосредоточиваться на каждом шаге, чтобы пересечь комнату. Его тело перестало понимать, где находятся конечности или что они делают. Чтобы сдвинуться с места, чтобы устоять на ногах, ему приходилось постоянно наблюдать за собой.

Когда я просматривал файл, звука не было. И сейчас, в воспоминаниях, царила тишина. Но клянусь, я чувствовал, как стоит за моим плечом Сарасти и заглядывает в мысли. Клянусь, что слышал его голос в своей голове, словно в шизофреническом бреду.

Это лучшее, на что способно сознание само по себе.

— Верный ответ, — пробормотал я. — Неправильный вопрос.

— Что?

— Растрепа, помнишь? Когда ты его спросила, что за предметы изображены на экране.

— Он пропустил болтуна, — Джеймс кивнула. — И?

— Не пропустил. Тебе казалось, ты спрашиваешь о предметах, которые он видит, изобра-

жениях, существующих на плоскости. Растрепа подумал, ты спрашиваешь о том…

— Что он воспринимает, — закончила она.

— Сарасти прав, — прошептал я. — Господи… кажется, упырь прав.

— Эй, — бросила Джеймс, — ты видел…

Но я так и не узнал, на что она указывала. «Тезей» с грохотом опустил заслонки смотрового блистера и завыл.

* * *

Выпускной наступил на девять дней раньше.

Выстрела мы не увидели. Какую бы амбразуру ни отворил в себе «Роршах», он идеально замаскировал ее с трех направлений; лабораторный баллон заслонял бойницу со стороны «Тезея», а два корявых нароста на самом объекте скрывали ее от наших орудийных позиций. Из этого слепого пятна апперкотом ударил болид полыхающей плазмы, расколов лабораторию напополам прежде, чем зазвучал первый сигнал тревоги.

Сирены гнали нас на корму. Мы рвались вниз по хребту — через рубку, через склеп, мимо люков и подполов — подальше от поверхности, в поисках любого укрытия, где между небом и кожей оставалось бы больше пяди. Зарывались.

КонСенсус следовал за нами, окна его гнулись и скользили по распоркам, кабелям и вогнутым стенам самого хребта. Я не смотрел на них, пока мы не оказались в вертушке, глубоко в чреве «Тезея». Где могли делать вид, будто там — безопаснее.

Со стороны носа на закружившуюся палубу вывалилась Бейтс; тактические дисплеи плясали вокруг нее кордебалетом. Наше окошко успокоилось на переборке кают-компании. На картинке дешевым спецэффектом разбухала лаборатория: одновременно разрасталась и съеживалась у нас на глазах, гладкая поверхность сворачивалась внутрь себя, заполняя поле зрения. Я не сразу разрешил противоречие: что-то ударило в нее с дальней стороны, швырнув на нас в ленивом, величественном сальто-мортале. Что-то вспороло пузырь, выплеснув атмосферу и оставив эластичную шкуру съеживаться, точно лопнувший воздушный шарик. На наших глазах место попадания выплыло из-за края, ошпаренная квелая пасть, за которой волочились еле видимые струйки замерзшей слюны.

Орудия «Тезея» открыли огонь. Они палили осколками изолятора, неподвластными электромагнитному обману, — далекими и темными, незримыми для человеческого глаза, но сквозь

тактический прицел огневых роботов я видел их, наблюдал, как они прошивают небеса двойным черным пунктиром. Линии сходились по мере того, как орудия выцеливали мишень, сошлись на двух призрачных, пытающихся убежать сюрикенах, распятых в полете сквозь бездну, обернувшихся к «Роршаху», точно цветы — к солнцу.

Наши пленники не одолели и полпути, как очередь разнесла их в клочья.

Но эти куски продолжали падать, и внезапно поверхность объекта внизу ожила. Я дал увеличение: по корпусу «Роршаха» катилась волна обнаженных космосу болтунов, точно оргия змей. Некоторые сцеплялись щупальцами друг с другом, выстраивая заякоренные одним концом шевелящиеся, хребтоватые цепочки. Они поднимались ввысь, колыхались в радиоактивном вакууме слоевищами суставчатых водорослей, тянулись… цеплялись…

Ни Бейтс, ни ее роботы скудоумием не страдали. Они отстреливали переплетшихся болтунов так же безжалостно, как и беглецов, и с большим успехом. Но мишеней было слишком много, и слишком много ошметков оказалось подхвачено на лету. Дважды я замечал, как собратья подхва-

тывали куски Растрепы и Колобка, растерзанных в клочья.

Лопнувший баллон застил КонСенсус огромным надорванным лейкоцитом. Где-то рядом заныла еще одна сирена: датчик движения. Откуда-то с кормы в вертушку вылетел Каннингем, отлетел от пучка труб и кабелей, уцепился за что-то.

— Твою мать! Мы улетаем, нет? Аманда?

— Нет, — ответил отовсюду Сарасти.

— Чего… — «тебе еще нужно?» Я удержался. — Аманда, что если оно откроет огонь по кораблю?

— Не откроет, — она не отрывала глаз от своих окон.

— Откуда ты…

— Не может. Если бы «Роршах» зарядил в себя чуть больше энергии, мы бы заметили изменения в тепловом спектре и микроаллометрии, — между нами крутился раскрашенный ложными цветами ландшафт, где широты отмеряли время, долготы — дельту массы.[85] Алыми пиками вздымались над равниной килотонны. — Ха. Чуть чуть ниже уровня шума…

— Роберт. Сьюзен, — оборвал ее Сарасти. — На

---

[85] Примечания: 85

Дельта — в данном случае «приращение», первая производная.

выход.

Джеймс побледнела.

— Что? — воскликнул Каннингем.

— Лаборатория сейчас столкнется с кораблём, — отчеканил вампир. — Вытащите оттуда образцы. Немедленно.

Он прервал связь прежде, чем кто-либо успел открыть рот.

Каннингем возражать не собирался. Ему только что отменили смертный приговор: зачем командиру волноваться за сохранность образцов биопсий, если бы он не считал, что у нас есть шанс унести с ними ноги? Биолог взял себя в руки, нацелился в носовой люк.

— Иду, — бросил он и прыгнул вперед.

Должен признать, Сарасти стал лучше разбираться в психологии.

Но на Джеймс, или на Мишель, или — я не мог в точности определить, кто у руля, — мотивация не подействовала.

— Я не могу туда, Сири, это… я не могу…

Только наблюдай. Не вмешивайся.

Порванный баллон бессильно ударился о штирборт и размазался по броне. Мы не ощутили ничего. Вдалеке, и в то же время слишком близко, легионы на поверхности «Роршаха» расходи-

лись. Они исчезали в пастях, проступавших, отворявшихся и волшебным образом вновь смыкавшихся на корпусе объекта. По оставшимся болтунам невозмутимо продолжали вести огонь наши орудия.

Наблюдай.

Банда четырех стробировала передо мной, перепуганная до смерти.

Не вмешивайся.

— Ничего, — проговорил я. — Я пойду.

* * *

Распахнутый шлюз, как оспина на бесконечном обрыве. Из него я выглянул в бездну.

Этот борт «Тезея» был обращен в сторону от Большого Бена, отвернулся от врага. Панорама, тем не менее, открывалась тревожная: бесконечный простор далеких звезд, колких, холодных, немигающих. Единственная, золотая, светила чуть ярче, но казалась столь же далекой. Все слабое утешение, которое мог бы принести мне ее вид, рассеялось, когда солнце на краткий миг померкло: может, пролетающий метеорит… или один из лопатоносых спутников «Роршаха».

Один шаг, и я буду падать вечно.

Но я не оступился и не упал. Нажал на курок,

неторопливо вылетел из шлюза, обернулся. Во все стороны уходил вниз наружный панцирь «Тезея». В направлении носа над горизонтом бронзовой зарей вздымался запечатанный смотровой блистер. Ближе к корме из-за склона выглядывал рваный сугроб: край разбитой лаборатории.

А фоном всему, так близко, что хоть рукой коснись — бесконечные темные тучи Большого Бена: клубящаяся стена, протянувшаяся к далекому плоскому горизонту, который я даже теоретически едва мог себе представить. Присмотревшись, я различил в темноте бесконечные оттенки серого — но отводил взгляд, и на краю поля зрения вспыхивал тусклый, угрюмый жар.

— Роберт? — я вывел на дисплей телеметрию со скафа Каннингема: торосистый, недвижный лед, подсвеченный до контрастности нашлемным фонарем. По изображению катились помехи со стороны магнитосферы «Роршаха». — Ты там?

Шипение и треск. Вздохи и бормотание в электрическом гуле.

— Четыре точка три. Четыре точка ноль. Три точка восемь…

— Роберт?

— Три точ… черт. Что… Ты что там делаешь, Китон? Где Банда?

— Я за нее, — я еще раз спустил курок и поплыл к снежным равнинам. Мимо, хоть руку протяни, катился выпуклый корпус «Тезея». — Тебе пособить.

— Тогда взялись, нет? — он пролезал через расселину, опаленную, рваную дыру в ткани, опадавшей от прикосновений. Распорки, разбитые панели, мертвые манипуляторы ледниковыми наносами загромождали снежную пещеру; очертания их плыли от помех, тени в свете нашлемника растягивались и дергались, точно живые. — Я почти…

В свете фонаря мне почудилось какое-то движение, кроме помех. На самом краю поля зрения что-то развернулось.

Телеметрия сдохла.

Внезапно оказалось, что Бейтс и Сарасти орут у меня над ухом. Я пытался затормозить. Мои дурацкие бесполезные ноги топтали вакуум, подчиняясь древнему стволовому доминированию из тех времен, когда чудовища были прикованы к земле, но к тому моменту, как я вспомнил о том, чтобы нажать на курок, передо мной уже громоздилась лаборатория. За ней, будто совсем рядом, вздымался «Роршах», огромный и зловещий. По его перекрученным граням плоскими

молниями вились тусклые зеленые просверки. Словно тягучие пузыри в грязевом вулкане, сотнями открывались и захлопывались пасти, и в каждой «Тезей» мог уместиться целиком. Я едва заметил судорожное движение прямо впереди, неслышный выброс темной материи из-под опавшего купола. К тому времени, когда я снова заметил Каннингема, биолог уже летел силуэтом на фоне адского трупного свечения, окутавшего «Роршах».

Мне показалось, он машет мне рукой, но я ошибся. То всего лишь болтун, охвативший тело человека, будто несчастная возлюбленная, размахивал щупальцем, направляя пристегнутый к запястью Каннингема реактивный пистолет. Пока-пока, Китон, говорило мне щупальце, и пошел ты на хер.

Я наблюдал, казалось, целую вечность, но больше пришелец не шевельнулся.

Голоса, крики, приказы вернуться внутрь. Я едва слышал их. Я был слишком ошеломлен арифметикой, пытаясь разрешить простейшую задачку на вычитание.

Два болтуна — Растрепа и Колобок. С обоими покончено. Оба у меня на глазах разлетелись в куски.

— Китон, ты слышишь? Возвращайся! Отвечай!

— Я… не может быть, — услышал я собственный голос. — Их было только двое…

— Немедленно на борт! Отвечай!

— Я… Подтверждаю.

Пасти «Роршаха» разом захлопнулись, как будто задержав дыхание. Объект начал тяжеловесный разворот — континент, меняющий курс. И стал отдаляться, вначале медленно, затем набирая скорость, пустившись наутек, прочь. Как странно, подумал я. Может, он боится больше нашего…

И тут «Роршах» послал нам прощальный поцелуй. Я видел, как тот призрачным пламенем вырвался из глубин черного леса. Пронзив небеса, он расплескался о крестец «Тезея», выставив Аманду Бейтс полной, безнадежной дурой. Обшивка нашего корабля потекла, распахнулась, словно рот, и застыла в неслышимом, замороженном вопле.

* * *

Невозможно одновременно стремиться к миру и готовиться к войне.

Альберт Эйнштейн

Понятия не имею, добрался ли болтун до своей цели со столь тяжело давшейся добычей. Слишком большое расстояние ему предстояло одолеть, даже если орудия не расстреляли его по дороге. В пистолете Каннингема могло кончиться топливо. И кто знает, долго ли эти существа способны жить в вакууме? Возможно, надежды на успех и не было вовсе, может, тот болтун погиб в ту минуту, как рискнул остаться. Я так и не выяснил. Уменьшаясь, существо скрылось с глаз задолго до того, как «Роршах» нырнул под облака и, в свою очередь, исчез.

Разумеется, их с самого начала было трое. Растрепа, Колобок и полузабытые, зажаренные останки пришельца, которого убил обнаглевший пехотинец, уложенные в холодильник рядом с еще живыми собратьями, в пределах досягаемости каннингемовых манипуляторов. Потом я пытался выдавить из памяти полузамеченные подробности: оба ли беглеца имели шаровидную форму или один был приплюснут? Оба ли бились в полете, размахивая щупальцами, как паникует

человек, не ощутив под ногами опоры? Или, может, один безжизненно плыл по инерции, покуда наши же орудия не уничтожили улики?

К тому моменту это уже не имело никакого значения. Действительно волновал другой факт — в конце концов, все сравнялись. Кровь пролита, война объявлена.

А «Тезей» парализован ниже пояса.

Парфянская стрела «Роршаха» пробила броню в основании хребта, едва миновав магнитную воронку и теленигилятор. Она могла бы уничтожить фабрикатор, если бы не растратила столько джоулей, прожигая панцирь, но, если не считать преходящих эффектов ЭМП, все критические системы оставались в рабочем состоянии. Все, что ей удалось сделать — настолько ослабить позвоночник корабля, что тот переломился бы пополам, вздумай мы дать достаточный импульс для схода с орбиты. Корабль сможет исправить урон, но не к сроку.

Если «Роршаху» просто повезло — то ему, надо думать, сопутствовала потрясающая удача.

И теперь, изувечив жертву, он исчез. Все, что ему было от нас нужно — на данный момент, — он получил. Он располагал информацией: всем опытом и всеми догадками, зашифрованными в

спасенных ошмётках его шпионов-мучеников. Если гамбит Растрепы (или Колобка) оправдался, у «Роршаха» появился даже собственный образец для опытов, в чем мы, учитывая обстоятельства, никак не могли его винить. Так что теперь он незримым таился в глубине. Наверное, отдыхал. Заправлялся.

Но он вернется.

К последнему раунду «Тезей» сбросил вес. Мы остановили вертушку в символической попытке уменьшить набор уязвимых движущихся частей. Банда четырех — безвластная, бесполезная, насильно лишенная самой цели бытия — отступила в некий внутренний диалог, куда не было доступа иной плоти. Она парила в наблюдательном Пузыре; плотно зажмурила веки, словно свинцовые шторы вокруг. Я не смог определить, кто стоит у руля.

— Мишель? — предположил я.

— Сири… — Сьюзен. — Лучше уйди.

Бейтс парила у дна вертушки; вокруг по переборкам и на столе разбросаны окна.

— Чем могу помочь? — спросил я. Она не подняла головы.

— Ничем.

Так что я наблюдал. В одном окне майор пере-

считывала шумовки — масса, момент импульса, любая из десятка переменных, которые окажутся даже слишком постоянными, если какая-нибудь из тупоносых ракет нацелится нам в сердце. Они наконец-то нас заметили. Их хаотическая электронная кадриль меняла ритм, сотни тысяч колоссальных кувалд переплетали траектории в зловещем текучем узоре, который еще не устоялся достаточно, чтобы мы могли предсказать результат.

В другом окне бесконечно повторялся фокус с исчезновением «Роршаха»: радарный отсвет, тающий в глубине мальстрема, гаснущий под тератоннами газообразных радиопомех. Объект оставался на своего рода орбите. Судя по последним наблюдаемым отрезкам траектории, «Роршах» сейчас мог завершать облет планетного ядра, пронизывая стиснутые тяготением слои метана и угарного газа, которые раздавили бы «Тезей» в прах. Возможно, он не остановился на этом; уверен, «Роршах» мог бы невредимым миновать обширные регионы страшного давления, где текут водой железо и водород.

Мы не знали, но хорошо понимали: чудовище вернется меньше чем через два часа, если, конечно, не изменит траектории и переживет

глубину. А оно, конечно, переживет. Тварь под кроватью нельзя убить. Можно только занавесить простыней.

Ненадолго.

Внимание мое привлекла пестрым пятном свернутая контролька. По моему приказу она разрослась в плывущий мыльный пузырь, неуместно прекрасный, — блистающая радуга дутого лазурного стекла. Я не сразу узнал: Большой Бен, раскрашенный ложными цветами никогда прежде не встречавшегося мне отображения. Я тихонько хмыкнул.

Бейтс глянула вверх.

— О. Красиво, да?

— Это какой диапазон?

— Длинные волны. Видимый красный, инфра и чуть ниже. Удобно тепловые следы искать.

— Видимый красный?

Красного я почти не видел; в основном фракталы холодной плазмы, окрашенные сотней оттенков сапфира и нефрита.

— Квадрохроматическая палитра, — пояснила Бейтс. — Так видят кошки. Или вампиры, — она равнодушно повела рукой в сторону радужного пузыря. — Что-то похожее видит Сарасти всякий раз, как выглядывает наружу. Если выглядывает.

— Мог бы и намекнуть, — пробормотал я.

Зрелище было великолепное — голографическое украшение. В таких глазах даже «Роршах» может показаться произведением искусства…

— Не думаю, что они воспринимают мир, как мы, — Бейтс открыла новое окно. Со стола поднялись банальные графики и контурные диаграммы. — Они даже, как я слышала, на Небеса не попадают. Виртуальная реальность на них не действует, они… пиксели видят или что-то в этом роде.

— Что, если он прав? — спросил я.

Я убеждал себя, будто интересуюсь исключительно тактической оценкой ситуации, официальным мнением для протокола. Но голос мой прозвучал неуверенно и испуганно.

Бейтс помедлила. На миг я испугался, что и ей тоже, наконец, осточертело моё общество. Но она только подняла голову, и уставилась в забортную даль.

— Что, если он прав, — повторила она и поразмыслила над вопросом, который скрывался глубже: что же нам тогда делать? — Мы могли бы, наверное, лишить себя самосознания. Возможно, со временем это увеличило бы наши шансы.

Она глянула на меня с тоскливой полуулыб-

кой.

— Но это, наверное, была бы не совсем победа? Какая разница — мертв ты или просто не сознаешь, что жив?

И тут я увидел.

Много ли времени потребуется вражескому тактику, чтобы распознать характер Бейтс за действиями ее солдат на поле боя? Скоро ли высветится очевидная логика? В любом бою майор естественным образом вызывала на себя основной объем вражеского огня: отруби голову — и тело умрет. Но Аманда Бейтс не просто контролировала свою армию, она ее сдерживала, служила ошейником, и ее тело навряд ли пострадало бы от обезглавливаний: смерть майора всего лишь спустила бы робосолдат с поводка. Насколько смертоносней станут ее пехотинцы, когда каждому их действию на поле боя не придется вставать в очередь и получать печать разрешения от человеческого мозга?

Шпиндель все перепутал. Аманда Бейтс служила вовсе не подачкой политикам; ее роль не утверждала непреходящую необходимость человеческого присмотра. Ее позиция такую необходимость отрицала.

В гораздо большей мере, нежели я, она была

пушечным мясом. И должен признать: после того, как поколения генералов жили ради грибовидной славы, то был весьма эффективный метод излечивать милитаристов от бессмысленной тяги к насилию. В армии Аманды Бейтс рваться в бой значило вставать на передовой с мишенью на груди.

Неудивительно, что она так прикипела к мирным альтернативам.

— Прости, — прошептал я. Она пожала плечами.

— Еще ничего не кончено. Это был только первый раунд, — майор глубоко, протяжно вздохнула и снова обернулась к орбитальным диаграммам. — «Роршах» не пытался бы поначалу так старательно отпугнуть нас, если бы мы не могли ему навредить, так?

Я сглотнул.

— Так.

— Значит, шанс еще есть, — она кивнула себе. — Шанс еще есть.

* * *

Демон расставил фигуры для последней игры. Их осталось немного. Солдата он разместил в рубке. Устаревших лингвистов и дипломатов

уложил обратно в ящик, с глаз долой.

Жаргонавта вызвал в свои покои — и хотя я в первый раз после нападения должен был столкнуться с ним, приказ его прозвучал без малейшего сомнения в том, что синтет подчинится. Я подчинился. Явился согласно распоряжению и увидел, что демон окружил себя лицами.

И все они до последнего кричали.

Звука не было. Бестелесные голограммы молчаливыми рядами парили вдоль стен пузыря, искаженные разнообразными гримасами боли. Их пытали, эти лица; полдюжины реальных национальностей и вдвое больше гипотетических, цвет кожи — от угольного до мучнистого, лбы — высокие и скошенные, носы орлиные или курносые, челюсти выступающие или срезанные. Сарасти вызвал к призрачному бытию перед собой целое древо гоминид, потрясающее своим разнообразием и пугающее общностью выражения.

Море искаженных лиц кружилось неторопливыми орбитами вокруг моего господина, вампира.

— Господи, что это?!

— Статистика, — Сарасти, кажется, не сводил глаз с освежеванного китайчонка. — Аллометрия

роста «Роршаха» за двухнедельный период.

— Эти лица…

Он кивнул и обратил внимание на женщину без глаз.

— Поперечник черепа соотносится с общей массой. Длина нижней челюсти соответствует прозрачности на волне один ангстрем. Сто тринадцать краниометрических показателей представляют различные переменные.

Комбинации основных компонентов отображены сложными соотношениями пропорции, — он повернулся ко мне, лишь слегка скосив не скрытые очками поблескивающие глаза. — Ты удивишься, как много серого вещества отведено на анализ лицевых образов. Стыдно тратить его на что-то настолько… противное здравому смыслу, как графики остатков или факторные таблицы.

Челюсти мои поневоле стиснулись.

— А выражения лиц? Что означают они?

— Программа подгоняет изображения под вкусы пользователя.

Со всех сторон молила о пощаде галерея пыток.

— Я прошит для охоты, — мягко напомнил он.

— Думаешь, я этого не знаю? — отозвался я секунду спустя.

Он до жути по-человечески пожал плечами.

— Ты спросил.

— Зачем ты меня звал, Юкка? Хочешь преподать еще один наглядный урок?

— Хочу обсудить наш следующий ход.

— Какой ход? Мы не можем даже удрать.

— Нет.

Он покачал головой, оскалил подточенные клыки в чем-то, напоминающем раскаяние.

— Почему мы ждали так долго? — моя вызывающая угрюмость внезапно испарилась. Голос прозвучал по-детски, испуганный и умоляющий. — Почему мы просто не удрали, когда только прибыли на место, когда оно было слабее?

— Мы должны узнать больше. На следующий раз.

— Следующий? Я думал, «Роршах» — это семя одуванчика. Я полагал, его просто… вынесло сюда…

— Случайно. Но каждый одуванчик — клон. Имя их семенам — легион, — снова улыбка, совершенно неубедительная… — И, возможно, плацентарные не с первого раза покоряют Австралию.

— Оно нас уничтожит. Ему не нужны даже шаровые молнии, оно может растоптать нас любой

из шумовок. Вмиг.

— Оно не хочет.

— Откуда ты знаешь?

— Они тоже хотят узнать побольше. Мы нужны им целыми. Это увеличивает наши шансы,

— Не слишком. Победить-то мы не можем.

Это был сигнал. На этом месте Дядя Людоед должен был улыбнуться, подивившись наивности тупого жаргонавта, и поведать мне свои тайны. Конечно, должен был сказать он, мы вооружены до зубов. Ты, правда, думаешь, что мы одолели такой путь и встретились лицом к лицу с великим неведомым, не имея способов защитить себя? Теперь, наконец, я могу открыть, что броня и вооружение составляют более половины массы корабля…

Это был сигнал.

— Нет, — проговорил он. — Победить мы не сможем.

— Значит, нам остается просто сидеть сложа руки. И ждать смерти в ближайшие… ближайшие шестьдесят восемь минут…

Сарасти покачал головой.

— Нет.

— Но… — начал я и тут же оборвал фразу.

Точно, мы же под завязку наполнили емко-

сти с антивеществом. «Тезей» не имел на борту оружия. «Тезей» сам был оружием. И мы действительно ближайшие шестьдесят восемь минут будем сидеть сложа руки, ожидая смерти.

Но, погибнув, заберем «Роршах» с собой.

Сарасти ничего не сказал. Мне стало интересно — а что он видит, когда смотрит на меня? И есть ли внутри этого черепа на самом деле Юкка Сарасти, не проистекают ли его озарения — всегда обгоняющие наши на десять шагов — не столько из недосягаемых аналитических способностей, сколько из затрепанной максимы: подобное к подобному.

Чью сторону, подумал я, принял бы зомби?

— Тебе и без этого есть о чем волноваться, — заметил вампир.

Он подвинулся ко мне; клянусь, измученные лица провожали его взглядами. Мгновение Сарасти рассматривал меня; вокруг глаз пролегли морщинки. А может, какой-нибудь бессмысленный алгоритм обрабатывал входящие данные, соотносил краниометрические отношения и движения мимических мышц, сдавал результат подпрограмме вывода, осознавая себя не больше, чем статистический график. Может, в лице твари передо мной было не больше смысла, чем во всех

остальных лицах, неслышно вопящих ей вслед.

— Сьюзен тебя боится? — спросил упырь.

— Сью… с какой стати?

— В ее голове обитают четыре сознания. Она в четыре раза разумнее тебя. Не делает ли это тебя угрозой?

— Нет, конечно.

— Тогда почему ты считаешь угрозой меня?

И внезапно мне стало наплевать. Я рассмеялся в голос. Мне нечего было терять, кроме нескольких минут жизни.

— Почему? Может, потому, что ты мой естественный враг, сука. Может, потому, что я тебя знаю, и ты не можешь даже глянуть на любого из нас, не выпустив когти. Может, потому, что ты едва не оторвал мне руку нахрен и набросился на меня без всякой причины…

— Я могу представить, на что это похоже, — тихо проговорил он. — Пожалуйста, не заставляй меня повторять.

Я разом заткнулся.

— Знаю, твое и мое племя никогда не жили в мире, — в голосе его слышалась ледяная усмешка, которой не было на губах. — Но я делаю лишь то, на что вы меня толкаете. Вы рационализируете, Китон. Вы защищаетесь. Отвергаете неудобные

истины, а если не можете отвергнуть с ходу — низводите. Вам вечно недостает доказательств. Вы слышите о Холокосте; вы прогоняете мысль из головы. Вы видите свидетельства геноцида; вы настаиваете, что не так все плохо. Температура растет, тают ледники — вымирают виды, — а вы вините солнечные пятна и вулканы. Все вы такие, но ты — хуже всего. Ты и твоя «китайская комната». Ты превращаешь непонимание в науку, ты отвергаешь истину, даже не зная, что это такое.

— Оно неплохо мне послужило, — я изумился, с какой легкостью отправил всю свою жизнь в прошедшее время.

— Да, если твоя цель — лишь переводить. Теперь тебе придется убеждать. Придется верить.

В подтексте этих фраз крылось такое, на что я не смел надеяться.

— Ты хочешь сказать?

— Нельзя позволить правде просачиваться по капле. Нельзя дать вам шанса укрепить дамбы и выставить рационализации. Преграды должны рухнуть. Вас должно захлестнуть. Снести. Невозможно отрицать геноцид, сидя по горло в океане расчлененных тел.

Он играл мной. Все это время. Подготавливал, выворачивал мою топологию наизнанку.

Я чувствовал — что-то происходит. Только не понимал, что.

— Я бы все понял, — промямлил я, — если бы ты не заставил меня вмешаться.

— Мог бы даже прямо с меня считать.

— Так вот почему ты… — я покачал головой. — Я думал, потому что мы — мясо.

— И поэтому тоже, — признал Сарасти и посмотрел мне в лицо.

В первый раз я столкнулся с ним взглядом. И был потрясен, узнав….

До сих пор гадаю, почему не заметил этого раньше. Все эти годы я хранил в памяти мысли и чувства другого, юного человека, остатки того мальчишки, которого мои родители вырезали у меня из-под черепа, чтобы освободить место для нового Сири. Он был настоящий. Его Мир был живым. Я мог проигрывать для себя воспоминания той, Другой личности, но в рамках собственной практически ничего не чувствовал.

Наверное, сомнамбулизм — и не такое плохое слово для этого…

— Хочешь, я расскажу тебе вампирскую сказку? — спросил Сарасти.

— У вампиров бывают сказки?

Он принял это за согласие.

— Лазеру поручают найти темноту. Он живет в комнате без дверей, без окон, без других источников света и думает, что выполнить задание будет легко. Но куда бы он ни обернулся, он видит свет. Каждая стена, каждый предмет обстановки оказываются ярко освещенными. В конце концов, лазер заключает, что темноты нет, что свет повсюду.

— Какого черта ты имеешь в виду?

— Аманда не готовит мятеж.

— Что? Ты знаешь о…

— Даже не думает. Спроси ее, если хочешь.

— Нет… я…

— Ты ценишь объективность.

Ответ был так очевиден, что я не озаботился его озвучить. Вампир все равно кивнул.

— Синтету непозволительно иметь собственное мнение. Так что если оно у тебя появилось — значит, оно чужое. Команда тебя презирает. Аманда хочет отстранить меня от командования. Половина из нас — ты. Полагаю, это называется «проекция». Хотя, — он склонил голову к плечу, — в последнее время ты исправился. Пойдем.

— Куда?

— В ангар. Пора выполнить свое задание.

— Мое…

— Выжить и засвидетельствовать.

— Робот…

— Может передать данные — если только ему не выжжет память, прежде чем он покинет систему. Робот никого не в силах убедить. Робот не в силах пробиться сквозь рационализации и отрицание очевидного. Робот не может достучаться. А вампиры… — он запнулся, — …не лучшие ораторы.

Этим словам полагалось вызвать мелочную, эгоистичную радость.

— Все ложится на меня, — проговорил я. — Вот что ты хочешь сказать. Я сраный стенографист, и все ложится на меня.

— Да. Прости меня за это.

— Простить тебя?

Сарасти взмахнул рукой. Лица сгинули; осталось лишь два.

— Ибо не ведаю, что творю.

* * *

Новости расцвели в КонСенсусе за несколько секунд до того, как Бейтс их огласила: тринадцать шумовок не показались из-за Большого Бена по графику. Шестнадцать. Двадцать восемь.

Отсчет пошел.

Сарасти пощелкивал про себя, пока они с

майором играли в салки. Тактический дисплей заполняли многоцветные сияющие нити, клубок обновленных прогнозов, сложных, как искусство. Они оплетали планету волокнистым коконом; «Тезей» висел в отдалении нагой искрой.

Я ожидал, эти линии наколют нас, точно иглы — бабочку. Странно, ни одна из них этого не сделала, но модель охватывала только ближайшие двадцать пять часов и оставалась надежной вдвое меньше. Даже Сарасти и Капитан не могли заглянуть в будущее дальше, когда в воздухе так много булав. Однако и у этой тучи была слабенькая светлая изнанка: стада скоростных левиафанов не могли просто прихлопнуть нас без предупреждения. Очевидно, для этого им все же придеться лечь на нужный курс.

После того как нырнул «Роршах», я уже подумал, что законы физики отменились.

И траектории излучали угрозу. Минимум три шумовки на ближайшем обороте должны были пройти в сотне километров от нас.

Сарасти, раскрасневшись, потянулся за инъектором.

— Пора. Пока ты дуешься, мы переоборудуем «Харибду».

Он приставил иглу к горлу, сделал укол. Я про-

должал пялиться в КонСенсус, пойманный в текучую паутину огней, словно мошка у фонаря.

— Сири, сейчас же.

Он вытолкнул меня из своей палатки. Я выплыл в коридор, ухватился за подвернувшуюся ступеньку — и замер.

Хребет кишел солдатиками. Они патрулировали туннель, стояли на посту у фабов и шлюзов, огромными насекомыми цеплялись за ступени раздвигающихся позвоночных лестниц. Медленно и неслышно растягивался сам корабль.

Такое может быть, вспомнил я. Гофры хребта сжимались и расслаблялись, точно мышцы, ствол звездолета мог вытянуться на две сотни метров, чтобы удовлетворить запоздалую нужду в лабораторном или свободном пространстве.

Или пехоте. «Тезей» расширял поле боя.

— Идем. — Упырь обернулся в сторону кормы.

— Что-то происходит, — вмешалась Бейтс сверху.

Мимо прополз прилепленный к расширяющейся переборке аварийный наладонник. Сарасти подхватил его, набрал команду. На стене проявилось рабочее окно Бейтс: крошечный кусочек Большого Бена, экваториальный квадрант всего парой тысяч километров в поперечнике. Там

вскипали тучи, там зарождался бурлящий вихрь, кружащийся слишком быстро, чтобы казаться реальным. Поверх изображения накладывались круговерти заряженных частиц, скованных спиралью Паркера. Там поднималась из глубины туша.

Сарасти защелкал горлом.

— МРИ?[86] — спросила Бейтс.

— Только оптический диапазон.

Сарасти подхватил меня за руку и без усилий поволок в сторону кормы. Окно бежало рядом с нами по переборке; на глазах у меня семь шумовок вырвались из-под облаков, неровный круг раскаленных докрасна прямоточников, рвущихся в космос. Миг спустя КонСенсус просчитал их траектории; сияющие дуги вознеслись, обнося корабль, точно прутья клетки.

«Тезей» содрогнулся.

В нас попали, подумал я. Внезапно неторопливое расширение хребта перешло на форсаж; складчатые стенки дернулись, расправляясь, потекли мимо моих протянутых пальцев, в то время как захлопнутый люк уплывал вперед…

…уплывал вверх.

---

[86] Примечания: 86
Магниторезонансное изображение.

Это не стены двигались. Это мы падали под шальное, пронзительное блеяние сирены.

Что-то едва не вырвало мне сустав из плеча — Сарасти одной рукой вцепился, пролетая, за ступеньку лестницы, а другой поймал меня, иначе нас обоих размазало бы о торец фабрикатора. Мы повисли. Я весил, должно быть, килограммов двести; пол содрогался в десяти метрах у меня под ногами. Корабль стонал вокруг нас. Хребет полнился скрежетом гнущегося металла. Пехотинцы Бейтс цеплялись за стены когтистыми лапами.

Я потянулся к лестнице. Та шарахнулась прочь: «Тезей» гнулся посередине. Мы с Сарасти разворачивались к центру хребта, словно маятник на цепочке.

— Бейтс! — взревел вампир. — Джеймс!

Его судорожная хватка на моем запястье ослабела. Я потянулся к лестнице, раскачался, поймал.

— Сьюзен Джеймс забаррикадировалась в рубке и отключила автономное управление кораблем, — незнакомый голос, невыразительный и мерный. — Она без согласования запустила двигатель. Мною начато контролируемое заглушение реактора. Предупреждаю: маршевый привод будет в нерабочем состоянии на протяжении минимум двадцати семи минут.

Это, понял я, корабль спокойно возвысил голос над воем сирен. Сам Капитан. С Обращением к Экипажу. Необычно.

— Рубка! — рявкнул Сарасти. — Открыть канал!

Кто-то кричал. Были в этом крике слова, но я не мог их разобрать.

Внезапно Сарасти отпустил меня.

Он рухнул наискось вниз. Там его поджидала переборка, чтобы прихлопнуть, точно муху. Через полсекунды ему переломает обе ноги, если не размажет сразу…

Внезапно мы снова оказались в невесомости, а у Юкки Сарасти — синеющего, окостеневшего — пошла изо рта пена.

— Реактор отключен, — доложил Капитан. Вампир ударился о стену и отлетел. У него припадок, понял я.

Я отпустил лестницу, оттолкнулся. Вокруг меня кособоко кружил «Тезей». Сарасти бился в воздухе, с губ его срывались щелчки, свист, сдавленный хрип. Глаза распахнулись так широко, что веки исчезли без следа. Зрачки стянулись в зеркально алые точки. Кожа на лице подергивалась, будто пытаясь уползти прочь.

Впереди и сзади боевые роботы удерживали

позиции, не обращая внимания на нас.

— Бейтс! — заорал я, задрав голову. — Нам нужна помощь!

Всюду — углы. Сварные швы на стенах. Резкие тени и выступы на броне каждого робота. Решетка врезок две-на-три, в черных рамочках, плывущая в главном окне КонСенсуса: два здоровенных сросшихся креста прямо напротив того места, где висел Сарасти.

Это невозможно. Он только что принял свои антиэвклидики. Я видел. Если только…

…Кто-то не подменил ему лекарство.

— Бейтс! — она поддерживала контакт с пехотой, роботы при первом же признаке беды должны были ринуться к нам на помощь и уже волочь командира в лазарет. Они ждали, невозмутимые и недвижные. Я уставился на ближайшего. — Бейтс, ты там? — и — на случай, если нет — обратился напрямую к пехотинцу: — Ты в автономном режиме? Голосовые команды принимаешь?

Отовсюду на нас взирали роботы; Капитан только смеялся надо мной голосами сирен.

Лазарет.

Я оттолкнулся. Сарасти осыпал шальными ударами мои плечи и затылок. Он соскользнул

вперед и вбок, врезался прямо в плывущий дисплей КонСенсуса, отлетел к центру хребта. Я прыгнул за ним…

…и уловил что-то уголком глаза…

…обернулся…

Прямо в центре экрана из-под бурлящей маски Бена, словно кит, вынырнул «Роршах». Не просто обработанное изображение: объект светился глубоким, злым багрянцем. Разгневанное чудовище устремилось в космос, огромное, как горный хребет.

Сука-тварь-ненавижу…

«Тезей» шатнуло. Свет замигал, погас, включился снова. Разворачивающаяся переборка отвесила мне подзатыльник.

— Резерв задействован, — спокойно сообщил Капитан.

— Капитан! Сарасти без сознания! — я оттолкнулся от ближайшей лестницы, врезался в солдатика и полетел в сторону вампира. — Бейтс не… что мне делать?!

— Автопилот отключен. Афферентные каналы штирборта отключены.

Он даже не со мной разговаривает, понял я. Может, это вообще не Капитан. Может, это у него чисто рефлекторное: диалоговое дерево витий-

ствует социальной рекламой. Возможно, «Тезей» уже лоботомирован, а это всего лишь голос рептильного мозга.

Снова темнота. И опять мигающие огни.

Если Капитан отключился, нам крышка.

Я подтолкнул Сарасти. Сирена продолжала завывать. До вертушки оставалось двадцать метров; прямо за тем захлопнутым люком — медотсек. Прежде, вспомнил я, люк был распахнут. Кто-то закрыл его в последние несколько минут. К счастью, двери на «Тезее» не запирались.

Если только Банда не приперла его чем-нибудь, прежде чем захватить мостик…

— Ребята, пристегивайтесь! Мы уматываем! Какого черта?!

Открытый канал связи с рубкой. Там кричала Сьюзен Джеймс. Или кто-то еще; я не мог узнать голос…

Десять метров до вертушки. «Тезей» снова дернулся, замедлил вращение. Выровнялся.

— Запустите кто-нибудь гребаный реактор! У меня работают только маневровые!

— Сьюзен? Саша? — я подплыл к люку. — Кто там?

Протолкнулся мимо Сарасти, потянулся к рукоятке. Нет ответа.

Из КонСенсуса, по крайней мере. Я уловил приглушенный гул за спиной, на миг позже, чем следовало, заметил зловещую тень на переборке. И обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как один из пехотинцев поднимает шипастую конечность — кривую и острую, как ятаган, — над головой Сарасти.

Вовремя, чтобы увидеть, как игла вонзается вампиру в череп.

Я застыл. Металлический хоботок выдернулся, темный и блестящий. Боковые жвальца принялись пожевывать основание черепа. Обездвиженное тело Сарасти уже не билось, а лишь подрагивало — мешок мускулов и забитых помехами двигательных нервов.

Бейтс.

Ее мятеж шел полным ходом. Нет, их мятеж — Бейтс и Банды. Я знал. Я воображал. Я предвидел.

А он мне не поверил.

Освещение погасло снова. Сирены смолкли. КонСенсус стянулся в мерцающую загогулину на переборке и погас; в последний миг я увидел кое-что на экране — и отказался это осмысливать. У меня перехватило дыхание, я чувствовал, как надвигаются сквозь тьму костлявые чудовища. Что-то вспыхивало прямо по курсу — краткое

стаккато огней в бездне. Я различал ошеломляющие углы и очертания. Треск и гул коротких замыканий.

За рифленой створкой люка вертушки послышался металлический лязг. Луч жестокого химического света ударил меня, когда я обернулся, озаряя механический строй за моей спиной; роботы разом отделились от опоры и воспарили. Суставы их лязгнули в унисон, словно войско чеканило шаг.

— Китон! — рявкнула Бейтс, вылетая из люка. — Живой?

На лбу у нее горел химфонарик. Он превращал внутренности хребта в контрастную мозаику бледных поверхностей и резких ползучих теней. Свет озарил пехотинца, убившего Сарасти; робот отлетел в глубину хребта, внезапно и загадочно оцепенев. Свет омыл тело вампира. Труп медленно кружился в воздухе. Сферические алые бусины срывались с черепа, словно капли воды из протекающего крана, и расходились изогнутым, расширяющимся следом, подсвеченные фонарем Бейтс: спиральный рукав кроваво-темных солнц.

Я отшатнулся.

— Ты….

Она оттолкнула меня.

— Не стой в проходе, если только не лезешь внутрь, — Бейтс не спускала глаз с шеренги роботов. — Оптический прицел.

Ряды стеклянных глазок отблескивали из тоннеля, то уходя в тень, то возвращаясь.

— Ты убила Сарасти!

— Нет.

— Но…

— Кто, по-твоему, отключил робота, Китон? Сукин сын сбрендил. Я едва заставила его самоуничтожиться, — ее взгляд на миг ушел в себя; по всему хребту уцелевшие солдаты, полуразличимые в пляшущем луче фонаря, затеяли некий сложный воинский танец.

— Лучше, — заметила она. — Теперь они вроде бы останутся в строю. Если только по нам не врежут посильнее.

— Чем в нас стреляют?

— Молниями. Электромагнитными импульсами, — роботы расползались к фабу и челнокам, занимая стратегические позиции вдоль тоннеля. — «Роршах» набрал охрененный заряд, и всякий раз как эти шумовки пролетают, между нами вспыхивает дуга.

— Что — на такой дистанции?! Я думал, мы… импульс…

— Не в том направлении. Мы падаем.

Три пехотинца парили так близко, что можно было достать рукой. Выцеливали распахнутый люк вертушки.

— Она сказала, что хочет сбежать… — вспомнил я.

— Облажалась.

— Не настолько же. Не могла она, — нас всех прогнали через курс пилотирования. На всякий случай.

— Не Банда, — ответила Бейтс.

— Но…

— Думаю, там теперь кто-то новенький. Набор субмодулей закрепился каким-то образом и проснулся. Не знаю. Но кто бы ни стоял у руля, думаю, оно просто запаниковало.

Со всех сторон — сбивчивый блеск. Световые ленты вдоль хребта замигали и, наконец, загорелись ровно, хотя и вдвое тусклей обычного.

«Тезей» прокашлялся помехами и заговорил:

— КонСенсус отключен. Реак…

Голос затих.

КонСенсус, вспомнил я, когда Бейтс повернулась, чтобы двинуться обратно.

— Я видел кое-что, — проговорил я. — Прежде чем система рухнула.

— Ага.

— Это?..

Она промедлила на пороге.

— Да.

Я видел болтунов. Сотни болтунов, летящих нагими сквозь бездну, раскинув щупальца. Но не все щупальца.

— Они несли…

Бейтс кивнула.

— Оружие, — глаза ее обратились на миг в незримую даль. — Первая волна нацелена на носовой конец корабля. Думаю, блистер и передний шлюз. Вторая волна — корма, — она покачала головой. — Хм. Я бы сделала наоборот.

— Сколько еще?

— Сколько? — Бейтс слабо усмехнулась. — Они уже на корпусе, Сири. Мы вступили в бой.

— Что же мне делать? Мне-то что делать?

Она глянула мимо меня и выпучила глаза. Открыла рот.

Сзади на мое плечо опустилась рука, я развернулся. Сарасти. Мертвые глаза взирали из-под черепа, расколотого, точно арбуз. К волосам и коже насосавшимися клещами липли капли сворачивающейся крови.

— Ступай с ним, — ответила Бейтс. Сарасти

захмыкал, защелкал. Слов не было.

— Что… — начал я.

— Марш. Это приказ, — Бейтс снова повернулась к люку. — Мы прикроем.

Челнок.

— Ты тоже.

— Нет.

— Почему? Без тебя они могут сражаться лучше, ты сама говорила! Так какой толк?

— Нельзя оставлять себе запасного выхода, Китон. Смысл теряется, — она позволила себе грустно, чуть заметно улыбнуться. — Корпус пробит. Иди.

Майор сгинула, оставляя за собой след воющих сирен. Далеко в носовом конце послышался лязг захлопывающихся аварийных перегородок.

Живой труп Сарасти забулькал, подталкивая меня вниз по хребту. Еще четверо пехотинцев тихо проскользнули мимо, заняв позиции позади нас. Я глянул через плечо, как раз чтобы заметить, как вампир снимает со стены наладонник. Но это, конечно, был уже не Сарасти. Просто Капитан — то, что от него осталось к этой минуте, — экспроприировал для своих нужд периферическое устройство. Из затылка упыря, куда раньше подсоединялся кабель, теперь торчал оптический

порт. Я вспомнил, как шевелились жвальца робота.

Позади нас нарастал грохот выстрелов и рикошетов. Пока мы летели, труп печатал что-то одной рукой. Я на миг изумился, отчего он не говорит, прежде чем вернулся взглядом к вбитому в череп шипу: должно быть, речевые центры смяты в кашу.

— Зачем ты его убил? — спросил я. В вертушке завыла новая сирена. На миг меня толкнул назад резкий порыв ветра и пресекся в следующую секунду с отдаленным лязгом.

Труп протянул наладонник в текстовом режиме:

Прступ. Не мг управ.

Мы добрались до шлюзов. Роботы-часовые пропустили нас, занятые другим. Иди — приказал Капитан.

Издалека донесся крик. Где-то посреди хребта захлопнулся люк; обернувшись, я увидел, как два пехотинца заваривают швы. Казалось, теперь они движутся быстрее, чем прежде. А может, меня обманывала фантазия.

Люк шлюзовой камеры по правому борту распахнулся. Замерцало, заплескав светом проход, внутреннее освещение «Харибды»; по контрасту

аварийные фонари хребта казались еще тусклее. Я заглянул в дверь. Свободного места в кабине почти не осталось — только единственный распахнутый гроб, втиснутый между баками с хладагентом и горючим, громоздкими усиленными амортизаторами. «Харибду» переоборудовали для дальних полетов с высоким ускорением. Для меня. Труп Сарасти подтолкнул меня в спину. Я обернулся.

— Это хоть когда-нибудь был он? — спросил я.

Иди.

— Скажи. Он хоть раз говорил за себя? Решал ли хоть что-нибудь сам? Следовали мы хоть раз его указаниям или это все время был ты?

Неживые, стеклянные глаза Сарасти непонимающе пялились на меня. Пальцы его заскребли по наладоннику.

Лди плхо выплняют прикзы мшн. Так вам спкойней.

Я позволил зомби пристегнуть меня и захлопнуть крышку. Лежал в темноте, чувствуя, как нас мотает и бросает. Челнок ложится в стартовую шахту. Я стерпел внезапную тишину, когда разомкнулись стыковочные захваты, спазм ускорения, сплюнувший меня в пустоту, и нескончаемый разгон, давивший на грудь

мягким курганом. Вокруг меня содрогался от нагрузки, намного превосходившей нормативную, челнок.

Снова включились накладки, внезапно. Я мог бы выглянуть наружу, если бы хотел. Мог увидеть, что творится за моей спиной.

Я не стал. Я отводил взгляд, упрямо и отчаянно.

К этому моменту «Тезей» уменьшался даже на тактическом дисплее. Корабль, спотыкаясь, ковылял вниз по склону гравитационного колодца, вихляя, скорее всего, намеренно, в последних маневрах, призванных подтащить бомбовую нагрузку как можно ближе к мишени. «Роршах» поднимался ему навстречу, раскрывая скрюченные шипастые щупальца, потягиваясь, будто готовился заключить противника в объятья. Но внимание приковывали не соперники, а фон: лик Большого Бена бурлил в кормовых камерах, наполняя окно кипящими вихрями. Поверх изображения ложились тугие магнитные линии. «Роршах» перетягивал магнитосферу планеты на себя, точно пестрый широкий плащ, свивая ее в тугой узел, который разрастался, наливался светом, бугрился…

«Похоже на торсионную вспышку на карлике

L-класса, — сказал Сарасти сразу после нашего пробуждения, — но чтобы дать подобный эффект, объект должен быть большим, очень заметным, а небо в этом направлении чистое. В результате международный астрономический союз отправляет сигнал в артефакты статистики».

В каком-то смысле, это даже правда. Возможно, то был эффект столкновения или краткий, яростный вскрик некоего огромного реактора, перезапустившегося после миллионнолетней спячки. Вроде нынешнего: солнечная вспышка без Солнца. Магнитная пушка в десять тысяч раз сильнее, чем позволяла создать природа.

Обе стороны взялись за оружие. Не знаю, кто выстрелил первым, да и какая разница: сколько тонн антивещества нужно, чтобы перебороть силу, способную выжать мощность Солнца из газового шара немногим больше Юпитера? Или «Роршах» тоже примирился с поражением, и обе стороны нанесли друг по другу самоубийственный удар?

Не знаю. Большой Бен заслонил их за пару минут до взрыва. Поэтому, вероятно, я до сих пор жив. Он встал между мною и опаляющим светом, точно монетка, закрывшая Солнце.

«Тезей» не прерывал связь до последней мик-

росекунды. Каждый миг рукопашной, каждый последний отсчет, каждый вздох. Все шаги и все ходы. В моем распоряжении телеметрия. Я могу разложить ее на любое число графов, дискретных или непрерывных. Я могу преобразовывать их, ротировать, сжимать и переводить на языки, доступные любому союзнику. Возможно, Сарасти был прав; возможно, эта информация жизненно важна.

Но я по-прежнему не вижу в ней смысла.

Харибда

Прежде виды вымирали.
Сейчас они уходят в отпуск.

Дебора Макленнан «График наших реконструкций» [87]

— Бедняга, — сказала Челси, когда мы расходились. — Иной раз мне кажется, тебе никогда не бывает одиноко.

Тогда я изумился: отчего ее голос звучит так грустно? Теперь я жалею, что она ошиблась.

Знаю, мой рассказ не был безупречен. Мне пришлось распотрошить фабулу, нанизав её ошмётки на нить растянутой на десятилетия смерти. Видите ли, сейчас я живу лишь один час из каждых десяти тысяч. К сожалению, приходится. Если бы только я мог проспать всю дорогу домой, избежать пытки недолгих редких пробуждений.

Если бы я только постоянно не умирал во сне, если бы попытался. Но живые тела искрятся осадком накопленных за годы жизни радиоизо-

---

[87] Примечания: 87
Источник вымышленный.

топов, сверкающих осколков, что ломают на молекулярном уровне клеточные механизмы. Обыкновенно в этом нет беды. Живые клетки восполняют ущерб быстрей, чем тот причиняется. Но мои, немертвые, позволяют ошибкам накапливаться со временем, а дорога назад длится куда дольше, чем путь вовне: я лежу в гробу и разлагаюсь. Поэтому бортовые системы время от времени заводят меня с полпинка и дают плоти возможность подлатать себя.

Временами они говорят со мной, зачитывают системные показатели, сообщают о любой весточке из дома. Но в основном оставляют меня наедине с раздумьями и машиной, тикающей на месте моего левого полушария. Так что я разговариваю сам с собой; живое полушарие пересказывает синтетическому анекдоты и мнения: краткие, яркие мгновения осознания — и долгие годы мертвенного забытья между ними. Может, эта затея с самого начала была бессмысленной, может, слушателей не будет…

Неважно. Это мое ремесло.

Так что держите: вот вам мемуар, диктуемый машине плотью. История, которую я за неимением заинтересованных слушателей рассказываю себе.

Так может любой, у кого есть хоть полголовы.

* * *

Сегодня получил письмо от папы. Как он выразился, «до востребования». Думаю, это была шутка, из уважения к моему неведомому адресу. Он просто швырнул сообщение в эфир на все четыре стороны и понадеялся, что сигнал достигнет меня, где бы я ни был.

Прошло почти четырнадцать лет. Теряешь счет таким вещам.

Хелен мертва. Небеса… очевидно, сломались. Или их уничтожили. Возможно, реалисты, наконец, добились своего. Хотя сомневаюсь. Отец, похоже, считал ответственным кого-то другого. Деталей он не сообщал. Может, и не знал. Он беспокойно намекал на все нарастающие беспорядки. Наверное, мои коммюнике о «Роршахе» просочились наружу; а может, публика пришла к очевидному заключению, когда от нас перестали поступать открытки. Они не знают, чем кончилась наша история. Должно быть, сходят с ума от незавершенности.

Но меня охватывает ощущение, что это не все, что отец о чем-то не осмелился упомянуть вслух. Может, это лишь мои фантазии. Мне показалось,

его тревожила даже новость о новом росте рождаемости, а ведь после целого поколения упадка она должна была стать причиной для празднества. Если бы моя «китайская комната» была в рабочем состоянии, я бы понял, я бы разобрал каждую фразу до запятых. Но Сарасти разбил мои инструменты, оставил их едва пригодными для работы. Теперь я слеп, как любой нормал. Мне остаются лишь неуверенность, подозрение и нарастающий ужас, что, даже лишившись лучшей части своих трюков, я прочел его сообщение правильно.

Думаю, он предупреждал меня — не возвращайся.

* * *

Еще отец сказал, что любит меня. Что тоскует по Хелен, что она жалела о чем-то, совершенном еще до моего рождения, о каком-то упущении или слабости, вызвавшей нарушения развития. Он пустословил. Не знаю, к чему. Какую же власть забрал себе отец, чтобы затребовать такую передачу и потратить большую ее часть на эмоции.

Господи, как же я дорожу ею. Дорожу каждым словом.

* * *

Я падаю по бесконечной напрасной параболе, по инерции, под своей тяжестью. «Харибда» не смогла найти поток антивещества; «Икар» то ли потерял ориентацию, то ли его вообще отключили. Наверное, можно было послать сигнал и спросить, но я не тороплюсь. Мне еще долго лететь. Пройдут годы, прежде чем я оставлю позади хотя бы кометы.

Кроме того, я не уверен, что хочу сообщать кому-то о своем местоположении.

«Харибда» не суетится над маневрами уклонения. В них не было смысла, даже если бы у меня осталось лишнее горючее, даже если бы враг находился где-то рядом. Можно подумать, он не знает, где находится Земля.

Но я почти уверен, что болтуны взлетели на воздух вместе с моими сородичами. Искренне признаю — они хорошо сыграли. А может, им просто повезло. Случайный разряд подталкивает пехотинца Бейтс открыть огонь по безоружному болтуну; несколько недель спустя Колобок и Растрепа использует труп при бегстве. Электромагнитные силы щекочут случайный набор нейронов в голове Сьюзен; чуть ниже по стреле

времени в ее мозгу возникает новая личность, которая перехватывает управление и швыряет «Тезей» в жадные объятия «Роршаха». Слепой случай, дурная случайность. Ничего больше.

Но вряд ли. Слишком много удачных совпадений. Мне кажется, «Роршах» сам творил свою удачу, высадил и удобрил эту новую личность у нас под носом, надежно скрыл ее — если не считать ничтожно повышенного уровня окситоцина — под язвами и наростами в мозгу Сьюзен Джеймс. Думаю, он заглядывал в будущее и предвидел, какими способами можно использовать обманку, а ради приближения цели пожертвовал малой частью себя и замаскировал это под случайность. Слепая, да, но не удача. Интуиция. Блистательная, тонкая стратегия.

Естественно, большинство из нас так и не узнали правил игры. Мы в ней играли роль пешек. Сарасти и Капитан — какой бы мозговой гибрид не образовали эти двое — вот кто был настоящими игроками. Оглядываясь, я могу различить некоторые их ходы. Я вижу, как «Тезей» наблюдает за перестукивающимися в клетках болтунами; вижу, как корабль увеличивает громкость в телеметрическом канале, чтобы Сьюзен услышала их и приняла открытие за своё. Если

прищуриться достаточно сильно, могу заметить даже, как «Тезей» приносил нас в жертву, намеренно провоцируя «Роршах» на возмездие своим последним маневром. Данные, особенно имеющие тактическое значение, всегда притягивали Сарасти. Есть ли лучший способ оценить способности врага, чем увидеть его в бою?

Нам они, конечно, ничего не сказали. Нам так было спокойней. Мы плохо выполняли приказы машин. Хотя и приказы вампира у нас тоже восторга не вызывали.

А теперь игра окончена, и на обугленной доске стоит последняя пешка с человеческим, как ни крути, лицом. Если болтуны следуют правилам, которые разработали для них несколько поколений специалистов по теории игр, они не вернутся. А если и вернутся, подозреваю, никакой разницы не будет.

Потому что к тому времени не останется повода для конфликта.

В краткие минуты пробуждения я слушаю радио. Прошли поколения с той поры, как мы похоронили эпоху радио под оптоволокном и направленными лучами, но полностью так и не прекратили засеивать небеса электромагнитным излучением. Миллионом голосов внахлест ведут

межпланетный диалог Земля, Марс и Луна. Каждый корабль, летящий сквозь бездну, бормочет на все стороны. Никогда не прекращали петь о'нилы и астероиды. Иначе Светлячки вообще не нашли бы нас.

Я слышу, как со временем меняются их песни.

Теперь сигналы в основном состоят из телеметрии и навигационных данных. Временами я еще улавливаю всплески живых голосов, исполненных напряжения, как правило — на грани натуральной паники: идет охота, корабль пытается кануть в глубины пространства, другие корабли невозмутимо следуют за ним. Беглецам никогда не удается уйти далеко, прежде чем их сигнал прерывается.

Не помню, когда я в последний раз слышал музыку, но иногда что-то похожее пробивается, зловещее и неблагозвучное, полное знакомых гортанных щелчков. Моему продолговатому мозгу это не нравится. Эти звуки пугают его до смерти.

Я помню, как все мое поколение бросало реальный мир ради самодельного посмертия. Помню, как кто-то сказал, что вампиры не попадают на Небеса. Они видят пиксели. Иной раз мне любопытно делается, как бы чувствовал себя я,

если бы меня пробудили от могильного сна для трудов на потребу слабоумным тварям, когда-то служившим всего лишь источником белка. Как бы я чувствовал себя, если бы мою слабость использовали, чтобы сковать, лишив законного места в мире.

А потом я думаю, каково это — не чувствовать ничего, быть предельно рациональной, плотоядной тварью, когда мясо радостно укладывается спать у тебя на глазах…

* * *

Я не горюю по Юкке Сарасти. Господь свидетель, я стараюсь, всякий раз, как прихожу в себя. Он спас мне жизнь. Он — очеловечил меня. За это я перед ним в вечном долгу, сколько бы мне ни прожить; и до последнего дня я буду ненавидеть его — по той же самой причине. Неким безумным, сюрреалистическим образом я чувствовал себя ближе к Сарасти, чем к любому из людей.

Но у меня не хватало сил. Он был хищником, а я — добычей, и не в природе агнца оплакивать льва. Я не могу горевать по Юкке Сарасти, хотя он и умер за наши грехи.

А вот сочувствовать ему я могу. Наконец, наконец-то я могу сочувствовать — и Сарасти, и

всему его вымершему племени. Потому что не мы, люди, должны были унаследовать Землю. А вампиры. Наверное, до какой-то степени они были разумны, но их полубессознательный сон наяву смотрелся рудиментом рядом с нашей эгоманией. Они от него избавлялись. Всего лишь этап. На долгом пути.

Беда в том, что люди могут смотреть на кресты и не биться в припадке. Вот вам и эволюция: одна дурацкая сцепленная мутация — и естественный порядок вещей рушится, интеллект и самосознание на полмиллиона лет входят в контрпродуктивный клинч. Мне кажется, я знаю, что происходит на Земле, и хотя иные могли бы назвать это геноцидом, они не правы. Мы сами так обошлись с собой. Нельзя винить хищника за его повадки. В конце концов, это мы их воскресили. Почему бы им не вернуть себе право первородства?

Не геноцид, нет. Исправление древней несправедливости.

Я пытался найти в этом некоторое утешение. Получалось… скверно. Порой кажется, вся моя жизнь была лишь борьбой за то, чтобы восстановить, вернуть того, кто потерялся, когда мои родители убили свое единственное дитя. За гра-

ницей облака Оорта я наконец одержал победу в этой войне. Спасибо вампиру, команде уродов и орде злобных пришельцев — я снова человек. Может быть, последний из людей. К тому времени, когда я доберусь домой, могу оказаться последним разумным существом во Вселенной.

Если, конечно, сгожусь хотя бы на это. Потому что не знаю, есть ли на свете такой зверь, как «надежный рассказчик». Каннингем ведь говорил, что зомби умеют здорово притворяться.

Поэтому на самом деле я ничего не могу тебе рассказать.

Тебе придется представить, что ты — Сири Китон.

Послесловие

Благодарности

«Ложная слепота» — моя первая романных масштабов вылазка в глубокий космос, область, в которой мое образование, как бы это выразиться, несколько ограничено. В этом смысле нынешняя книга недалеко ушла от предыдущих; но хотя об экологии морских глубин я тоже знаю немного, большинство из вас знает о них еще меньше, и докторская степень по биологии моря послужила мне, по крайней мере, эрзацем эрудиции в трилогии о рифтерах. «Ложная слепота», однако, прокладывала свой курс в иного рода невесомости, и куда важнее было найти надежного лоцмана. Так что в первую очередь я хочу поблагодарить профессора Джейми Мэтьюса из Университета Британской Колумбии: астронома, завсегдатая вечеринок и маниакального фильтратора идей, которыми я его забрасывал. Также хочу поблагодарить Дональда Симмонса, авиаинженера и удачно-непритязательного сотрапезника, который проверял спецификацию на «Тезея» (в особенности на двигатель и вертушку) и сделал

немало подсказок по поводу радиации и защиты от неё. Оба терпеливо отлавливали наиболее выдающиеся мои ляпсусы. (Я не утверждаю, что в книге их не осталось вовсе, но сохранились они по моей небрежности, а не моих консультантов. Или потому, что того требовал сюжет).

Как всегда моим редактором и заступником в штабе Империи Зла был Дэвид Хартвелл. Подозреваю, «Ложная слепота» стала для нас обоих крепким орешком: сюжет грозил утонуть в потоках необходимых пояснений, не говоря уже о проблеме, как заставить читателя сопереживать компании персонажей, несколько менее белопушистых, чем обычно. До сих пор не могу оценить, в какой мере у меня это получилось или не получилось, но я особенно благодарен за то, что мой редактор разогревался на всех подряд, от Хайнлайна до Герберта.

Первые несколько глав этой книги раскритиковала, отправив меня обратно за кульман плакать, обычная банда коллег: Майкл Карр, Лори Ченнер, Корн Доктороу, Ребекка Мэйнс, Дэвид Никль, Джон Макдейд, Стив Саменски, Роб Стауффер и покойная Пэт Йорк. Все они во время нашего ежегодного выезда на остров высказали ценные мысли и вопросы; особенно выделю Дэйва Никля

за дополнительные идеи, подсказываемые им на протяжении года, обычно в несусветную рань. По той же причине Дэйв исключается из обычной тирады «любые-ошибки-по-моей-вине», которую мы, авторы, автогеном навариваем на список благодарностей. По крайней мере, некоторые ошибки в этом романе, скорей всего, сделаны Дэйвом.

Профессора Дэн Брукс и Дебора Макленнан, оба из Университета Торонто, предоставили мне интеллектуальную стимуляцию без политической и бюрократической херни, которая обыкновенно сопутствует академической среде. Перед ними я в долгу за литры спиртного и часы споров по многим затронутым в книге вопросам, и за многое другое, что вас вовсе не касается. Также в категории сборной солянки: Андре Брео предоставил берлогу на западном побережье, где я заканчивал черновой вариант. Исаак Шпиндель — настоящий — помог, как обычно, с деталями нейрофизиологии, а Сьюзен Джеймс (которая тоже существует в реальности, хотя и в несколько более связном обличье) рассказала, как мог бы подойти к сценарию Первого контакта лингвист. Лиза Битон в безнадежной попытке искупить продажу души Фармацевтической Промышлен-

ности указала мне на некоторые важные статьи. Лори Ченнер выполняла роль подопытного слушателя, ну и меня терпела. По крайней мере, некоторое время. Отдельное спасибо Карлу Шредеру, с которым я обкатывал некоторые идеи в области «ум-против-разума». Часть «Ложной слепоты» можно рассматривать как ответ на аргументы, представленные Карлом в его романе «Постоянство»; я не согласен с его рассуждениями практически на каждом этапе и все еще пытаюсь понять, каким образом мы пришли к отчасти сходным выводам.

Заметки и примечания

Ссылки и заметки: попытка убедить вас, что я не полный псих (или, на крайний случай, запугать в достаточной мере, чтобы вы промолчали). Читать для получения призовых очков.

Краткое введение в биологию вампиров

Я далеко не первый писатель, который попытался рационализировать вампиризм в рамках чистой биологии. Ричард Матесон сделал это

еще до моего рождения,[88] и, если «испорченный телефон» не врет, последний роман этой Октавии Батлер[89] пройдется по теме паровым катком еще до того, как вы это прочитаете. Готов, однако, поручиться, что первым объяснил отвращение вампиров к распятию при помощи «крестового глюка» — и этот минутный всплеск вдохновения породил все остальное.

Вампиров открыли заново по случайности, когда одна из экспериментальных форм генной терапии аутизма дала необычный побочный результат, принудительно запустив в подопытном ребенке ряд давно спящих генов и спровоцировав ряд физических и неврологических изменений, приведших к летальному исходу. Компания, ответственная за это открытие, провела всесторонние исследования на заключенных тюремной системы штата Техас, прежде чем представить результат; запись этой презентации, включая иллюстрации, находится в свободном доступе

[88] Примечания: 88

Естественно, в романе «Я — Легенда» (1954).

[89] Примечания: 89

Имеется в виду последний роман Октавии Батлер (1947–2006) «Птенец» (2005).

в интернете;[90] любопытствующие читатели могут убить полчаса свободного времени, если интересуются не только биологией вампиров, но также ходом исследований, финансированием, а также «этическими и политическими проблемами» одомашнивания вампиров (не говоря уже о печально известной кампании «Приручая вчерашние кошмары ради светлого будущего»). Приведенный ниже (весьма краткий) конспект касается исключительно некоторых биологических характеристик предкового организма.

Homo sapiens whedonum[91] был подвидом современного человека, разошедшимся с основным стволом развития вида Homo sapiens между 800 000 и 500 000 гг. до н. э.[92] и просуществовавшим весьма недолго. Этот подвид был более стройным, нежели неандертальцы или кроманьонцы. Основные физические различия между вампирами

---

[90] Примечания: 90

http://www.rifters.com/blindsight/vampires.htm

[91] Примечания: 91

Ещё один образчик авторского чувства юмора. *Джосс Уэдон (Whedon)* — американский сценарист, режиссер и продюсер, создавший, помимо всего прочего, сериал «Баффи — истребительница вампиров».

[92] Примечания: 92

800000 лет до н. э. — это конец эпохи Homo antecessor, последнего общего предка сапиенсов и неандертальцев. Если принять эту датировку, получается, что вампиры ближе к сапиенсам, чем неандертальцы, так как отделились от общего ствола позже последних.

и современным человеком включают вытянутые клыки, нижнюю челюсть и удлинённые кости как приспособление к хищному образу жизни. В связи с относительно кратким периодом сосуществования обоих подвидов эти изменения не были значительными и существенно перекрываются в рамках общевидовой аллометрии; различия становятся статистически заметны только при больших выборках (N > 130).

Однако практически неотличимые от современного человека по конституции и общей морфологии, вампиры радикально разошлись с «сапиенсами» на биохимическом, неврологическом и тканевом уровнях. Пищеварительный тракт у них укорочен и вырабатывает специфический набор ферментов, более подходящих для плотоядного. Поскольку каннибализм несет с собой высокий риск прионной инфекции,[93] иммунная система вампиров выказывала высокую устойчивость к прионным болезням,[94] а также к большинству паразитических гель-

[93] Примечания: 93

Pennish, E. 2003. Cannibalism and prion disease may have been rampant in ancient humans. *Science* 300: 227–228.

[94] Примечания: 94

Mead, S. et al. 2003. Balancing Selection at the Prion Protein Gene Consistent with Prehistoric Kurulike Epidemics. *Science* 300: 640–643.

минтов и анасакид. Слух и зрение Homo sapiens whedonum намного превосходят по остроте чувства обычного человека; сетчатки вампиров квадрохроматичны (содержат четыре типа колбочек, по сравнению с тремя у человека); четвертый тип колбочек, что обычно для ночных хищников от кошек до змей, чувствителен к излучению в ближнем инфракрасном свете. Серое вещество мозга вампиров в сравнении с человеческой нормой страдает от недостаточного числа соединений в связи с относительной бедностью глиальной ткани; это принуждает изолированные кортикальные узлы к гиперэффективности и самодостаточности, что является причиной проявления исключительных способностей в области анализа и распознавания образов.[95]

Практически все эти изменения являются следствиями каскадного эффекта и могут, невзирая на разнообразие промежуточных причин, быть прослежены до единственной мутации — парацентрической инверсии блока Xq21.3 на Х-хромосоме.[96] Эта мутация привела к функ-

[95] Примечания: 95

Anonymous., 2004. Autism: making the connection. *The Economist*, 372(8387): 66.

[96] Примечания: 96

Baiter, M. 2002. What made Humans modern? *Science* 295: 1219–1225.

циональным изменениям в генах, кодирующих протокадерины (белки, играющие ключевую роль в развитии головного мозга и центральной нервной системы). Хотя неврологические и поведенческие изменения были радикальны, существенные физиологические нарушения оказались ограничены микроструктурами мягких тканей, которые не окаменевают. Это, а также исключительно низкая численность вампиров даже на пике численности их популяции (связанной с существованием на самом пике трофической пирамиды) объясняет практически полное их отсутствие в ископаемом состоянии.

Тот же каскад вызвал существенные выпадения в биохимии вампиров. В частности, они потеряли способность синтезировать ε-протокадерин Y, который встречается только у гоминид и кодируется генами, расположенными в Y-хромосоме.[97] Невозможность самим производить этот жизненно важный белок заставил вампиров получать его из пищи. Поэтому человек разумный составлял необходимую, однако крайне медленно воспроизводящуюся часть их диеты (ситуация

[97] Примечания: 97

Bianco-Arias, P., C. A. Sargent, and N. A. Affaral. 2004. A comparative analysis of the pig, mouse, and human PCDHX genes. *Mammalian Genome*, 15(4): 296–306.

уникальная, поскольку добыча обыкновенно размножается быстрее основного своего хищника, по крайней мере, в несколько раз). В обыкновенных условиях такая популяционная динамика невозможна: вампиры уничтожили бы свою кормовую базу — сапиенсов, а затем вымерли бы от недостатка необходимых питательных веществ.

Как средство восстановления пищевого равновесия развилась способность на длительный срок впадать, подобно протоптерам, в анабиоз[98] (так называемую «несмерть») с сопутствующим резким уменьшением энергетических потребностей организма. С этой целью организм вампира вырабатывает большое количество эндогенного Ala-(D) — лейэнкефалина, пептида, вызывающего зимнюю спячку у млекопитающих,[99] и добутамина, укрепляющего сердечную мышцу в периоды бездействия.[100]

Еще одним побочным эффектом каскадных

---

[98] Примечания: 98

Kreider M. S., et al. 1990. Reduction of thyrotropin-releasing hormone concentrations in central nervous system of African lungfish during estivation. Gen Comp Endocrinol. 77(3):435-41.

[99] Примечания: 99

Cui, Y. et al. 1996. State-dependent changes of brain endogenous opioids in mammalian hibernation. *Brain Research Bulletin* 40(2): 129-33.

[100] Примечания: 100

Miller, K. 2004. Mars astronauts 'will hibernate for 50 million-mile journey in space'. News.telegraph.co.uk, 11/8/04.

изменений стал «крестовый глюк» — слияние двух раздельных в норме рецепторных сетей зрительной коры,[101] которое приводит к большим эпилептическим припадкам в случае, если сети, ответственные за восприятие вертикальных и горизонтальных линий, стимулируются одновременно на достаточно большом участке поля зрения. Поскольку в природе прямые углы практически отсутствуют, естественный отбор не отсеивал «крестовый глюк» до того момента, как H. sapiens sapiens создал евклидову архитектуру. К этому времени признак оказался зафиксирован в популяции H. sapiens whedonum посредством генетического дрейфа, и весь подвид, лишившись в одночасье доступа к основной добыче, вымер вскоре после появления у людей письменности.

Вы могли заметить, что Юкка Сарасти, как все реконструированные вампиры, в минуты раздумий пощелкивает языком. Считается, что это рудименты предкового языка, более чем за 50 000 лет до н. э. зафиксированного на нейрологическом уровне. Щелчковая речь особенно подходит хищникам, выслеживающим добычу в саванне — щелчки сливаются с шорохом травы,

[101] Примечания: 101

Calvin, W. H. The Cerebral Symphony: Seashore Reflections on the Structure of Consciousness. NY: Bantam Books, 1990. 401 p.

позволяя общаться, не спугнув добычи.[102] Из человеческих языков к старовампирскому наиболее близок язык хадзани.[103]

Ловкость извилин

Сенсорный аппарат человека поразительно легко взломать; нашу зрительную систему описывали в лучшем случае как импровизированный набор фокусов.[104] Наши органы чувств выдают столь фрагментарные и несовершенные данные, что мозг вынужден интерпретировать их на основе оценок вероятности, вместо того чтобы воспринимать напрямую.[105] Он не столько «видит» мир, сколько гадает о нем. В результате «невероятные» стимулы, как правило, не обрабатываются на сознательном уровне вне

---

[102] Примечания: 102

Pennisi, E. 2004. The first language? *Science* 303: 1319–1320.

[103] Примечания: 103

Запись щелкающих звуков языка хадзани можно прослушать по адресу:http://hctv.humnet.ucla.edu/departments/linguistics/VowelsandConsonants/index.html

[104] Примечания: 104

Ramachandran, V. S. in The Utilitarian Theory of Perception, Ed. by C Blakemore. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. p. 346–360.

[105] Примечания: 105

Purves, D. and R. B. Lotto. Why We See What We Do: An Empirical Theorv of Vision. Sunderland (Mass.): Sinauer Associates, 2003. 272 p.

зависимости от мощности сигнала. Образы и звуки, не укладывающиеся в нашу картину мира, мы имеем тенденцию попросту игнорировать.

Сарасти был прав: «Роршах» не сделает с тобой ничего, на что ты бы не был способен сам.

Например, фокус с невидимостью молодого, глуповатого болтуна — того, что ограничивал свои движения провалами в зрении людей, — пришел мне в голову, когда я читал о явлении, называемом перцептивной слепотой.[106] Первым, кто обнаружил недоделку в зрительной системе, связанную с саккадами, был русский парень по фамилии Ярбус,[107] еще в шестидесятых годах.[108] С тех пор исследователи заставляли предметы незамеченными появляться и исчезать в поле зрения, проводили беседы с несчастными

---

[106] Примечания: 106

Термин введен Ирвином Роком и Арьен Мэк в 1992 году.

[107] Примечания: 107

Ярбус Альфред Лукьянович — советский психофизиолог, изучал роль движения глаз в процессе зрения. Собственно *саккады* первым описал Луи-Эмиль Жаваль в конце XIX века, *Ярбус* же в своей ключевой работе «Роль движения глаз в процессе зрения» показал их связь с восприятием зрительной информации.

[108] Примечания: 108

Yarbus. A. L. Eye movements during perception of complex objects. / Eye Movements and Vision. Ed. by L. A. Riggs. NY: Plenum Press, 1967. Chapter VII, 171–196. (Оригинальное русское издание: Ярбус А. Л. «Движения глаз при восприятии сложных объектов», первое издание 1965. Последнее издание на русском языке в сборнике: Психология ощущений

и восприятия. Хрестоматия. М.: ЧеРо, 2002. С. 411–416).

жертвами опытов, так и не замечающими, что их собеседник сменился посреди собеседования, и в общем доказали, что человеческий мозг не замечает большую часть того, что творится вокруг.[109][110][111] Посмотрите демонстрационные ролики лаборатории зрительного восприятия в Университете штата Иллинойс[112] и поймете, что я имею в виду. Ребята, это ведь на самом деле крышу сносит. Вокруг нас могут кишеть сайентологи, и если они будут правильно себя вести, мы их даже не заметим…

Большая часть описанных в тексте психозов, синдромов и галлюцинаций существует на самом деле и подробно описана Метцингером,[113] Вегнером[114] и / или Саксом[115] (см. также «Ум / Разум», ниже). Другие (например, синдром «зеленых че-

---

[109] Примечания: 109

Pringle, H. L. et al. 2001. The role of attentional breadth in perceptual change detection. *Psychonomic Bulletin & Review* 8: 89–95(7).

[110] Примечания: 110

Simons. D. J., and Chabris, C. F. 1999. Gorillas in our midst: sustained inattentional blindness for dynamic events. *Perception* 28: 1059–1074.

[111] Примечания: 111

Simons, D. J., and Rensink, R. A. 2003. Induced Failures of Visual Awareness. *Journal of Vision* 3(1).

[112] Примечания: 112

http://viscog.beckman.uiuc.edu/djs_lab/demos.html

[113] Примечания: 113

Metzinger, T. 2003. Being No One: The Self-Model Theorv of Subjectivity.

Cambridge (Mass.): MIT Press, 2003. 713 p.

[114] Примечания: 114

Wegner, D. M. The Illusion of Conscious Will. Cambridge: MIT Press, 2002. 405 p.

[115] Примечания: 115

Saks, O. The Man who mistook his wife for a hat and other clinical tales. NY: Simon & Sinister, 1970. (Русское издание: Сакс О. Человек, который принял жену за шляпу и другие истории из врачебной практики. М.: Science Press, 2005).

ловечков») еще не попали в DSM[116][117] — правду сказать, парочку я изобрел, — но основаны, тем не менее, на реальных опытных свидетельствах. Осторожное воздействие магнитными полями на мозг может, в зависимости от убеждений пациента, вызвать у него что угодно — от религиозного экстаза[118] до ощущения, что его похищают Пришельцы.[119] Транскраниальная магнитная стимуляция может воздействовать на настроение, провоцировать слепоту[120] или поражать речевые центры (отнимая, например, способность произносить глаголы, оставив нетронутыми существительные).[121] Память и способность к обучению можно улучшать (или отнимать) тем же способом, и правительство США на текущий момент финансирует разработ-

---

[116] Примечания: 116

«Справочник по диагностике и статистике психических расстройств» — принятая в США система классификации заболеваний психики.

[117] Примечания: 117

American Psychiatric Association. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders. (4th Ed., Text Revision). Brandon/Hill, 2000.

[118] Примечания: 118

Ramachandran, V. S., and Blakeslee. S. Phantoms in the Brain: Probing the Mysteries of the Human Mind. NY: William Morrow, 1998.

[119] Примечания: 119

Persinger, M. A. 2001 The Neuropsychiatry of Paranormal Experiences. J *Neuropsychiatry & Clinical Neuroscience* 13: 515–524.

[120] Примечания: 120

Kamitani, Y. and Shimojo, S. 1999. Manifestation of scotomas created by transcranial magnetic stimulation of human visual cortex. *Nature Neuroscience* 2: 767–771.

[121] Примечания: 121

Hallett, M. 2000. Transcranial magnetic stimulation and the human brain. Nature 406: 147–150.

ку носимых устройств ТКМС для — правильно догадались — военных целей.[122]

Временами электростимуляция мозга вызывает синдром «чужой руки» — непроизвольные движения тела против воли якобы владеющего собой субъекта.[123] В других случаях она провоцирует столь же непроизвольные движения, но при этом субъект настаивает, что производил их сознательно, невзирая на многочисленные эмпирические свидетельства обратного.[124] Сложите это с тем фактом, что тело начинает действовать до того, как мозг «решит» подвинуться[125] — но обратите внимание на[126] и[127] — и само понятие свободы воли — несмотря на явное субъективное ощущение его реальности — начинает выглядеть немного нелепым, даже если вычесть влияние

---

[122] Примечания: 122

Goldberg, C. 2003. Zap! Scientist bombards brains with super-magnets to edifying effect. Boston Globe 14/1/2003, pEl.

[123] Примечания: 123

Porter, R., Lemon, R. Corticospinal function and voluntary movement. NY: Oxford University Press, 1993.

[124] Примечания: 124

Delgado, J. M. R. Physical control of the mind: toward a psychocivilised society. NY: Harper & Row. 1969. (Русское издание: Дельгадо Х. Мозг и сознание. М.: Мир, 1971).

[125] Примечания: 125

Libet, B. 1993. The neural time factor in conscious and unconscious events. *Experimental and Theoretical Studies of Consciousness* 174: 123–146.

[126] Примечания: 126

P. Haggard, P., and Eimer, M. 1999. On the relation between brain potentials and the awareness of voluntary movements. *Experimental Brain Research* 126: 128–133.

[127] Примечания: 127

Velmans, M. 2003. Preconscious free will. *Journal of Consciousness Studies* 10: 42–61.

инопланетных артефактов.

Хотя электромагнитная стимуляция в настоящее время является самым модным способом мозгового взлома, способ этот далеко не единственный. Тяжелые физические нарушения, от опухолей[128] до железных трамбовок,[129] могут превращать нормальных людей в психопатов и педофилов (отсюда новая личность, прорастающая в мозгу Сьюзен Джеймс). Чисто эмоциональные «американские горки» религиозных ритуалов, вообще не используя нейрологических инструментов (и даже фармакологические тут не очень нужны), вызывают одержимость и экстаз.[130] Люди могут даже воспринять как собственные чужие части тела, могут убедить себя, что резиновая рука настоящая.[131] Зрение бьет

---

[128] Примечания: 128

Pinto, C. 2003. Putting the brain on trial. May 5, 2003, Media General News Service.

[129] Примечания: 129

Macmillan, M An Odd Kind of Fame Stories: of Phineas Gage. Cambridge (Mass.): MIT Press. 2000.

[130] Примечания: 130

Wegner, D. M. The Illusion of Conscious Will. Cambridge: MIT Press, 2002. 405 p.

[131] Примечания: 131

Ehrsson, H., H., C., Spence, and R. E. Passingham 2004. That's My Hand! Activity in Premotor Cortex Reflects Feeling of Ownership of a Limb. *Science* 305: 875–877.

проприоцепию: незаметно управляемый макет руки может убедить нас, что мы делаем одно, в то время как на самом деле происходит совершенно другое.[132][133]

Последнее орудие в этом арсенале — ультразвук: менее инвазивный, чем ЭМ-поля, более точный, чем «харизматическое возрождение», он может усиливать мозговую активность[134] без этих неудобных электродов или магнитных сеток для волос. В «Ложной слепоте» он служит удобным «черным ходом», чтобы объяснить, почему галлюцинации «Роршаха» сохраняются даже под экранирующей сеткой — но здесь и сейчас «Сони» обновляет годовой патент на машину, которая использует ультразвук для передачи «чувственного опыта» непосредственно

[132] Примечания: 132

Gottleib, J., and P. Mazzoni. 2004. Action, illusion, and perception. *Science* 303: 317–318.

[133] Примечания: 133

Schwartz, A. B., D. W. Moran, and G. A. Reina. 2004. Differential representation of perception and action in the frontal cortex. *Science* 303: 380 383.

[134] Примечания: 134

Norton, S. J. 2003. Can ultrasound be used to stimulate nerve tissue? *BioMedical Engineering OnLine* 2:6, available at http://www.biomedical-engineering-online.com/content/2/1/6.

в мозг.[135] Они называют это развлекательным устройством, в перспективе имеющим широкое применение в онлайн-играх. Ага, как же. Если ты можешь на расстоянии вкладывать кому-то в голову звуки и образы, почему бы не вложить заодно политические убеждения и неодолимое стремление к определенной марке пива?

Уже приехали?

«Теленигиляционый реактор», с помощью которого наши герои прибывают на место, основан на исследованиях квантовой телепортации, описанных в «Нэйчур»,[136] «Сайенс»,[137][138] «Физикл Ревью Леттерс»,[139] а в последнее время везде, где только придется, например.[140] Идея передавать в качестве шаблона для сборки квантовые дан-

---

[135] Примечания: 135

Hogan, J., and Fox, B. 2005. Sony patent takes first step towards real-life Matrix. Excerpted from *New Scientist* 2494:10. (Выложены в открытом доступе по адресу: http://www.newscientist.com/article.ns?id=mg18624944.600.

[136] Примечания: 136

Riebe, M. et al. 2004. Deterministic quantum teleportation with atoms. Nature 429: 734–737.

[137] Примечания: 137

Furusawa, A. et al. 1998. Unconditional Quantum Teleportation. *Science*, 282(5389): 706–709.

[138] Примечания: 138

Carlton M., Caves, C. M. 1998. A Tale of Two Cities. *Science*, 282: 637–638.

[139] Примечания: 139

Braunstein, S. L., and Kimble, H. J. 1998. Teleportation of continuous quantum variables. *Physical Review Letters* 80: 869–872.

[140] Примечания: 140

http://www.research.ibm.com/quantuminfo/teleportation/

ные антиматерии принадлежит, сколько могу судить, исключительно мне. Чтобы оценить более-менее достоверно массу горючего, ускорение и время «Тезея» в пути, я обратился к сайту «Релятивистская ракета»,[141] который поддерживает физик и математик Джои Баез из университета «Риверсайд». Использование магнитных полей в качестве радиозащитных экранов на «Тезее» основывается на исследованиях, проводимых в Массачусетском технологическом институте.[142] «Матрицу Икара» я разместил близ Солнца, поскольку производство антивещества в ближайшем будущем, скорей всего, останется крайне энергозатратным процессом.[143][144]

Состояние несмерти, в котором пребывает экипаж «Тезея», разумеется, представляет собой

---

[141] Примечания: 141

http://math.ucr.edu/home/baez/physics/Relativity/SR/rocket.html

[142] Примечания: 142

Atkinson, N. 2004. Magnetic Bubble Could Protect As tronauts on Long Trips. *Universe Today*, http://www.universetoday.com/am/publish/magnetic_bubble_protect.html

[143] Примечания: 143

Holzscheiter, M. I. L. et al. 1996. Production and trapping of antimatter for space propulsion applications. American Institute of Aeronautics and Astronautics-1996-2786 ASME, SAE, and ASEE, Joint Propulsion Conference and Exhibit, 32nd, Lake Buena Vista, FL, July 1–3.

[144] Примечания: 144

http://www.engr.psu.edu/antimatter/Papers/NASA_anti.pdf

очередную версию достопочтенного анабиоза (хотя мне бы хотелось думать, что я внес новую струю, приплетая в качестве механизма физиологию вампиров). Недавние исследования приблизили к осуществлению перспективы наведенной гибернации. Блэкстон с сотрудниками вызвали у мышей спячку необыкновенно простым способом — обработав их сероводородом;[145] сероводород клинит метаболические механизмы до такой степени, что замедляет клеточный обмен на 90 %. Ученые из центра Сафара по исследованиям в области реанимации заявляют,[146] что оживили собаку через три часа после наступления клинической смерти, воспользовавшись более эффектной (и инвазивной) методикой — заменив кровь животного ледяным физиологическим раствором.[147]

Первый из этих методов ближе к тому, что мне представлялось, хотя черновой вариант романа я

---

[145] Примечания: 145

Blacstone, E., et al. 2005. H 2 S Induces a Suspended Animation-Like State in Mice. *Science* 308: 518.

[146] Примечания: 146

На момент написания книги данные еще не были опубликованы.

[147] Примечания: 147

Bails, J. 2005. Pitt scientists resurrect hope of cheating death. Pittburgh Tribune-Review, June 29. Available online at http://www.pittsburghlive.com/x/tribune-review/trib/regional/s_348517.html

закончил до того, как вышли обе статьи. Я подумывал о том, чтобы переписать сцены в склепе, включив упоминание о сероводороде, но, в конце концов, посчитал, что газоиспускательные шуточки только испортят атмосферу.

Поле для игры

В «Ложной слепоте» Большой Бен назван «излучателем Оаса». Официально такого термина не существует, но Юмико Оаса описывал неизвестный до сих пор класс инфракрасных излучателей[148][149] — более слабых, чем коричневые карлики, но, вероятно, и более многочисленных[150][151] — массой от трех до тринадцати масс Юпитера. Для моей истории требовался объект относительно близкий, достаточно большой,

[148] Примечания: 148

Oasa, Y. et al. 1999. A deep near infrared survey of the chamacleon i dark cloud core. *Astrophysical Journal* 526: 336–343.

[149] Примечания: 149

Normile, D. 2001. Cosmic misfits elude star-formation theories. *Science* 291: 1680.

[150] Примечания: 150

Lucas, P. W., and P. F. Roche. 2000. A population of very young brown dwarfs and free-floating planets in Orion. Monthly Notices of the Roval Astronomical Society 314: 858–864.

[151] Примечания: 151

Najita, J. R., G. P. Tiede, and J. S. Carr. 2000. From stars to superplanets: The low mass initial mass function in the young cluster 1C 348. *Astrophysical*

Journal 541 (Oct. 0:977-1003.

чтобы поддерживать магнитное поле газового гиганта, но и достаточно маленький и тусклый, чтобы успешно избегать обнаружения в ближайшие семьдесят-восемьдесят лет. Излучатели Оаса неплохо подходят для этой цели (невзирая на явные сомнения в их существовании как таковом[152]).

Конечно, учитывая, как мало мы на самом деле знаем об этих зверушках, детали мне пришлось предполагать. Для этой цели я понатаскал данные из многих источников по газовым гигантам[153][154][155][156][157][158][159] и / или коричневым карликам,[160][161][162][163][164][165][166][167][168][169][170] экстраполируя их по необходимости вверх

[152] Примечания: 152

Matthews, Jaymie. 2005. Личная беседа. (Мэтьюз, Джейми — профессор физики и астрономии университета Британской Колумбии (Ванкувер, Канада), руководитель проекта MOST (орбитальная обсерватория, нацеленная на изучение незначительных колебаний светимости)).

[153] Примечания: 153

Liu, W., and Schultz, D. R. 1999. Jovian x-ray aurora and energetic oxvgen ion precipitation. *Astrophysical Journal* 526:538–543.

[154] Примечания: 154

Chen, P. V. 2001. Magnetic field on Jupiter. The Physics fact book, http://hypertextbook.com/facts

[155] Примечания: 155

Osorio, M. R. Z. et al. 2000. Discovery of Young, Isolated Planetary Mass Objects in the XOrionis Star Cluster. *Science* 290: 103–106.

[156] Примечания: 156

Lemley, B. 2002. Nuclear Planet. *Discover* 23(8).

[157] Примечания: 157

http://www.nuclearplanet.com/

[158] Примечания: 158

Dulk, G. A. et al. 1997. Search for Cyclotron-maser Radio Emission from Extrasolar Planets. Abstracts of the 29th Annual Meeting of the Division for Planetary Sciences of the American Astronomical Society, July 28-August 1, 1997, Cambridge, Massachusetts.

[159] Примечания: 159

Marlcy, M. et al. 1997. Model Visible and Near-infrared Spectra of Extrasolar Giant Planets. Abstracts of the 29th An mal Meeting of the Division for Planetary Sciences of the American Astronomical Society, July 28-August 1, 1997, Cambridge, Massachusetts.

[160] Примечания: 160

Boss, A. 2001. Formation of Planetary-Mass Objects by Protostellar Collapse and Fragmentation. *Astrophysics Journal* 551: L167.

[161] Примечания: 161

Low, C, and D. Lynden-Bell. 1976. The minimum Jeans nass or when fragmentation must stop. *Mon. Not. R. Astron. Soc.* 176: 367.

[162] Примечания: 162

Jayawardhana, R. 2004. Unraveling Brown Dwarf Origins. *Science* 303: 322–323.

[163] Примечания: 163

Fegley, B., and K. Lodders. 1996. Atmospheric Chemstry of the Brown Dwarf Gliese 229B: Thermochemical Equiibrium Predictions. *Astrophys. J.* 472: L37.

[164] Примечания: 164

Lodders, K. 2004. Brown Dwarfs-Faint at Heart, Rich in Chemistry. *Science* 303: 323–324.

[165] Примечания: 165

Adam Burgasser, 2002. June 1 edition of the Astrophysics Journal Letters.

[166] Примечания: 166

Reid, I. N. 2002 Failed stars or overadhetving planets? *Science* 296: 2154–2155.

[167] Примечания: 167

Gizis, J. E. 2001. Brown dwarfs (enhanced review). Online article supplementing *Science* 294: 801.

[168] Примечания: 168

Clarke. S. 2003. Milky Way's nearest neighbour revealed. *NewSdentist.com* News Service, 04/11/03.

[169] Примечания: 169

Basri, G. 2000. Observations of brown dwarfs. *Annu. Rev. Astron. Astrophys* 38:485–519.

[170] Примечания: 170

Tamura, M. et al. 1998. Isolated and Companion Young Brown Dwarfs in the Taurus and Chamaeleon Molecular Clouds. Science 282: 1095 1097.

или вниз. Выстрел из супероружия «Роршаха» издалека выглядит удивительно похоже на сверхмощную рентгеновскую и радиовспышку, какую недавно наблюдали на коричневом карлике, по всем признакам слишком легком для подобных фокусов.[171] Вспышка продлилась двенадцать часов, по мощности в миллиард раз превосходила все, что может выдать по этой части Юпитер, и явилась предположительно результатом завихрений магнитного поля.[172]

Комета Бернса-Колфилда отчасти основана на 200 °Cr105, транснептуновом объекте, нынешняя орбита которого не может быть объяснена полностью гравитационным влиянием известных тел Солнечной системы.[173][174]

---

[171] Примечания: 171

Berger, E. 2001. Discovery of radio emission from the brown dwarf LP944 20. *Nature* 410: 338–340.

[172] Примечания: 172

Anonymous, 2000. A brown dwarf solar flare. Science@Nasa, http://science.nasa.gov/headlines/y2000/ast12jul_1m.htm

[173] Примечания: 173

Следует заметить, что 200 °Cr105 никоим образом не комета: его поперечник составляет приблизительно 235 км, и объект в настоящий момент считается третьим по удаленности от Солнца телом нашей Солнечной системы.

[174] Примечания: 174

Schilling, G. 2001. Comet's course hints at mystery planet. Science 292: 33.

Анатомия и физиология болтунов

Мне, как многим любителям фантастики, надоели гуманоидные инопланетяне с шишковатыми лбами и смоделированные на компьютере насекомые ужасного вида с поведением бешеных собак в хитиновых скафандрах. Конечно, фантазии ради фантазий — немногим лучше среднетипичного гребнехвостого родденберрида;[175] естественный отбор вездесущ, как сама жизнь, и везде, где проходит эволюция, формы жизни будут определяться одними и теми же основными силами. Задача, таким образом, состоит в том, чтобы придумать «чужака», который одновременно достоин такого наименования и остается биологически достоверным.

Болтуны — моя первая попытка справиться с задачей, и, учитывая, до какой степени они напоминают змеехвосток[176] земных морей, я, возможно, здорово сел в лужу по части «неви-

[175] Примечания: 175

Джин Родденберри (1921–1991) — американский сценарист и продюсер, создатель телесериала «Звездный путь», населенного преимущественно «гуманоидными инопланетянами с шишковатыми лбами».

[176] Примечания: 176

Змеехвостки, или офиуры — иглокожие, близкие родственники морских звезд.

данного», по крайней мере, в том, что касается общей морфологии. Как выясняется, у офиур имеется даже нечто похожее на распределенную кожную сетчатку болтунов. Точно так же схема размножения болтунов — стопки молоди, отпочковывающиеся от общего ствола, — взята у медуз. Можно вытащить морского биолога из океана, но…

К счастью, чем ближе к ним приглядываешься, тем непривычнее выглядят болтуны. Каннингем упоминает, что ничего похожего на их таймшерные моторно-чувствительные нервы на Земле не существует. Технически он прав, но я могу назвать предшественника, способного развиться в подобную структуру. Наши собственные зеркальные нейроны активизируются не только когда мы действуем сами, но и когда мы наблюдаем за другим человеком, выполняющим то же действие;[177] этой особенностью пытаются объяснить развитие как языка, так и созна-

[177] Примечания: 177

Evclyne Kohler, E. *et al.* 2002. Hearing Sounds, Understanding Actions: Action Representation in Mirror Neurons. *Science* 297: 846–848.

ния.[178][179][180]

На метаболическом уровне все обстоит еще непривычней. У нас на Земле существа, полагающиеся исключительно на анаэробный синтез АТФ, так и не вышли на многоклеточный уровень. Анаэробный метаболизм, хотя он намного эффективнее нашего сжигания топлива в кислороде, слишком медлителен для развитых многоклеточных организмов.[181] Решение, предложенное Каннингемом, — сама простота. Подвох только в том, что между вахтами приходится по нескольку тысяч лет отсыпаться.

Идея квантовомеханического метаболизма может показаться еще более сумасшедшей, и зря: дуализм «волна-частица» может оказывать существенное влияние на биохимические реакции в условиях организма при комнатной темпе-

---

[178] Примечания: 178

Rizzolatti, G., and Arbib, M. A. 1998. Language Within Our Grasp. *Trends in Neuroscience* 21(5): 188-94.

[179] Примечания: 179

Hauser, M. D., N. Chomsky, and W. T. Fitch. 2002. The faculty of language: what is it, who has it, and how did it evolve? *Science* 298: 1569–1579.

[180] Примечания: 180

Miller. G. 2005. Reflecting on Another's Mind. *Science* 308: 945-947

[181] Примечания: 181

Pfeifler, T., S. Schuster, and S. Bonhocffer. 2001. Cooperation and Competition in the Evolution of ATP-Producing Pathways *Science* 20 292: 504–507.

ратуре;[182] туннелирование тяжелых атомов углерода увеличивает, по некоторым сообщениям, скорость протекания подобных реакций на 152 порядка.[183]

И совсем уже инопланетное: у них нет генов. Пример с пчелиными сотами, который я привел в качестве аналогии, первоначально появился в одном малоизвестном трактате Дарвина[184] (черт, вот кого я всегда мечтал процитировать); несколько ближе к нашему времени не большая, но все увеличивающаяся группа биологов начала проповедовать, что гены вообще и нуклеиновые кислоты в особенности как необходимые предпосылки развития жизни серьезно переоценены.[185][186] Немалая доля сложности живых существ возникает как следствие не ге-

[182] Примечания: 182

McMahon, R. J. 2003. Chemical Reactions Involving Quantum Tunneling. *Science* 299: 833–834.

[183] Примечания: 183

Zuev, P. S. *et al.* 2003. Carbon Tunneling from a Single Quantum State. *Science* 299: 867–870.

[184] Примечания: 184

Darwin, Charlie «Chuckles». 1859. The Origin of Species by Means of Natural Selection. Penguin Classics Edition, reprinted 1968. Originally published by John Murray, London. (Дарвин Ч. «Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь» (последнее издание М.: Наука, 1991).

[185] Примечания: 185

Cho, A. 2004. Life's Patterns: No Need to Spell It Out? *Science* 303: 782–783.

[186] Примечания: 186

Cohen, J, and Stewart, S. 2005. Where are the dolphins? *Nature* 409: 1119–1122.

нетической программы, а сугубо физических и химических взаимодействий их составных частей.[187][188][189][190] Конечно, все равно требуется нечто, задающее первоначальные условия для запуска этих процессов; вот тут подключаются магнитные поля. Все равно в условиях «Роршаха» капризные цепочки нуклеотидов не выжили бы.

Да, может поинтересоваться любопытствующий зануда, но как эти ребята эволюционируют без генов? Как приспосабливаются к новым условиям? Как они — подразумевая весь вид — справляются с неожиданностями? И если бы Роберт Каннингем был сегодня с нами, он ответил бы нечто вроде: «Готов поклясться, что одна половина иммунной системы активно борется с другой. И не только иммунной. Часть нервной системы, похоже, старается, ну… взломать другую.

---

[187] Примечания: 187

Reilly, J. J. 1995. After Darwin. First Things. June/July. Статья доступна в Интернете по адресу: http://pages.prodigy.net/aesir/darwin.htm

[188] Примечания: 188

Devlin, K. 2004. Cracking the da Vinci Code. *Discover* 25(6): 64–69.

[189] Примечания: 189

Snir, Y., and Kamien, R. D. 2005. Entropically Driven Helix Formation. *Science* 307: 1067.

[190] Примечания: 190

Wolfram, S. A New Kind of Science. Wolfram Media, 2002. 1192 p. Книга доступна также по адресу http://www.wolframscience.com/nksonline/toc.html

Мне кажется, они эволюционируют внутри себя, как бы это безумно ни звучало. Весь организм на тканевом уровне воюет сам с собой, у него там внутри просто клеточная гонка за Черной королевой. Все равно что вырастить колонию проросших друг в друга опухолей и рассчитывать, что жестокая конкуренция не позволит ни одной из них взять верх. Играет ту же роль, что для нас секс и мутации». И если бы вы закатили глаза, услышав эту демагогию, он фыркнул бы вам дымом в лицо и сослался на интерпретацию одним иммунологом этих же идей, выраженных в (кто бы мог подумать?) фильме «Матрица: Революция».[191] Кроме того, он мог бы напомнить, что синаптические связи в нашем собственном мозгу формируются под действием подобного же внутриорганизменного отбора,[192] катализируемого отрезками паразитической ДНК, называемыми ретротранспозонами.

В черновом варианте книги Каннингем действительно рассказывал нечто подобное, но проклятый текст был уже настолько перегружен

[191] Примечания: 191

Albert, M.L. 2004. Danger in Wonderland. *Science* 303: 1141.

[192] Примечания: 192

Muotri, A. R. et al. 2005. Somatic mosaicism in neuronal precursor cells mediated by L1 retrotransposition. *Nature* 435: 903–910.

лекциями, что я эту сцену вырезал. В конце концов, непосредственным проектировщиком этих созданий выступает «Роршах», так что он может со всем этим справляться вместо отдельных болтунов. И одна из идей, которые несет в себе «Ложная слепота» — что граница между «живым» и «неживым» всегда была размыта,[193][194][195] а особенно во чреве злодейского объекта на оортовых окраинах.

Ум / Разум

В этом, собственно, суть всего проклятого эксперимента. Уберем вначале валуны с дороги. «Быть никем» Метцингера[196] — самая тяжелая книга из всех, что мне доводилось читать (здоровую часть ее я до сих пор не осилил), но в ней я

---

[193] Примечания: 193

Nelson, D. L., and Cox M. M. Lehminger principles of biochemistry. NY: Worth, 2004. (В СССР издавался оригинальный учебник Альберта Ленинджера: Ленинджер А. Основы биохимии. М.: Мир, 1985).

[194] Примечания: 194

Prigogine, I., and G. Nicholis. Exploring Complexity. NY: Freeman, 1989. (Русское издание: И. Пригожин, Г. Николис. Познание сложного. М.: ЛКИ, 2008).

[195] Примечания: 195

Dawkins, R. The Blind Watchmaker: Why the Evidence of Evolution Reveals a Universe Without Design. Norton, 1988.

[196] Примечания: 196

Metzinger, T. 2003. Being No One: The Self-Model Theorv of Subjectivity.

столкнулся с наиболее крышесносными идеями из всех, что мне доводилось встречать в литературе и в жизни. Большинство авторов, когда дело доходит до природы сознания, становятся бесстыдными динамщиками. Линкер называет свой труд «Как работает разум»[197] и на первой же странице признается, что «мы не знаем, как работает разум». Кох (парень, придумавший термин «агенты-зомби») пишет «В поисках сознания: нейробиологический подход»,[198] в котором стыдливо обходит стороной вопрос, почему вообще нервная деятельность должна порождать какое бы то ни было субъективное самосознание.

Метцингер, возвышаясь над этими сопляками, берет быка за рога. Его гипотеза «мира-ноль» не только объясняет субъективное ощущение «себя», но также дает понять, почему вообще иллюзорный рассказчик от первого лица должен быть производным результатом определенных когнитивных систем. Понятия не имею, насколько он нрав, — не мой уровень, — но он, по

[197] Примечания: 197

Pinker, S. How the mind works. NY: WW Norton & Co., 1997. 660 p.

[198] Примечания: 198

Koch, C. 2004. The Quest for Consciousness: A Neurobi ological Approach. Roberts, Englewood. CO, 2004. 447 p.

крайней мере, задал тот вопрос, что заставляет нас пялиться в потолок в третьем часу ночи, когда последняя сигарета давно докурена. Со многими симптомами и болезнями, попавшими в «Ложную слепоту», я впервые столкнулся в книге Метцингера. Любые утверждения или заявления в этом разделе, для которых не указан источник, скорей всего, происходят оттуда же.

Если нет, то, быть может, они взялись тогда из «Иллюзии сознательной воли» Вегнера.[199] Менее претенциозная, более доступная книга Вегнера занимается не столько природой сознания, сколько природой свободной воли, которую Вегнер вкратце описывает как «способ рассудка оценить сделанное». Он выдает собственный набор синдромов и болезней, укрепляющих в читателе умопомрачительное чувство хрупкости наших внутренних механизмов. И, конечно, Оливер Сакс[200] посылал нам весточки с передовой сознания задолго до того, как сознание оказалось

---

[199] Примечания: 199

Wegner, D. M. The Illusion of Conscious Will. Cambridge: MIT Press, 2002. 405 p.

[200] Примечания: 200

Saks, O. The Man who mistook his wife for a hat and other clinical tales. NY: Simon & Sinister, 1970. (Русское издание: Сакс О. Человек, который принял жену за шляпу и другие истории из врачебной практики. М.: Science Press, 2005).

в числе победителей.

Возможно, легче было бы перечислить тех, кто не брался «объяснить» сознание. Теории перекрывают весь спектр от диффузных электрических полей до квантового кукольного спектакля; сознание «помещали» в переднюю часть островка Рейля,[201] в гипоталамус и в сотню динамических ядер между ними.[202][203][204][205][206][207][208][209][210][211][212] (По крайней мере, одна теория[213] предполагает, что в то время, как человекообразные обезьяны и взрослые люди наделены разумом, человеческие младенцы его лишены. Признаюсь, этот вывод мне в чем-то по душе; если дети и разумны до какой-то степени, то они определенно психопаты).

Но под безобидным, поверхностным вопросом

---

[201] Примечания: 201

Островок Рейля, или закрытая долька — часть мозга, находящаяся в глубине сильвиевой щели, между лобной, теменной и височной долями. По некоторым данным, передняя часть коры островка Рейля претерпела существенные изменения в ходе эволюции человека.

[202] Примечания: 202

McFadden, J. 2002. Synchronous firing and its influence on the brain's electromagnetic field: evidence for an electromagnetic field theory of consciousness. J. Consciousness Stud ies, 9, No. 4, 2002, pp. 23–50.

[203] Примечания: 203

Penrose, R. The Emperor's New Mind. Oxford University Press, 1989. (Русское издание: Пенроуз Р. Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики. М.: ЛКИ, 2008).

[204] Примечания: 204
Tononi, G., and G. M. Edelman. 1998. Consciousness and Complexity. Science 282: 1846–1851.

[205] Примечания: 205
Bears, B. J. A Cognitive Theory of Consciousness. NY: Cambridge University Press, 1988.

[206] Примечания: 206
Hilgetag, C. C. 2004. Learning from switched-off brains. *Sci. Amer.* 14: 8–9.

[207] Примечания: 207
Roth, G. 2004. The quest to find consciousness. *Sci. Amer.* 14: 32 39.

[208] Примечания: 208
Pauen, M. 2004. Does free will arise freely? *Sci. Amer.* 14: 41–47.

[209] Примечания: 209
Zimmer, C. 2003. How the mind reads other minds. *Science* 300:1079–1080.

[210] Примечания: 210
Crick, F. H. C., and C. Koch. The unconscious homunculus. *In* Neural Correlates of Consciousness-Empirical and Conceptual Questions. Ed. by T. Metzinger. Cambridge: MIT Press, 2000.

[211] Примечания: 211
Churchland, P. S. 2002. Self-Representation in Nervous Systems. Science 296: 308–310.

[212] Примечания: 212
Miller, G. 2005. What is the biological basis of consciousness? *Science* 309: 79.

[213] Примечания: 213
Blakeslce, S. 2003. The christmas tree in your brain. To*ronto Star*, 21/12/03.

«что такое сознание?» прячется более важный практически — «на что оно годится?». «Ложная слепота» подробно разбирает этот вопрос, и я не стану повторять уже высказанное. Достаточно будет напомнить, что, по крайней мере, в бытовых условиях сознание мало чем занято, кроме того, что принимает служебные записки от гораздо более сообразительного подсознательного слоя, визирует и приписывает всю честь себе. На самом деле подсознание обыкновенно работает так хорошо, что пользуется услугами самого настоящего привратника в передней части поясной извилины, занятого только тем, чтобы не позволить сознанию вмешиваться в рутинную работу мозга.[214][215][216] (Если бы остальная часть твоего мозга обладала сознанием, она, скорей всего, сочла бы тебя кем-то вроде роговолосого босса из

[214] Примечания: 214

Matsumoto, K., and K. Tanaka. 2004. Conflict and Cognitive Control. *Science* 303: 969–970.

[215] Примечания: 215

Kerns, J. G. et al. 2004. Anterior Cingulate Conflict Monitoring and Adjustments in Control. Science 303: 1023–1026.

[216] Примечания: 216

Petersen, S. E. et al. 1998. The effects of practice on the functional anatomy of task performance. *Proceedings of the National Academy of Sciences* 95: 853–860.

«Дилберта»[217]).

Сознание не нужно даже для того, чтобы развить метарепрезентацию — внутреннюю модель чужого сознания.[218] Это может показаться абсолютно парадоксальным: как можно научиться осознавать, что окружающие особи являются самостоятельными деятелями, имеющими собственные интересы и цели, когда ты не осознаешь свои собственные? Но противоречия тут нет, и сознание не требуется. Вполне возможно отслеживать намерения окружающих без единого грана рефлексии.[219] Норретрандерс прямо объявил, что «сознание — обман».[220]

Искусство можно считать некоторым исключением. Эстетика, похоже, требует некоторого уровня самосознания — собственно, вполне возможно, что эволюция эстетики и спустила

---

[217] Примечания: 217

Серия популярнейших комиксов Скотта Адамса, выходит с 1989 года. Упомянутый персонаж являет собой квинтэссенцию самовлюбленности и некомпетентности.

[218] Примечания: 218

Возможно, оригинальный термин «theory of mind» покажется кому-то более знакомым.

[219] Примечания: 219

Zimmer, C. 2003. How the mind reads other minds. *Science* 300:1079–1080.

[220] Примечания: 220

Nrretranders, T. The User Illusion: Cutting Consciousness Down to Size. Penguin Press Science, 1999. 467 p.

лавину разума. Когда тебя бросает в дрожь от прекрасной мелодии, это врубается механизм поощрения в лимбической системе — тот же механизм, что вознаграждает человека за секс с привлекательной партнершей и поглощение больших количеств сахарозы.[221] Иными словами, это взлом системы; твой мозг научился получать награду, не заслужив ее увеличением приспособленности.[222] Это приятно, это делает нашу жизнь ценной и полной. Но оно же обращает нас внутрь себя, отвлекает. Помните — те крысы шестидесятых, что научились, нажимая рычаг, стимулировать центры удовольствия? Они жали на рычаги с таким наркоманским рвением, что забывали питаться. Зверьки дохли от голода. Не сомневаюсь, умирали они счастливыми — но умирали. Не оставив потомства. Приспособленность падала до нуля.

Эстетика. Самосознание. Гибель.

И это приводит нас к последнему вопросу, таящемуся в бескислородных глубинах: вопросу о цене сознания. Самосознание, если сравнивать его с бессознательной обработкой информации,

---

[221] Примечания: 221
Altenmüller, E. O. 2004. Music in your head. *Scientific American*. 14: 24–31.

[222] Примечания: 222
Pinker, S. How the mind works. NY: WW Norton & Co., 1997. 660 p.

медлительно и расточительно.[223] Мысль об отдельном, стремительном сознании в стволе нашего мозга, которое берет на себя управление при аварии, основана помимо прочего на исследованиях Джо Леду из Нью-Йоркского университета.[224][225] Для сравнения вспомните молниеносные сложнейшие вычисления, которые производят саванты; это некогнитивная способность,[226] и есть свидетельства тому, что суперфункциональностью аутисты обязаны не подавляющей интеграции мыслительных процессов, а относительной нейрологической фрагментации. Даже если бы сознательные и бессознательные процессы были равно эффективны, осознание внутренних стимулов по самой своей природе отвлекает индивида от других, внешних угроз и благоприятных возможностей. Этой своей догадкой я страшно гордился. Можете

---

[223] Примечания: 223

Matsumoto, K., and K. Tanaka. 2004. Conflict and Cognitive Control. *Science* 303: 969–970.

[224] Примечания: 224

Helmuth, L. 2003. Fear and Trembling in the Amygdala. *Science* 300: 568–569.

[225] Примечания: 225

Dolan, R. J. 2002. Emotion, cognition, and behavior. *Science* 298: 1191–1194.

[226] Примечания: 226

Treffert, D. A., and G. L. Wallace. 2004. Islands of genius. *Scientific American* 14: 14 23.

представить, как я расстроился, обнаружив, что Вегнер высказывал подобную мысль еще в 1994 году.[227]

Цену высокого интеллекта даже продемонстрировали экспериментально в опытах, где умные дрозофилы проигрывали тупым в конкуренции за пищу,[228] возможно, потому, что метаболические потребности обучения и запоминания оставляют меньше энергии на ее поиск. Нет, я не забыл, как только что потратил целый роман на доказательство того, что ум и разум — это разные вещи. Но опыт в данном случае все же имеет ценность, ведь обе способности имеют нечто общее — они метаболически расточительны. (Разница только в том, что ум, по крайней мере, в некоторых случаях, оправдывает расходы. А какова эволюционная ценность медитации на закат?)

Хотя многие указывали на различные недостатки и слабые стороны разума, мало кто делал следующий шаг и вслух интересовался: а стоит ли эта дрянь таких проблем? Конечно, стоит, верят люди; иначе естественный отбор давно бы выпо-

---

[227] Примечания: 227

Wegner, D. M. 1994. Ironic processes of mental control. Psychol. Rev. 101: 34–52.

[228] Примечания: 228

Proceedings of the Royal Society of London B (DOI 10.1098/rspb.2003. 2548).

лол ее. И, вероятно, они правы. Надеюсь. «Ложная слепота» — это мысленный эксперимент, игра в «предположим» и «что, если?». Ничего больше.

С другой стороны, дронты и стеллеровы коровы тысячу лет назад могли бы применить ровно тот же аргумент, чтобы доказать собственное превосходство: если мы такие неприспособленные, отчего же мы не вымерли? А? Потому что естественный отбор требует времени и удача играет свою роль. Самый здоровый парень на деревне на данный момент не обязательно самый сильный или самый выносливый. Игра не окончена. Игра никогда не кончается; по эту сторону тепловой смерти финишной черты нет. Так что победителей тоже быть не может. Есть только те, кто еще не проиграл.

Данные Каннингема об узнавании себя у человекообразных обезьян — они тоже настоящие. У шимпанзе выше, чем у орангутанов, соотношение массы мозга к массе тела,[229] но оранги последовательно узнают себя в зеркалах, в то

[229] Примечания: 229

Aiello, L., and Dean C. An introduction to human evolutionary anatomy. London: Academic Press, 1990.

время как шимпы — только через раз.[230] Точно так же, кроме людей, наиболее развиты речевые способности у некоторых видов птиц и приматов — но не у предположительно «более разумных» человекообразных, наших ближайших родственников.[231][232] Если присмотреться, подобные факты подсказывают, что разум может оказаться фазой, из которой орангутаны еще не вышли, но их более развитые родичи шимпанзе уже начинают вырастать. (Гориллы себя в зеркалах не узнают. Возможно, они уже выросли из пеленок разума, а может, никогда их не носили.)

Конечно, люди в эту схему не вписываются. Если схема существует. Мы флюктуации: в этом одна из идей, которые я хотел донести.

Держу пари, вампиры бы в схему вписались. В этом еще одна.

И, наконец, как раз когда «Ложная слепота» проходила корректуру, этому неприятному

---

[230] Примечания: 230

Gallup, G. G. (Jr.). 1997. On the rise and fall of self-conception in primates. In The Self Across Psychology self-recognition, self-awareness, and the Self Concept. *Annals of the NY Acad. Sci.* 818:4-17.

[231] Примечания: 231

Hauser, M. D., N. Chomsky, and W. T. Fitch. 2002. The faculty of language: what is it, who has it, and how did it evolve? *Science* 298: 1569–1579.

[232] Примечания: 232

Carstairs-McCarthy, A. 2004. Many perspectives, no cohcensus-a review of *Language Evolution*, by Christiansen & Kirby (Eds). *Science* 303:1299–1300.

предположению нашлось очень своевременное опытное подтверждение: оказывается, бессознательное лучше принимает сложные решения, чем сознание.[233] Похоже, сознание просто не может оперировать достаточным количеством переменных. Как высказался один из ученых: «В ходе эволюции мы начали в какой-то момент принимать решения сознательно, и у нас пока не очень получается».[234]

Среда вообще

(фоновые детали, сбои прошивки и человеческое бытие)

Юный Сири Китон не одинок: мы уже более пятидесяти лет лечим отдельные тяжелые формы эпилепсии радикальной гемисферэктомией.[235] Странно, но удаление половины мозга не слишком влияет на уровень интеллекта или

---

[233] Примечания: 233
Dijksterhuis, A. et al. 2006. *Science* 311:1005–1007.

[234] Примечания: 234
Vince, G. 2006. «Sleeping on it' best for complex decisions». Newscientist.com, http://www.newscientist.com/channel/being-human/dn8732.html

[235] Примечания: 235
Devlin, A. M. et al. 2003. Clinical outcomes of hemi spherectomy for epilepsy in childhood and adolescence Brain 126: 556–566.

двигательные способности (хотя большая часть идущих на операцию пациентов, в отличие от Китона, страдают умственной отсталостью с самого начала).[236] Зачем надо удалять именно полушарие, я не очень хорошо понимаю: если вы всего-навсего пытаетесь разорвать петлю обратной связи, почему бы не перерезать только мозолистое тело? Может, чтобы предотвратить синдром «чужой руки» — и если так, не значит ли это, что хирург сознательно уничтожает разумную личность?

Опиоиды материнского инстинкта, которыми пользуется Хелен Китон, чтобы запустить в себе материнскую любовь к сыну-инвалиду, выросли из недавних работ по моделированию дефицита привязанности у мышей. Moles, A., Keiffer, B. L., and F. R. D'Amato. 2004. Deficit in attachment behavior in mice lacking the Uypioid receptor gene. *Science* 304: 1983–1986. Железоядные облака, идущие по следу Огнепада, основаны на описанных Плейном и др..[237] Языковедческий жаргон Банды четырех я

[236] Примечания: 236

Pulsifer, M. B. et al. 2004. The cognitive outcome of hemispherectomy in 71 children. *Epilepsia*. 45: 243-54.

[237] Примечания: 237

Plane, J. M. C. et al. 2004. Removal of meteoric iron on polar mesospheric clouds. *Science* 304: 426 428.

натралил по разным источникам.[238][239][240][241] Манера команды «Тезея» разговаривать на нескольких языках сразу (слава Богу, без цитат) навеяна размышлениями Грэддола,[242] который предполагает, что наука должна владеть множеством языков, поскольку язык определяет образ мысли, и единственный «универсальный» язык науки ограничил бы наш взгляд на мир.

Предшественник «расширенного фенотипа» Шпинделя и Каннингема уже существует в лице некоего Мэтью Нагеля.[243] Сплесненные протезы, позволяющие им синестетически воспринимать сигналы лабораторного оборудования, пользуются поразительной пластичностью чувствительной коры мозга. Слуховые зоны можно превратить в зрительные, просто подключив к

[238] Примечания: 238

Hauser, M. D., N. Chomsky, and W. T. Fitch. 2002. The faculty of language: what is it, who has it, and how did it evolve? *Science* 298: 1569–1579.

[239] Примечания: 239

Fitch, W. T., and M. D. Mauser. 2004. Computational Constraints on Syntactic Processing in a Nonhuman Primate. *Science* 303:377–380.

[240] Примечания: 240

Premack, D. 2004. Is Language the Key to Human Intelligence? Science 303: 318–320.

[241] Примечания: 241

Holden, C. 2004. The origin of speech. *Science* 303: 1316–1319.

[242] Примечания: 242

Graddol, D. 2004. The future of language. *Science* 303: 1329–1331.

[243] Примечания: 243

BBC News. 2005. Brain chip reads man's thoughts. March 31. Статья доступна по адресу: http://news.bbc.co.uk/go/pr/fr/-/1/hi/health/4396387.stm.

слуховым нервам оптические (если сделать это на достаточно ранней стадии).[244][245] Карбоплатиновые наращения Бейтс уходят корнями в недавние разработки металлических мышц.[246][247] Язвительный наезд Саши на психиатрию XX века вырос не только из (ограниченного) личного опыта, но также из пары статей,[248][249] срывающих налет таинственности с так называемого расстройства множественной личности. (Не то чтобы с идеей был непорядок, но с диагностикой — определенно). Вариант фибродисплазии, убившей Челси, основан на симптомах, описанных Капланом с сотрудниками.[250] И — верьте не верьте — лица, которыми Сарасти пользовался ближе к концу книги, представляют собой реально существующую форму статистического

---

[244] Примечания: 244

Weng, J. et al. 2001. Autonomous Mental Development by Robots and Animals. *Science* 291: 599–600.

[245] Примечания: 245

Von Melchner, L. et al. 2000. Visual behaviour mediated by retinal projections directed to the auditory pathway. *Nature* 404: 871–876.

[246] Примечания: 246

Baughman, R. H. 2003. Muscles made from metal. *Science* 300: 268–269.

[247] Примечания: 247

Weissmüller, J. et al. 2003. Change-induced reversible strain in a metal. *Science* 300: 312–315.

[248] Примечания: 248

Piper, A., and Merskey, H. 2004. The Persistence of Folly: A Critical Examination

of Dissociative Identity Disor der. Part I. The Excesses of an Improbable Concept. *Can. J. Psychiatry* 49: 592–600.

[249] Примечания: 249

Piper, A., and Merskey, H. 2004. The Persistence of Folly: A Critical Examination of Dissociative Identity Disor der. Part II. The Defence and Decline of Multiple Personality or Dissociative Identity Disorder. *Can. J. Psychiatry* 49: 678–683.

[250] Примечания: 250

Kaplan, F. S. et al. 1998. The Molecules of Immobility: Searching for the Skeleton Key. Univ. Pennsylvania Orthopaedic J. 11: 59–66. Статья доступна по адресу: http://www.uphs.upenh.edu/ortho/oj/1998/oj11sp98p59.html

анализа: лица Чернова,[251] которые эффективнее обычных графиков и таблиц передают существенные характеристики набора данных.[252]

[251] Примечания: 251

Chernoff, H. 1973. Using faces to represent points in k-dimensional space graphically. *Journal of the Americal Statistical Association* 68:361–388.

[252] Примечания: 252

Wilkinson, L. 1982. An experimental evaluation of multivariate graphical point representations. *Human Factors in Computer Systems: Proceedings*. Gaithersberg. MD, 202–209.